

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛППОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892.

I.

Къ началу 1820 года вновь созрѣли плоды, посѣянные еще въ пятнадцатомъ столѣтіи, сперва богословами, потомъ философами. Отъ вѣка до вѣка жатва ихъ дѣлается обильнѣе. Во всѣ времена бывали возстанія противъ злоупотребленій власти первосвященниковъ и царей; но съ этой поры люди, внимая гласу возмутителей, стали ополчаться для совершеннаго истребленія этой власти. Въ шестнадцатомъ столѣтіи пол-Германіи и весь Сѣверъ Европы отвергли постановленія Вселенскихъ Соборовъ; въ семнадцатомъ Англія первая подала примѣръ законнаго или скорѣе судебнаго царевубійства; въ восемнадцатомъ Франція послѣдовала сему примѣру. Освободясь отъ опеки и вступая такимъ образомъ въ совершеннолѣтіе, человѣческій умъ сталъ дѣйствительно преуспѣвать и расширяться. Онъ все вопрошилъ, все подвергнулъ разсмотрѣнію, изслѣдованію: и догматы вѣры, и права, освященные временемъ. Свѣтъ наукъ сталъ быстрѣе распространяться; но по мѣрѣ, какъ новыя изобрѣтенія съ каждымъ днемъ создавали для человѣка новыя удобства, новыя наслажденія въ жизни, законы нравственности все болѣе теряли свою силу. Все для ума, все для тѣла; ничего для души, которой и въ существованіи скоро стали отказывать. Не вдругъ, но, наконецъ, таже участь постигла художества и поэзію. Водни молодости своей, Европа безъ числа производила геніальныя творенія рѣзца, кисти и пера. Въ эти только дни могла породить она Тасса, Рафаэля и Микель-Анджело, и всѣ эти блестящія фаланги, которыя подъ названіемъ школъ украшали собою между прочимъ Гишпанію и Фландрію. Источникъ всего прекраснаго сталъ, наконецъ, изсякать, воображеніе юныхъ народовъ гасло и уступало мѣсто мрачнымъ и преступнымъ думамъ зрѣлаго возраста. Итакъ, въ Германіи произошла религіозная революція, которая направляла человѣчество къ политической; сія послѣдняя совершилась во Франціи; согласно съ духомъ сего народа началась она шутками и кончилась ужасами. Кажется, непременно насъ поведетъ она къ общественной или соціальной, то есть къ ниспроверженію цѣлаго общественнаго зданія. Тогда-то человѣчество уподобитъ себя божеству, сокрушая то чтó создавало.

Молодость, конечно, не есть эпоха чистоты нравовъ, строгаго цѣломудрія. Посмотрите на этого юношу: веселость его невоздержна, иногда даже неблагопристойна; но испорчено ли его сердце? Оно способно слѣдовать всѣмъ благороднымъ побужденіямъ, для дружбы, для любви готово на всякія пожертвованія. Таковою помню я еще мою любезную Россію ¹⁾. Взгляните потомъ на инаго старика: онъ горитъ еще честолюбіемъ и алчностью къ золоту; ко всему другому онъ охолодѣлъ; онъ также развратенъ, только втайнѣ. Подъ личиною мудрой опытности онъ даже улыбается безпорядкамъ, пороку, если ожидаетъ отъ нихъ пользу. Въ немъ есть уже нѣчто демонское; онъ даже любить зло для зла. Италія, впрочемъ вѣчно-юная, болѣе ли была преступна, когда восхищалась Аретиномъ и Боккачіо, нежели тогда, какъ гордилась Макиавелемъ?

Въ самомъ началѣ столѣтія казалось, что всесокрушительный духъ обузданъ, остановленъ. Родился человекъ, который долженъ былъ подавить безначаліе, возсоздать устройство. Но онъ самъ возникъ изъ этого безначалія, и многія изъ его дѣйствій носили на себѣ печать сего пагубнаго происхожденія. На высотѣ могущества онъ впадалъ въ заблужденія: помазанникъ Божій, желавшій въ потомствѣ своемъ утвердить наследственное право, вѣнценосецъ, онъ рвалъ вѣнцы съ государей, чтобы возложить ихъ на своихъ родственниковъ и сподвижниковъ, не помышляя, что тѣмъ истребляется вся моральная сила царскаго достоинства. На несокрушимомъ дотогѣ мечѣ своемъ основывалъ онъ собственную; но не выпалъ ли бы онъ изъ рукъ его преемниковъ? ²⁾

Когда онъ былъ побѣжденъ, низверженъ, цари и народы возрадовались, въ немъ одномъ видя корень зла, причину всѣхъ бѣдствій и потрясеній въ мірѣ. Они забыли о революціи, объ оставшейся послѣ него осиротѣвшей матери, которая хотя болѣе другихъ возставала на него, но не могла не питать къ нему нѣжности и для которой остался онъ послѣднимъ упованіемъ, при возвращеніи отчасти прежняго порядка. Они сдѣлали болѣе: увѣренные въ ея ненависти къ нему, они призвали на помощь сію страшную союзницу. Не прошло года, какъ, возвратясь съ своего острова, онъ прямо бросился къ ней въ объятія. Кажется, это должно бы было открыть, наконецъ, глаза Александру. По изложеніи великолѣпнаго ея представителя, славою покрытаго ея произведенія, ему бы надлежало вслѣдъ за тѣмъ устремить на нее всѣ силы Европейскія, которыя тогда двигались по манію руки его, не

¹⁾ Ея добросовѣстный, ребяческій развратъ, сказалъ Лермонтовъ.

²⁾ Тогда во Франціи часто повторялся стихъ Вольтера: «Первый кто попалъ въ короля, былъ счастливый солдатъ».

покидать Франціи, не полагать оружія до истребленія или по крайней мѣрѣ до совершеннаго ослабленія ея. Конечно, Англія и Людовикъ XVIII-й воспротивились бы тому; особенно послѣдному непріятно бы было видѣть, что у него хозяйничаютъ безъ его участія; но втайнѣ онъ обрадовался бы тому, ибо главная отвѣтственность спала бы съ него. Императоръ Австрійскій того только и желалъ; а король Прусскій не имѣлъ другой воли, какъ воля Александра; къ нимъ охотно пристали бы другіе Германскіе владѣтели.

Только надлежало дѣйствовать чистосердечно, откровенно, дѣйствовать ужасомъ, то есть оружіемъ самой же революціи. Кто теперь знаетъ Французовъ, тому извѣстно, что такія только средства бываютъ съ ними дѣйствительны. Это очень знала лукавая Итальянка, Катерина Медичисъ, которая, что бы ни говорили, Варроломеевой ночью побѣдила Гугенотизмъ. Также хорошо это знали кардиналъ Ришельё, Людовикъ XIV-й, Робеспьеръ и Бонапарте. Надобно было не пугаться прозванія тирана (симъ именемъ называли и Наполеона; а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти даже пострадавшіе отъ него ставили ему статуи). Но какъ было на то рѣшиться? Какъ вдругъ измѣнить постоянно исповѣдуемымъ правиламъ? Какъ, побѣдивъ именемъ свободы, идти противъ нея? Да также какъ сдѣлалъ то Наполеонъ. Воспитанные, такъ сказать, въ школахъ Англиканскихъ учреждений, Людовикъ XVIII-й и Александръ все мечтали о возможности соединить величіе царское съ народною свободою.

Вмѣсто того, чтобы сколько-нибудь усмириться, чувствовать себя униженной, революція имѣла всѣ причины гордиться происшествіями послѣднихъ лѣтъ. Ее ласкали царственные враги ея; она почитала себя побѣдительницей Наполеона, три мѣсяца потомъ была опорой его; онъ палъ опять, а она устояла въ цѣлости. Присутствіемъ союзной арміи въ настоящемъ дѣйствіи ея были сколько нибудь стѣснены; но въ будущемъ все обѣщало ей новыя успѣхи. И какъ была она многолюдна! Названіе Якобинца сдѣлалось постыднымъ, всякій обижался имъ; но чада терроризма, вѣрныя воспоминанію Кутона, Колло-Дербоа, Сень-Жюста, были разсыяны по всей Франціи и, притаившись въ малыхъ кругахъ своихъ, извиняли и даже восхваляли кровавыя ихъ дѣла. Республиканцы, поклонники памяти Жирондистовъ, были безчисленны. Они совсѣмъ не были чужды правиламъ чести и справедливости, высоко поднимали голову и ни предъ кѣмъ не скрывали своихъ мнѣній. Бонапартисты болѣе чѣмъ кто ненавидѣли Бурбоновъ и, недавно еще орудія деспотизма, болѣе всѣхъ твердили о вольности. У всѣхъ различны были желанія, цѣли различны; но знамя одно. Даже изъ роялистовъ по крайней мѣрѣ двѣ трети, уподобляясь королю,

показывали любовь къ конституціи и отвращеніе отъ дореволюціоннаго порядка. Тѣже, кои вѣчно зывали къ нему, ультра-роялисты или легитимисты, какъ ихъ начинали называть, сами свои древнія правила должны были увивать либеральными фразами.

Едва успѣли выступить союзныя войска, какъ нетерпѣливые Французы стали менѣе скрывать свои желанія, отъ словъ стали переходить къ дѣйствіямъ, наполнять камеру депутатовъ смѣлѣйшими, искуснѣйшими либеральными ораторами, избирать Бенжамена - Констана, Манюэля, Фуа и, наконецъ, царубійцу аббата Грегуара, какъ бы въ явное оскорбленіе королю. Чтò дѣлать! Видно Провидѣнію угодно, чтобы волканическое жерло Франціи по временамъ извергало лаву, можетъ-быть, для того, чтобы, подобно лавѣ Везувія, остывъ, она оплодотворяла почву, ею опаленную. Все возвѣщало новыя неурюстройства, новыя несчастія.

И гдѣ же показалось первое зарево новаго пожара? Въ странѣ вѣрноподданчества, среди народа, который шесть лѣтъ сражался съ сильнѣйшимъ врагомъ, ничего не шадилъ, всѣмъ жертвовалъ, чтобы извѣстать отъ плѣна законнаго короля своего. Въ самый день новаго 1820 года, 1 Января новаго стиля, вспыхнуло возмущеніе въ Кадиксѣ и вскорѣ распространилось по всей Гиппаніи. Къ удивленію цѣлаго міра встрѣтились въ этой странѣ конституція съ инквизиціей, демократическія постановленія съ Грандессой и либерализмъ съ іезуитами; первые, разумѣется, изгнали послѣднихъ. Но какъ могла совершиться такая быстрая, неимовѣрная перемѣна въ повѣрїяхъ и навыкахъ народа совсѣмъ нелегкомысленнаго? Во время продолжительнаго союза съ Франціей, Гиппанцы если не приняли еще республиканскихъ идей, то ознакомились уже съ ними. Когда же ихъ народному самолюбію нанесена была жесточайшая обида; когда чужеземный владыка, безъ ихъ вѣдома, даже безъ права завоеванія, сталъ располагать ихъ престоломъ, они вступились болѣе за честь свою, чѣмъ за отсутствующаго короля. Шесть лѣтъ потомъ, не видя его посреди себя, начали они отвыкать отъ его власти. Кортесы управляли ими, а великодушная Великобританія, великая ихъ помощница, предписывала законы свои на всемъ полуостровѣ и, внушая имъ свободомысліе, потрясала въ нихъ и самую вѣру.

Непонятно, какъ такъ долго безчеловѣчная политическая система Англіи оставалась неразгаданной? Она одна безнаказанно, безопасно умѣетъ пользоваться свободой, народу своему всегда мастерски выставляя ея призракъ. Правительство всегда умѣетъ обуздывать его безразсудные порывы, опираясь на древнія учрежденія свои, какъ на столпы Готическихъ своихъ храмовъ и карая его силою законовъ, ко-

торые успѣло въ глазахъ его сдѣлать оно священными. Англія ничто иное, какъ торговый домъ въ самомъ гигантскомъ размѣрѣ; Англія и компанія, то есть правительство и камеры; они связаны общими огромными выгодами; все спорять, иногда ссорятся, но до разрыва никогда дойти не могутъ. И вся эта меркантильность покрыта блескомъ короны, роскошью и славою знаменитыхъ именъ. Ничего столь чудовищно-чудеснаго, ничего подобнаго Англіи въ мірѣ не бывало, и смѣло можно сказать—никогда не будетъ. А она примѣромъ своимъ ищетъ ослѣпить другіе народы, зная, что мятежи сокрушаютъ у нихъ государственныя силы, убьютъ промышленность и такимъ образомъ предадутъ ихъ въ ея руки.

Съ одной только Франціей у нея вѣковая наслѣдственная вражда. Но стала ли бы она такъ ополчаться на ея революцію, еслибы безумные, отъ крови опьянѣвшіе демагоги, Французскіе правители, сами не полѣзли на драку? Правда, когда получено извѣстіе о паденіи личнаго врага ея, Людовика XVI-го, посланнику Шовелену воспрещенъ былъ пріѣздъ ко двору; но это была одна только благопристойность. Къ тому же, война съ Франціей, на которую вооружала она всю Европу, представляла ей тысячу выгодъ. Истребляя или захватывая всѣ слабыя ея флоты, она уничтожала всякое соперничество на морѣ и облегчала тѣмъ себѣ завоеванія ея колоній и острововъ. Съ Наполеономъ, возстановителемъ порядка, лишившимъ ее торговли цѣлой Европы, еще менѣе могла она мириться. Во время же борьбы съ нимъ должна была она казаться защитницей монархическихъ правъ.

Только въ ГИшпанскихъ дѣлахъ обнаружилась вся ея недоброе вѣстность. Ей пріятно было видѣть, какъ сердца ГИшпанцевъ остыли къ поддержанному ею до конца союзнику Фердинанду VII-му, когда возвратился онъ изъ плѣна. Онъ былъ упрямъ, сердитъ, слабъ умомъ, къ сожалѣнію слабъ и характеромъ тамъ, гдѣ необходимо было показать твердость. Онъ защищалъ права свои, кои почиталъ священными, и былъ строгъ въ наказаніяхъ съ тѣми, кои возставали противъ нихъ. Англинскіе журналы сдѣлали изъ него величайшаго злодѣя. Правленіе короля Французскаго было постоянной критикой правленія ГИшпанскаго короля, и столица, гдѣ царствовала старшая линія Бурбоновъ, была вѣрнымъ убѣжищемъ для спасшихся бѣгствомъ враговъ младшей оттуда могли они смѣло и свободно составлять противъ нея заговоры. Какъ ни кричали тогда, участь Фердинанда мнѣ всегда казалась достойною сожалѣнія.

Любопытно было видѣть, какъ Англія въ это время постановила правиломъ невмѣшательство въ дѣла чужихъ народовъ, она, которая такъ недавно назначала своего Веллингтона тюремщикомъ Франціи, и

онъ три года сохранялъ сію должность. Это значило, что всякое государство имѣеть право тайно возбуждать народы противъ правительства ему непріязненнаго, но ни одно не должно осмѣлиться усмирять первыхъ; однимъ словомъ, это значило, что государи, въ случаѣ возстанія подданныхъ, лишаются всякой надежды на помощь сосѣдей. Извѣстіе о происшествіи въ Кадиксѣ принято было въ Лондонѣ правительствомъ, какъ всѣ послѣдующія затѣмъ извѣстія о возмущеніяхъ, съ притворно-равнодушнымъ одобреніемъ. Общество же, журнализмъ и всѣ состоянія привѣтствовали его съ непритворно-радостными похвалами. Сколь счастливыми должны были почитать себя Гишпанцы, имѣя столь добрыхъ союзниковъ! Но скорѣ потомъ отечество ихъ лишилось лучшаго достоянія своего—всѣхъ заокеанскихъ владѣній: Перу, Чили, Мексика отторгнулись отъ нихъ и составили изъ себя новыя республики. Англія первая признала ихъ независимость и поспѣшила войти съ ними въ дипломатическія и торговыя сношенія. Такое безстыдство изумило бы и въ частномъ человѣкѣ, хотя бы онъ былъ признанъ отъявленнымъ мошенникомъ.

Не знаю, до какой степени Гишпанская революція огорчила Людовика XVIII-го; только вѣроятно любимый министръ его, либераль Деказъ, старался въ глазахъ его уменьшить ея важность. Но не прошло шести недѣль послѣ ея взрыва, какъ убіеніе племянника его, герцога Беррійскаго, открыло ему весь ужасъ истины. Старикъ показавъ нѣкоторую энергію, и рѣшительныя мѣры, имъ принятыя, не допустили тогда профессоровъ революціи, Французовъ, послѣдовать примѣру учениковъ своихъ Гишпанцевъ.

На насъ мятежъ, въ странѣ отъ насъ столь отдаленной, первоначально не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія. Исключая одного человѣка, и при дворѣ немногіе имъ занялись. Скоро увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку: на всемъ протяженіи Европы послышался какой-то гулъ; вездѣ какъ бы глухіе отклики на страшный призывъ. Какъ во время пожара сильнымъ вихремъ далеко иногда заносятся воспламененныя отломки и зажигаютъ зданія, повидимому внѣ опасности находившіяся: такъ и тогда, внезапно тамъ и сямъ показывалось пламя мятежа. Вспыхнули Португалія, Неаполь, Сардинія, а въ слѣдующемъ году и Греція. Еще скорѣ сіе пагубное дѣйствіе можно было сравнить съ электрическимъ проводникомъ, который въ минуту пожираетъ великое пространство; ибо порывы бури, возникшей на берегахъ Таго, къ концу года (хотя весьма слабо) отозвались и на берегу Невы.

Молодая Германія, новое поколѣніе, возросшее среди униженія своего отечества, воспитанное въ университетахъ, вскормленное ненавистью къ насидѣямъ Наполеона, возгордившееся своимъ освобожденіемъ

емъ, себѣ одному его приписывая, и жаждущее совершенной свободы, ему обѣщанной, смотрѣло съ радостію на происшествія сего года, не рѣшаясь однакоже принять въ нихъ большаго участія. Нѣмцы не то что Французы: глупостямъ, которыя они дѣлаютъ, всегда должны предшествовать продолжительныя и глубокія размышленія.

Но что долженъ былъ восчувствовать императоръ Александръ, увидѣвъ, что основанное имъ такъ непрочно? Священный союзъ, для блага народовъ имъ поставленный, спѣшили они съ бѣшенымъ усиліемъ разорвать. У великихъ душъ всегда и высокая цѣль; общему благу часто жертвуютъ они самолюбіемъ, и когда увидятъ ошибки свои, спѣшатъ ихъ поправить. Одни слабыя умы хотятъ, чтобы ихъ почитали непогрѣшимыми. Совершенную перемѣну въ образѣ мыслей Государя своего увидѣли Русскіе изъ его дѣйствій. Къ сожалѣнію, первое, которое обнаружило то, можно было почитать несправедливостію.

Три года прошло, какъ семнадцатилѣтній Александръ Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея и числился въ Иностранной Коллегіи, не занимаясь службой. Сіе кипучее существо, въ самые кипучіе годы жизни, можно сказать, окунулось въ ея наслажденія. Кому было оставаться, остеречь его? Слабому ли отцу его, который и умѣлъ только что восхищаться имъ? Молодымъ ли пріятелямъ, по большой части военнымъ, упоеннымъ прелестями его ума и воображенія и которые, въ свою очередь, старались упоевать его еиміамомъ похвалъ и Шампанскимъ виномъ? Театральнымъ ли богинямъ, съ коими проводилъ онъ большую часть своего времени? Его спасали отъ заблужденій и бѣды собственный сильный разумъ, безпрестанно въ немъ пробуждающійся, чувство чести, которымъ весь былъ онъ полонъ, и частыя посѣщенія дома Карамзина, въ то время столь же привлекательнаго, какъ и благочестиваго.

Онъ былъ уже славный мужъ по зрѣлости своего таланта и вмѣстѣ милый, остроумный мальчикъ не столько по лѣтамъ, какъ по образу жизни и поступкамъ своимъ. Онъ умѣлъ быть совершенно молодъ въ молодости, то есть постоянно веселъ и безпеченъ: наука, которая нынѣ съ каждымъ годомъ болѣе забывается. Молодежь, охотно повторяя затверженныя либеральныя фразы, ничего не понимала въ политикѣ, даже самые корифеи, изъ которыхъ я иныхъ зналъ; а онъ, если можно, еще менѣе, чѣмъ кто. Какъ истый поэтъ, на веснѣ дней своихъ, подобно соловью, онъ только что любилъ и пѣлъ. Какъ опытъ, написалъ онъ уже чудесную свою поэму, *Русланъ и Людмила*, а между тѣмъ какъ цвѣтами безпрестанно посыпалъ первоначальное свое поэтическое поприще прелестными мелкими стихотвореніями.

Изъ людей, которые были его старѣе, всего чаще посѣщаль Пушкинъ братьевъ Тургеневыхъ; они жили на Фонтанкѣ, прямо противъ Михайловскаго замка, что нынѣ Инженерный, и къ нимъ, то есть къ меньшому Николаю, собирались не рѣдко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то изъ нихъ, смотря въ открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный, дворець, шутя предложилъ Пушкину написать на него стихи. Онъ по матери происходилъ отъ Арапа генерала Ганнибала и гибкостію членовъ, быстротой тѣлодвиженій, нѣсколько походилъ на Негровъ и на человѣкоподобныхъ жителей Африки. Съ этимъ проворствомъ вдругъ вскочилъ онъ на большой и длинный столъ, стоявшій передъ окномъ, растянулся на немъ, схватилъ перо и бумагу и со смѣхомъ принялся писать. Стихи были хороши, не превосходны; слегка похваливъ свободу, доказывалъ онъ, что будто она одна правителей народныхъ можетъ спасать отъ ножа убійцы; потомъ съ омерзениемъ и ужасомъ говорилъ въ нихъ о совершившихъ злодѣяніяхъ въ замкѣ, который имѣлъ передъ глазами. Окончивъ, показалъ стихи и не знаю, почему назвали ихъ «Одой на Свободу». Объ этомъ экспромтѣ скоро забыли, и сомнѣваюсь, чтобы онъ много ходилъ по рукамъ. Ничего другаго въ либеральномъ духѣ Пушкинъ не писалъ еще тогда.

Замѣтя въ Государѣ наклонность карать то, что онъ недавно поощрялъ, графъ Милорадовичъ, Русскій Баярдъ, чтобы болѣе приобрести его довѣренность, самъ собою и изъ самого себя, сочинилъ нѣчто въ видѣ министра тайной полиціи. Сія часть, съ упраздненіемъ министерства сего имени, перешла въ руки графа Кочубея, который для нея, можно сказать, не былъ ни рожденъ, ни воспитанъ и который неохотно ею занимался. Для нея былъ нуженъ человѣкъ государственный, хотя бы не весьма совѣтливый, какъ у Наполеона Фуше, который бы понапрасну не прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ и старался болѣе давать направленіе общему мнѣнію. Отнюдь не должно было поручать ее невѣжественнымъ и пустоголовымъ вѣтреникамъ, коихъ усердіе скорѣе вредило, чѣмъ было полезно ихъ государямъ, каковыми были напримѣръ Милорадовичъ и другой, котораго здѣсь еще не время называть.

Кто-то изъ употребляемыхъ Милорадовичемъ, чтобы подслужиться ему, донесъ, что есть въ рукописи ужасное Якобинское сочиненіе подъ названіемъ Свобода недавно прославившагося поэта Пушкина и что онъ съ великимъ трудомъ могъ достать его. Сіе послѣднее могло быть справедливо, ибо ни авторъ, ни пріятели его не имѣли намѣренія его распускать. Милорадовичъ, не прочитавъ даже рукописи, поспѣшилъ доложить о томъ Государю, который приказалъ ему, призвавъ виновнаго, допросить его. Пушкинъ разсказалъ ему все дѣло съ величайшимъ

чистосердечіемъ; не знаю, какъ представилъ онъ его Императору, только Пушкина вельно.... сослать въ Сибирь. Трудно было заставить Александра отмѣнить приговоръ; къ счастью, два мужа твердыхъ, благородныхъ, имъ уважаемыхъ, Каподистрія и Карамзинъ, дерзнули доказать ему всю жестокость наказанія и умолилъ о смягченіи его. Нашъ поэтъ причисленъ къ канцеляріи попечителя колоній Южнаго края генерала Инзова и отправленъ къ нему въ Екатеринославъ, не столько подъ начальство, какъ подъ стражу. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ.

Когда Петербургъ былъ полонъ людей, велегласно проповѣдующихъ правила, которыя прямо вели къ истребленію монархической власти, когда ни одинъ изъ нихъ не былъ потревоженъ: надобно же было, чтобы пострадалъ юноша, чуждый ихъ затѣямъ, какъ послѣдствія показали. Дотолѣ никто за политическія мнѣнія не былъ преслѣдуемъ, и Пушкинъ былъ первымъ, можно сказать, единственнымъ тогда мученикомъ за вѣру, которой даже не исповѣдывалъ. Онъ былъ въ отношеніи къ свободѣ тоже, что иные христіане къ религіи своей, которые не оспариваютъ ея истинъ, но до того къ ней равнодушны, что зѣваютъ при одномъ ея имени. И внезапно, ни за что, ни про что, въ самой первой молодости, оторвать человека ото всѣхъ пріятностей образованнаго общества, отъ столичныхъ увеселеній юношества, чтобы погрузить его въ скуку Новороссійскихъ степей! Мнѣ кажется, у меня сердце облилось бы желчью и навсегда въ ней потонуло. Еслибы Пушкинъ былъ постарѣе, его могла бы утѣшить мысль, что ссылка его, сдѣлавшись большимъ происшествіемъ, объявленіемъ войны вольнодумству, придастъ ему новую знаменитость, какъ и случилось.

Если императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе поразить ужасомъ вольнодумцевъ, за бездѣлицу не пощадивъ любимца друзей Русской литературы, то цѣль его была достигнута. Куда дѣвался либерализмъ? Онъ исчезъ, какъ будто ушелъ въ землю; все умолкло. Но тогда-то именно и началъ онъ дѣлаться опасенъ. Люди, которые какъ попугаи твердили ему похвалы, скоро забыли о немъ, какъ о брошенной модѣ. Небольшое же число убѣжденныхъ или злонамѣренныхъ нашли, что пришло время отъ словъ перейти къ дѣйствіямъ и подъ спудомъ начали распространять его. И тогда начали составляться тайныя общества, коихъ только пять лѣтъ спустя открылось существованіе.

Вольнолюбивые мнимые друзья Пушкина даже возрадовались его несчастію; они полагали, что досада обратить его, наконецъ, въ сильное и ихъ намѣреніямъ полезное орудіе. Какъ они ошибались! Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ не читали Русскаго, гдѣ едва тогда знали Пушкина, безъ всякаго разбора его обвиняли, какъ развратника, какъ возмутителя. Гру-

стили немногіе, молча преданные правительству и знавшіе цѣну не одному таланту изгнанника, но и сердцу его. Они за него опасались; они думали, что отчаяніе можетъ довести его до какихъ нибудь безразсудныхъ поступковъ или до неблагородныхъ привычекъ и что вдали отъ насъ угаснетъ сей яркій лучъ нашей литературной славы. Къ счастью, и они ошиблись.

О дѣлахъ политики говорю я всегда по необходимости и тогда только, когда они находятся въ связи съ внутренними дѣлами нашего государства. Внутри его, даже во дни Наполеона, мало или совсѣмъ почти о нихъ не думали; въ одномъ только Петербургѣ безпрестанно занимались ею, то есть политикой. или лучше сказать имъ, то ест Наполеономъ: другой тогда быть не могло. Смотря по сомнительнымъ или рѣшительнымъ успѣхамъ его, говорили то со страхомъ, то съ надеждой, то съ уныніемъ. Послѣ паденія его, въ провинціяхъ, да я думаю даже и въ Москвѣ, заграничное стали забывать, полагая, что тамъ все покойно и, получая и политическіе журналы, внимательны были къ одному модному. Тоже самое вѣроятно было бы и въ Петербургѣ, еслибы не вошло въ обычай въ образованномъ свѣтѣ хоть что-нибудь да сказать о конституціяхъ, дабы казаться свѣдущимъ. Нѣкоторая часть, и самая малая, новаго возмужавшаго поколѣнія толковала все о теоріи представительныхъ правленій. Не имѣя никакихъ основательныхъ познаній, эти господа (исключая развѣ одного Николая Тургенева) совсѣмъ не понимали этого предмета и сами не знали, чего хотятъ. Во всемъ этомъ было чрезвычайно много дѣтскаго *).

Такъ засталъ насъ 1820-й годъ. Такъ какъ онъ богатъ былъ происшествіями, а служба моя обильна досугами, то вниманіе мое вновь устремилось на Европу. Нѣтъ ничего ни веселаго, ни пріятнаго въ этихъ воспоминаніяхъ; но дабы кончить разсказъ и не прерывать нить его, въ одной этой главѣ хочу помѣстить все примѣчательное изъ тогдашнихъ событій.

Александръ, какъ извѣстно, любилъ лично находиться на конгрессахъ. Триумвираты Священнаго Союза согласились для того осенью съѣхаться въ Троппау Но напередъ отправился Государь въ Варшаву для открытія сейма. Поляки (то есть магнаты-павы, ибо въ Польшѣ народъ всегда шелъ ни по чемъ), почувя распространяющійся въ Европѣ революціонный духъ, были виѣ себя. Засѣданія сейма дѣлались шумны, рѣчи дерзки до того, что, для обузданія ихъ, конституціонный король долженъ былъ призвать на помощь Русское самодержавіе свое. И какое

*) Жуковскій, слушая иногда сужденія съкъ госпоцъ, говаривалъ имъ: „Послушайте, ребята; вѣдь вы ребята“.

счастіе это было для Россіи! Не разъ доказывалъ я, сколь часто враги ея обращались въ орудія ея спасенія, успѣховъ или славы. Съ самаго начала Александръ не скрывалъ намѣренія отнять у Россіи силою ея оружія возвращенныя ею, отторгнутыя отъ нея западныя ея области (Подолію, Воынь, Минскъ и Литву) и усилить ими Польшу. Нетерпѣливое безуміе этихъ сорванцовъ на неопредѣленное время отдалило тогда исполненіе сего намѣренія, погубнаго для обѣихъ націй

Съ какимъ стыдомъ, съ какимъ раскаяніемъ благонамѣренный Александръ долженъ былъ внутренно сознаться въ ошибкахъ своихъ! Онъ взялся врачевать человѣчество и увидѣлъ, сколь вредна метода лѣченія его. Впрочемъ не знаю, можно ли обвинять и Поляковъ. Чтѣ сдѣлали они? Пользовались дарованными имъ правами, смѣло выражали свои мысли. По большей части люди, даже опытные и пожилые, остаются вѣчно старыми дѣтьми. Зачѣмъ же ребятамъ давать сласти и требовать, чтобы они ихъ не ѣли? И можно ли съ народомъ обходиться, какъ съ любимой собакой: держать надъ ними лакомый кусокъ и твердить: tout beau? Въ Тропцау новая печаль постигнула Государя; но дабы говорить объ ней, нужно объяснить прошедшее.

Любимымъ полкомъ Императора, коего при отцѣ еще былъ онъ шефомъ, Семеновскимъ полкомъ командовалъ генераль-адъютантъ Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, отлично храбрый офицеръ, но раздушенный франтикъ, который туалетомъ своимъ едва ли не болѣе занимался, чѣмъ службой. Офицеры любили его безъ памяти, и было за чтѣ. Въ обхожденіи съ ними былъ онъ дружественно вѣжливъ и нѣсколько менѣе взыскателенъ передъ фронтомъ, чѣмъ другіе полковые командиры. Дисциплина отъ того ни мало не страдала. При поведеніи совершенно неукоризненномъ, общество офицеровъ этого полка почитало себя образцовымъ для всей гвардіи. Оно составлено было изъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей, принадлежащимъ къ лучшимъ, извѣстнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Строго соблюдая законы чести, въ товарищѣхъ не потерпѣли бы они ни малѣйшаго пятна на ней. Сего мало: они не курили табаку, даже между собою не позволяли себѣ тѣхъ отвратительныхъ, непристойныхъ словъ, которыя сдѣлались принадлежностію военнаго языка. Если котораго изъ нихъ увидятъ въ Шустерлуубѣ, на балахъ Крестовскаго острова или въ какомъ нибудь другомъ подозрительномъ мѣстѣ, изъ полку общимъ приговоромъ былъ онъ изринуть. Они составляли изъ себя какой-то особый рыцарскій орденъ, и все это въ подражаніе ввѣчанному своему шефу. Они видѣли въ себѣ частицы его самого, мелкую его монету съ его изображеніемъ, и самое ихъ свободолобіе проистекало изъ желанія ему сколько-нибудь уподобиться. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на нижніе чины: и простые рядовые

возимѣли высокое мнѣніе о званіи тѣлохранителей государевыхъ. Семеновецъ въ обращеніи съ знакомыми между простонародья былъ нѣсколько надмененъ и всегда учтивъ. Съ такими людьми тѣлесныя наказанія скоро сдѣлались ненужны: изъявленіе неудовольствія, строгій взглядъ, сердитое слово были достаточными исправительными мѣрами. Все было облагорожено такъ, что, право, со стороны любо-дорого было смотрѣть.

Въ этомъ отборномъ полку примѣчательны были два брата Муравьевы. Отецъ ихъ Иванъ Матвѣевичъ, любезникъ и красавецъ временъ Екатерины, былъ двоюроднымъ братомъ не разъ упомянутому Михаилу Никитичу и по женѣ или по матери вмѣстѣ съ имѣніемъ принялъ фамильное имя предка ея, гетмана Данила Апостола. Великая была въ немъ способность къ изученію языковъ: онъ прекрасно, безошибочно говорилъ на всѣхъ Европейскихъ и очень хорошо писалъ по-русски. Умный, но легкомысленный человѣкъ, онъ, кажется, убѣжденій, собственныхъ мыслей не имѣлъ. Такихъ людей, какъ онъ, нынѣ много, и ихъ можно назвать либеральствующими аристократами. Сперва занималъ онъ должность посланника въ Мадридѣ, а потомъ, чѣмъ-то недовольный, жилъ долго за-границей безъ службы и въ Парижѣ воспитывалъ двухъ старшихъ мальчиковъ своихъ.

Тамъ набрались они идей, которыя такъ благосклонно были принимаемы въ ихъ отечествѣ, когда они начали ему служить. Старшій, Матвѣй, казался угрюмъ и, вѣрно, любезность свою берегъ про пріятелей, ибо они одни его безъ мѣры восхваляли. Другой, Сергій, былъ гораздо живѣе, блистательнѣе, приманчивѣе. Оба были идолами полку своего. Воспитанные во Франціи, они могли если не основательнѣе, по крайней мѣрѣ толковитѣе говорить о предметѣ, о коемъ однополочане ихъ разсуждали, ничего о немъ не понимая, и отъ того были они оракулами ихъ. Муравьевы-Апостолы, равно какъ и другіе Семеновскіе офицеры, охотно посѣщали хорошее общество, гдѣ были отлично приняты. Понятія, которыя имѣли въ большомъ свѣтѣ о любезности молодыхъ людей, въ послѣднее время нѣсколько измѣнились. Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что нибудь для нихъ пріятное, въ гостиныхъ при нихъ находиться неотлучно: все это перестало быть необходимостью. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ. Исполняя часть сихъ условій, Семеновскіе офицеры продолжали быть развязны, ловки, учтивы и не совсѣмъ чуждались танцевъ. И вотъ это-то было вовсе не по вкусу ихъ новаго бригаднаго начальника.

Три послѣднія поколѣнія царствующаго дома, какъ всѣмъ извѣстно, имѣли... какъ бы сказать, слабость, страсть или манію къ фронтальной службѣ. Можетъ быть, это самое дало Русскому войску всѣми признанное превосходство передъ другими Европейскими арміями. Я не берусь о томъ судить; только требуемая лишняя исправность совсѣмъ была не въ Русскомъ духѣ. Въ первые дѣятельные годы царствованія Александра, у него на все доставало времени; къ тому же, въ дѣлѣ устройства гвардіи и арміи имѣлъ онъ славнаго помощника, брата своего Константина Павловича. Когда же судьбою поставленъ былъ онъ на стражѣ, дабы блюсти спокойствіе Европы, и всѣ помышленія его были устремлены на сей предметъ, то уже невозможно было ему входить во всѣ подробности, мелочи обмундировки и маршировки; братъ же его Цесаревичъ переселился уже въ Варшаву. Но подросли и мужали меньшіе два брата его, изъ коихъ особенно младшій, Михаилъ Павловичъ, какъ будто для этого дѣла былъ рожденъ.

Всѣ старанія благочестивой, просвѣщенной матери, для Россіи вѣчно памятной императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая часть времени своего посвящала воспитанію младшихъ дѣтей своихъ, остались тщетны. Ничего ни письменнаго, ни печатнаго онъ съ малолѣтства не любилъ. Но при достаточномъ умѣ, съ живымъ воображеніемъ любилъ онъ играть въ слова и въ солдатки: каламбуры его извѣстны всей Россіи. Отъ гражданской службы имѣлъ совершенное отвращеніе, пренебрегалъ ею и полагалъ, что военный порядокъ достаточенъ для государственнаго управленія. Самое высокое понятіе имѣлъ онъ о военной іерархіи, такъ что званіе начальника полка, бригады, а колыми паче корпуса или арміи, гораздо болѣе льстило его самолюбію, чѣмъ великокняжескій санъ его. И онъ дивился, какъ сами министры съ гражданскимъ чиномъ не вытягивались передъ послѣднимъ генераломъ.

Онъ создалъ себѣ идеалъ совершенства строевой службы и не могъ понять, какъ всѣ подчиненные его не стремятся къ тому. Передъ фронтомъ былъ онъ безпопаденъ, а въ частной жизни былъ добросердеченъ, сострадательнъ, щедръ, особенно же къ жертвамъ своимъ, офицерамъ и солдатамъ.

Сдѣлавшись начальникомъ бригады, въ которой находился Семеновскій полкъ, онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на щеголеватыя формы офицеровъ сего полка. По приглашеніямъ они ѣздили на всѣ большіе званые балы. Какъ можно заниматься удовольствіями свѣта людямъ, которыхъ единственнымъ помышленіемъ, жизнію ихъ, должны быть полковыя ученія, караулы, выправка солдатъ? По чрезвычайной молодости своей не позволялъ онъ еще себѣ быть слишкомъ строгимъ съ полкомъ, усыновленнымъ самимъ Государемъ, хотя и самъ

онъ, особенно же по усердію его къ дѣламъ службы, былъ имъ любимъ, какъ сынъ родной.

Видя, какое дѣйствіе произвели на Александра Европейскія происшествія, онъ воспользовался тѣмъ, чтобы представить ему, сколь вреденъ всѣмъ извѣстный образъ мыслей будто бы цѣлаго полка, что доказывалось будто бы пренебреженіемъ его къ фронту. Для исправленія его предложилъ онъ встрѣченнаго имъ во время путешествія по Россіи чудеснаго фронтовика, который, безпрестанно содержа Семеновцевъ въ трудѣ и потѣ, выбьетъ изъ нихъ дурь. Къ сожалѣнію, Государь согласился и, въ самый свѣтлый праздникъ, командира Екаторинославскаго гренадерскаго полка, полковника Шварца, назначилъ командиромъ Семеновскаго вмѣсто генерала Потемкина, которому оставлена была гвардейская дивизія.

Этотъ Шварцъ былъ изъ числа тѣхъ Нѣмцевъ низкаго состоянія, которые, родившись внутри Россіи, не знаютъ даже природнаго языка своего. Съ черствыми чувствами Нѣмецкаго происхожденія своего соединилъ онъ всю грубость Русской солдатчины. Палка была всегда единственнымъ краснорѣчивѣйшимъ его аргументомъ. Не давая никакого отдыха, дѣлалъ онъ всякій день ученія и за малѣйшую ошибку осыпалъ офицеровъ обидными словами, рядовыхъ—палочными ударами; все страдало нравственно и физически. Не говоря уже о Семеновскомъ полку, другіе смотрѣли на то съ ужасомъ и разсуждали между собою, что если такъ поступаютъ съ любимцами, какая же участь ихъ ожидаетъ?

Конечно, до 1812 года дворянство было недовольно Александромъ и роптало на него; но войско всегда равно оставалось ему преданнымъ; послѣ же взятія Парижа, никто безъ восторга не произносилъ его имени. Но то, чего не могли военные поселенія и Араччеевъ, удалось Михаилу Павловичу со Шварцомъ, и то въ одномъ Петербургѣ и только между военными. Явной хулы никто еще не позволялъ себѣ, но при его имени всѣ хранили угрюмое молчаніе. Я видѣлъ, какъ прежній розовый цвѣтъ либерализма сталъ густѣть и къ осени переходить въ кроваво-красный, какимъ онъ нынѣ на Западѣ. Разъ случилось мнѣ быть въ одномъ холостомъ, довольно веселомъ обществѣ, гдѣ было много и офицеровъ. Разсуждая между собою въ особомъ углу, вдругъ заплѣли они на голосъ извѣстной въ самые ужасные дни революціи пѣсни: *Veillons au salut de l'Empire*, богомерзкія слова ея, переведенныя надменнымъ и жалкимъ поэтомъ, полковникомъ Катенинымъ, по какому-то неудовольствію недавно оставившимъ службу. Я ихъ не затверживалъ, ни записывалъ; но они меня такъ поразили, что оста-

лись у меня въ памяти, и я передаю ихъ здѣсь, хотя не ручаюсь за вѣрность:

Отечество наше страдаетъ
 Подъ игомъ тѣсимъ, о злодѣй!
 Колю насъ деспотизмъ угнетаетъ,
 То свергнемъ мы тронъ и царей.
 Свобода! Свобода!
 Ты царствуй огненнымъ надъ нами.
 Ахъ, лучше смерть, чѣмъ жить рабами:
 Вотъ клятва каждаго изъ насъ.

У меня волосы встали дыбомъ. Замѣтивъ мое смущеніе, нѣкоторые подошли ко мнѣ и сказали, что это была одна шутка и что мысли ихъ вовсе не согласны съ содержаніемъ этой пѣсни. Я спѣшилъ повѣрить имъ и самого себя успокоить.

Въ первой половинѣ Ноября, шедши пѣшкомъ по Гороховой улицѣ, встрѣтилъ я Сергѣя Муравьева съ какимъ-то однополчаниномъ. «Что съ вами? спросилъ я его; мнѣ кажется, вы нездоровы». — «Нѣтъ, здоровъ, отвѣчалъ онъ, только не веселъ: радоваться нечему». — «И полноте, сказали я: скоро Царь пріѣдетъ; онъ не дастъ дѣтей своихъ въ обиду; потерпите, надѣйтесь». Грустно взглянувъ на меня, промолвилъ онъ: *vivere in sperando, morire in ca. . . no*, поклонился и пошелъ далѣе. Боюсь, сказалъ я самъ себѣ: онъ что-то недоброе замышляетъ!

Недѣлю спустя послѣ того, въ одинъ изъ Ноябрьскихъ, болѣе осеннихъ чѣмъ зимнихъ дней, 18-го числа, погода была ужасная, такъ что на свѣтъ не хотѣлось бы смотрѣть. Холодный мракъ покрывалъ небо и землю; густой туманъ, разсѣявшись, превратился въ дождикъ со снѣгомъ, и зловонное тѣсто коричневаго цвѣта лежало на мостовой. Я продолжалъ жить близъ Семеновскаго моста и все это утро оставался дома, какъ слуга мой, вошедъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, сказалъ мнѣ, что слышалъ въ лавочкѣ, будто бы взбунтовался весь Семеновскій полкъ. «Быть не можетъ, сказалъ я; впрочемъ отсюда близко, сбѣгай и разузнай». Возвратясь скоро, онъ донесъ мнѣ, что дѣйствительно вся площадь передъ госпиталемъ наполнена солдатами, неподвижно стоящими, въ шинеляхъ и безъ ружей; но зачѣмъ и почему они тутъ, этого не могъ дознаться.

Извѣстно сдѣлалось въ продолженіи дня, что на разсвѣтѣ всѣ нижніе чины, въ одинъ часъ и минуту, какъ бы по данному сигналу, высыпали изъ казармъ, собрались и построились на площади, отвѣчалъ допрашивающимъ ихъ багальоннымъ и ротнымъ командирамъ, что не хотятъ болѣе находиться подъ начальствомъ полковника Шварца и что исключая того готовы исполнять все, чгд имъ прикажутъ Тщетно старались обратить ихъ къ порядку корпусный начальникъ, почтенный

Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, другіе генералы и самъ Великій Князь; они остались непреклонны. Сія мирная демонстрація не менѣе того сильно встревожила жителей Петербурга, особенно же высшее общество; можетъ быть, въ иныхъ людяхъ другихъ сословій и возродила она преступныя надежды. На другой день всѣ успокоились, узнавъ, что три тысячи челоувѣкъ, внимая единому повелительному слову, признали себя арестантами и безпрекословно отправились въ крѣпость.

Всѣ были увѣрены, что все было ими сдѣлано по наущенію офицеровъ; но такова была твердость сихъ Русскихъ воиновъ, такое доброе согласіе между ними и такая преданность къ начальникамъ своимъ, что при допросахъ они ни на котораго не показали. Послѣднихъ же похвалить нельзя; въ ихъ поступкѣ видны легкомысліе и нѣкоторая робость: выставляя орудія, они надѣялись скрыть руку.

Любопытно было знать, какъ приметъ это Государь, который находился тогда въ Троппау на конгрессѣ. Рассказывали послѣ, что на какой-то утренней конференціи князь Меттернихъ сказалъ ему: «Государь, да полно, у васъ все ли покойно? По частнымъ свѣдѣніямъ, вчера вечеромъ полученнымъ, одинъ изъ вашихъ гвардейскихъ полковъ, взбунтовался, и именно Семеновскій». — «Не вѣрьте», отвѣчалъ будто Александръ: «это суцая ложь; это мой любимый полкъ». Въ тотъ же вечеръ, въ какомъ-то собраніи, Меттернихъ подтвердилъ ему тоже самое, ибо съ этимъ извѣстіемъ въ самый полдень получилъ курьера отъ Австрійскаго посла въ Петербургѣ. Можно посудить о безпокойствѣ Государя и о гнѣвѣ его, когда только въ продолженіи слѣдующаго дня прибылъ адъютантъ Васильчикова съ донесеніемъ о семъ происшествіи.

Приостановимся. Посланный Васильчикова, этотъ недобрый вѣстникъ, заслуживаетъ быть представленнымъ міру. И хотя онъ имя свое почитаетъ безсмертнымъ, сомнительно однакоже, чтобы безъ употребимаго мною способа, впрочемъ весьма невѣрнаго, оно могло дойти когда-либо до потомства. Пегръ Яковлевичъ Чаадаевъ былъ красивый мальчикъ, круглый сирота, съ малолѣтства воспитанный родною теткой, старою княжною Анною Михайловною, дочерью историка Щербатова. Она ничего не щадила для его образованія; но женщинѣ, и въ тогдашнее время, нельзя было помышлять о томъ, чтобы дать ему основательныя познанія. Мальчикъ, какъ и всѣ Русскіе, а можетъ быть еще болѣе чѣмъ кто изъ нихъ, имѣлъ способность выучиваться иностраннымъ языкамъ: по-французски и по-англійски говорилъ онъ бѣгло, чисто и безошибочно; а къ тому же, какъ онъ былъ нрава серьезнаго, то въ семействѣ и въ обществѣ своемъ съ ребячества признанъ и объявленъ маленькимъ чудомъ.

Увѣренный въ своемъ совершенствѣ, во время отечественной войны вступилъ онъ въ военную службу и при взятіи Парижа находился въ Семеновскомъ полку. По возвращеніи изъ похода перешелъ онъ въ лейбъ-гусарскій. Въ мундирѣ этого полка всякому нельзя было не замѣтить молодого красавца, бѣлаго, румянаго, тонкаго, стройнаго, съ пріятнымъ голосомъ и благородными манерами. Сими дарами природы и воспитанія онъ отнюдь не пренебрегалъ, пользовался ими, но ставилъ ихъ гораздо ниже другихъ преимуществъ, коими гордился и коихъ вовсе въ немъ не было: высокаго ума и глубокой науки. Его притязанія могли бы возбудить насмѣшки или досаду; но онъ не былъ заносчивъ, а старался быть скромно-величественъ, и военные товарищи его, разсѣянные, невнимательные, охотно предоставляли ему званіе молодого мудреца, рѣдко посѣщающаго свѣтъ и не предающагося никакимъ порокамъ. Онъ былъ первый изъ юношей, которые тогда полѣзли въ геніи. На бѣду, стоя съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, познакомился онъ и сблизился съ лицейскимъ воспитанникомъ Пушкинымъ. Всѣ поэты немного льстецы съ тѣми, коихъ любятъ; Пушкинъ польстилъ ему стихами, а Карамзинъ по добродушію своему ласкалъ его. Это совершенно вскружило ему голову. Никто не замѣчалъ въ немъ вѣжныхъ чувствъ къ прекрасному полу: сердце его было слишкомъ преисполнено обожанія къ сотворенному имъ изъ себя кумиру. Когда изрѣдка случалось ему быть съ дамами, онъ былъ только что учтивъ; онъ же между собою называли его настоящимъ розаномъ, а онъ былъ Нарцисъ, смертельно влюбленный въ самого себя. Чтобы дать понятіе о чудовищномъ его самодовольствіи, расскажу слѣдующее, тогда мною слышанное. Въ наемной квартирѣ своей принималъ онъ посѣтителей, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ двумя лавровыми деревьями въ кадкахъ; справа находился портретъ Наполеона, съ лѣвой Байрона, а напротивъ его собственный, въ видѣ скованнаго генія, съ подписью:

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ,
Въ Афинахъ Демосеенъ,
А здѣсь лишь офицеръ гусарской.

И такъ не съ большимъ двадцатилѣтній молодой человекъ, который ничего не написалъ, ни на какомъ поприщѣ ничѣмъ себя не отличилъ, ни къ какому роду службы не былъ годенъ и который всю ученость свою почерпалъ изъ новыхъ Французскихъ брошюръ, почиталъ себя однимъ изъ свѣтилъ, озарившихъ начало девятнадцатаго вѣка. Какой бы онъ былъ находкой для насмѣшника-мистификатора; но такового не оказалось, и онъ не поступилъ еще тогда, а развѣ только послѣ, въ нарядные шуты.

Крайне дивился онъ, что, удостоивъ службу вступленіемъ въ нее, онъ не быстро въ ней возносится, а какъ обыкновенные смертные, производится по старшинству. Въ ожиданіи скорыхъ успѣховъ, принялъ онъ чье-то предложеніе доставить ему мѣсто адъютанта при Васильчиковѣ и въ этомъ упованіи отправился онъ въ Троппау. Онъ былъ увѣренъ, что узнавъ его короче, Александръ, плѣненный его наружностію, пораженный его гениемъ, приблизить его къ своей особѣ и на первый случай сдѣлаетъ флигель-адъютантомъ. Надо еще знать, что гусарь и докторъ философіи въ отношеніи къ наряду былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенная кокетка: по часамъ просиживалъ онъ за туалетомъ, чистилъ ротъ, ногти, притирался, мылся, холился, прыскался духами. Дорогой онъ предавался тѣмъ же упражненіямъ и оттого съ прибытіемъ опоздалъ двумя сутками.

Приемомъ разгнѣваннаго Государя, какъ громовымъ ударомъ въ одно мгновеніе были разрушены воображеніемъ его созданные замки. Всегда умѣренный, Александръ бывалъ ужасенъ въ рѣдкія минуты, когда переставалъ владѣть собою. Разобитый Чаадаевъ на другой день былъ обратно отправленъ въ Петербургъ п. дабы наказать Царя, отнялъ у него себя, въ ту же зиму вышедъ въ отставку.

Въ присутствіи Государя Семеновской вспышки не могло бы быть: его тихо-повелительный взглядъ все умиралъ вокругъ себя. Даже издали ощутительно было его могущество. Гвардія съ трепетомъ ожидала его рѣшенія. Оно получено: приказомъ, въ коемъ дышетъ негодованіе вмѣстѣ съ милостію, полкъ велѣно уничтожить, кассировать, нижніе чины разослать по линейнымъ полкамъ; офицеры же, коихъ виновность не доказана, но на коихъ пало сильное подозрѣніе, переведены также въ армію, только съ повышеніемъ двумя чинами; Шварцъ отставленъ отъ службы. Тѣмъ же приказомъ велѣно набрать новый Семеновскій полкъ изъ лучшихъ офицеровъ и рядовыхъ гренадерскаго корпуса.

Ожидали болѣе. И что же? Мнѣ случилось слышать тѣхъ же самыхъ офицеровъ, которые прежде восхваляли смѣлость Семеновцевъ, читающихъ не только съ одобреніемъ, даже съ восторгомъ грозный приказъ Царя. Надобно подумать, что въ этомъ человѣкѣ было дѣйствительно нѣчто волшебное.

Это происшествіе, которое причинило Петербургу только кратковременный испугъ, имѣло однакоже важныя послѣдствія. Разбѣянные по арміи, недовольные офицеры встрѣчали другихъ недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними, распространяя мнѣнія свои, приготовили другія возстанія, которыя черезъ пять лѣтъ увяты было труднѣе.

II.

Положеніе семейства моего въ 1820 году походило на то, въ коемъ находилось оно въ послѣдній годъ царствованія Павла, когда всѣ старшіе члены его волею или неволею покинули службу.

Зять мой, генераль Алексѣевъ, командуя корпусомъ на обратномъ пути въ Россію, почувствовалъ, что съ разслабленіемъ тѣлеснымъ онъ лишился и нравственной силы. Онъ забывалъ приказанія имъ отданныя, не помнилъ и часто не понималъ то, о чемъ ему представляли; однимъ словомъ, для начальствованія онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ. Хорошо еще, что окружающіе его старались скрывать это за границей какъ отъ подчиненныхъ, такъ и отъ иностранцевъ. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ; но раны, походы, биваки, и во время ихъ жизнь не всегда воздержная, изнурили его; особенно же послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ во Франціи, онъ совершенно одряхлѣлъ. Покой сдѣлался для него жестокою необходимостію: ибо, исключая обязанностей службы, онъ ничѣмъ не умѣлъ заниматься. Всѣ любили его, начиная отъ Царя, и оттого оставили ему все содержаніе, аренды, эполеты и даже надежду быть дѣятельно употребленнымъ, чего однако никогда не могло уже случиться. Онъ числился по кавалеріи въ безсрочномъ отпуску и жилъ по большей части въ Москвѣ, гдѣ жена его, на сбереженныя ею отъ огромнаго Французскаго содержанія деньги, купила ему хорошій деревянный домъ въ Старой Конюшенной.

Братъ мой, Павелъ Филипповичъ, никогда не гонялся за почестями. Фортуна, долго къ нему неблагоклонная, съ 1812 года начала ему улыбаться, но онъ уже не довѣрялъ ей. Ему наскучило таскаться по бѣлу свѣту, и онъ о томъ только и думалъ, гдѣ бы поселиться въ мирномъ убѣжищѣ. Въ Мобѣжѣ вошло въ общее обыкновеніе между холостыми Русскими заводиться молодой хозяйкой изъ иноземныхъ красавицъ. Иныя изъ нихъ заслуживали сіе названіе, другія были только что молоды. Во Франціи, гдѣ со времени революціи стали такъ пренебрегать святостью брака, сожитіе почиталось съ нимъ почти на равнѣ. Въ семь качествъ находилась у брата нѣкая Бабе-Пажель, дочь какого-то Лотарингскаго винодѣлателя, т. е. просто мужика. Не имѣя добродѣтелей соотечественницы своей Жанны д'Аркъ, она, кажется, имѣла ея смѣлость. На оставленныя ей братомъ деньги, слѣдующимъ лѣтомъ, безъ его согласія, моремъ пріѣхала она въ Петербургъ съ двумя прижитыми съ нимъ ребятами. Какъ быть? Надобно было гдѣ нибудь пріютить сіе незаконное семейство. Къ тому же во Франціи сильно развилась въ немъ врожденная страсть къ садоводству, особенно къ цвѣ-

тамъ; онъ могъ легко удовлетворить ее въ селѣ Симбухинѣ, которое мать наша во вдовствѣ никогда не посѣщала и которое назначено ему было на часть. Тамъ былъ довольно обширный садъ, и тамъ могъ онъ укрыть грѣхи свои. Все вмѣстѣ заставило его подать въ отставку, и онъ получилъ ее въ Мартѣ 1820 года съ мундиромъ.

Что касается до меня, я какъ будто воротился къ прежнему состоянію: числясь на службѣ, жилъ почти безъ дѣла. Была однакоже великая разница: тогда отъ казны не имѣлъ я ни гроша и изъ дому весьма мало, а тутъ, не считая квартиры и отопленія, я получалъ жалованье и прибавку къ нему изъ остаточныхъ суммъ, всего тысячи четыре ассигнаціями; да по случаю урожайныхъ годовъ и мать моя была ко мнѣ отменно щедра. Первый разъ въ жизни я узналъ сладость синекюры, и она служила мнѣ утѣшеніемъ въ моей неудачѣ. Бетанкуръ не перемѣнялъ со мною обращенія, продолжалъ быть обходителемъ, шутливъ; съ женой и семействомъ его я болѣе сблизился, нерѣдко проводилъ у нихъ вечера и былъ даже въ числѣ немногихъ избранныхъ, приглашенныхъ на свадьбу дочери его Каролины съ господиномъ Эспехо, и видѣлъ, какъ въ этотъ самый день послѣ ужина молодые сѣли въ возокъ и отправились прямо въ Нижній-Новгородъ. «Ну, что же, подумалъ, это положеніе пока еще сносно; посмотримъ, что будетъ впередъ.»

А между тѣмъ, пока наше поколѣніе какъ бы склонялось къ западу, восходило новое поколѣніе. Признаюсь, не безъ грусти смотрѣлъ я на то. Впрочемъ, старшій племянникъ мой, Александръ Алексѣевъ, былъ только тринадцатю годами моложе меня. Счастливейшій этотъ юноша тогда совершенно блаженствовалъ. Изъ артилеріи онъ перешелъ въ кавалерію, въ конноегерскій короля Виртембергскаго полкъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса произведенъ былъ въ поручики. Ни къ какому офицеру начальство не было такъ свисходительно; подъ разными предлогами лѣтомъ разъѣзжалъ онъ по ярманкамъ, а зимой веселился въ Москвѣ: она была его раемъ. Его стройный станъ, его ловкость, его смѣлое обхожденіе съ дамами и дѣвками и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжность его взглядовъ и выражений плѣняли ихъ. На балахъ онъ господствовалъ, самая модная почитала торжествомъ протанцовать съ нимъ; тогда (чего теперь совсѣмъ нѣтъ) въ этой странной Москвѣ, какъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи сказалъ, женщины любимому кавалеру ура кричали и вверхъ чепчики бросали; это могло относиться и къ моему Алексѣеву. Меньшой братъ его, Николай, оставался пока въ Царскомъ Селѣ, въ гренадерскомъ полку Австрійскаго императора, и, какъ я уже сказалъ, былъ дикъ, угрюмъ, и оттого казался разсудителемъ, чего однакоже вовсе не было.

Возвратясь отъ родныхъ изъ отпуска, въ Февралѣ этого же 1820 года, привезъ онъ съ собою отправленнаго ко мнѣ третьяго племянника моего, сына покойнаго брата Николая, Филиппа Николаевича. Мальчику не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, а его хотѣли уже отдать на службу. Его дотолѣ воспитывали и баловали родные его Тулиновы. Онъ младенцемъ былъ отданъ имъ въ видѣ уступки, а, по настоящему, попеченія ихъ объ немъ могли почитаться великимъ одолженіемъ для фамиліи, коей сирота этотъ въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться представителемъ и единственнымъ продолжителемъ. Кому бы изъ насъ было взять его на руки свои? По стариннымъ понятіямъ матери моей, для него наступило уже время служенія; ей хотѣлось хотя бы передъ смертію видѣть его гвардіи офицеромъ, и потому-то, къ великому прискорбію дѣда и бабушки, былъ онъ оторванъ отъ лона ихъ.

Я осмѣился воспротивиться волѣ матери моей, представилъ ей, какъ опасно мальчику въ эти годы пользоваться свободой, и что если я, въ тѣже лѣта выпущенный на волю, не погибъ, то должно благодарить за то Бога; потомъ, не дожидаясь разрѣшенія ея, отдалъ его доучиваться въ одинъ Французскій пансіонъ. Содержатель его, г. Курнанъ, былъ преемникомъ барона Шабѣ, который наслѣдовалъ знаменитому аббату Николю, и все въ томъ же домѣ, на Фонтанкѣ, близъ Обухова моста. По мнѣнію моему, ученіе тамъ было плохое, попрежнему аристократическое: послѣ Французской литературы, только уже новѣйшей, главными предметами были танцы и фектованіе. Смотри по элементарнымъ познаніямъ воспитанника и по краткости срока, намъ даннаго, гдѣ уже было намъ думать объ учености! Мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ, немного похожій на маленькаго медвѣжонка, поболѣе развязался, пріобрѣлъ болѣе навыку и усовершенствовался во всеобщемъ разговорномъ Французскомъ азыкѣ, и, наконецъ, чтобы, находясь съ молодыми людьми первыхъ фамилій, онъ составилъ бы полезныя связи и, увлеченный въ лучшее общество, избѣгнулъ бы дурнаго

Наружность имѣлъ онъ не весьма красивую: былъ невеликъ ростомъ, бѣлъ лицомъ, не по лѣтамъ дюжъ и толстъ, и отъ излишняго употребленія сластей у него попортились и пожелтѣли зубы, которые очернилъ послѣ курительный табакъ. Ума у него было довольно, сердце имѣлъ онъ мягкое, нравъ веселый, но вслѣдствіе безпрестанныхъ угожденій цѣлаго семейства сдѣлался онъ чрезвычайно своеволенъ. Я надѣялся, что пансіонъ Курнана сколько-нибудь пріучитъ его къ порядку и повиненію.

И вотъ семейная картина, которую счелъ я необходимостію представить читателю.

Въ концѣ Мая Бетанкуръ со всѣмъ семействомъ своимъ и со дворомъ, разумѣется кромѣ меня, опять отправился въ Нижній-Новгородъ. Мы разстались какъ нельзя лучше. Предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ, безъ всякаго отъ кого-либо на то дозволенія, поручилъ онъ человѣку, который не былъ въ немъ даже членомъ: директору инженернаго института, генералу Сенноверу, что мнѣ было весьма пріятно. Я выучился у Бетанкура поступать иногда самовольно, а съ Сенноверомъ, весьма умнымъ, но чрезъ мѣру шутливымъ и совсѣмъ непочтенымъ Французомъ, я давно уже пересталъ перемониться. Я просто объявилъ ему, что лѣтомъ намѣренъ отдохнуть (отъ чего?—отъ покоя), и для того на Крестовскомъ островѣ противъ Елагина, въ деревенькѣ, нанялъ чистенькую избу. «И потому — продолжалъ я — въ засѣданіяхъ комитета вы рѣдко будете меня видѣть: всѣ нужныя бумаги передалъ я помощнику моему Нодену.» Онъ ничего не нашелъ возразить противъ этого, какъ будто бы я дѣло сдѣлалъ *).

Къ счастью, въ Іюнь и въ Іюль погода стояла прекрасная, изрѣдка перепадали дожди. Петербургскіе острова не были еще такъ связаны между собою мостами, какъ нынѣ, слѣдственно не было тѣхъ удобствъ для сообщенія, какія мы имѣемъ. Одинъ Намонный островъ посредствомъ мостовъ соединялся съ Аптекарскимъ, съ Крестовскимъ и со Строгоновскою дачей. Елагинъ островъ былъ мѣсто топкое, заглохшее, находившееся въ частномъ владѣніи, и только въ этомъ году сдѣлался собственностію казны. Не было на островахъ обширныхъ увеселительныхъ мѣстъ, съ ихъ повседневыми великолѣпными праздниками, столь привлекательными, разорительными и нѣсколько развратительными для недотачныхъ людей и ихъ семействъ. Только лишь Крестовскій, съ своими двумя трактирами и деревянными горами, богатымъ и бѣднымъ жителямъ, городскимъ и островскимъ, однимъ именемъ своимъ напоминалъ веселіе. Кто на дешевомъ извозчикѣ подъѣзжалъ, кто пѣшкомъ приходилъ къ перевозу на Колтовскую и оттуда за пять копѣекъ мѣдью переносился чрезъ неширокій тутъ Невскій рукавъ. Небогатія семейства, составляя небольшую обществу, на сдѣланную складчину, нанимали ялики, приплывали къ берегамъ острова, и сіи маленькія флотиліи окружали западный его уголь. Богатые, разумѣется, пріѣзжали въ каретахъ и въ коляскахъ. Все лучшее можно было встрѣтить на большомъ гуляньѣ, на открытомъ мѣстѣ близъ перевоза и стараго трактира. Средній классъ шелъ густыми толпами по длинной

*) Я было и забылъ сказать, что сумасбродная и неизяснимо-привлекательная единственная дочь его Стефанія еще въ 1818 году вышла за любезнаго моего Базена. Мы очень съ ней подружились, и у нея-то часто встрѣчалъ я забавника отца ея.

и широкой аллеѣ, ведущей къ новому трактиру и деревенькѣ. Дорога была прескверная, песчаная, нерѣдко можно было спотыкаться о высунувшіеся корни деревьевъ; нужды нѣтъ, въ пріятномъ расположеніи духа никто и не хотѣлъ этого замѣтить. Вездѣ было людно, а въ иныхъ мѣстахъ даже и тѣсно. За входъ въ трактиры, гдѣ можно было посмотрѣть на пляску Нѣмочекъ, никакой платы взимаемо не было: надобно было только спросить что-нибудь попить или поѣсть; да и этого никто требовать не смѣлъ. Не смотря на то, хозяйева, обыкновенно Нѣмцы, получали хорошіе барыши и мало-по-малу наживали изрядное состояніе. Въкъ преувеличеній еще не наступилъ, и трактирщики, какъ теперь, не думали запибать милліоновъ. Гулякъ было множество, но до буйства какъ-то никогда не доходило, и пристойности было, ну право, гораздо болѣе чѣмъ нынѣ въ иныхъ воксалахъ, посѣщаемыхъ знатными дамами. Такъ было по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; но и въ будни, при хорошей погодѣ, Крестовскій бывалъ чрезвычайно оживленъ и многолюденъ.

Имѣя передъ глазами картину, оживотворяемую безпрестанно шумнымъ весельемъ, послѣ прошлогодняго жестокаго кризиса, съ возвратившимися и все болѣе возвращающимися жизненными силами, съ укрѣпленнымъ здоровьемъ, при постоянномъ блескѣ солнца, среди воздуха, упитаннаго бальзамическими испареніями элей, мнѣ было хорошо, и время быстро летѣло для меня. Я много ходилъ, часто купался и пріятнымъ образомъ отдыхалъ съ книгой въ рукахъ; болѣе ничего не дѣлалъ. Это веселое житье вдругъ было прервано самымъ непріятнымъ образомъ.

Я получилъ отъ Курнана записку, въ коей извѣщаетъ онъ меня, что племянникъ мой, за что-то прогнавшійся, наканунѣ вечеромъ бѣжалъ изъ пансіона даже безъ шляпы, ночью не возвращался, и что нѣтъ о немъ никакого свѣдѣнія. Безпокойство мое часа черезъ два немного прекратилось, когда съ городской квартиры моей пришли мнѣ сказать, что дезертеръ въ ней ночевалъ и остался. Я поспѣшилъ туда. Нельзя же было мальчика по шестнадцатому году подвергнуть тѣлесному наказанію; за то на жесткія слова я не поспешилъ. Онъ показался мнѣ раскаявшимся, и я отправился къ Курнану, дабы испросить прощеніе виновному и склонить къ новому его воспріятію; но въ этомъ дѣлѣ не успѣлъ. Полугодовой срокъ къ новой уплатѣ приближался, но онъ никакъ не хотѣлъ ее принять. Въ этой вознѣ провелъ я цѣлый день 3 Августа и долженъ былъ ночевать въ городѣ.

На другой день, 4-го по утру, къ несказанной радости моей, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филипповичъ для окончанія какихъ-то прежнихъ дѣлъ и расчетовъ и вывелъ меня изъ величайшаго затрудненія.

Ему, яко старшему въ семействѣ, передалъ я дарованную мнѣ власть надъ племянникомъ и всѣ попеченія объ немъ. Квартира моя была просторна для меня одного, но для насъ трехъ довольно тѣсновата, колыми паче маленькая дачка моя, куда я брата пригласить не могъ, а рѣшился дней пять-шесть провести съ нимъ въ городѣ. Лишь только, оставя его у себя, я думалъ было опять перебраться на Крестовскій, какъ накопившаяся влажность, цѣлое лѣто чѣмъ-то удерживаемая, проливными дождями низринулась съ верху. Черезъ нѣскольکو дней бѣда миновалась, небо просіяло, и я опять началъ собираться; но воздухъ отсырѣлъ, охолодѣлъ, и по справкѣ оказалось, что уютное жилище мое окружено грязью и прудобразными лужами. Богатые и знатные скрѣпные пріюты наши на островахъ называютъ гренульерами (лягушечницами), и дѣйствительно осенью они неудобобитаемы. Итакъ, лѣтній сезонъ, какъ говорится, кончился для меня въ началѣ Августа. Когда не осталось мнѣ надежды подышать еще загороднымъ воздухомъ, тогда и братъ мой началъ пріискивать себѣ особую квартиру и съ племянникомъ переѣхалъ отъ меня въ концѣ этого мѣсяца.

Въ концѣ Сентября только г-жа Бетанкуръ возвратилась одна съ дочерьми, супругъ же ея еще въ Августѣ водой изъ Нижняго по Волгѣ отправился въ Казань, въ Астрахань и оттуда черезъ Кавказъ и Крымъ долженъ былъ поздно ворогиться. Я поспѣшилъ съ моимъ высокопочитаніемъ къ Аннѣ Ивановнѣ и немедленно принять. Она была кисла, даже когда хотѣла быть привѣтлива; а тутъ была она даже груба. Дочери ея казались смущенными и также какъ бы затруднялись со мной говорить. Я еще поспѣшише оставилъ эту дуру, чѣмъ пришелъ къ ней и вышедъ могъ сказать какъ Буфлеръ:

Très satisfait d'ajouter
A l'honneur de l'avoir vue,
Le plaisir de la quitter.

Въ Ноябрь, дни черезъ три послѣ Семеновскаго происшествія, пріѣхалъ и самъ начальникъ мой. Приемъ его былъ немного лучше сдѣланнаго мнѣ его супругой: онъ былъ со мною холоденъ и разсѣянъ. Даже шестнадцатилѣтній сынишка его вздумалъ со мною спѣсиво вляняться. Чтó бы это все значило? спросилъ я у себя. «Вѣрно кто нибудь, пользуясь продолжительнымъ твоимъ отсутствіемъ, отработалъ тебя», былъ отвѣтъ. «Да кто же?» — «Да кому же, если не одному и тому же человѣку?». Мнѣ нужно было напередъ обдумать свое положеніе, чтобы къ чему-нибудь рѣшительному приступить. Одно обстоятельство показало мнѣ, какую власть зловредный человѣкъ пріобрѣлъ надъ бѣднымъ Бетанкуромъ. Разъ въ Нижнемъ, въ его пріемной и въ его при-

сутствіи, робко подошелъ ко мнѣ довольно молодой человѣкъ въ губернскомъ мундирѣ, сталъ рекомендоваться и просить о покровительствѣ; не зная кто онъ, отдѣлался я отъ него учтивостями. Замѣтивъ сіе, Бетанкуръ, когда всѣ вышли, сказалъ мнѣ: «Вы говорили съ москѣ Элимъ; какъ можете вы удостоивать вашими разговорами этого вора, этого разбойника? Не понимаю, какъ онъ смѣетъ являться ко мнѣ». Послѣ этого узналъ я, что этотъ г-нъ Ильинъ, люминецъ бывшаго губернатора Быховца и членъ армоночной конторы, дѣйствительно былъ самый безстыдный человѣкъ, грабитель, что купцы запирали лавки, когда издали завидятъ его съ женой, ибо они все забирали даромъ и, наконецъ, что по настоянію Бетангура онъ удаленъ отъ должности. Можно посудить убъ удивленія моемъ, когда не съ большимъ черезъ годъ послѣ того, передъ его кабинетомъ встрѣтилъ я этого человѣка во фракѣ и безъ шляпы въ рукахъ! Съ насмѣшливымъ самодовольствіемъ подошелъ онъ ко мнѣ и объявилъ, что, пріѣхавъ изъ Нижняго по приглашенію генерала, остановился у него. Ряду было мало отдалить честныхъ людей отъ своей жертвы: ему нужно было окружить ее мошенниками.

Въ этомъ году, заботясь и по заочности объ умноженіи просвѣщенія въ отечествѣ своемъ, графъ Воронцовъ переписывался съ Петербургскимъ почтъ-директоромъ Константиномъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, съ которымъ за-границей сдѣлалъ связи, о томъ, чтобы намъ варварамъ показать, какъ между просвѣщенными народами люди путешествуютъ пріятнымъ и удобнымъ образомъ, однимъ словомъ, чтобы завести дилижансы. Для того предложилъ онъ небольшой капиталъ, а Булгаковъ увидѣлъ тутъ прибыль, а можетъ быть и нѣкоторую славу. Составилось общество на паяхъ, и учредилось первое у насъ въ семь родѣ заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ, чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевле), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го Декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, Французъ г. Дюпре-де-Севъ-Моръ, эксъ-депутатъ, эксъ-супрефектъ, который въ Петербургѣ за деньги читалъ чужіе хорошіе и продавалъ собственные свои печатные плохіе стихи, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ. Съ первымъ поѣздомъ, кажется, онъ одинъ-одинехонекъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ; но и меня захотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру, что престарѣлая мать моя, собравшись съ послѣдними силами, еще въ Августѣ пріѣхала въ Москву, но что далѣе не въ состояніи

будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательнѣе бы было для свиданія съ ней отлучиться на 23 дней; онъ нашелъ, что никакое желаніе не могло быть справедливѣе. Я взялъ мѣсто и 4 Декабря поѣхалъ по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Сидѣлъ я въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной; но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на двое. Лежать было невозможно: четыре человѣка, раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ дотолѣ зимняя кибитка значило лежанье, то наши мужички, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали *нележанцами*. Спутниковъ было у меня всего только двое: старый Нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, и я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Видѣлся я съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Одна просвѣщенная часть влечетъ за собою другую: дилижансы ввели къ намъ понятія о равенствѣ; надобно надѣяться, что ѣзда по желѣзной дорогѣ еще болѣе разовьетъ ихъ. Чтѣ однакоже весьма напоминало мнѣ прежнюю Россію, это была услужливость и покорность проворнаго кондуктора изъ почталіоновъ. Со мною не было слуги, и онъ замѣнялъ мнѣ его, а на Нѣмцевъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей, чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ Ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось, чтобы заведеніе его прославилось и быстротой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя какой со временемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ длинный старикъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: <weiter kann ich nicht>, съ женою остался на станціи. А я чуть разсвѣтало лишь, въ Николинъ день, 6 числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ, былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извозчикъ; я сѣлъ къ нему въ сани съ помощію кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей.

Не предувѣдомленные мои родные тѣмъ болѣе были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Хотя у сестры мнѣ было просторнѣе, я переѣхалъ къ матери моей, въ небольшой деревянный нанятый ею домъ у дѣвицъ Безсоновыхъ, на Никитской, и помѣстился въ антресоль, почти на чердакѣ. Эти Безсоновы, Катерина и Анна Феодоровны, были довольно пожилыя, весьма почтенныя и набожныя дѣвки, которыя тутъ подлѣ жили богато въ собственномъ каменномъ домѣ. Общество ихъ все со-

ставлено было изъ подобныхъ имъ особъ женскаго пола, и его нельзя было назвать веселымъ. Не изъ одного угождения матери моей, но также изъ благодарности за нѣжную внимательность ихъ къ ней и всевозможныя одолженія, посѣщаль я ихъ. У матери моей все было тихо: она рѣдко куда выѣзжала, и то только въ Божіи храмы, и кромѣ дѣтей своихъ мало кого у себя видѣла.

За то у зятя моего Алексѣева бывало очень шумно, всегда много народа и всякаго народа. Въ праздной жизни, на которую былъ онъ осужденъ, безъ людей всегда ему казалось скучно.

Вообще Московская жизнь въ эту зиму напоминала прежнюю ея, старинную, беззаботную, шумную веселость. Какъ въ началѣ двѣнадцатаго года, она мало заботилась о томъ, что происходитъ въ Европѣ, и на этотъ разъ я нахожу, что поступала благоразумно. Лѣтомъ, говорили, можно еще было видѣть кой-гдѣ слѣды разрушенія; но тутъ старуха предстала мнѣ въ праздничномъ видѣ: она какъ будто набѣлилась; снѣгъ покрывалъ и изглаживалъ морщины ея и рубцы, нанесенные ей непріятельскимъ вторженіемъ. За годъ передъ тѣмъ скончался военный губернаторъ графъ Торماسовъ; на его мѣсто назначенъ былъ баричъ, вельможа, князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ, преблагороднѣйшій и предобрѣйшій человекъ, который успѣлъ поселить къ себѣ уваженіе и любовь. Знатность новаго градоначальника умножала еще радость и веселіе чванныхъ Москвичей.

Я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ, новыхъ же знакомствъ сдѣлалъ мало. Тутъ находилась Прасковья Юрьевна Кологривова съ своимъ вѣчнымъ смѣхомъ; у нея не было друга Финмуша, а все тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ *). Ее пріѣхала навѣстить дочь ея, княгиня Вяземская, изъ Варшавы, гдѣ оставила супруга своего на службѣ. По ея предложенію, сопровождалъ я ее и меньшую сестру ея Любовь, съ мужемъ, генераломъ Полуектовымъ, на единственный балъ, который я тутъ видѣлъ. Его давалъ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, съ которымъ въ 1814 году я мимоходомъ познакомился. Между многими хорошенькими лицами поразила меня тутъ необыкновенная красота двухъ княженъ Урусовыхъ, изъ коихъ одна вышла послѣ за графа Пушкина, а другая за князя Радзивила. Тутъ также я могъ полюбоваться танцевальными и волокитными подвигами племянника моего Алексѣева.

Послѣ того г. Пушкинъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Съ его умомъ, ему нельзя было не замѣтить, что духъ вѣка совсѣмъ перемѣнился; однакоже онъ продолжалъ кощунствовать и богохульничать, я думаю, болѣе по старой привычкѣ. Супруга его, Елена Григорьевна,

*) Слѣхи Пушкина, въ *Евгеніи Онгинъ*.
Вигель, VI.

урожденная Воейкова, какъ замѣтилъ одинъ веселый человѣкъ, любила гнать спиртъ, или, какъ говорятъ Французы, дѣлать умъ и чувствительность; первое было ей изъ чего, а послѣдняго въ ней вовсе не было. Къ тому же она чрезвычайно либеральничала и жестоко нападала на правительство и царя. Чета эта находилась въ постоянномъ возмущеніи противъ властей небесной и земной и, какъ мнѣ казалось, болѣе для тона. Все это мнѣ весьма не полюбилось, и я уже къ нимъ болѣе не возвращался.

У Прасковьи Юрьевны познакомился я также съ графиней Де-Броглю, урожденною Левашовой, бывшею ея невѣсткой, бывшею въ первомъ замужствѣ за братомъ ея, княземъ Трубецкимъ. Эта женщина, подъ именемъ княгини Анны Петровны, была долго слишкомъ извѣстна цѣлой Москвѣ. Въ ней примѣчательны были не красота ея, совсѣмъ не изумительная, ни даже кокетство, а нѣчто болѣе: она измѣняла первому мужу, бросила втораго и осталась вѣрна только другу. Смѣшонъ бы я былъ, еслибъ, чрезъ мѣру держась строгой нравственности, отказался отъ знакомства съ старой грѣховодницей, не раскаявшейся, но унявшейся. Это знакомство повело меня къ другому, пріятнѣйшему и любопытнѣйшему.

У нея въ домѣ распоряжался, хозяйничалъ одинъ иностранецъ, впрочемъ, у нея не живущій, и о которомъ Московское общество и понынѣ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ. Я не назвалъ г. Кристина Французомъ, хотя любезнѣе его, пріятнѣе въ обхожденіи, занимательнѣе въ разговорахъ, я ни одного Француза прежняго времени не знавалъ. Это потому я сдѣлалъ, что онъ родомъ былъ Швейцарецъ, изъ города Ивердюна, на прежней Французской границѣ. Исторія его заслуживаетъ быть разказанною, хотя вкратцѣ; увы, и подробности ея сдѣлались бы извѣстны безъ варварства той женщины, у которой мы съ нимъ обѣдали и познакомились.

Ребачество свое провелъ онъ во Франціи и въ молодыхъ еще лѣтахъ попалъ въ секретари къ извѣстному министру Калонну, видѣлъ начало революціи и вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ бѣжалъ отъ нея. Послѣ того въ Кобленцѣ, по его рекомендаціи, употребленъ онъ былъ принцами, братьями короля. Особенно полюбился онъ графу д'Артуа (Карлу X). Отъ него съ тайными порученіями, переодѣтый, неоднократно ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тайкомъ, съ опасеніемъ для жизни, проникалъ во внутренность Тюлерійскаго дворца, представлялъ письма, подавалъ утѣшенія плѣнному королю. Этикета уже тутъ не могло быть; онъ запросто разговаривалъ съ нимъ, съ королевой, съ принцессой Елисаветой, и ласкалъ молитку, несчастнаго дофина. Когда злодѣяніе свершилось, когда пали головы царскихъ невинныхъ жертвъ, графъ д'Артуа взялъ

его съ собою въ Петербургъ. Извѣстно, какой блестящій приемъ сдѣлала ему Екатерина; онъ уѣхалъ, а Кристинъ остался въ Россіи. Не управляя Иностранной Коллегіей, графъ Марковъ былъ однакоже главною ея пружиной. Онъ жилъ тогда съ Французскою трагическою актрисой Гюсъ и черезъ нее познакомился, можно сказать, сдружился съ Кристиномъ.

Вдругъ сей послѣдній взбѣсился, уѣхалъ въ Швецію и тамъ сталъ явно поносить Россію и Русскихъ. Тогдашній регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, послѣ Карль XIII, до конца жизни насъ ненавидѣлъ, и оттого человѣка почти безъ имени началъ принимать, ласкать и даже звать на придворные балы. На одномъ изъ нихъ, какъ вѣтранный Французъ, онъ, какъ будто разбѣжавшись, наткнулся на стоящаго у камина, несовершеннолѣтняго, молоденькаго короля Густава IV; визко кланяясь и какъ будто въ смущеніи извиняясь, понизивъ голосъ, промолвилъ онъ ему: «Ваше величество, васъ обманываютъ, хотять женить на уродѣ; позвольте съ вами объясниться.» Едва внятнымъ голосомъ тотъ отвѣчалъ ему: «У меня математическій учитель вашъ землякъ, шевалье такой-то: напишите мнѣ черезъ него.» Въ запискѣ своей Кристинъ изобразилъ всѣ прелести великой княжны Александры Павловны и всю пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время черезъ мѣсяць ожидали невѣсту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдругъ заупрямился, объявилъ, что сему браку не бывать и, какъ ни старались убѣдить его, онъ поставилъ на своемъ. Никто не могъ понять причины такой внезапной переменны; но король ли проговорился, шевалье ли проболтался, или сами догадались, гроза висѣла надъ главою тайнаго агента. Кто-то по секрету пришелъ ему сказать, что на другой же день хотять его взять и отправить въ рудники Далекарльскіе. Будучи хорошо знакомъ съ всѣми дипломатами, онъ побѣжалъ къ Англинскому посланнику и объяснилъ ему весь ужасъ своего положенія. У того были бланки, и онъ заднимъ числомъ причислилъ его къ своей миссіи; когда пришли его брать, онъ показалъ предписаніе отправиться курьеромъ въ Берлинъ. Оттуда только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ воротился онъ въ Россію и пріѣхалъ въ самое то время, когда въ Петербургѣ *) находился король Шведскій съ дядей, и шдо уже сватовство.

*) Съ нимъ случился тогда презабавный анекдотъ. Екатерина приняла его у себя въ кабинетѣ, оспала ласками и велѣла ему быть при представленіи въ Эрмитажномъ театрѣ, только въ закрытой ложѣ. Онъ въ ней соскучился, пошелъ бродить за кулисы и забрался на самый верхъ. Уставши, присѣлъ онъ на какое-то сѣдалище, которое вдругъ стало опускаться; онъ закричалъ, его успѣли приподнять, и видны были однѣ только его ноги. Это было облако, на которомъ былъ долженъ спускаться Меркурій. Чтѣ, еслибъ онъ показался двору и пріѣзжимъ гостямъ? Екатерина очень смѣялась, когда ей рассказали объ этомъ апропо.

Разумѣется, въ то время вездѣ нельзя было ему показаться. Хотя предполагаемый бракъ и не состоялся, Императрица щедро наградила его, велѣла опредѣлить въ Иностранную Коллегію прямо надворнымъ совѣтникомъ и пожаловала ему четыреста душъ близъ Лeticева, въ Подольской губерніи.

При Павлѣ пришла невзгода на графа Маркова: онъ былъ отставленъ и сосланъ въ Лeticевъ, ему принадлежащій. Крестинъ, котораго имѣннице было подлѣ, всегда вѣрный дружбѣ и несчастію, также вышелъ въ отставку и четыре года добровольно раздѣлялъ изгнаніе своего мецената.

При Александрѣ Марковъ былъ вызванъ и отправленъ въ Парижъ; къ нимъ поѣхалъ и Крестинъ, уже вычеркнутый изъ списка эмигрантовъ. Дѣятельность возвратилась къ нему; онъ еще не унимался. Войдя въ знакомство съ семействомъ Бонапарте, съ сестрами его, приблизившись къ Іозефинѣ и Гортензіи, неизмѣнный роялистъ, онъ тайно переписывался съ графомъ д'Артуа, который находился въ Англіи. О томъ провѣдали, исхитили изъ Русскаго посольства, послали въ Лионъ и посадили въ крѣпость Пьеръ-анъ-Сизъ. Это была одна изъ причинъ дерзостей, сдѣланныхъ Марковымъ первому консулу. Вѣрный слуга доставилъ узнику средство бѣжать изъ крѣпости, и онъ скрылся въ Коппѣ, у госпожи Сталь. Не знаю, какъ отсюда пробрался онъ въ Москву, гдѣ и простился навсегда съ романическою жизнію.

Онъ жилъ у Маркова на дружеской ногѣ и занималъ часть дома его; продалъ свое имѣніе, и пользуясь частію процентовъ съ вырученнаго капитала, помаленьку умножалъ его. Большіе вельможи нерѣдко посѣщали его. Надобно было видѣть обхожденіе ихъ съ ними: какъ оно было непринужденно и какъ вѣжливо! Можетъ быть, сперва и былъ онъ любовникомъ графини де-Броглію (не всегда же она походила на стараго мужика, дурно выучившагося по-французски); только когда я ихъ видѣлъ вмѣстѣ, то и тѣни нѣжности между ими не было. Всѣхъ удивляло продолженіе этой связи; надобно было полагать, что они были соединены взаимными денежными интересами.

Мы скоро съ нимъ сошлись; съ такими людьми, какъ онъ, былъ я нескромно вопросителенъ, а онъ снисходительно отвѣтливъ: вотъ отчего узналъ я главныя обстоятельства его жизни. Онъ признался мнѣ, что записываетъ все случившееся съ нимъ, и первый подалъ мысль о составленіи сихъ Записокъ, — намѣреніе, коего исполненіе послѣдовало гораздо позже. Умирая, отказалъ онъ все имущество смѣлой злодѣйкѣ, которая въ старости своей овладѣла его старостію. Какія рукописныя сокровища достались, какіе перлы рассыпались передъ этою... Переписка со множествомъ историческихъ лицъ (чего стоили

одни читанныя мнѣ письма Сталь), самый романъ его жизни, все это, какъ ненужное, рукою невѣжества предано огню.

Съ самой кончины Павла не случилось мнѣ такъ близко разглядѣть Москву, то-есть общество ея и разныя состоянія; тогда, выходя изъ малолѣтства, смотрѣлъ я на все неопытнымъ, отнюдь не наблюдательнымъ окомъ; послѣ того нерѣдко проѣзжалъ я черезъ нее, по большой части лѣтомъ, и останавливался дня на два на три, иногда на пять или на шесть, и она оставалась для меня terra ignota. Тутъ сколько-нибудь могъ я изучить этотъ чудный городъ, ни на какой другой въ мірѣ непохожій. Все было въ немъ для меня занимательною новостью; сколько странностей нашелъ я, сколько добра и зла! Здѣсь не мѣсто дѣлать тому описаніе; достаточно будетъ сказать, что я отъ души полюбилъ Москву, какъ женщину старую, добрую, умную, веселую, хотя съ большими капризами, и что желаніе спокойно кончить въ ней вѣкъ сдѣлалось постоянною моею мечтой.

Большую часть времени посвящалъ я той, для которой я пріѣхалъ, другую же — тщательнымъ наблюденіямъ; такимъ образомъ три недѣли быстро прошли для меня. Я хотѣлъ быть исправенъ, и чтобы тѣмъ же способомъ ворогиться къ сроку въ Петербургъ, взялъ я мѣсто въ дилижансѣ на 29-е Декабря.

Назадъ ѣхалъ я не такъ уже шибко: напало снѣгу, были оттепели, и дорога немного попортилась. Кондукторъ, къ удовольствію моему, былъ опять тотъ же; спутниковъ опять имѣлъ только двоихъ, молодыхъ парней — купеческихъ прикащиковъ, которые всю дорогу были очень веселы и немного навеселѣ. Выѣхавъ въ самый полдень, черезъ двое сутокъ съ половиною мы еще не были въ Петербургѣ. Чтобы распрямить немного члены свои, вошелъ я къ станціонному смотрителю въ Тоснѣ; почти въ самую ту минуту на деревянныхъ стѣнныхъ часахъ пробило двѣнадцать; онъ всталъ, выгасилъ бутылку Ренскаго, выпилъ за мое здоровье и пожелалъ мнѣ счастливаго года, на чтò я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Когда въ пять часовъ утра пріѣхали мы въ Петербургъ, на улицахъ не было ни шуму, ни движенія: всѣ видно улеглись; всѣ фонари погасли, и была совершенная темнота. Я могъ бы часа три дожидаться свѣта въ чистой комнатѣ конторы дилижансовъ, которая находилась на почтовой улицѣ. Нетерпѣніе превозмогло; мнѣ скорѣе хотѣлось быть дома, а ни одного извозчика нельзя было встрѣтить. Поручивъ чемоданъ свой знакомому кондуктору, кое-какъ потащился я пѣшкомъ. Разстояніе было не близкое до Семеновскаго моста; въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ нелегко мнѣ было, а зги было не видать, снѣгъ такъ и валилъ и покрывалъ невычищенные тротуары. На этомъ тяжкомъ странствованіи однѣ только собаки привѣтствовали меня своимъ

лаемъ. Лишь только добръль, скорѣ повалился спать. Вотъ какъ для меня начался 1821 годъ.

III.

Какъ въ истекшемъ 1820 году, такъ и въ наступившемъ 1821 и въ послѣдующемъ 1822 положеніе мое не мѣнялось. Оно было не приятно, но покойно. Въ семействѣ моемъ также никакихъ важныхъ перемѣнъ не послѣдовало. Итакъ, мнѣ придется вкратцѣ говорить о томъ лишь что у насъ въ это время происходило въ Россіи, едва касаясь Европы. Тѣмъ лучше, можетъ-быть, скажетъ читатель.

Изъ Троппау, дабы быть ближе къ театру происшествій въ Итали, конгрессъ зимой перенесенъ былъ въ Лайбахъ. Тамъ на царскомъ съѣздѣ положено Австрійскія войска направить къ Неаполю и къ Пьемонту, для усмиренія бунтующихъ. А на всякій случай, для поддержанія ихъ, велѣно первой нашей арміи подъ начальствомъ Сакена двинуться за-границу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и гвардія въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ получила приказаніе выступить въ походъ къ Литвѣ. Государь былъ ею недоволенъ, узнавъ о сожалѣнн и участіи, оказанныхъ ея полками товарищамъ своимъ Семеновцамъ. Онъ хотѣлъ ее провѣтрить, надѣясь, что трудности переходовъ разгонятъ чадъ дурныхъ помышлений, которыхъ, право, вовсе не было. Во изъявленіе гнѣва своего Государь генерала Васильчикова передъ самымъ выступленіемъ удалилъ отъ начальствованія гвардейскимъ корпусомъ, поручивъ его любимому генераль-адъютанту своему, Ѳедору Петровичу Уварову. Это еще было мпловиво: ибо Ларіонъ Васильевичъ сдѣланъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Начальникамъ же гвардейскихъ дивизій, генераль-адъютанту Потемкину и барону Григорью Владимировичу Розену, въ замѣнъ ихъ, даны простыя пѣхотныя дивизіи.

При составленіи сихъ Записокъ имѣлъ я въ виду сдѣлать изъ нихъ отчасти и фамильную лѣтопись нашу. И потому да позволено мнѣ будетъ здѣсь въ описаніе общественныхъ дѣлъ, кстати или не кстати, включить и вступленіе въ службу младшаго члена нашего семейства. Племяннику моему, бѣжавшему отъ г. Куряна, исполнилось шестнадцать лѣтъ. Согласно съ желаніемъ матери, братъ мой, который давно окончилъ дѣла свои и для него только жилъ въ Петербургѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ драгунскій полкъ. Этого нельзя было сдѣлать безъ утвержденія шефа полка, находящагося въ Варшавѣ, Цесаревича. На переписку, на соблюденіе всѣхъ формальностей потребовалось много времени, такъ что приказъ объ опредѣленіи его полученъ только на другой день послѣ

выступленія гвардіи; поэтому первоначально долженъ былъ онъ поступить въ находившійся въ Петергофѣ, подъ начальствомъ полковника Штейна, запасный эскадронъ. Также какъ мнѣ, лѣтъ за восемнадцать передъ тѣмъ, братъ нанялъ ему тамъ квартиру, устроилъ его и потомъ отправился домой въ Пензу.

Послѣ девятимѣсячнаго отсутствія, въ половинѣ Маія, Государь возвратился въ Петербургъ, на пути не удостоивъ гвардію свою отеческо-монаршимъ взглядомъ своимъ. Еще болѣе чѣмъ въ протекшемъ году обнаруживалъ онъ твердое намѣреніе противоудѣйствовать направленію, которое такъ неосторожно самъ онъ далъ общественнымъ мнѣніямъ.

Прежде всего по религіознымъ дѣламъ замѣтили въ немъ уклоненіе отъ прежнихъ идей. По сей части довѣренную его особу, жалкаго князя Голицына, все болѣе втягивали въ мистицизмъ. Онъ посѣщалъ богослуженіе различныхъ раскольничьихъ сектъ, находившихся въ Петербургѣ и одной изъ нихъ умѣлъ выпросить помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ. Тутъ долженъ я остановиться, чтобы рассказать объ одномъ случаѣ, коего отчасти былъ я свидѣтелемъ и который покажетъ, до какого нелѣпаго изувѣрства былъ доведенъ этотъ человѣкъ.

По возвращеніи изъ Нижняго Новгорода, въ одинъ воскресный день, разъ посѣтилъ я доброе семейство Лабать-де-Вивансъ, чрезвычайно уменьшившееся, съ которымъ я никогда не прерывалъ давнишнихъ связей моихъ. Оно состояло изъ старыхъ дѣвокъ, ревностныхъ, чтобы не сказать бѣшенныхъ Католичекъ, которымъ, по милости Государя, за службу отца, дана была квартира въ верхнемъ этажѣ Михайловскаго замка. За дружескимъ разговоромъ послѣдовало минутное молчаніе, во время котораго послышалось мнѣ странное пѣніе. «Что это значитъ?» спросилъ я.—«Ah, c'est le sabbat», воскликнули онѣ, заливаясь слезами. Окна ихъ выходили на Фонтанку, рядомъ съ округленнымъ выступомъ, во внутрь котораго изъ нихъ съ боку внизъ можно было смотрѣть. Тамъ находилась зала, отведенная сектѣ для ея духовныхъ упражненій. Я любопытствовалъ взглянуть и могъ только разсмотрѣть фигуры, какъ бы въ саваны наряженные, съ остроконечными бѣлыми колпаками, которыя, съ неизвѣстной быстротою кружась молніеобразно, появлялись и исчезали. Дѣвицы Лабать послѣ того предложили мнѣ войти въ темный коридоръ и въ открытую трубу прислушаться къ ихъ пѣнію; на голосъ: «За долами, за горами» могъ я разобрать только слова: «Богъ намъ далъ и Дѣва».

Эти люди были родъ Квакеровъ, называемыхъ въ Англіи Шекерами. Одинъ очевидецъ, допущенный зрителемъ къ ихъ проказливымъ таинствамъ, рассказывалъ мнѣ послѣ слѣдующее. Верховная жрица,

нѣкая г-жа Татарина, урожденная Бугсгевденъ, посреди залы садилась въ кресла; мужчины садились вдоль по стѣнѣ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака. Когда она подавала его, женщины начинали вертѣться, а мужчины пѣть, подѣ тактѣ ударяя себя въ колѣна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрѣе; по мѣрѣ того и вращающіяся превращались въ юлы. Въ изнеможеніи, въ изступленіи тѣмъ и другимъ начиналось что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дѣвка, и начинали импровизировать нѣчто ни на что не похожее. Навонецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣшили къ трапезѣ, отъ которой нерѣдко вкушала самъ министръ духовныхъ дѣлъ, умѣвшій подчинить себѣ Святѣйшій Синодъ. Первенствующими членами общества были директоръ департамента просвѣщенія Поповъ и нѣкто Мартынъ Пилецкій, прозванный Мартыномъ Задегомъ, племянникъ бышаго Пензенскаго губернатора Крыжановскаго. Татарина, Пилецкій и нѣкоторые другіе жительствоваали даже во дворцѣ.

Столкновеніе двухъ фанатизмовъ было ужасное. Мои бѣдныя, набожныя Лабатки вообразили себѣ, что между ими водворился самъ дьяволъ и что подлѣ нихъ бывають сходбища вѣдьмъ. Къ несчастію онѣ должны были ходить по одной лѣстницѣ съ ненавистными имъ существами; встрѣчаясь съ ними, онѣ съ ужасомъ отворачивались, невольно произнося нѣсколько неприятныхъ словъ; сверхъ того самое сосѣдство представляло поводы къ частымъ ссорамъ. Я старался внушить имъ умѣренность и благоразуміе и, говоря ихъ языкомъ, дока зывалъ, что они должны съ покорностію нести крестъ, Господомъ имъ посланный. Впрочемъ все ограничивалось болѣе жалобами на такое положеніе, приносимыми посѣщающимъ ихъ. И чѣмъ же кончилось? Бѣдняжки были изгнаны изъ дворца гораздо прежде, чѣмъ онъ отданъ въ инженерное вѣдомство и переименованъ былъ Инженернымъ Замокъ.

Совершенно невѣжественный въ богословскихъ наукахъ Голицынъ принадлежалъ ко всѣмъ сектамъ и ни къ одной. Странно было видѣть смирнаго человѣка, сдѣлавшагося жестокииъ гонителемъ за вопросы, которыхъ онъ не умѣлъ ни объяснять, ни даже понимать. А между тѣмъ знаменитѣйшія жертвы падали подѣ ударами его.

Высокопреосвященный Амвросій, болѣе двадцати лѣтъ митрополитъ Петербургскій и первенствующій членъ Синода, умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствами верховнаго паствыря церкви. Терпѣніе его истоцилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя раны, наносимыя господствующей вѣрѣ, и онъ слегка началъ противоборствовать совращеніямъ. Маститая старость его послужила Голицыну предлогомъ въ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская

епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести. На его мѣсто призванъ былъ архіепископъ Черниговскій Михаилъ, извѣстный своею кротостію. Но, чего не видали руководителъ Голицына, онъ былъ самый жаркій поборникъ Православія; это вскорѣ открылось, и несогласія начались. Въ этой борьбѣ скоро истощились силы человѣка, привыкшаго къ уединенной и мирной жизни, и онъ также началъ клониться ко гробу. Чувствуя приближеніе кончины, въ началѣ 1821 года, написалъ онъ къ Государю письмо въ Лайбахъ. Въ немъ краснорѣчиво, убѣдительно, трогательно изобразилъ онъ опасности, коимъ подвергнута Греко-Россійская церковь; о противникѣ своемъ, слѣпотствующемъ Голицынѣ, говорилъ онъ съ сожалѣніемъ. Вообще письмо это, при совершенномъ отсутствіи гнѣва, исполнено было одною глубокою горестію. «Государь, такъ оканчивалъ онъ (какъ сказываютъ), когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, вѣроятно меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего кромѣ истины не вѣщаль я людямъ, наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Вышнему Судіѣ». Это письмо тѣмъ болѣе поразило Государя, что черезъ двѣ недѣли получилъ онъ извѣстіе о его смерти.

Возвратясь въ Петербургъ, неизвѣстно по чьему внушенію, говорятъ по совѣту Аракчеева, преемникомъ Михаилу избралъ Государь Московскаго митрополита Серафима, умнаго старика, и хитраго, и стойкаго вмѣстѣ. Его назначеніе можно почитать началомъ постепеннаго паденія Голицына, Библейскаго Общества и мистицизма.

Въ слѣдующемъ году высочайшимъ рескриптомъ на имя графа Кочубея велѣно закрыть всѣ Масонскія ложи и тайныя общества и всѣхъ служащихъ, равно какъ и вступающихъ въ службу, обязать подпискою не посѣщать ихъ и къ нимъ не принадлежать. Эта мѣра была бы весьма полезна за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда мода и любопытство привлекали въ нихъ множество разнаго званія людей. Тогда злонамѣренные старались вербовать туда неопытныхъ юношей. Я давно пересталъ ходить въ ложи и только по наслышкѣ знаю, что онѣ были брошены большею половиною прежнихъ посѣтителей и продолжали существовать безъ цѣли и значенія.

Въ Августѣ Государь однакоже захотѣлъ показать себя гвардіи. Усилія Австрійскихъ войскъ въ Италіи были увѣнчаны успѣхомъ, и слѣдственно помощь Россіи сдѣлалась болѣе ненужною. Гвардейскій корпусъ былъ остановленъ на дорогѣ въ принадлежащемъ графу Хреbtовичу Вѣлорусскомъ помѣстьи Вѣшенковичахъ; туда отправился Государь. Осмотрѣвъ полки, онъ остался ими совершенно доволенъ, роздалъ нѣсколько наградъ начальствующимъ, но воротиться имъ въ Пе-

тербургъ на зиму не дозволилъ. На лучшія зимнія квартиры должны были они идти не помню въ Литву или въ Минскую губернію.

Желая въ одной этой главѣ соединить происшествія двухъ годовъ по одному предмету, скажу, что, въ слѣдующемъ 1822, къ 22 Іюля, дню именинъ вдовствующей Императрицы и Петергофскаго праздника, гвардія возвратилась изъ продолжительной и затруднительной прогулки своей; тутъ, кажется, послѣдовала совершенная мировая. Однако тутъ же приняты нѣкоторыя новыя мѣры, которыя соблюдаются и понынѣ; на примѣръ, тутъ начали заниматься учрежденіемъ Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ и Подпрапорщиковъ. Жизнь сихъ молодыхъ людей была дотолѣ самая праздная и соблазнительная: на нихъ мало взыскивали, на ученье ходили они рѣдко, въ караулы никогда. Но какъ всякое дѣло имѣетъ свою худую сторону, то заирать совершеннолѣтнихъ юношей, какъ малолѣтнихъ учениковъ, не значило ли возбуждать еще болѣе кипящія въ нихъ страсти? Исключая походовъ, гвардейцы не знали дотолѣ другой жизни, кромѣ столичной; съ этихъ поръ начали поочередно выводить батальоны на полгода въ окрестъ лежащія селенія.

Окончу сію главу разсказомъ о случившемся въ сіи два года, ближе ко мнѣ относящемся.

Сдѣлавшись главнымъ директоромъ Путей Сообщенія, сказать правду, мой Бетанкуръ слишкомъ зазнался. Онъ не видѣлъ границъ ни довѣренности къ нему Царя, ни покорности первыхъ лицъ въ государствѣ къ сему послѣднему, и почиталъ все себя дозволеннымъ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ связей, которыя бы во дни напасти нѣкоторымъ образомъ могли служить ему опорой. Россія казалась ему также неисчерпаемымъ кладземъ, и оттого предпріятіямъ его, скажемъ лучше, его строительнымъ затѣямъ, не было конца; на все требовалъ онъ милліоны и гнѣвался на министра финансовъ, который не умѣлъ ихъ находить. Въ преувеличенномъ видѣ кредитъ его представлялся Ранду, который внѣ круга дѣйствія своего также не имѣлъ никакихъ связей. Онъ, какъ говорится, смѣло билъ въ его голову, ни отъ чего незаконнаго не предостерегая, не удерживая его; только, для прикрытія собственной отвѣтственности, не скрѣплялъ ни одной изъ бумагъ имъ подписанныхъ. Оттого управленіе шло самымъ безпутнымъ образомъ, а число непріятелей Бетанкура, имъ оскорбленныхъ, въ высшемъ правительственномъ кругу, съ каждымъ днемъ возрастало. За всѣмъ слѣдилъ Аракчеевъ, коего покровительствомъ онъ пренебрегалъ, который не враждебно, но и не слишкомъ пріязненно былъ къ нему расположенъ и который обо всемъ доносилъ въ Тропшау и Лайбахъ. Къ веснѣ многіе были увѣрены, что начальнику моему не остаться на

мѣстѣ; тучи собрались надъ его головою, и ихъ не видѣли только онъ да Рандъ, именно тѣ, надъ коими онъ должны были разразиться.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Государя, въ Маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ онъ у него докладъ. Надобно полагать, что пріемъ ему былъ хорошій, ибо на другой день видѣлъ я его веселымъ по прежнему. Всѣ предположенія его одобрены, всѣ представленные имъ инженеры награждены; только представленія о гражданскихъ чиновникахъ Государь, показывая усталость, оставилъ у себя, обѣщая на другой день ихъ утвердить. Кто бы могъ подумать? Безъ всякой просьбы, безъ всякаго напоминанія съ моей стороны, и я попалъ въ число представленныхъ. Я думаю, Бетанкуру хотѣлось честнымъ образомъ отъ меня отдѣлаться, а потомъ распроститься со мною; для того прямо, мимо Милорадовича, испрашивалъ онъ мнѣ чинъ статскаго совѣтника. Онъ даже напередъ поздравилъ меня съ нимъ, а мнѣ не повѣрилось.

Дня черезъ три послѣ доклада, Бетанкуръ, увѣренный въ сохраненіи милости царской, имѣлъ неосторожность опять отправиться въ Нижній-Новгородъ, куда его всегда такъ и зазывало. Такимъ образомъ оставилъ онъ свободное поле проискамъ всѣхъ своихъ недоброжелателей. Скоро послѣ отъѣзда его узнали мы, что представленія объ насъ Государь велѣлъ отправить на разсмотрѣніе въ Комитетъ Министровъ, гдѣ цѣлые годы пролеживали они; ибо Государь въ частыхъ разъѣздахъ, говорили, не имѣетъ времени заняться ихъ утвержденіемъ. Меня это мало огорчило, я того и ожидалъ; но оно служило несомнѣннымъ доказательствомъ упадка моего начальника въ добромъ мнѣніи Царя.

Въ концѣ Сентября Бетанкуръ воротился въ Петербургъ не на радость. Недѣля за недѣлю Государь все откладывалъ испрашиваемый имъ докладъ. Это продолжалось почти три мѣсяца, какъ вдругъ въ главномъ управленіи его произошла ужасная тревога.

Пензенскій помѣщикъ, мой сосѣдъ, двоюродный братъ упомянутымъ мною Араповымъ и Хрущовымъ, Александръ Петровичъ Вельяшевъ, служилъ или скорѣе числился нѣкогда въ Иностранной Коллегии. Отецъ его Петръ Адриановичъ, богатый помѣщикъ, въ большихъ долгахъ не отъ мотовства, а отъ предприимчивости, сдѣлалъ изъ него своего повѣреннаго и прикащика. Исполняя волю отца, онъ слѣдовалъ, и собственной селонности, и въ самыхъ молодыхъ годахъ все равнялся отправленіемъ кулей внизъ по Сурѣ и вверхъ по Волгѣ. Когда ровесники и сослуживцы говорили ему о повви, о спектакляхъ, о красотѣ женщинъ, онъ все толковалъ имъ о Василь-Сурскѣ и о Рыбинскѣ. При учрежденіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія пожелалъ онъ служить въ его вѣдомствѣ, естественнымъ образомъ переведенъ въ

инженеры по сей части съ переименованіемъ въ равный чинъ и имѣлъ тутъ потомъ постоянные успѣхи. Всѣ поручаемыя ему операціи оканчивалъ онъ къ удовольствію начальства, хотя съ большимъ накладомъ для казны. Въ немъ было и Русское хлѣбосоольство, однакоже съ разборчивостію, и нѣкоторая часть тайно или даже открыто дѣлаемыхъ имъ приобрѣтеній поглощалась желудками угощаемыхъ имъ всегда болѣе или менѣе нужныхъ ему людей. Это былъ кладъ, а не человѣкъ. На упрекъ въ умноженіи состоянія отвѣтомъ всегда бывали родительскія спекуляціи.

Бывали и для него тяжелыя времена, именно передъ самымъ назначеніемъ Бетанкура въ должность главнаго директора. Въ чинѣ генераль-маіора между прочимъ завѣдывалъ онъ тогда устройствомъ дороги изъ Чудова въ Грузино. По какимъ-то доносамъ, по какимъ-то недочетамъ грозила ему напасть. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, говорится обыкновенно; мнѣ кажется, иногда и чортъ: съ неимовѣрною наглостію Вельяшевъ умѣлъ выпутаться изъ дѣла, обчель, обворожилъ Бетанкура и вмѣсто замсканія получилъ ленту. Чтò послѣ того года черезъ два могло разорвать крѣпкія связи его съ Рандомъ, мнѣ досалъ неизвѣстно; вѣроятно какіе нибудь споры по дѣлежу, какая нибудь неустойка, неисполненіе великолѣпныхъ обѣщаній, только вражда между сихъ людей возгорѣлась ужасная. Нападенія на Вельяшева поведены были сильно; можетъ быть, еслибъ онъ не ожидалъ скорого паденія Бетанкура, еслибъ онъ не твердо надѣялся на Аракчеева (къ которому умѣлъ поддѣлаться, но который никогда не потакалъ мошенничествамъ и его послѣ выдалъ), то не рѣшился бы онъ вступить въ неровный бой. Будучи членомъ Совѣта Путей Сообщенія вмѣстѣ съ генераломъ Карбоніеромъ, постояннымъ неодобрителемъ всего происходящаго, составилъ онъ съ нимъ явную оппозицію: они представили бумагу, исполненную самыхъ дерзкихъ выраженій въ видѣ протестаціи противъ дѣйствій главнаго директора. Это было почти наканунѣ Рождества 1821 года.

Когда о святкахъ дошло сіе до Государя, потребовалъ онъ къ себѣ, наконецъ, Бетанкура. Въ первый разъ принялъ онъ его сурово и между прочимъ сказалъ: «Я васъ не виню, а самого себя; я опредѣлилъ васъ въ должность, для которой вы неспособны и отъ которой вы отказывались». Кажется, послѣ этого оставалось только просить объ увольненіи отъ оной; но удовольствія власти сдѣлались уже въ немъ привычкою, и онъ остался. По крайней мѣрѣ, восторжествовалъ онъ надъ своими врагами. Можетъ быть, въ протестѣ двухъ генераловъ было много дѣльнаго, много истины; но онъ сдѣлавъ былъ во время неустройствъ на Западѣ и имѣлъ видъ возмущенія противъ началь-

ства; оба были удалены отъ должностей и преданы суду *). Но какъ бы ни было, этимъ нанесенъ рѣшительный ударъ Бетангуру.

Жизнь было плохое потомъ для бѣднаго Вельяшева: обвиненія на нихъ посыпались, и строго начали разсматривать его счеты. Мнѣ только одинъ разъ послѣ того удалось его видѣть. Въ Великую Пятницу 1822 года, гуляя по Невскому проспекту, зашелъ я отдохнуть въ Католическую церковь; въ ней было довольно просторно: всѣ толпились вокругъ декораціи, находившейся въ глубинѣ ея. Издали меня увидѣвъ, Вельяшевъ всталъ, подошелъ и сѣлъ возлѣ меня. Онъ былъ бѣловолосъ, блѣденъ, худъ и чрезвычайно картавъ, даже косноязыченъ. Тутъ на лицѣ его замѣтилъ я желтоватую синеву, и въ поношеномъ мундирномъ сертукѣ подъ поношеною шинелью показался онъ мнѣ очень жалокъ. Почитая меня справедливо недовольнымъ, пустился онъ говорить не столько объ общемъ нашемъ начальникѣ, какъ объ окружающихъ его. Онъ не старался оправдывать себя и кончилъ, сказавъ мнѣ: «Ну чтожъ, кѣй, такъ кѣй; но язвѣ я одинъ, да язвѣ я не давай Янту и Хьющову, да язвѣ нѣтъ у меня на то вѣйныхъ доказательствъ?» Я думаю, что онъ говорилъ неправду (такими доказательствами онъ бы вѣрно воспользовался); какъ Русскій человекъ, поступалъ онъ смѣло, неосмотрительно, а Рандъ всегда искусно умѣлъ, какъ говорится, хронить концы. Такая наивность привела меня въ совершенное смущеніе; языкъ прильнулъ къ гортани моей, и я съ трудомъ могъ проговоривать: ну, такъ, конечно, оно такъ. Замѣтивъ, что я неохотно его слушаю, онъ почти съ негодованіемъ оставилъ меня.

Еще весной узнали, что назначенъ новый конгрессъ въ Веронѣ и что Государь намѣренъ къ концу лѣта туда отправиться. На этотъ разъ Бетанкуръ не поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, остался въ Петербургѣ, тщетно умоляя объ аудіенціи и ожидая ея съ надеждою представить всѣ собранныя имъ объясненія и оправданія. Онъ получилъ ее наканунѣ отъѣзда Государева, 2 Августа.

Я ничего о томъ не зналъ. На другой день послѣ обѣда явился ко мнѣ вѣстовщикъ Морозовъ съ вопросомъ: «Правда ли, что Бетанкуръ отставленъ?»—Не знаю, отвѣчалъ я; дѣло возможное, только я не слышалъ. Я не обратилъ особаго вниманія на принесенныя имъ вѣсти, которыя по большей части бывали одно вранье; однакоже слѣдующимъ утромъ полюбопытствовалъ идти къ Бетангуру. Все нашелъ я въ прежнемъ порядкѣ, адъютантовъ, дежурныхъ, его самого, распоряджающаго, повелѣвающаго, а Ранда не только не встревоженнымъ, ка-

*) Карбоніеръ скоро оправдался и перешелъ въ военно-инженерное вѣдомство; а Вельяшевъ даже умеръ подъ судомъ.

залось, даже болѣе ободреннымъ. Я не рѣшился никого спросить; но отъ новаго адъютанта, гвардіи офицера Бестужева, ко мнѣ пріязненно расположеннаго, узналъ слѣдующее.

Государь принялъ Бетанкура повидимому весьма благосклонно, говорилъ ему съ сожалѣніемъ о множествѣ враговъ, которыхъ онъ, какъ иностранецъ, имѣетъ въ Россіи, и объявилъ, что придумалъ средство дать ему сильную опору. «Генераль-инспекторъ военныхъ инженеровъ—братъ мой Николай Павловичъ, сказалъ онъ, но по молодости лѣтъ онъ только поверхностно занимается этою частію, всѣмъ же заведываетъ директоръ инженернаго департамента, ученый и опытный генераль Опперманъ. Въ семействѣ моемъ выбралъ я одного человѣка, съ которымъ хочу поставить васъ въ одинаковыя отношенія; это родной дядя мой, герцогъ Александръ Виртембергскій, который теперь въ Витебскѣ генераль-губернаторомъ; онъ начальствовать будетъ только однимъ именемъ». Сбираясь въ путь, по совершенному недосугу, занятіе представленными ему дѣлами Государь отложилъ до скораго возвращенія своего. Въ приказѣ, тотъ же день отданномъ, ничего не упомянуто о Бетанкурѣ, а герцогъ названъ не главнымъ директоромъ, а главноуправляющимъ путями сообщеній. Понимай, какъ хочешь!

Странно, какъ Бетанкуръ не постигнулъ еще характеръ Александра, какъ онъ не понялъ дипломатической его уловки! Какъ вымышленный соотечественникъ его, графъ Альмавива, онъ не вѣрилъ одной только правдѣ. Между тѣмъ два Александра, Императоръ и герцогъ, дорогой имѣли свиданіе и тайное совѣщаніе. А мой бѣдняга оставался предоволенъ и даже съ большимъ нетерпѣніемъ, почти два мѣсяца, ожидалъ прибытія его королевскаго высочества.

Стоитъ поразсказать объ этомъ пріѣздѣ. Зять Бетанкура, маіоръ Эспѣхо, не помню по какому-то нужному дѣлу, былъ у меня часу въ четвертомъ 1-го Октября; въ день Покрова. Въ душевномъ волненіи, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ въ то утро имъ видѣннаго, передалъ онъ мнѣ всѣ подробности. Наканунѣ 1-го Октября рано пріѣхалъ герцогъ и остановился въ приготовленныхъ для него комнатахъ Зимняго дворца; потомъ отдалъ приказаніе, чтобъ всѣ инженеры, находящіеся на лицо, съ своимъ начальникомъ явились къ нему на другой день 1-го числа. Болѣе часа Бетанкуръ съ гурьбой подчиненныхъ долженъ былъ прождать; его позвали, но не отдѣльно, а вмѣстѣ съ ними. Поочередно началъ онъ ихъ представлять герцогу, какъ тотъ, вдругъ остановивъ его словомъ «довольно», обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Господа, въ вашемъ корпусѣ тѣмъ безпорядковъ, хищничества, до того, что мундиръ вашъ весь выпачканъ; его стыдно носить, и я не прежде надѣну его, пока новыми поступками вы не очистите его.

Сильными мѣрами постараюсь васъ къ тому понудить». Коротко и ясно. Ничего еще не выдавши, клеймить людей, изъ коихъ многіе были уваженія достойны, и единственно съ умысломъ оскорбить ихъ начальника: это такая безчеловѣчная жестокость, которую могъ себѣ позволить только Нѣмецкій принцъ. Бетанкуръ спросилъ его: когда прикажете представиться гражданскимъ чиновникамъ? «Никогда, отвѣчалъ онъ: они недостойны меня видѣть». Потомъ поворотился ко всѣмъ спиной и вышелъ.

Съ небольшимъ числомъ накопившихся бумагъ долженъ былъ я на другой день идти къ разобиженному, униженному генералу. Старикъ-швейцаръ изъ Нѣмцевъ встрѣтилъ меня съ печальнымъ видомъ и, качая головой, сказалъ: «Идите, все пусто, онъ одинъ, никого нѣтъ». Дѣйствительно я нашелъ его совершенно одного, одѣтаго въ мундиръ, сидящаго за письменнымъ столомъ, сложивъ руки, погруженнаго въ думу. «А, это вы!» сказалъ онъ, приподнявъ голову и, не смотря, сталъ подписывать мои бумаги. Я молчалъ. Вдругъ спросилъ онъ у меня: «Слышали-ли вы, что вчера происходило?» — Слышалъ и едва повѣрилъ, былъ мой отвѣтъ. «Но вы еще не все знаете, продолжалъ онъ; представьте себѣ, что вчера вечеромъ вдругъ онъ послалъ за Эвеніусомъ *) и велѣлъ ему, нанявъ подводы, въ самую полночь подѣхать къ моей канцеляріи, тамъ выбрать все дѣла и бумаги и привезти къ нему. Когда сегодня пришелъ Рандъ, чтобы приготовить къ докладу дѣла, нашелъ онъ всѣ шкапы пустыми и канцелярію расхищенною и когда узналъ, что все увезено Эвеніусомъ, пошелъ къ герцогу за приказаніями. Тотъ велѣлъ его пустить и встрѣтилъ словами: Зачѣмъ вы пришли? Вы мнѣ вовсе ненужны; ступайте вонъ и не показывайтесь мнѣ на глаза. Разсказавъ мнѣ о томъ, передъ вами только что онъ вышелъ отъ меня». Еслибъ я алкалъ мщенія, то какого лучше могъ я ожидать? Бѣдный старикъ до того обезпамятѣлъ, что забылъ, съ кѣмъ говорить и съ горестію возвѣщалъ о паденіи Ранда человѣку, котораго оно много опечалить не могло.

Не проходило потомъ недѣли, чтобы Бетанкуръ не испытывалъ новыхъ неприятностей, не претерпѣвалъ новыхъ униженій. Принявъ предложеніе Государя, онъ добровольно подчинилъ себя герцогу; дѣлать было нечего. Положеніе его было совершенно новое: никто еще не видѣлъ министра, сдѣлавшагося вдругъ подчиненнымъ преемника своего.

Ни одинъ изъ прежнихъ главныхъ директоровъ, ни принцъ Ольденбургскій, ни Де-Воланъ не могли входить ни въ какія распоряженія по Институту Путей Сообщенія; согласно волѣ Императора, Бетанкуръ

*) Смирный, честный и трудолюбивый помощникъ Рана, совсѣмъ на него непохожій.

оставался въ немъ полнымъ властелиномъ и хозяиномъ. Не предупредивъ его, герцогъ вдругъ прѣѣхалъ осматривать сіе заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ. По учебной части трудно бы было ему найти какое-либо упущеніе; за то по матеріальной ко всему придирался онъ, чтобы все расхулить. Тамъ штукатурка немного отвалилась, тамъ замѣтилъ онъ пятно на стѣнѣ; не смотря на позднее время года, все велѣлъ онъ переправить, перекрасить. Наконецъ, за всѣ таковыя неисправности объявилъ строжайшій выговоръ начальству. Еще гораздо позднеѣ, кажется, уже въ Ноябрь, далъ онъ, какъ бы адъютанту, письменное приказаніе предмѣстнику своему отправиться въ Шлиссельбургъ, для осмотра какихъ-то поврежденныхъ въ шлюзахъ, затрудняющихъ прибытіе послѣднихъ транспортовъ.

Я не понималъ, я не узнавалъ Бетанкура; правда, повиновеніе его было молчаливое и сердитое, но не менѣе того безотвѣтное. Въ поступкахъ герцога онъ находилъ нѣчто столь чудовищное, что надѣялся по возвращеніи Царя видѣть сердце его тронутымъ такими противъ него несправедливостями. Какъ онъ ошибался! Немало огорчило его также въ это время изъявленное герцогомъ намѣреніе лишить его великолѣпной квартиры.

Сынъ не короля и даже не курфирста, а только владѣтельнаго герцога Виртембергскаго, прежде князя Монбеліарскаго, отца многочисленнаго семейства, герцогъ Александръ претерпѣвалъ нѣкогда нужду, и состояніе его далеко не равнялось знаменитости его рода. А въ крови всѣхъ членовъ этого владѣтельнаго дома была страсть къ пышности, къ наружному величію. Старшій братъ его, первый король Виртембергскій, коего наслѣдственныя владѣнія, благодаря постоянному союзу его съ Наполеономъ, увеличились впятеро, могъ болѣе удѣлять меньшимъ братьямъ. Однакоже не болѣе пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія могъ онъ получать отъ него. Гораздо болѣе имѣлъ онъ отъ щедротъ царственныхъ родственниковъ своихъ въ Россіи. Съ малолѣтства, говорятъ, имѣлъ онъ великую склонность къ математикѣ вообще и къ живописи. Въ первой имѣлъ большіе успѣхи и съ прежнею Нѣмецкою терпѣливостію и въ другихъ частяхъ пріобрѣлъ много познаній. Иногда искусство можетъ исправлять, украшать тощую природу, но никогда одна наука не можетъ вполне замѣнить врожденный умъ. При малыхъ средствахъ, со вкусомъ и бережливостію, герцогъ умѣлъ составить себѣ изящную картинную галлерей, которукъ, за неизмѣнимъ имъ осѣдлости, можно было назвать кочевую. Чтобы разставить ее и жить съ подобающимъ сану его достоинствомъ, мысленно избралъ онъ казенный, прежде Юсуповскій домъ, который безъ всякаго преувеличенія, когда угодно, можно было назвать дворцомъ.

Для занятія его, самъ Бетангуръ неумышленно приготовилъ ему средства. Еще при принцѣ Ольденбургскомъ значительный капиталъ выданъ былъ изъ казны на покупку въ Петербургѣ дома для департамента и канцелярій. По жительству принца въ Твери капиталъ сей положенъ былъ для приращенія процентами въ Заемный Банкъ. Сверхъ того на тотъ же предметъ по штату отпускалась ежегодно сумма, изъ которой бережливый Де-Волянъ употреблялъ только половину для найма квартиры департаменту, а остальное отсылалъ въ тотъ же Банкъ. Институту принадлежало пустое мѣсто по Обуховскому проспекту; на немъ затѣялъ Бетангуръ построить большое, славное зданіе и употребить для того найденный имъ накопившійся огромный капиталъ. Докладывая о томъ Государю, сказалъ онъ: «Есть мѣсто, есть деньги, и Вашему Величеству копѣйки это не будетъ стоить». Однакоже строители, инженеры умѣли такъ сдѣлать, что свыше смѣты пришлось еще до трехъ сотъ тысячъ ассигнаціями доплатить. Строеніе было только что совершенно окончено и отдѣлано и по величинѣ своей не соотвѣтствовало своему назначенію, ибо нѣсколько департаментовъ могло въ немъ помѣститься. Герцогъ нашелъ, что оно весьма удобно для Института, и если вывести его изъ Юсуповскаго дома, можетъ онъ занять его мѣсто. Всѣ сіи перемѣщенія могли быть сдѣланы лишь съ согласія Императора, а возвращенія его ожидали только въ Генварѣ, слѣдственно ближе весны нельзя было приступить къ передѣлкамъ, и хотя на нѣсколько мѣсяцевъ Бетангуръ могъ сохранить свое жилище.

Черты у герцога, говорятъ, были правильныя (я его никогда не видалъ), но обезображены большимъ наростомъ, шишкою или лупою. Не смотря на грозное его вступленіе, подчиненные не весьма боялись его; при дворѣ его не уважали, особливо молодые племянники, изъ коихъ проказливый Михаилъ Павловичъ называлъ его то титулярнымъ совѣтникомъ Шишкинымъ, то дядюшкой Лупандинымъ (отъ слова loure) и, наконецъ, великимъ Понтифомъ, какъ завѣдывающимъ ponts et chaussées. Какъ въ мужѣ почтенной и любви достойной принцессы и отцѣ семейства не одобряли въ немъ также слишкомъ явной страсти къ прерѣннымъ женщинамъ.

Изгнавъ Ранда и Хруцова, управленіе департаментомъ временно поручилъ онъ привезенному съ собою правителю канцеляріи своей, Бѣлорусскому дворянину, статскому совѣтнику Петру Вонифатьевичу Борейшѣ, извѣстнѣйшему плуту, и сохранилъ его директоромъ до конца жизни своей; и такъ, какъ говорятъ Французы, чортъ ничего тутъ не потерялъ. Исключая двухъ первыхъ, вѣроятно пожертвованныхъ послѣднему, со всѣми другими герцогъ былъ отъменно хорошъ. Я уже говорилъ объ увертливости и угодливости Варенцова; для него сочи-

нилъ Бетангуръ дежурство, превратившееся при герцогѣ въ штабъ корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія; пользуясь великою довѣренностію новаго начальника, онъ имѣлъ безстыдство и подлость вездѣ поносить прежняго, ему столь благодѣтельствовавшаго. Добрый, честный, любострастный Маничаровъ изъ адъютантовъ попалъ къ герцогу по особымъ порученіямъ, и при семъ обожателѣ прекраснаго пола житье ему было лучше прежняго. Наконецъ, и Бестужева взялъ онъ къ себѣ въ адъютанты и всегда любилъ.

По положенію моему, внѣ совершившихся великихъ переворотовъ, былъ я простымъ ихъ зрителемъ. Наконецъ, съ моимъ Бетангуромъ остались мы почти съ глазу на глазъ; но все какая то неловкость продолжала существовать въ нашихъ сношеніяхъ; мало-по-малу воротилась прежняя довѣренность, и наши бесѣды сдѣлались откровеннѣе. Странная была моя участь: я былъ чуждъ его торжеству, а раздѣлялъ его паденіе. Въ послѣдніе годы лѣность не до того овладѣла мной, чтобы въ другихъ вѣдомствахъ не искалъ я мѣста, если не равнаго тому, которое имѣлъ въ виду, по крайней мѣрѣ немного ниже. Непріязненность къ человѣку, при которомъ я находился, вездѣ ставила мнѣ препятствія. Наконецъ, я рѣшился все бросить и съ братомъ зарыться въ деревнѣ; зимой непременно бы я сіе сдѣлалъ, еслибъ осенью не послѣдовали для насъ такія важныя перемѣны. Мнѣ стало совѣстно и жалко какъ будто бросить человѣка всѣми покинутаго; однакоже намѣренія моего я не оставлялъ и для исполненія его ожидалъ только весны.

Надобно же сказать, что послѣдовало съ Бетангуромъ по возвращеніи Государя изъ Вероны. Опальный писалъ къ нему, но не получилъ отвѣта. Насилу, какъ бы въ оказаніе особой милости, дозволено ему не числиться болѣе въ Корпусѣ Инженеровъ, не управлять Институтомъ Путей Сообщенія и не зависѣть отъ герцога. Въ завѣдываніи его остались только Петербургскій Строительный Комитетъ, Исакиевскій соборъ и Нижегородская ярманка. По первому предмету раза два или три въ недѣлю официально занимался я съ нимъ; по послѣднимъ бумагами приватно завѣдывалъ Рандъ, съ которымъ, къ счастію, мнѣ рѣдко случалось встрѣчаться. Ослѣпленіе старца длилось до конца жизни его; а его губитель, уже безъ цѣли, по одной привычкѣ, старался сохранить надъ нимъ прибрѣтенную власть.

IV.

Съ тѣхъ поръ какъ по службѣ обязанъ я былъ заниматься строительною частію въ Петербургѣ, въ Запискахъ сихъ я почти ничего о ней не упомянулъ. Имѣя въ виду скоро разстаться съ нею, нехудо сдѣлаю, если читателю дамъ отчетъ въ ея успѣхахъ.

Одинъ огромный памятникъ обращалъ въ это время на себя особое вниманіе Гесударя—вѣчно строящійся Исакиевскій соборъ. Въ концѣ 1817 года утвердилъ онъ новый чертежъ и планъ сего зданія и для перестройки его учредилъ комиссію подъ предѣдательствомъ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина. Генераль Бетанкуръ назначенъ членомъ сей комиссіи по искусственной части, то-есть настоящимъ строителемъ; именемъ же строителя почтенъ Монферранъ, архитекторъ невзначай.

Найдено, и весьма справедливо, что величина угловатаго, неправильнаго просграннаго поля, которое подъ именемъ площади окружало прежній соборъ, повредить колоссальности возводимаго новаго храма, и для того, по волѣ Царя, сдѣланъ новый планъ площади; кусокъ въ видѣ треугольника отрѣзанъ отъ нея для постройки на немъ частнаго строенія, которое могло бы служить частію красивой рамы великолѣпной картинѣ.

Я не видѣлъ начала исполненія сего предпріятія: къ нему приступлено послѣ отъѣзда моего за границу, весною 1818 года. Когда я возвратился, нашелъ я подлѣ собора въ одно лѣто выросшій огромный домъ, который по формѣ своей походилъ на фортепіано и принадлежалъ родному племяннику министра юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому. Сей послѣдній разбогатѣлъ отъ женитьбы на графини Безбородко, племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ князя Безбородки. Что же касается до самого собора, то кирпичный куполь, построенный при Павлѣ, былъ уже съ него снятъ, и небольшая часть его къ Почтовой улицѣ сломана. Другихъ перемѣнъ я не нашелъ, и въ послѣдующіе годы видѣлъ мало.

А между тѣмъ полтора миліона рублей ассигнаціями ежегодно отпускаемо было для строенія. На что употреблялись они? На постройку существующаго японинъ деревяннаго забора и спрятаннаго за нимъ деревяннаго городка для помѣщенія рабочаго народа и смотрителей за работами, на сооруженіе гранитнаго фундамента подъ новое къ Почтовой улицѣ вытягивающееся строеніе, болѣе же всего на заготовленіе драгоценныхъ матеріаловъ. Ими изобиловали въ Финляндіи Рускіяльскія каменоломни, и одинъ простой Русскій промышленникъ, Яковлевъ, въ кафтанѣ и бородѣ, нашелъ удобное и легкое средство добывать огромнѣйшія ихъ массы безъ помощи инженеровъ и механиковъ и доставлять ихъ водою въ Петербургъ. Тутъ узналъ я все недоброжелательство и несправедливость западныхъ иностранцевъ къ Русскимъ; немногіе говорили объ этомъ человѣкѣ съ нѣкоторымъ одобреніемъ, только двое или трое дивились его изобрѣтательности. За то Рускіе осыпали его похвалами, когда лѣтомъ 1822 года на Исакиев-

скую площадь съ Невы вывалили онъ чудовищный монолитъ, первый изъ тѣхъ, кои поддерживаютъ нынѣ фронтоны собора. Нерукотворная гора подъ стопами Мѣднаго Всадника, воспѣтая Рубаномъ, вблизи его казалась карлицей подлѣ великана. Нуженъ былъ и въ Бетанкурѣ гѣній механики, чтобы поднять такую тяжесть и какъ простую палку воткнуть передъ зданіемъ. Выдуманныя имъ машины служили великою помощію Монферрану, а послѣ смерти его сдѣлались его наслѣдствомъ. Все споспѣшествовало этому человѣку: искусство и Бетанкура, и Яковлева и, наконецъ, каменнаго дѣла мастера Квадри, который прочно умѣлъ строить, лучше всякаго архитектора. Ему оставалось только рисовать, да пока учиться строительной части.

За заборомъ нельзя было видѣть, какъ фундаментъ новаго строенія подымается изъ земли; только всѣ видѣли, какъ каждый годъ что-нибудь отламывалось отъ стараго, такъ что, наконецъ, осталась одна самая малая часть его и, можно сказать, украшала все еще новый Петербургъ, ибо была въ немъ единственною великолѣпною руиною.

Чтобы, между тѣмъ, чѣмъ-нибудь потѣшить Царя, Монферранъ, съ одобренія Бетанкура, затѣялъ сдѣлать деревянный модель новой церкви. Болѣе года отдѣлывался онъ въ надворномъ строеніи того дома, гдѣ мы жили съ Монферраномъ, и стоилъ болѣе восьмидесяти тысячъ рублей ассигнаціями. Когда онъ былъ оконченъ, его перенесли и поставили въ большой комнатѣ, которую онъ всю наполнилъ собою. Она была рядомъ съ моею квартирой, и я могъ досыта налюбоваться этой щеголеватой и великолѣпною игрушкой. Куполь какъ жаръ былъ вызолоченъ; лакированное дерево можно было принять за гранитъ и мраморъ: до того оно имъ уподоблялось. Посредствомъ рукоятки модель раздвигался на двое и давалъ входъ во внутренность храма: тамъ все было, и штучный полъ, и раззолоченный иконостасъ, и миниатюрныя иконы, его украшающія, и все чудесно было отдѣлано. Въ комнатѣ, черезъ которую надобно было проходить, для противоположности нарочно поставленъ былъ довольно грубой работы небольшой модель старой церкви, отъ времени попортившійся и который дотошъ хранился въ Академіи Художествъ. Разница должна была броситься въ глаза, хотя одно было плодомъ воображенія пресловутаго Растрели, а въ сочиненіи другаго, какъ въ иныхъ Французскихъ водевиляхъ, участвовали три автора. Можетъ быть нынѣ посмотрѣли бы снисходительнѣе и безпристрастнѣе, но тогда строго держались чисто-Греческаго стиля, соединяющаго простоту съ величіемъ, не хотѣли слышать о ренесансѣ, о моенажѣ, и слово рококо было вовсе неизвѣстно.

Государю угодно было модель сей удостоить своимъ воззрѣніемъ. По сосѣдству мнѣ захотѣлось быть свидѣтелемъ сего посѣщенія. Не

предупредивъ Бетанкура, а только условясь съ Монферраномъ, явился я тутъ въ какомъ качествѣ? право, самъ не знаю, ремесленника ли или помощника архитектора. Это было въ Маѣ 1820 года. Настъ было всего трое, ожидавшихъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, четвертый—прибывшій Государь. Вотъ первый и единственный разъ, что вдали отъ толпы, на столь небольшомъ пространствѣ и такъ продолжительно, могъ я видѣть и слышать его. Сперва жался я къ двери, но скоро любопытство побѣдило во мнѣ почтительный страхъ (къ счастью, онъ ничего не спросилъ обо мнѣ). Съ величайшимъ вниманіемъ онъ все разсматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ, дѣлалъ свои замѣчанія, и нѣсколько разъ низко нагнбался, чтобы посудить объ эффектѣ, который произведетъ внутренность храма. Какъ онъ былъ еще хорошъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ и съ обнаженнымъ челомъ, и при умножающейся тучности какъ былъ онъ еще строень! Не меня дарилъ онъ улыбками, не ко мнѣ обращалъ онъ милостивое слово, а я весь былъ очарованъ. Удаляясь и взглянувъ на оба модели, на пестрый и потускнѣвшій и на тотъ, который блисталъ бѣлизной, обратился онъ къ Бетанкуру и сказалъ ему: «Вы знаете, на счетъ нашего предпріятія какъ много въ городѣ сплетень и пересудовъ; эти модели будутъ лучшимъ на нихъ отвѣтомъ». И дѣйствительно, всѣ художники роптали. Какъ можно для вѣковаго зданія не сдѣлать конкурса? говорили они. Архитекторы ненавидѣли Бетанкура за Монферрана, инженеры—за Ранда, всѣ знатные завидовали его кредиту; другія состоянія видѣли въ немъ иностранца, презирающаго ихъ отчизну, и все возстало на добраго человѣка, только ослѣпленнаго успѣхами. Европейцы и до сихъ поръ не постигли насъ; они полагаютъ, что въ Россіи нѣтъ другой Россіи кромѣ Царя. Одни Нѣмцы хорошо насъ поняли и оттого, если Богъ попуститъ, долго будутъ они у насъ первенствовать.

Изъ двухъ проектированныхъ замѣчательныхъ зданій одно въ это время было построено, хотя еще не отдѣлано: это новый Михайловскій дворецъ. Покойный императоръ Павелъ, при рожденіи младшаго сына Михаила Павловича, велѣлъ ежегодно откладывать, не помню по скольку сотенъ тысячъ рублей, дабы сей Вениаминъ, коему не суждено было царствовать, достигнувъ совершеннолѣтія, по крайней мѣрѣ могъ жить по-царски. Говорятъ, что накопилось до девяти милліоновъ, коихъ употребленіе молодой чело^{вѣ}къ предоставилъ старшему брату Государю. На нихъ-то, подъ наблюденіемъ Росси и по плану его, выстроены дворецъ, для котораго образцомъ, хотя не совсѣмъ удачно, архитекторъ взялъ Лувръ.

Къ исполненію другаго проекта при мнѣ еще не было приступлено; оно послѣдовало немедленно послѣ моего отъѣзда. На дворцовой

площади съ правой стороны находился закругленный такъ называемый Ланской домъ, а съ лѣвой—цѣлый рядъ частныхъ домовъ, образующій какой-то топорокъ, что ей давало видъ совсѣмъ неблагообразный. Дѣбы сдѣлать ее болѣе регулярною, положено скупить всѣ дома, сломать ихъ и на ихъ мѣстѣ, въ видѣ неправильнаго полукружія, построить тѣ безконечныя зданія, въ коихъ помѣщаются нынѣ Главный Штабъ и два министерства—Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ.

Къ этому времени принадлежитъ и перестройка Большаго каменнаго театра, сгорѣвшаго 1 Января 1811 года, хотя она произведена гораздо ранѣе. Французъ Модюи принялъ на себя этотъ трудъ такъ, отъ нечего дѣлать, говорилъ онъ, и дѣбы доказать Русскимъ, что и въ бездѣлицѣ можетъ выказаться геній. Этотъ первый опытъ его въ Петербургѣ былъ и послѣдній. Не совсѣмъ его вина, если наружность зданія такъ некрасива, если надъ театромъ возвышается другое строеніе не соотвѣтствующее его фасаду. Тогдашній директоръ, князь Тюфякинъ, для умноженія прибыли, требовалъ, чтобъ его какъ можно болѣе возвысили. Когда перестройка была кончена, въ началѣ 1818 года, дворъ находился въ Москвѣ, а Государь на нѣсколько дней прѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ осмотрѣлъ театръ, остался доволенъ, но при открытіи его быть не хотѣлъ. Щедро наградилъ онъ Модюи и деньгами, и чиномъ коллежскаго ассессора; а тому болѣе хотѣлось крестика *).

Упомянувъ о театрѣ, кстати приходится мнѣ здѣсь говорить и о театральныхъ представленіяхъ. Въ Русской труппѣ большихъ переменъ произойти не могло. Цѣлое новое поколѣніе молодыхъ актеровъ—Сосницкій, Рамазановъ, Климовскій,—показалось въ пятнадцатомъ году; въ столь короткое время они не могли состарѣться, а напротивъ возмужали и усовершенствовались.

Опера шла тихимъ шагомъ съ своимъ прежнимъ Самойловымъ и съ меньшою Семеновою. Комедій новыхъ было мало, а новыхъ трагедій и вовсе не было. Но въ старыхъ, и особенно въ драмахъ, явился маленькій феноменъ, молодой Каратыгинъ. Какъ законный наслѣдникъ престола, заступилъ онъ мѣсто отошедшаго въ вѣчность Яковлева, всѣми почитаемаго отцомъ его. Хотя въ голосѣ двухъ трагическихъ артистовъ было большое сходство, за то въ прочемъ совершенная разнища. Рослый и величавый Каратыгинъ, съ благородною осанкой и

*) Въ это царствованіе ленты и звѣзды сохраняли еще свою цѣну; ихъ не бросали на всѣхъ медиковъ, профессоровъ, архитекторовъ и тому подобныхъ людей. Если который изъ нихъ, бывало, получить орденъ въ петлицу или на шею, то бывалъ тѣмъ счастливѣе на всю жизнь. Когда знаменитому Гваренти дали Владимірскій крестъ 4-й степени, онъ не снималъ его и всегда подписывался съ тѣхъ поръ Cavaliere di Guarenghi.

красивымъ станомъ, умѣлъ пользоваться сими дарами природы; скоро ученіемъ и терпѣніемъ приобрѣлъ онъ и искусство. Онъ женился на дочери танцовщицы Колосовой, дѣвочкѣ благовоспитанной, которая съ нимъ явилась на сценѣ и котóрой вредилъ только недостатокъ въ произношеніи. Онъ съ нею ѣздилъ въ Парижъ, тамъ примѣръ Тальмы и совѣты умной жены не только развили, даже породили талантъ, котораго отъ природы, какъ утверждаютъ, онъ не имѣлъ. Какъ бы то ни было, послѣ Дмитревскаго, котораго, еле живаго, видѣлъ я въ глубокой старости, выше актера въ этомъ родѣ мы не имѣли.

По какимъ-то несогласіямъ съ Тюфякинымъ Шаховской оставилъ служеніе въ театральной дирекціи, но сохранилъ на нее большое вліяніе, ибо актеровъ и актрисъ, воспитанниковъ и воспитанницъ одинъ училъ декламировать и для нихъ одинъ почти писалъ піесы. Въ это время сдѣлался онъ неистощимѣе, плодовитѣе чѣмъ когда-либо, только въ легкомъ родѣ: по большей части писалъ онъ хорошенекіе водевили, которые трудно бы мнѣ было здѣсь припомнить и исчислить. Для этого рода образовалъ онъ еще двухъ миленькихъ актрисъ, съ Французскимъ прозваніемъ, Монруа и Дюрову; обѣ были хороши собой, особливо послѣдняя. Въ водевиляхъ былъ также весьма забавенъ Шаховскимъ же образованный шутъ, Величкинъ.

Недочеты, передержки надѣлали князю Тюфякину много непріятностей, которыя и его понудили оставить главную дирекцію. Для правленія финансоваго состоянія театра, управление его, съ сохраненіемъ должности генераль-губернатора, поручено графу Милорадовичу, у котораго, кромѣ неоплатныхъ долговъ, ничего уже не было. Онъ давно добивался этого мѣста и получилъ его какъ одну изъ наградъ за его великіе подвиги. Каррикатурный Баярдъ въ одномъ только былъ схожъ съ подлинникомъ, котораго передражничалъ: онъ былъ столько же храбръ, какъ и тотъ. Не въ цѣломудріи подражалъ онъ этому рыцарю, когда театральную школу превратилъ въ свой гаремъ. И такъ сильны въ насъ привычки, такъ влечетъ насъ опять къ покинутой власти, что бѣдный Шаховской, по настоянію Ежовой, согласился быть его Кизляръ-агой. Сего ему было мало; онъ захотѣлъ имѣть свой Паркъ-о-Серъ, и давно брошенный Екатерингофскій лѣсокъ избралъ мѣстомъ своихъ увеселительныхъ занятій. На украшеніе его вытребовалъ онъ у города болѣе милліона рублей, для молодыхъ актрисъ и воспитанницъ кругомъ велѣлъ нанять дачки, и въ выстроенной залѣ, подъ именемъ воксала, началъ (разумѣется не на свой счетъ) давать балы, на которыхъ плясали передъ нимъ одалиски, баядерки и алмѣ, и онъ по прихоти бросалъ имъ свой платокъ. Не знаю, при такомъ начальникѣ усовершенствовалось ли драматическое искусство? Только послѣ трех-

лѣтняго управленія его, открылся ужасный дефицитъ какъ въ городскихъ, такъ и въ театральныхъ суммахъ. Онъ безъ счету бросалъ нѣкогда собственныя деньги; когда ихъ не стало, принялся за чужія и, зная, что ему нечѣмъ будетъ заплатить, гдѣ только можно, особенно у подчиненныхъ, вездѣ занималъ. Спрашивается, можно ли назвать это кражей *)?

Долго не могли склонить Государя вновь завести Французскую труппу, тщетно представляя ему, что дипломатическій корпусъ, тысячи иностранцевъ и лучшее общество умираютъ безъ нея со скуки. Наконецъ, согласился онъ, не принимая ихъ на придворное вѣдомство, дозволить прибывшимъ актерамъ явиться на Маломъ театрѣ, гдѣ обыкновенно играли Нѣмцы. Тамъ увидѣлъ я ихъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ концѣ 1818 года, и даже послѣ Парижа нашелъ, что они недурны.

Играли все почти однѣ небольшія комическія оперы: къ нимъ причила Фились Петербургскую публику. Первою пѣвицей была довольно молодая, полная и красивая мадамъ Данжевилъ Вандербергъ, которая пѣніемъ напоминала, но не замѣняла Фились. Первымъ, или, лучше сказать, сперва единственнымъ теноромъ былъ толстый Брисъ; жена его худощавая, почти высохшая, но живая Французенка, игрой, фигурой и манерами нѣсколько напоминала Фились, но отнюдь не пѣніемъ. Сію чету называли у насъ картофелемъ со спаржей. Еще привезли они съ собой одного несноснаго Поляка Валдовскаго, выросшаго, а можетъ-быть и родившагося, во Франціи, и оттого переименовавшаго себя въ Валдоски. Имъ на подмогу играли прежніе оставшіеся здѣсь актеры: Монготье, Андрѣ и братья Мезіеры. Вскорѣ пріѣхалъ и другой теноръ, Женѣ, красавецъ собой и довольно изрядный пѣвецъ, котораго на сценѣ я видѣлъ въ Парижѣ.

Въ слѣдующемъ году позволено имъ играть на Большомъ и Маломъ театрахъ, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ поступили они на казен-

*) Одинъ случай покажетъ всю безчувственность этого безсовѣстнаго человѣка; мнѣ его рассказывали очевидцы. Когда онъ начальствовалъ въ Бухарестѣ, занялъ онъ у одного провіантскаго чиновника до десяти тысячъ казенныхъ денегъ. Вскорѣ другой чиновникъ пріѣхалъ первому на смѣну и сталъ требовать сдачи. Тотъ убѣдительно умолялъ должника о заплатѣ, представляя, что онъ рискуетъ попасть подъ судъ и быть разжалованъ. „Подожди, помилуй, неужели ты мнѣ не вѣришь?“ всегда былъ отвѣтъ; послѣдній же былъ—приглашеніе въ себя на балъ. Несчастный явился и въ промежуткѣ танцевъ сталъ посреди залы и воскликнулъ: „Знаете ли, господа, мнѣ у кого? У злодѣя, у вора“. Съ тѣмъ вмѣстѣ вынулъ онъ пистолеть и тутъ же застрѣлился. «Мой Богъ (извѣстная поговорка Милорадовича), закричалъ онъ, что это значитъ? Велите скорѣе вынести этого сумасброда». А послѣ того, какъ бы ни въ чьей не бывало, приился за мазурку.

ное содержаніе. Для удовлетворенія желанія молодыхъ великихъ князей, которыхъ въ Парижѣ такъ потѣшалъ Потье, выписанъ Сень-Феликсъ, вѣрная съ него копія, и нѣсколько другихъ забавниковъ и забавницъ, которые ввели къ намъ піесы съ театра Де-Варіете. Наконецъ, стали показываться комедіи и, вмѣстѣ съ фарсами, мало по-малу вытѣснятъ Французскую оперу, которая пришлась уже не по вкусу новаго поколѣнія.

За то опять стали мы знакомиться съ Итальянскимъ пѣніемъ. Только о цѣлой оперѣ въ это время и думать было невозможно: стали только появляться залетныя птицы для концертовъ. Первая изъ нихъ, Сесси, куды нехороша была собою; по моему, и пѣла она неприятнымъ образомъ; сила и чистота были въ ея голосѣ, но ничего выразительнаго. Знатоки велѣли дивиться ей, имъ повиновались и, зѣвая, восхищались и платили деньги.

Почти тоже, что о Сесси можно сказать о прибывшей черезъ годъ послѣ нея одной Европейской знаменитости. У г-жи Каталани въ горлѣ были всѣ ноты отъ тонкаго сопрано до густаго баса, и симъ натуральнымъ инструментомъ владѣла она превосходно: вотъ все что могу сказать о ней. Англичане, которые, какъ извѣстно, не имѣютъ врожденнаго вкуса къ музыкѣ, а изъ тщеславія сыплютъ гинейми на прославленныхъ артистовъ, дивились ея голосу, какъ игрѣ природы, и изъ Альбіона, войною тогда отрѣзаннаго отъ Европы, нѣсколько лѣтъ гремѣли ей хвалы. На такой высотѣ увидѣла она соперника въ Наполеонѣ и объявила ему войну. За Бурбонами послѣдовала она въ Парижъ, гдѣ дворъ и легитимисты старались прославить и поддержать ее. Лондонъ и Парижъ владѣютъ правомъ раздавать дипломы на артистическую славу; вооруженная ими, предшествуемая молвой и замѣтивъ, что число ея слушателей безмѣрно уменьшается, Каталани пустилась по бѣлу свѣту собирать дань съ другихъ народовъ.

Всѣ столицы посѣтила она потомъ, но имѣла осторожность болѣе двухъ, много трехъ или четырехъ, концертовъ нигдѣ не давать; сего было достаточно, чтобъ истощить восторги, произведенные ея пѣніемъ; дѣло шло для нея болѣе объ умноженіи капитала. Я уже сказалъ въ предыдущей части, что въ Аахенѣ, сквозь окно или два окна, черезъ улицу или переулокъ, слышалъ я громогласіе ея и совсѣмъ не былъ обворожень; въ Петербургѣ, послушавъ ея ближе, я надѣялся лучше о томъ посудить. Плата за входъ была не огромная, въ сравненіи съ нынѣшними чудовищными цѣнами, по 25 рублей ассигнаціями; два раза ходилъ я слушать ее, издержалъ пятьдесятъ рублей и, право, на пятьдесятъ копѣекъ не имѣлъ удовольствія. Съ аристократическими затѣями установила она для себя особый церемоніалъ: публика съ не-

терпѣніемъ наполняла филармоническую залу; лядащій оркестръ, ея привезенный съ собою, состоявшій изъ двухъ или трехъ музыкантовъ, стоялъ уже на эстрадѣ, а объ ней еще помину не было. Кто-нибудь изъ знатныхъ дождался ея у подъезда, вынималъ изъ кареты, подавалъ руку, подымался съ нею по лѣстницѣ, провожалъ сквозь толпу и возводилъ на возвышеніе, откуда она милосивно взирала на жаждущихъ слышать ее. Концерты ея ограничивались одною ея особой, и это было ей нетрудно: какъ у Цыганокъ, было у нея десять или двѣнадцать годами затверженныхъ арій, между коими вѣчная *la placida campania*.

Такія почести, признаюсь, меня возмущали, а это было только вступленіемъ въ нынѣшнее безумное время, когда жители на себѣ возять артистокъ въ колесницахъ. Когда Римъ властвовалъ надъ міромъ, когда было для него время великихъ мужей и великихъ дѣяній, одни побѣдители, триумфаторы восходили въ Капитолій; подъ папскимъ владѣніемъ, чести, которой не имѣли ни Вергилій, ни Гораций, удостоивались посредственные поэты, вѣнчанные, названные лауреатами. Италия униженная, нѣсколько вѣковъ порабощенная Нѣмцами, никакъ не можетъ забыть своей прежней славы и изъ сыновъ своихъ удѣляетъ ее кому попало. Замѣчено, что когда высокія чувства гаснутъ въ душѣ, когда мелѣютъ народные характеры, тогда люди боготворятъ одни только свои наслажденія. Неужели такъ и у насъ? Нѣтъ, все что творится у меня передъ глазами—дѣйствіе нашей подражательности. Намъ несвойственъ фуроръ южныхъ народовъ; одно истинное, великое должно возбуждать въ насъ восторги.

Показавшись разъ пять, чудо Европейское отъ насъ скрылось и не оставило не только сожалѣнія, едва ли воспоминанія между людьми, которые считали обязанностію пѣвнаться ея голосомъ. Сію обязанность гораздо легче было выполнить, когда черезъ года полтора пріѣхала къ намъ Боргондіо. Вотъ это ужъ была пѣвица: еслибъ она и не очаровала насъ своимъ пѣніемъ, то поразила бы новостью его рода. Въ Италіи прекратился наконецъ жестокой обычай младенцевъ лишать пола; ибо сіи несчастные, какъ бы хорошо ни пѣли, въ слушателяхъ производили нѣкоторое отвращеніе. Взамѣнъ ихъ начали искать контральты между женщинами, и Боргондіо была въ числѣ сихъ счастливыхъ обрѣтений. Мы не слышали ея въ концертахъ, а нѣсколько разъ въ одной лишь оперѣ, въ которой на подмогу дана ей была Нѣмецкая труппа. Въ ней явилась она Танкредомъ, а цѣлую четверть столѣтія блиставшая передъ Нѣмцами примадонна ихъ г-жа Брюкль Линденштейнъ—Аменаидой; старѣющему тенору Шварцу весьма кстати припала роль Аржира. Тутъ въ первый разъ услышалъ я услади-

тельную музыку божегвеннаго Россини, и Боргондіо, для которой написалъ онъ эту оперу, достойна была ознакомить его съ Петербургскою публикой. Судить о музыкѣ я не умѣю, хотя дѣло весьма нетрудное (стоитъ только внимательно прислушаться къ толкамъ знатковъ), за то чувствовать ее такъ сильно, какъ я, не всякому дано.

Говоря о Французахъ, объ Итальянкахъ, я было совсѣмъ упустилъ изъ виду вообще состояніе Русскаго театра, ничего не сказалъ о драматическихъ авторахъ. Ихъ было трое: Загоскинъ, Хмѣльницкій, Грибоѣдовъ, которые тогда состязались съ Шаховскимъ, если не въ плодovitости, то въ искусствѣ. Загоскинъ поставилъ на сцену *Богатоннова*, *Романъ на большой дорогѣ*, *Благородный Театръ*, Хмѣльницкій—*Воздушные Замки*, и хотя Грибоѣдовъ написалъ уже извѣстную комедію свою *Горе отъ ума*, она ходила только по рукамъ въ рукописи, а печатать ее и играть, не знаю почему, не было дозволено. Милорадовичъ, который столько тѣшилъ всѣмъ театральнымъ и такъ презиралъ его, съ правителя канцеляріи своей Хмѣльницкаго взялъ клятвенное обѣщаніе не писать болѣе комедій; лучше запретилъ бы онъ ему воровать. Когда уличенный въ лихоимствѣ Хмѣльницкій былъ съ безчестіемъ отставленъ, то нарушилъ клятву и снова принялся авторствовать.

Въ эти годы я почти совершенно охладѣлъ къ театру и литературѣ. Оттого-то съ прежнею отчетливостію и не могу говорить о первомъ изъ сихъ предметовъ; можетъ-быть, еще менѣе о послѣднемъ. Однако же, сколько могу, слабыя воспоминанія мои о томъ постараюсь сообщить читателю.

Бесѣды и Арзамаса давно уже не стало: первая, кажется, погибла подъ ударами послѣдняго, послѣдній почилъ на лаврахъ. И кому было поддержать Бесѣду? Державинъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ вѣчную память, Шишковъ совершенно устарѣлъ, Шаховской унялся, прочіе члены разсѣялись, какъ овцы безъ пастырей. Почти тоже можно сказать и объ Арзамасахъ: Влудовъ продолжалъ жить въ Лондонѣ, Дашковъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Константинополь, чувствительному Ватюшкову было пагубно пламенное небо Неаполя, подъ которымъ разсудокъ его начиналъ разстраиваться; Жуковский неоднократно по нѣсколькимъ мѣсяцевъ проживалъ въ Германіи, сопровождая порфирородную чету, при коей находился. Безъ нихъ совершенно ослабли узы, вязавшія прежде наше веселое общество. Многіе другіе члены также находились въ отлучкѣ: Вяземскій служилъ въ Варшавѣ, Михаилъ Орловъ командовалъ дивизіей въ южной арміи, Пушкинъ былъ сосланъ, Жихаревъ женился и поселился въ Москвѣ. Изъ наличныхъ членовъ Александръ Тургеневъ помышлялъ единственно объ

удовольствіяхъ свѣта и о пріобрѣтеніи большихъ выгодъ по службѣ; братъ его Николай съ Никитою Муравьевымъ помышляли совсѣмъ не о литературѣ.

Положеніе Карамзина сдѣлалось самое возвышенное, отъ всѣхъ отдѣльное, недосыгаемое для интригъ и критики. Онъ пользовался совершенною довѣренностью Царя, который, на лѣто помѣщая его у себя въ Царскомъ Селѣ, нерѣдко посѣщалъ его. Тамъ спокойно продолжалъ онъ огромный и полезный трудъ свой, по временамъ издавая новые томы Русской исторіи своей; но уже болѣзни посѣтили его совсѣмъ еще неглубокую старость.

На литературномъ горизонтѣ въ это время показалось великое множество новыхъ писателей, мирными годами порожденныхъ. Но какъ назвать ихъ или какъ различить человѣку, къ появленію ихъ тогда столь равнодушному? Я сравню ихъ со звѣздами, въ бѣлую массу слитыми на млечномъ пути, или со дву тму безплотныхъ въ глубинѣ иныхъ картинъ, образующихъ свѣтлыя облака, и надѣюсь, что симъ сравненіемъ они не обидятся. Отъ этого fond (дномъ сего у насъ назвать нельзя, а какъ же иначе?) одна фигура, впрочемъ, совсѣмъ не серафическая, отдѣляясь, выступала на первомъ планѣ, такъ что и мнѣ удавалось видѣть ее простыми глазами.

Это былъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Литовскій дворянинъ, весьма хорошей фамиліи, кажется, Русскаго происхожденія, воспитанный въ Русскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный изъ него въ армію уланскимъ офицеромъ и сражавшійся съ Французами, потомъ подъ Французскими знаменами бывшій въ Гишпаніи и, наконецъ, по пріобрѣтеніи небольшого имѣнія близъ Дерпта, сдѣлавшійся Эстляндскимъ помѣщикомъ. Кому приличнѣе могъ быть космополитизмъ, какъ не человѣку, прошедшему сквозь огонь и воду, и котораго, употребляя простое Русское выраженіе, можно было назвать тертымъ калачомъ? Онъ сперва сдѣлался извѣстенъ однѣми журнальными статьями, что и сблизило его съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, постояннымъ издателемъ *Сына Отечества*. Въ обоихъ было много веселости и злоязычія; но въ Гречѣ, при нѣкоторомъ добродушіи, болѣе остроты, а въ Булгаринѣ одна только язвительность. Они слегка придерживались Оленинскаго общества, которое въ умѣренности своей стояло неподвижно, пока, подобравъ дружину (чтобы не сказать шайку) молодыхъ, смѣлыхъ пероносцевъ, съ умножившимися силами, они не сдѣлались совершенно независимыми. Дерзость и осторожность были ихъ девизомъ. Первые нападенія ихъ были на обезглавленную Бесѣду, къ которой Гречъ самъ нѣкогда принадлежалъ. *Бесѣда* и *Арзамасъ* тягались за честь, за вкусъ; тутъ сражались за одни барыши. Во дни преобладанія

Англіи, по ея примѣру, и въ литературѣ должны были явиться раторствующіе торговцы.

При безпрестанно возрастающемъ числѣ и смѣшеніи новыхъ идей философическихъ, политическихъ, религіозныхъ, трудно честному человѣку мимо ихъ идти прямымъ путемъ. Онѣ—какъ подводные камни, возникающіе среди бурнаго моря. Одни искусные люди умѣютъ лавировать между ними: вотъ что дѣлалъ Булгаринъ. Не безкорыстно, какъ утверждали, преданный правительству, которое примѣтнымъ образомъ преслѣдовало либерализмъ, онъ въ тоже время явно подавалъ руку, не выдавая ихъ, людямъ, которые составляли особое литературное общество, распространяющее тайно самыя свободныя мысли.

Адъютантъ начальника моего, гвардіи поручикъ, Александръ Александровичъ Бестужевъ, о коемъ случалось мнѣ упоминать, былъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ послѣ Рылѣвымъ однимъ изъ главныхъ членовъ этого общества. Этотъ оригинальный писатель повѣстей мнѣ чрезвычайно нравился своимъ умомъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Служба сознакомилла насъ, но короткихъ сношеній у насъ не было; всего раза два-три не болѣе посѣтилъ онъ меня. Мнѣ и въ голову тогда придти не могло, чтобъ у него были вредные умыслы, ибо на счетъ мнѣній своихъ былъ онъ всегда очень скромень. Онъ говорилъ мнѣ о Булгаринѣ съ участіемъ и уваженіемъ и даже хвалился тѣсными связями съ нимъ. Послѣ паденія Бетанкура, герцогъ Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Участь его, какъ всѣмъ извѣстно, была потомъ весьма печальная, но подъ конецъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, и довольно блистательная.

Вотъ все что имѣю сказать я о словесникахъ этой эпохи. Вскорѣ потомъ другой образъ жизни, другія занятія на время совершенно изгнали литературу изъ головы моей.

V.

Великимъ постомъ 1823 года новопроизведенный гвардіи офицеръ, драгунскій прапорщикъ, племянникъ мой, Филиппъ Николаевичъ, воротился изъ отпуска. Онъ ѣздилъ къ роднымъ въ Воронежъ, а оттуда въ Пензу, чтобы потѣшить бабушку своимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ привезъ съ собою вовсе неожиданную для меня вѣсть.

Братъ мой жилъ потихоньку въ селеніи своемъ Симбухинѣ отцомъ семейства холостымъ; онъ былъ чрезвычайно привязанъ къ малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ, а безграмотную Француженку, ему часто надоѣдавшую, любилъ только какъ мать ихъ. Сестры мои, и особенно прибывшая съ мужемъ на зиму Алексѣева, исполненныя строгихъ хри-

стіанскихъ правилъ, смотрѣли на то съ грустію и омерзениемъ. Чтобы не встрѣчаться съ этою тварью, онѣ должны были воздерживаться отъ поѣздокъ въ Симбуховскую церковь, на могилу отца. Онѣ страшились также, чтобы какъ-нибудь сіе не дошло до престарѣлой матери нашей; городское общество, семейство наше и даже дворня согласно и тщательно скрывали отъ нея истину, увѣрены будучи, что она убьетъ ее. На общемъ совѣтѣ сестры положили, чтобы во чтѣ ни стало женить брата, чтѣ было не весьма легко. Однакоже, чего не сдѣлають женщины въ заговорѣ съ цѣлымъ городомъ?

Не разъ приходилось мнѣ говорить о Ефимѣ Петровичѣ Чемесовѣ, старинномъ другѣ отца моего, предшественникѣ его во гробѣ, о несогласіяхъ, возникшихъ безъ всякой причины между двухъ старцевъ, о надменной сестрѣ его Елисаветѣ Петровнѣ Леонтьевой, о гнѣвѣ ея на брата моего, дерзнувшаго свататься за внучку ея Ступишину; говорилъ также о странностяхъ Марѣы Андріановны Чемесовой, супруги покойнаго. Мнѣ желательно, чтобы читатели мои вспомнили о томъ; оно нужно для поясненія нижеслѣдующаго.

Семейство Чемесовское, по старинному обычаю, существовавшему долго между Русскими барынями, было премногочисленное, и оттого разница въ лѣтахъ дѣтей обоого пола была превеликая: Анна и Александра могли бы быть матерями трехъ меньшихъ, Натальи, Марѣы и Варвары. Изъ нихъ четвертая отличалась пріятностію и просвѣщеніемъ ума миловидностію лица и любезностію характера; но съ тогдашнею взыскательностію невѣсть всѣ эти преимущества въ провинціи оставались напрасными. Представился случай, не скажу, къ выгодному, по крайней мѣрѣ для Пензы блестящему замужеству, и тетка Леонтьева захотѣла имъ воспользоваться. Къ счастью невѣсты, обстоятельства не допустили совершеніе сего брака, и женихъ, князь Павелъ Голицынъ, женился на моей желанной Теофилѣ Крогеръ. Всѣ эти повторенія разсказаннаго считаю здѣсь необходимыми.

Послѣ того годы шли, и дѣвица не молодѣла. На ней-то остановился выборъ моихъ сестеръ. Но какъ приступили онѣ къ этому дѣлу? Какія средства употребили для достиженія своей цѣли? Какъ умѣли склонить къ супружеству два существа, никогда не помышлявшихъ другъ о другѣ? Вотъ чтѣ мнѣ, отсутствующему, осталось вовсе неизвѣстнымъ. Чтобы не терять времени, никому не дать опомниться и ковать, какъ говорится, желѣзо, пока оно горячо, еще страждущаго отъ болѣзни брата моего, по разрѣшенію архіерея, въ Крестовой церкви его вѣнчали на масляницѣ. И восемнадцатилѣтній, племянникъ былъ шаферомъ на свадьбѣ у старшаго брата отца своего. Изъ новобрачныхъ одному было за сорокъ за пять, а другой, кажется, тридцать

четвертый годъ. Бываютъ супружества по любви, по расчету, а это былъ бракъ по разсудку; богатства не было ни съ какой стороны, но онъ сулилъ домашнее счастье и сдержалъ обѣщанное.

Что же сдѣлалось съ Прелестой? Дерзкая Француженка бросилась съ письменною просьбой къ губернатору Лубяновскому, не зная, что онъ былъ главнымъ сватомъ. Онъ объяснилъ ей, что какъ по кодексу Наполеонову, такъ и по Русскимъ узаконеніямъ, не получивъ никакого обѣщанія, она никакого права жаловаться не имѣетъ. Ее удовлетворили нѣсколькими тысячами рублей, и она сама предложила отказать отъ дѣтей своихъ *).

Сіе семейное происшествіе, собственно для меня, было довольно важною вѣстью, привезенною племянникомъ Великимъ постомъ. Въ день же Свѣтлаго Воскресенья узналъ я другія новости, не менѣ важныя для Петербурга и государства—большія перемѣны въ министерствѣ.

Мнѣ, человѣку удаленному отъ свѣта и правительственныхъ дѣлъ, не могли быть извѣстны пружины, приводимыя въ движеніе для сокрушенія могущихъ. Все что совершалось выше гораздо болѣе открыто было тайною чѣмъ нынѣ. Если же вѣрить молвѣ, и до меня доходившей, то Аракчеевъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, пріобрѣтая все болѣе силы надъ встревоженнымъ умомъ Императора, старался удалить отъ него всѣхъ тѣхъ, кои не признавали его власти и чуждались всякихъ съ нимъ связей, и хотѣлъ замѣнить ихъ людьми ему преданными. Ему хотѣлось, будто говорилъ онъ, поставить дѣловое и опытное на мѣсто знатнаго пусточванства.

Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ здѣсь говорить о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ предшествовавшихъ годахъ? О паденіи Бетанкура разскажалъ уже я длинную исторію. Военнаго министра я министромъ не признавалъ: онъ находился въ большой зависимости отъ начальника штаба, и скорѣе можно было назвать его генераль-интендантомъ. Не излишнимъ считаю однакоже упомянуть о смерти барона Меллера-Закомельскаго, скончавшагося, какъ утверждали, отъ несваренія желудка отъ излишней пици, и о назначенія на его мѣсто генерала кригсъ-комиссара, старика Александра Ивановича Татищева. У морскаго министра, маркиза Де-Траверсе, Щептуновъ трезубецъ совершенно выпадалъ изъ слабѣющихъ отъ старости рукъ; но Аракчеевъ чтилъ его, и назначенный начальникомъ морскаго штаба, вице-адмиралъ Антонъ Василье-

*). Послѣ вышла она замужъ за Нѣмецкаго учителя Гимназіи Мауса. По смерти его ова, какъ путная, какъ грамотная, сдѣлалась гувернанткой при дѣтяхъ въ одномъ честномъ дворянскомъ семействѣ, въ уваженіе живущемъ. О Русь, съ ея алчностью въ Европейскому просвѣщенію!

вичъ Моллеръ, принявъ сію часть въ управленіе свое, до конца жизни маркиза уступалъ ему первенство.

Болѣе тринадцати лѣтъ горделивый графъ Гурьевъ оставался министромъ финансовъ и въ денежный вѣкъ почиталъ себя первымъ министромъ. Никто не ожидалъ его увольненія; на Страстной недѣлѣ при докладѣ какъ-то проговорился онъ о своихъ немочахъ, о потребности отдохновенія, а Государь придрался къ тому, чтобы съ видомъ сожалѣнія снять съ него тяжкое бремя, на немъ лежащее, изъ него оставивъ ему самую легкую часть—Кабинетъ и Удѣлы. Преемникъ ему давно уже приготовленъ былъ Аракчеевымъ.

Генералъ-интендантъ первой арміи, Егоръ Францовичъ Кангринъ, не ей одной извѣстенъ былъ умомъ, едва-ли не черезъ мѣру дѣятельнымъ, и обширными познаніями во всѣхъ частяхъ. Наука была наслѣдственное имущество въ его семействѣ. Дѣдъ его, равнинъ Кангринусъ, принявшій не во святомъ, а въ реформатскомъ крещеніи имя Людовика, весьма извѣстенъ былъ не цѣлому, а только всему Нѣмецкому ученому міру. Сынъ его Францъ-Людовиковичъ былъ также, какъ утверждаютъ, хорошій писатель; онъ прибылъ въ Россію и, не такъ какъ иные чужеземцы, былъ ей отменно полезенъ; онъ умеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и управляющимъ Старорусскими соляными заведеніями. Наконецъ, сынъ послѣдняго, Егоръ Францовичъ, долженъ былъ далеко превзойти предковъ своихъ.

Онъ сперва долго находился въ гражданской службѣ. Я помню въ 1809 году его длинную фигуру, когда въ чинѣ статскаго совѣтника посѣщалъ онъ соляное отдѣленіе департамента государственнаго хозяйства, къ коему былъ онъ причисленъ и въ коемъ я временно занимался; онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ, а служащіе изъявляли ему особенное уваженіе. Военный министр, послѣ главнокомандующій, Барклай открылъ его великія способности, перевелъ въ Военное Министерство и взялъ съ собою въ армію, гдѣ поручилъ ему продовольственную часть. Четыре года сряду въ Россіи, въ Германіи, во Франціи войско наше, благодаря его попеченіямъ, ни въ чемъ не нуждалось. Находясь все между военными, захотѣлось ему надѣть ихъ платье, и генеральскіе эполеты были одною изъ наградъ за труды его

Когда его назначили на мѣсто вельможи новаго изданія, Гурьева, казалось, что Министерство Финансовъ съ нимъ упадетъ. Ни мало: человекъ съ необыкновеннымъ умомъ всегда будетъ равенъ мѣсту своему, какъ бы высоко оно ни было. При великой учености, хотя онъ любилъ выдавать себя за Нѣмца и отчасти былъ имъ, не показывалъ онъ ни малѣйшаго педантства; живость другаго происхожденія проявлялась не въ дѣйствіяхъ, не въ поступки его, а въ рѣчахъ: онъ былъ

чрезвычайно остеръ. Самолюбіе было въ немъ чрезмѣрное, но спѣси вовсе не было: со всѣми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давалъ чувствовать высокое мнѣніе о себѣ. Сей порокъ, если сіе такъ назвать можно, былъ въ немъ источникъ благороднѣйшаго чувства— великодушія: онъ до того презиралъ враговъ своихъ, что даже, когда могъ, никогда имъ не хотѣлъ мстить. Его занимали не одни дѣла и науки: онъ изрядно игралъ на скрипкѣ и любилъ говорить о музыкѣ; но еще лучше судилъ онъ объ архитектурѣ и написалъ книжку подъ названіемъ: *Ueber das Schöne in der Baukunst*. И хотя сіе не входило въ прямыя его обязанности, онъ умѣлъ украсить Петербургъ и его окрестности общественными полезными построеніями, отличающимися и прочностью, и вкусомъ.

Я воображаю себѣ, что должны были почувствовать директоры департаментовъ, когда послѣ важнаго, тупоголоваго Гурьева они начали заниматься съ человѣкомъ, у котораго была такая ясность въ мысляхъ, такая быстрота въ понятіяхъ. Мнѣ два раза въ жизни случилось говорить съ нимъ: одинъ разъ просителемъ, не за себя; другой разъ даже бесѣдовать съ нимъ около часу. Я съ большимъ почтеніемъ подошелъ къ министру и не съ меньшимъ удовольствіемъ долго слушалъ разумника.

Онъ женился въ Могилевѣ на Катеринѣ Захаровнѣ, дочери Захара Матвѣевича Муравьева, брата Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. По матери-Нѣмкѣ, была она двоюродною племянницей жевѣ фельдмаршала Барклая и жила у тетки. Сія послѣдняя главную квартиру арміи находила весьма удобнымъ мѣстомъ для сбыта племянницъ. Кажется, съ окончательнымъ *инъ*, женившись на Русской, чего бы стоило Егору Францовичу сдѣлаться совершенно Русскимъ? Нѣтъ, званіе Нѣмца льстило его самолюбію, а званіе Русскаго, въ его мнѣніи, унизило бы его. Кто же виноватъ, если не мы сами, когда безъ всякаго спора такъ постоянно уступаемъ у себя иностранцамъ первенство передъ собою? И оно такъ останется, пока не явится другой Петръ и не подыметъ изъ униженія, въ которое ввергнулъ насъ первый Петръ.

Узнавъ объ увольненіи Гурьева, многіе, встрѣчаясь, произносили: «Христосъ Воскресъ» еще радостнѣе обыкновеннаго.

Въ этотъ же день послѣдовала другая важная перемѣна, но о которой мало говорили, вѣроятно, потому что она не была окончательною. Когда въ концѣ 1818 года возвращался я изъ Мобѣжа въ Петербургъ съ докторомъ Пикулинымъ, дорѣдой мы мало ли кой о чемъ переговорили; между прочимъ, многое узналъ я отъ него о князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ.... Свойства такихъ людей болѣе открыты бы-

вають ихъ врачамъ и камердинеру, чѣмъ духовнику ихъ. Въ качествѣ мелкаго медика приписанный къ свитѣ Государя, Пикулинъ находился во всѣхъ первыхъ его походахъ и путешествіяхъ, и Волконскій неоднократно прибѣгалъ къ его помощи, требуя скорыхъ, хотя бы сильныхъ, средствъ къ излѣченію. Тщетно Пикулинъ объяснялъ ему, что одно радикальное леченіе можетъ ему помочь, а что такимъ образомъ зло придавленное въ послѣдствіи жестокимъ образомъ можетъ обнаружиться. «Вы увидите, что рано или поздно (точные слова Пикулина) все это ему отрыгнется». Предсказанія Пикулина сбылись..... Видно, въ этомъ году стало ему не въ мочь; безъ того неужели бы онъ рѣшился разлучиться съ Царемъ подъ опасеніемъ, что отвычка и забвеніе могутъ уменьшить милости его къ нему? Какъ бы ни было, онъ самъ сталъ проситься въ отпускъ за границу къ минеральнымъ водамъ, а недругъ его, Аракчеевъ, подготовилъ уже на его мѣсто одного изъ подручниковъ своихъ, начальника штаба первой арміи, барона Дибича. Черезъ шесть мѣсяцевъ, возвратясь къ должности, онъ уже въ нее не вступалъ, ибо заступающій его мѣсто утверждень въ званіи начальника главнаго штаба. Во время оно, когда посѣщалъ я домъ госпожи Татѣевой, видѣлъ я у нея все Аракчеевское общество и раза два его самаго. На балахъ, на вечеринкахъ, встрѣчалъ я семейства Апрѣлевыхъ, Дибичей, Клейнмихелей и другихъ и никакъ не могъ предвидѣть будущаго ихъ величія. Судьба Аракчеева сходствуетъ съ участію Наполеона, когда тотъ и другой гасли въ заточеніи: люди ими взысканные, ими созданные, удерживались, а нѣкоторые и возрастали въ могуществовъ. Но никто изъ нихъ такъ скоро и такъ высоко не поднялся и такъ быстро не исчезъ, какъ Дибичъ.

Отецъ его, также какъ и онъ, Иванъ Ивановичъ, былъ престарѣлый Пруссійскій полковникъ, родомъ изъ Силізіи, какъ Славянское прозваніе его показываетъ. По призову ли Павла или самъ собою прибылъ онъ въ Россію, по доброй ли волѣ или нѣтъ оставилъ Пруссію, не знаю; если по неволѣ, то тѣмъ болѣе ему дѣлаетъ чести. Онъ слылъ великимъ тактикомъ, только не на практикѣ. Скоро произвели его у насъ генераль-майоромъ, дали большое содержаніе и помѣстили въ Михайловскомъ замкѣ; и хотя потомъ всѣми признана была его бесполезность, дарованное ему оставлено. Двухъ сыновей его, изъ коихъ меньшей такъ прославился, опредѣлили въ Русскую службу.

Семеновскіе офицеры, какъ уже говорилъ я, старались въ обществѣ отличатся любезностью, ловкостью и щегольствомъ. Между ими молодой Дибичъ примѣчательнень былъ неуклюжествомъ и невзрачностью. Товарищи однакоже не могли пренебрегать юношей, одарен-

нымъ великою твердостью и благоразуміемъ, напротивъ, въ своихъ недоумѣніяхъ, несогласіяхъ, всегда прибѣгали къ его совѣтамъ и подчиняли себя его суду. Въ немъ ничего не оставалось Славянскаго, одно только Германское во всемъ было видно. Всегда степенный, разсудительный, хладнокровный въ дѣлахъ обыкновенной жизни, какъ бы равнодушный къ окружающему, онъ исполненъ былъ огня; не сердце кипѣло у него, а горѣла голова и какъ у всѣхъ Нѣмцевъ новѣйшаго времени, полна была фантазій. Во время первыхъ двухъ Французскихъ кампаній, не оставляя гвардіи, былъ онъ откомандированъ въ армію и не въ большихъ еще чинахъ умѣлъ показать храбрость и искусство. Когда Прусская королева съ супругомъ посѣтили Петербургъ, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ-молодцовъ назначены были для безсмѣннаго при нихъ дежурства во время ихъ пребыванія. Какъ-то въ число ихъ попалъ и Дибичъ; кто-то изъ высшихъ вычеркнулъ его имя, промолвивъ: «Какъ можно? *Такую гнусную фигуру!*» Онъ узналъ о томъ, обидѣлся и вышелъ въ генеральный штабъ.

Двѣнадцатый годъ открылъ ему славное поприще, на которомъ онъ славно былъ остановленъ Парижскимъ миромъ. Находясь въ Могилевѣ первымъ лицомъ послѣ фельдмаршала, привыкалъ онъ уже тамъ къ главному начальствованію. Также какъ Канкринъ, женился онъ на племянницѣ госпожи Барклай, баронессѣ *фонъ* Торнау. Самъ Барклай любилъ его съ нѣжностью отца, однакоже не былъ ослѣпленъ на счетъ его недостатковъ. Я повторю здѣсь слова его, переданныя мнѣ однимъ изъ приближенныхъ: «Нельзя лучше Дибича найти начальника штаба; но горе ему и арміи, если онъ будетъ главнокомандующимъ». Не того ли же мнѣнія былъ Наполеонъ о Бертье? Многіе полагали, что по привычкѣ трудно будетъ Александру безъ Волконскаго; они не знали Нѣмцевъ: изъ нихъ самый суровый на видъ лучше всякаго Русскаго умѣетъ быть гибокъ и угодителемъ тамъ, гдѣ его польза.

Въ это время и помину еще не было о намѣреніи графа Кочубея оставить должность; черезъ четыре мѣсяца спустя, узналъ я уже въ провинціи объ увольненіи его. Надобно полагать, что онъ надѣялся созданное имъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возвысить до прежняго значенія и самому вновь пріобрѣсти довѣренность Царя; его ожиданія не сбылись, и онъ видѣлъ приближеніе минуты, въ которую предложить ему успокоиться; онъ не хотѣлъ дожидаться ея. Была еще и другая причина, законная, естественная: тринадцатилѣтняя дочь его, безъ ногъ, страдала всѣмъ тѣломъ до того, что не могла вынести движеніе кареты, а доктора совѣтовали отправить ее въ южный край. Тогда Кочубей едва ли не первый проложилъ путь, которому и теперь мало слѣдуютъ, хотя посредствомъ пароходовъ могъ бы онъ быть удобенъ.

На водахъ, на которыхъ сопровождалъ я Бетанкура, поплылъ онъ до Нижняго Новгорода, оттуда внизъ по Волгѣ поѣхалъ онъ въ Саратовъ и Дубовку, откуда, по краткости вѣлока, дочь его перенесли на рукахъ до Качалинской станицы на Дону. По этой рѣкѣ спустился онъ въ Азовское и Черное моря и къ осени на зиму приплылъ въ Феодосію.

Управляющимъ министерствомъ на его мѣсто назначенъ былъ государственный контролеръ и можно сказать государственный мужъ баронъ Кампенгаузенъ. Опять Нѣмецъ! Но когда знатныя чада Россіи любятъ себя гораздо болѣе чѣмъ ее, почему не употреблять наемниковъ? Кампенгаузенъ не успѣлъ оглядѣться, какъ одинъ несчастный случай прекратилъ его дни: карета, въ которой сидѣлъ онъ, упала, а какъ человѣкъ былъ онъ тощій, точно хрустальный, то и долженъ былъ расшибиться въ дребезги.

На первый случай, чтобы замѣстить его, взялись за устарѣвшаго Василя Сергѣевича Ланскаго, а потомъ, забывшись, остался онъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумскаго полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно, было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ въ томъ же званіи онъ переведенъ въ Гродну и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. Супругъ и отецъ семейства, онъ въ прелестяхъ Полекъ находилъ извиненіе частымъ своимъ невѣрностямъ. По занятіи Русскими Варшавы, находился онъ долго членомъ временнаго тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ двухъ Капуяхъ, Гроднѣ и Варшавѣ, труды и наслажденія изнурили умственные силы этого старца еще болѣе чѣмъ тѣлесныя. Онъ хорошо понялъ, что слѣпому случаю обязанъ онъ министерствомъ и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣя докладовъ у Государя и все почитая себя наганунѣ увольненія.

Въ сихъ Запискахъ стараюсь я по возможности слѣдовать хронологическому порядку, избѣгая всячески анахронизмовъ, но иногда принужденъ ихъ дѣлать, дабы не прерывать нити повѣствуемаго мною объ одномъ предметѣ. Вотъ почему долженъ здѣсь говорить еще объ одной перемѣнѣ въ министерствѣ, случившейся уже въ слѣдующемъ году, тѣмъ болѣе, что она была послѣдняя въ описываемое мною царствованіе.

Мы видѣли, какъ пошатнулся кредитъ князя Александра Николаевича Голицына; недоброжелатели его не упустили тѣмъ воспользоваться. Одинъ умный и смѣлый изувѣръ, архимандритъ Новгородскаго Юрьева

монастыря Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружкой Аракчеева, преданностію и золотомъ графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душею заговора противъ него. Тайно поддержанный и митрополитомъ Серафимомъ, онъ слѣдилъ за преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ и вопилъ противъ неправославнаго, даже нехристіанскаго направленія, которое оно принимаетъ. Три человѣка, находившіеся подѣ начальствомъ Голицына и имѣя облагодѣтельствованные, Магницкій, Руничъ и Кавелинъ, имѣли также связи съ противниками его и втайнѣ строили ему ковы. О двухъ изъ поименованныхъ случалось мнѣ говорить и, можетъ быть, еще случится; о Руничѣ не стоить того.

Когда все было готово, когда все назрѣло, одною книжкой, изданною Библейскимъ Обществомъ и пропущенною цензурой, какъ увѣряли меня, нанесенъ рѣшительный ударъ Голицыну. Въ ней, между прочимъ, сказано было, будто Спаситель нашъ, прежде земли, воплощался уже въ другихъ мірахъ, и что у Богоматери, исключая Ею, были другія дѣти отъ Іосифа. Александръ сильно вознегодовалъ: цензоры полетѣли на гауптвахту; оба директора департаментовъ, Поповъ и Тургеневъ, были отставлены, а Голицынъ уволенъ только отъ управленія Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Для препровожденія времени оставленъ ему Почтовый Департаментъ подѣ именемъ Главнаго Управленія или министерства. Это одинъ изъ примѣровъ, что у насъ не людей избираютъ для министерствъ, а министерства создаютъ для людей.

Чтобы посадить на его мѣсто, вырыли изъ забвенія полумертваго Шишкова. Триумвиры, выше названные мною, взяли его къ себѣ въ опеку, и изъ видовъ корысти, личнаго мщенія (а одинъ, Магницкій, по врожденной злости), именемъ его, стали преслѣдовать зло, но, противодействуя ему, творили ужасныя несправедливости. Съ назначеніемъ Шишкова, православная часть отошла отъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ и, въ видѣ особой канцеляріи, перешла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же Святѣйшаго Синода Государю представлялись черезъ Аракчеева *. Изъ четырехъ министровъ троимъ (военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ) было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около осьмидесяти. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію. Впрочемъ спасибо ему за трехъ полезныхъ Нѣмцевъ.

*) Шишковъ сталъ называться министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Трудно изобразить состояніе, въ которомъ находился Петербургъ весною 1823 года. Онъ былъ подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальныя чѣмъ суровыя, отражались на его жителей, и это вліяніе проникало даже до людей, подобно мнѣ, малозначительныхъ. Говорили многіе: «Чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества». Всякій объяснялъ по своему причину его неутѣшной грусти. Человѣку, который долженъ былъ жить въ вѣкахъ, прославленному другу свободы, по необходимости сдѣлавшемуся ея стѣснителемъ, тяжело было думать, что онъ долженъ отказаться отъ любви современниковъ и отъ похвалъ потомства. Мнѣ кажется, что примѣръ Наполеона возбудилъ въ немъ сильное честолюбіе; но для удовлетворенія его думалъ онъ употребить не насилія, а совсѣмъ иныя средства. Онъ плѣнился Западомъ и хотѣлъ плѣнить его; вотъ что объясняетъ непонятное пристрастіе его къ Польшѣ: она была преддверіемъ Германіи и, подобно Наполеону, надѣялся онъ со временемъ быть ея главою. Мятежный духъ, поднявшійся въ этой странѣ, показалъ ему, что ожиданія его не сбудутся. Многія другія обстоятельства, и нѣкоторыя семейныя, тяготили его душу.

Петербургъ еще болѣе казенный, чѣмъ придворный городъ. Какъ ни говори, а Царь—солнце Петербургское; приближенные, высшее общество или дворъ, суть звѣзды, отражающія только его блескъ; но лучи его разливаются на всѣ состоянія. Примѣръ его дѣйствуетъ на всѣхъ; его добродѣтели или пороки, его бережливость или расточительность, страсть къ роскоши проникаютъ даже въ сословіе мелкихъ чиновниковъ. Послѣдніе годы жизни Александровой можно назвать продолжительнымъ затмѣніемъ.

Мое житіе и безъ того было невеселое, а женитьба брата на особѣ, которую я душевно любилъ и уважалъ, пуце манила меня къ сельской тишинѣ, обѣщающей мнѣ пріятное семейное общество. Въ Маѣ, не ранѣе, приступилъ я къ исполненію давно задуманнаго. Прежде этого времени года дороги внутри Россіи бывали чрезвычайно мучительны.

Я объяснился съ Бетангуромъ; молча и потупя глаза, выслушалъ онъ меня.

— «Какъ мнѣ удерживать васъ? отвѣчалъ онъ наконецъ. Когда я былъ въ силѣ, то не умѣлъ или не успѣлъ ничего для васъ сдѣлать; теперь же служба при мнѣ какую выгоду можетъ вамъ представить? Мнѣ уже говорили о вашемъ намѣреніи и, на всякій случай, я приготовилъ вамъ преемника: это бывшій мой правитель канцеляріи Рандъ».

Это было мнѣ весьма не по сердцу: помощникъ мой, секретарь комитета, Нодень, за годъ до того оставилъ меня, получивъ выгодное мѣсто

правителя канцеляріи придворной конюшенной конторы. На его мѣсто поступилъ Александръ Федоровичъ Волковъ, юноша преблагогородный, благовоспитанный, съ большими способностями и. что никогда не испортитъ, съ весьма хорошимъ состояніемъ. Его я прочилъ на свое мѣсто, которое, по тогдашнимъ лѣтамъ и чину его, могло для него быть лестно. Ну какъ быть! Я началъ собираться къ сдачѣ дѣлъ и къ отъѣзду.

Такъ какъ мнѣ никогда уже не придется говорить о Бетанкурѣ и о Рандѣ, то здѣсь мнѣ хочется досказать ихъ исторію. Старикъ послѣдній разъ отправился въ Нижній лѣтомъ 1823 года, взявъ съ собою одного только г. Волкова, о коемъ сейчасъ была рѣчь: въ униженномъ видѣ Рандѣ не хотѣлъ туда являться. Тамъ узналъ бѣдный Бетанкуръ о смерти любимой дочери, г-жи Каролины Эспѣхо, и этотъ ударъ былъ для него чувствительнѣе всѣхъ прочихъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ быстро началъ близиться къ гробу и скончался въ Юль 1824 года. Рандѣ, которому не съ большимъ было тридцать лѣтъ, осужденъ былъ скоро послѣдовать за жертвой своей и умеръ въ Декабрѣ того же года.

Напрасно человѣку даны воля и разумоу. Судьба часто располагаетъ нами по прихоти своей или скорѣе по волѣ Того, Кто ея править. Со мною, по крайней мѣрѣ, въ жизни все хорошее и дурное приключалось внезапно, неожиданно. Такимъ же образомъ въ этомъ году вдругъ судьба моя перемѣнилась, какъ читатель увидитъ ниже. Но прежде того долженъ я напомнить ему двухъ юношей-огроковъ, бывшихъ моими товарищами въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, особенно объ одномъ, коего имя въ сихъ Запискахъ было разъ упомянуто, но никогда не повторено.

То былъ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, который вскорѣ послѣ коронаціи Александра, по протекціи отца (нѣкогда посланника въ Константинополь) получилъ мѣсто въ многочисленной Вѣнской миссіи. Работы ему тамъ было мало, да я думаю и вовсе не было: за то въ семь матеріальномъ городѣ нашелъ онъ бездну наслаждений. Онъ былъ красивъ лицомъ, крѣпокъ тѣломъ, любилъ безъ памяти женщинъ и умѣлъ имъ нравиться. Успѣхи его по сей части были ежедневные, безконечные; увѣряли, что вся Австрійская аристократія перебивала въ его объятіяхъ. Онъ бы вѣкъ прожилъ въ Вѣнѣ, еслибы смерть отца не заставила его воротиться въ Россію. Покойный Яковъ Ивановичъ, выпросивъ двумъ незаконнорожденнымъ сыновьямъ фамильное имя свое, полагалъ, что съ нимъ вмѣстѣ связаны права законныхъ дѣтей, и не заботился о духовной. Племянницы, послѣ смерти его, стали оспаривать наслѣдство у сыновей; тяжба длилась, и положеніе Булга-

ковыхъ было совсѣмъ незавидное. Тогда Константинъ задумалъ отправиться въ Молдавскую армію, въ надеждѣ, что тамъ золото сыплется дипломатическимъ чиновникамъ. Надобно отдать ему справедливость: не однѣмъ красивымъ женщинамъ, но и сильнымъ людямъ умѣлъ онъ нравиться, съ тѣми и съ другими бывъ смѣлъ безъ дерзости и угодителенъ безъ униженія, вообще стараясь принаравливаться ко нраву каждаго. И поочередно былъ онъ любимцемъ Каменскаго, Кутузова и Чичагова; съ симъ послѣднимъ достигнувъ Березины, встрѣтился онъ опять съ Кутузовымъ, другомъ отца своего, который оставилъ его при себѣ. Послѣ того постоянно находился онъ въ большой арміи, или лучше сказать, въ свитѣ Государя до самаго Парижа; былъ также и на Вѣнскомъ конгрессѣ. Тутъ много перенесъ онъ трудовъ, переписывая депеши и снимая копіи съ трактатовъ. Для редакціи его употребить никакъ нельзя было. Онъ самъ хорошо это зналъ и, возвратясь въ Петербургъ, сталъ прискивать мѣсто, которое бы представляло пріятную дѣятельность безъ большихъ трудовъ. Онъ сдѣланъ почтъ-директоромъ сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Это мѣсто, съ коимъ сопряжено было до восьмидесяти тысячъ дохода, было мѣсто завидное, однако-же не столько уважаемое. Оно находилось въ зависимости отъ Почтоваго Департамента и почиталось ниже директора онаго. Занимавшіе его были люди тихіе, образованные, жившіе въ небольшомъ кругу знакомыхъ, благословляя судьбу свою и откладывая ежегодно суммы для обогащенія дѣтей своихъ или родственниковъ. Булгаковъ умѣлъ поставить его на высокую ногу, придать ему какую-то важность министерскую. Греческую хитрость свою прикрывая дипломатическою умѣренною учтивостію и видомъ военной откровенности, которую принималъ онъ во время своихъ походовъ, составилъ онъ связи съ лучшими генералами и особенно съ приближенными изъ нихъ къ Царю. Тоже самое было и съ высшими гражданскими чиновниками; но со всѣми весьма искусно умѣлъ онъ поставить себя на ногу почти совершеннаго равенства. Въ пребольшихъ комнатахъ почтоваго дома, ярко на казенный счетъ освѣщенныхъ, два раза въ недѣлю принималъ онъ гостей. Вечера эти были новостію для Петербурга; соединяя лучшее общество съ нелучшимъ, они привлекали совершенною свободой и равенствомъ, которыя на нихъ царствовали. Самъ хозяинъ являлся въ сюртукѣ и съ трубкою во рту, а курительный табакъ былъ къ услугамъ всѣхъ гостей. Дамы, разумѣется, тутъ не показывались, и это можно было бы назвать холостою компаніей, если бы въ гостинной не сидѣла хозяйка, жена Булгакова, дочь Валахскаго бояра Варлама, которая, впрочемъ, все хохотала, обходилась свободно и нимало не стѣсняла веселья общества. Смѣло

ручаюсь, что усерднѣе монархиста, чѣмъ Булгаковъ не могло быть; но судьба влечетъ людей и, освобождая себя и другихъ отъ узъ приличія, сіе поведетъ, можетъ быть, къ разрыву другихъ узъ, болѣе священныхъ.

Чтò ни говори, это былъ клубъ или трактиръ такого рода, въ которомъ самимъ министрамъ незазорно было показываться, и входъ въ него ничего не стоилъ. Еще скорѣе залу или билліардную Булгакова можно было назвать биржей для не торговыхъ, а гражданскихъ оборотовъ. Тутъ можно было встрѣтить статсъ-секретарей, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ, директоровъ департаментовъ, которыхъ сперва зазывали, и которые послѣ сами напрашивались. Между ними были сдѣлки, условія, взаимныя соглашенія объ опредѣленіи чиновниковъ на мѣста. Булгаковъ игралъ тутъ роль главнаго посредника; о комъ бы ни замолвили ему слово, о человѣкѣ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго вовсе не зналъ ни честности, ни способностей (объ этомъ онъ мало заботился), спѣшилъ онъ ходатайствовать за него. Отказы получалъ онъ нерѣдко и не сердился за то: вообще покровительство было у него не страстію, а расчетомъ. Всѣ прославляли его гостеприимство, которое ему ничего не стоило, и благодѣянія его, которыя стоили ему нѣсколько разсѣянно сказанныхъ словъ. Чтò касается до тяжбъ, то просьбы его бывали упорнѣе, настойчивѣе; онъ также не бралъ труда читать бумага, входить въ существо дѣла, а просто дѣлался защитникомъ одного изъ просителей... Удовольствіе было цѣлю его жизни.... И никто еще изъ смертныхъ не наслаждался столько житейскими благами! Съ самой первой молодости я не чувствовалъ къ нему симпатіи; послѣ того, не имѣя никакой нужды ни въ особѣ, ни въ обществѣ моемъ, онъ едва замѣчалъ меня, а я едва ему кланялся.

Другой человѣкъ болѣе всѣхъ другихъ извѣстенъ читателю. Блюдовъ возвратился изъ Лондона и возвращается въ сіи Записки. Онъ находился въ иностранномъ министерствѣ безъ должности, но не безъ дѣла. Съ высочайшаго соизволенія, по докладу графа Каподистріи, поручено ему было создать Русскій дипломатическій языкъ, то-есть подъ его наблюденіемъ должны были заниматься молодые чиновники переводомъ всѣхъ актовъ Вѣнскаго конгресса. Переводы были дурны, и переправка ихъ ему стоила болѣе труда, нежели еслибъ онъ переводомъ самъ занялся, но дѣло сіе окончено съ желаемымъ успѣхомъ. Вскорѣ потомъ возложено на него другое важное порученіе.

Когда, въ концѣ 1815 года, Государь вторично воротился изъ Парижа, вспомнилъ онъ о сдѣланномъ имъ въ эти шумные годы небольшомъ завоеваніи, на которое дотолѣ онъ не обращалъ вниманія.

Бессарабія была сперва управляема, по гражданской части, престарѣлымъ Молдавскимъ бояромъ, Русскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Скарлатомъ Дмитриевичемъ Стурдзою, по военной генералъ-майоромъ Иваномъ Марковичемъ Гартингомъ. Первый скоро умеръ, и обѣ власти соединились въ рукахъ послѣдняго. Неустройствамъ тамъ не было конца, самоуправіе было чрезмѣрное. Сынъ умершаго Стурдзы, столь извѣстный Александръ Скарлатовичъ, находился тогда при уважаемомъ Государемъ статсъ-секретарѣ Каподистріи, былъ его другомъ и сотрудникомъ. Исполненный тогдашнихъ идей и зная склонность Александра отдѣлать отъ Россіи сдѣланныя ею завоеванія, онъ затѣялъ изъ частицы своего отечества сдѣлать малѣнькое образцовое государство, съ представительнымъ правленіемъ. Черезъ Каподистрію онъ успѣлъ въ томъ: Подольскій военный губернаторъ, Алексѣй Николаевичъ Бахматовъ назначенъ полномочнымъ намѣстникомъ въ Бессарабскую область, и она сдѣлана независимою отъ власти Сената и нашихъ министровъ. Еще хотѣлось ему, чтобы, по примѣру Польши и Финляндіи, назначенъ былъ для нея особый министръ-статсъ-секретарь, и это желаніе отчасти исполнилось. Графъ Каподистрія согласился докладывать Государю по дѣламъ новаго края, а Стурдза, заправляя ими, приготавливать доклады, и нѣкоторымъ образомъ сдѣлался статсъ-секретаремъ по сей части.

Такимъ образомъ продолжалось до 1821 года, до возвращенія Государя изъ Лайбаха. Когда Греки возстали на Турокъ, положеніе Россіи въ отношеніи къ сему дѣлу было самое затруднительное. Возмущеніе сіе совпадало съ другими совершившимися на Западѣ, казалось въ тайной связи съ ними и какъ бы продолженіемъ мятежной цѣпи отъ Тага до Босфора. Стараясь усмирять однихъ, какъ можно было явно помогать другимъ противъ султана, законнаго владыки, въ нарушеніе святости трактатовъ! Католическій міръ, Французское правительство и особенно Австрія открыто держали сторону Турокъ; Англія, по обыкновенію, смотрѣла спокойно на рѣзню народовъ. Намъ же, съ другой стороны, безъ всякаго участія внимать воплямъ нашихъ братій, нашихъ единовѣрцевъ, нашихъ первыхъ наставниковъ и учителей во святой нашей вѣрѣ, было невозможно. Всѣ народы Европейскіе, вся Россія зывали къ Государю; а Турція, тайно подстрекаемая, вѣроятно, самими же либералами, своими дерзкими поступками сама вызывала насъ на бой. Демократическій духъ этого возмущенія одинъ уже долженъ былъ насъ отъ того удерживать. Цѣлому свѣту извѣстна тутъ умѣренность Александра; по моему мнѣнію, никогда не поступалъ онъ столь осторожно, столь благоразумно и, смѣю прибавить, столь справедливо. Греку Каподистріи, котораго Турки подозрѣвали, обвиняли, и который явно по-

казывалъ республиканскія наклонности, оставаться при немъ долѣе было бы трудно. Онъ оставилъ и нашу службу, и Россію; за нимъ послѣдовалъ и Стурдза, вышелъ въ отставку и поселился въ южномъ краѣ.

Но какъ оставить безъ призрачія любезную Бессарабію? Кому завѣщать ее? Упросили графа Кочубея, при другихъ его большихъ занятіяхъ, замѣнить въ этомъ случаѣ графа Каподистрію, а Влудова—принять въ свое завѣдываніе дѣла находившіяся у Стурдзы. Онъ уже пріучилъ себя къ трудамъ, а при Нессельроде не могъ онъ ожидать никакого важнаго значенія. Да и въ Лондонѣ бывалъ онъ занятъ только во время отсутствія посла графа Ливена, когда онъ на его мѣстѣ оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ. Супруга сего послѣдняго, графиня Дарья Христофоровна, сестра двухъ Бенкендорфовъ, Александра и Константина, при немъ исправляла должность и посла, и совѣтника посольства, ежедневно присутствовала при преніяхъ парламента и сочиняла депеши. Сія женщина умная, сластолюбивая, честолюбивая, всю дѣятельную жизнь свою проводила въ любовныхъ, общественныхъ и политическихъ интригахъ. Веллингтонъ, Каннингъ и весь Лондонскій фашіонъ были у ногъ ея. Куды какую честь эта женщина приносила Россіи, ей чуждой по чувствамъ и по рожденію! Я не одобрялъ согласія Влудова: мнѣ казалось, что, въ превосходительномъ его чинѣ, доклады по одной малой области суть дѣло мелочное. Я не зналъ, что это дѣлаеть его извѣстнымъ самому Царю.

И вотъ два человѣка, совсѣмъ различныхъ свойствъ, которые нечаяннымъ образомъ въ это время имѣли вліяніе на переворотъ въ судьбѣ моей.

Совсѣмъ собрался я, если не на вѣчный, то на долгій покой. Не болѣе пяти или шести разъ случилось мнѣ въ Петербургѣ посѣтить Нѣмецкій театръ; не понимаю, какъ мнѣ вздумалось вдругъ еще разъ взглянуть на него; я думаю отъ того, что на немъ играли любимую оперу мою—*Деревенскія Пльвицы*, Фиоравенти. Въ креслахъ увидалъ я Булгакова съ постояннымъ наперсникомъ его Маничаровымъ: они тутъ ухаживали за какими-то актрисами. Послѣдній во время междудѣйствія подошелъ ко мнѣ и сперва началъ было говорить съ сожалѣніемъ о нашемъ бывшемъ начальникѣ и о моемъ положеніи. Но, не смотря на свой серіозный видъ, онъ до печальныхъ рѣчей былъ не охотникъ, любилъ однѣ веселыя. Вдругъ сказалъ онъ мнѣ:

— Знаете ли чтѣ? Вамъ предстоитъ случай пріятнымъ образомъ продолжать службу. Графъ Воронцовъ назначенъ Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ.

Не желая объяснить ему мнѣнія, которое объ этомъ человѣкѣ составилъ я себѣ въ Мобѣжѣ, я отвѣчалъ, что за меня некому его просить.

— Какъ некому? А Булгаковъ-то на что? Вѣдь они съ нимъ страшные друзья.

— Нѣтъ, Булгакова я утруждать не буду; да и онъ самъ меня не очень жалуешь, отвѣчалъ я.

— Какъ вы ошибаетесь на его счетъ! Онъ на всякія одолженія готовъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ нашъ.

Дня черезъ три заѣхалъ ко мнѣ Блудовъ, къ удивленію моему, съ упреками: какъ можно искать покровительства человѣка, котораго я не люблю и не уважаю, не предупредивъ о томъ пріятеля, который въ исполненіи моего желанія гораздо лучше могъ бы мнѣ способствовать? Я ничего не понималъ. Еще въ Лондонѣ хорошо былъ онъ знакомъ съ Воронцовымъ, а тутъ, когда назначили того вмѣстѣ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области, то и по дѣламъ долженъ былъ онъ войти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Я ничего про то не зналъ, да и мало о томъ заботился. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ Воронцова, который, между прочимъ, спросилъ у него, знаетъ ли онъ меня?

— Мнѣ рекомендуетъ его Булгаковъ, сказалъ онъ; но вы знаете, какой онъ добрый, за всѣхъ хлопочетъ: ему трудно повѣрить.

Увлеченный пріазненнымъ чувствомъ, Блудовъ вѣроятно не побранилъ меня.

— О, если оно такъ, то нехудо бы поскорѣе съ нимъ сознакомиться! Да почему бы не завтра часовъ въ двѣнадцать? Я буду его дожидаться.

Я вспомнилъ театральную встрѣчу мою съ добрымъ Маничаровымъ, рассказалъ ее и прибавилъ, что ни намѣренія, ни желанія служить при Воронцовѣ не имѣю.

— Все равно, сказалъ Блудовъ, надобно все-таки сходить къ нему и найти средство учтивымъ образомъ отказаться.

Послѣдняго я никакъ не умѣлъ сдѣлать. Кто не знаетъ нынѣ Воронцова? Кто не знаетъ, какъ увлекателенъ бываетъ его пріемъ тѣмъ, коихъ онъ желаетъ при себѣ имѣть? Развѣ одинъ Александръ бывалъ очаровательнѣе, когда хотѣлъ нравиться. Онъ имѣлъ какую-то щеголеватую неловкость, слѣдствіе Англійскаго воспитанія, какую-то мужественную застѣнчивость и голосъ, который, не переставая быть твердымъ, бывалъ отменно нѣженъ. Болѣе получаса разговаривалъ онъ со мною на-единѣ о разныхъ предметахъ, преимущественно же о краѣ, коимъ собирался управлять. Я, съ своей стороны, ничего не упоминалъ о себѣ, не изъясняя никакихъ надеждъ, не указывая ни на какое мѣсто. Прощаясь со мной, просилъ онъ меня понавѣдаться къ

нему, дабы пообстоятельнѣе поговорить о нашихъ дѣлахъ. На этотъ разъ нашель я его въ какихъ-то хлопотахъ; онъ успѣлъ сказать со мною нѣсколько словъ, еще приголубить меня и пригласить дня черезъ два къ себѣ обѣдать. Потомъ опять присылалъ онъ меня звать къ себѣ, потомъ.... потомъ не знаю, какъ это сдѣлалось, я призналъ себя въ совершенномъ его распоряженіи. Онъ обошелъ меня, да и я, кажется, не совсѣмъ ему былъ противенъ. Даже графъ Кочубей расхвалилъ меня ему. Я нѣкогда служилъ подъ его начальствомъ, но какъ было ему знать меня? Не принималъ ли онъ меня за отца моего? По соглашенію съ Кочубеемъ и Блудовымъ, условлено по прибытіи на мѣсто сдѣлать меня правителемъ особой канцеляріи Бессарабскаго намѣстника.

Я, виноватъ, не пошелъ благодарить Булгакова: мнѣ не хотѣлось въ этомъ дѣлѣ признавать его участія. Итакъ, едва оставивъ службу, не думавъ, не гадавъ, я опять готовъ былъ поступить въ нее.

Мнѣ оставалось только отправиться надолго и въ долгій путь, ибо непремѣнно надобно мнѣ было заѣхать въ Пензу, гдѣ меня ожидали и куда заблаговременно, не предвидя, что со мной случится, отправилъ я свои пожитки и всю накопленную мною маловажную движимость.

VI.

Взявши мѣсто въ дилижансѣ на 8-е Іюня, я 7-го поѣхалъ въ Царское-Село обѣдать къ племяннику моему, Николаю Алексѣеву, который служилъ тамъ офицеромъ въ гренадерскомъ полку императора Австрійскаго. Тамъ гулялъ я въ саду, провелъ вечеръ, ночевалъ и на другой день рано утромъ, по условію съ кондукторомъ, сѣлъ въ остановившійся противъ квартиры племянника моего дилижансѣ.

По этой части въ два года съ половиной нашель я большое усовершенствованіе: когда Русскіе стануть перенимать, всегда стараются перецеголять своихъ образцовъ. Въ покойной четверомѣстной каретѣ, безо всякаго стѣсненія, засѣлъ я съ тремя женщинами. Но, если экипажъ былъ покоенъ, зато не общество, въ коемъ я находился. Оно состояло изъ одной, кажется, мадамъ Ледрю, по торговымъ своимъ дѣламъ отправившейся въ Москву, да изъ одной жены чиновника или помѣщика, Оловянной, съ горничною дѣвкой. Сія послѣдняя сидѣла со мной рядомъ насупротивъ своихъ барынь или дамъ; она была не стара, но толста, черна, глупа и зла; часто грубила даже госпожѣ своей и при постоянномъ жарѣ природными, а иногда нестерпимыми испареніями заражала воздухъ. Француженка, какъ почти всѣ ея соотечественницы, была словоохотна, но ни слова не знала по-русски; Русская была молода, скромна и учтива, не говорила по-французски, а почитала необходимою вѣжливостію отвѣчать на безпрестанно обра-

ценныя къ ней рѣчи мадамы. Я нѣсколько времени служилъ имъ переводчикомъ, пока это мнѣ не надобно, и я рѣшительно отъ того не отказался, за что мадамъ крайне на меня осерчала; толстая дѣвка во снѣ припирала меня къ стѣнкѣ, а я локтемъ въ бокъ будилъ ее. Такимъ образомъ провелъ я три дня съ половиной и пріѣхалъ въ Москву, не пользуясь пріазненнымъ расположеніемъ моихъ спутницъ.

Только до Бронницъ, за Новгородомъ, устроено было шоссе; далѣе должны мы были ѣхать прежнимъ, обыкновеннымъ путемъ; подъѣзжая къ Москвѣ, послѣднія двѣ станціи по выбитой дорогѣ показались намъ невыносимы. Правительство начинало баловать насъ, но и понинѣ, распространяя по всей Россіи удобства путешествій, не можетъ приучить насъ къ странствованіямъ по своей землѣ.

По старинному обычаю, въ нашемъ семействѣ сохранившемся, въѣхалъ я прямо въ домъ отсутствующей сестры моей, на Старой Бюнюшенной. Она съ мужемъ зажила въ Пензѣ, отпраздновавъ свадьбу брата. Но ихъ со дня на день ожидали, что и задержало меня нѣсколько въ Москвѣ, ибо мнѣ не хотѣлось дорогою съ ними разѣхаться. Городъ былъ пусть, по крайней мѣрѣ, для меня; небольшое число моихъ знакомыхъ находилось въ деревняхъ. Но я не скучалъ, совершенно ведя жизнь любопытнаго путешественника. Всякій разъ, что я пріѣзжалъ въ нее послѣ пожара, Москва являлась мнѣ въ новой красотѣ. Въ этомъ году весной былъ открытъ такъ-называемый Кремлевскій садъ: грязная Неглинная, протекавшая черезъ гадкое болото, заключена въ подземный сводъ, а на поверхности ея явился прекрасный садъ или бульваръ, зеленою лентой опоясывающій почти весь Бѣлый Кремль. Въ этомъ мѣстѣ, которому подобнаго нѣтъ въ центрѣ Петербурга, проводилъ я вечера. Наконецъ, воротились мои Алексѣевы; пробывъ съ ними сутокъ двое и съ помощію зятя добывъ хорошую бричку на рессорахъ, я отправился въ дальнѣйшій путь.

Я могъ бы потерять счетъ проѣздамъ моимъ по Владимирской дорогѣ въ Пензу. На этотъ разъ мнѣ ровно нечего было бы о немъ говорить, еслибы не случилось со мной одно происшествіе, которое могло бы кончиться для меня несчастнымъ образомъ и о которомъ упоминаю здѣсь потому только, что нечего другаго сказать. За Муромомъ, проѣзжая лѣсами, около станціи Кулебаки, откуда ни возьмись голодный, чуть ли не бѣшеній волкъ. Сперва гнался онъ издали за повозкой моей, потомъ подскочилъ такъ близко, что я слышалъ, какъ онъ щолгаетъ зубами; не понимаю, чего онъ испугался и скрылся въ лѣсъ. Со мною не было огнестрѣльнаго оружія; въ смирной Россіи почиталъ я это излишнимъ, а испуганный ямщикъ бранилъ меня за то. Во весь опоръ по песку гналъ онъ тройку свою, предвидя новое появленіе волка. Онъ

не ошибся: изъ чащи волкъ стрѣлой прямо бросился на лошадей, но, къ счастью, даль промахъ, очутился на другой сторонѣ дороги и въ удивленіи остановился. Показался мостъ; проскакавъ его, ямщикъ объявилъ, что опасность миновалась.

Благополучно прибылъ я въ Пензу къ вечеру 22-го Іюня. Еслибы не всегда этотъ городъ вмѣщалъ въ себѣ драгоценныя для меня залого, я приближался бы къ нему, кажется, столь же равнодушно, какъ ко всякому незнакому мнѣ уѣздному городу. Тутъ былъ я обрадованъ укрѣпившимися съ виду силами матери моей: лѣтомъ она всегда ожидала. Не менѣе наслаждался я картиной супружескаго нѣжнаго согласія новобрачныхъ, брата моего и невѣстки. «Боже мой, говорилъ онъ мнѣ, какъ счастье было близко, у меня въ глазахъ, подъ руками, и я не понималъ его! Надобно было, чтобы другіе заставили меня вкусить его; сколько лѣтъ ранѣ могъ бы я имъ пользоваться!» Пріятно мнѣ было также увидѣть въ первый разъ небольшое семейство, нарожденное меньшою сестрой моею, Александрой; оно состояло изъ дочери Дарьи и сына Ивана. Въ мужъ ея, Юматовъ, было столько же странностей, какъ и въ ней самой; они часто ссорились, зато нѣжныѣ мирились, и оттого, мнѣ кажется, жили они счастливо.

Мнѣ судьба была пріѣзжать въ Пензу къ неизбѣжной Петровской ярманкѣ. На ней было довольно шумно, и я увидѣлъ нѣсколько новыхъ лицъ, въ Пензѣ поселившихся, между прочимъ, молодыхъ, образованныхъ дамъ; какъ знакомство мое съ ними было тогда мимоходное, то и не буду здѣсь говорить о нихъ. Губернаторъ Лубяновскій жилъ въ большихъ ладахъ съ моимъ семействомъ; въ губерніи его не очень уже любили, но онъ умѣлъ заставлять всѣхъ себя повиноваться.

Зрѣлищемъ совершенно для меня новымъ въ Пензѣ были войска, въ ней и вокругъ нея расположенныя. Съ незапамятныхъ временъ, кромѣ ополченія 1812 года да внутренней стражи, другихъ воиновъ въ ней не видали. Дивизіей начальствовалъ генераль-лейтенантъ Иванъ Федоровичъ Эмме, семидесятилѣтній старецъ, совсѣмъ не маститый. Чудесно-крѣпкаго сложенія, онъ еще бѣгалъ въ саду у брата моего, при мнѣ перепрыгивалъ черезъ довольно широкій ровъ, въ четвертый разъ былъ женатъ (у Нѣмцевъ это дозволено), женѣ своей, лѣтъ сорокъ его моложе, начиналъ измѣнять и собирался развестись съ нею. Хотя онъ и смотрѣлъ молодцомъ, о военныхъ подвигахъ его что-то мало знали. Получивъ изрядное образованіе, онъ въ обществѣ бывалъ довольно пріятель и весель. Мнѣ все это въ его лѣта не нравилось, и онъ мнѣ все казался старымъ Мекленбургскимъ жеребцомъ, еще годнымъ подъ сѣдло.

Мнѣ непременно хотѣлось побывать въ Кіевѣ: проѣхать близъ его, на него не взглянувъ, казалось мнѣ и грѣхомъ, и великимъ для меня лишеніемъ. Также нужно мнѣ было посѣтъ въ Одессу, въ одно время съ Воронцовымъ, гораздо послѣ меня изъ Петербурга выѣхавшимъ. Я сталъ тропиться, но можно ли скоро вырваться отъ родныхъ? Мнѣ должно было отпраздновать съ братомъ день именинъ его, 29-го Іюня, а потомъ день именинъ новобрачной и матери ея, Марѣы Адриановны Чемесовой, 4-го Іюля. Но на другой же день, 5-го числа послѣ обѣда, оставилъ я Пензу.

Мать моя, съ сестрой, братомъ и невѣсткой, по приглашенію семейства Ступишиныхъ, поѣхали провожать меня до селенія ихъ, Пановки, въ 35 верстахъ близъ Тамбовской дороги находящагося. Съ симъ семействомъ давно уже у насъ послѣдовало примиреніе. Не только Агнія Дмитріевна была жива, но и въ глубокой старости мать ея, воплощенная гордыня, Елисавета Петровна Леонтьева. Дочь ея, Александра Ивановна, бывшая за генераль-маіоромъ Панчулидзевымъ и нѣсколько лѣтъ уже овдовѣвшая, жила съ нею. Итакъ, три поколѣнія вдовъ и двое сиротъ составляли семейство сіе. Любопытно мнѣ было видѣть женатаго брата вмѣстѣ съ обожаемымъ нѣкогда предметомъ, въ близкомъ родствѣ съ тою, съ которою нѣсколько лѣтъ велъ онъ любовную переписку. Ни тѣни прежняго чувства: время все истребило, обхождение самое простое и дружественное.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ я Пановку и любовался ея господскимъ домомъ: онъ былъ длиненъ, просторенъ и чисто, хорошо отдѣланъ, съ иголки. Впродолженіи этого времени, владѣльцы его, вдаваясь въ разныя чрезмѣрныя издержки, мало заботились о его поддержаніи; съ другой стороны, въ это время роскошь при убранствѣ комнатъ чрезвычайно увеличилась. Мнѣ предсталъ онъ тутъ съ своими обнаженными внутри стѣнами, въ видѣ клопащагося къ паденію сарая, нищенски прибраннаго. Отовсюду въ этомъ домѣ вѣяло разореніемъ: казалось, что двѣ хозяйки и Фортуна ихъ готовы скоро рухнуть*). Это чувство умножало грусть мою при разлукѣ съ матерью. Переночевавъ, отобѣдавъ и принявъ материнское благословеніе, 6-го числа пустился я далѣе.

Я поѣхалъ шибко ночью и днемъ: чуть разсвѣтало 7-го числа былъ уже я въ Чембарѣ. Не вылѣзая изъ брички, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ я на соборъ и на небольшія казенныя и частныя камен-

*) Дѣйствительно, не прошло двухъ лѣтъ, какъ обѣ старухи скончались въ неоплатныхъ долгахъ. И нѣкогда богатая невѣста, бѣдная Панчулидзева, должна была искать себѣ пропитанія, опредѣлившись въ Смольный монастырь инспектриссою классовъ.

ныя строенія вокругъ него, и вспомнилъ деревушку, которая лѣтъ за двадцать занесена тутъ была снѣгомъ. Днемъ проѣхалъ я Кирсановъ, а 8-го, рано утромъ, пріѣхалъ въ Тамбовъ. Я остановился въ какомъ-то чистенькомъ домикѣ и пролежалъ весь день: жары становились не-сносны, и я рѣшился днемъ отдыхать и ѣхать только ночью. Для сокращенія пути до Кіева, намѣренъ я былъ слѣдовать особому маршруту, который г. Лубяновскій имѣлъ обязательность мнѣ дать передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы.

Съ большимъ удовольствіемъ поѣхалъ я изъ Тамбова по совершенно гладкой дорогѣ. Уѣздный городъ Козловъ, хорошо обстроенный, чрезъ который я проѣхалъ ночью, съ просонья показался мнѣ губернскимъ. Солнце начинало уже палить, когда 9-го пріѣхалъ я въ Липецкъ. Небольшой, чистый, хорошенквій городокъ весь былъ занятъ чающими движенія воды. За лощиной, въ которой находится цѣлебный ключъ, въ какомъ-то выселкѣ, нашли мнѣ пріютъ на постояломъ дворѣ. Мнѣ показалось тѣсно, душно, и я поселился въ темномъ чердакѣ. Тамъ было нѣсколько прохладнѣе, но жаръ на дворѣ былъ Африканскій: я мало ѣлъ, за то черезчуръ много пилъ лимонаду, отчего въ желудкѣ моемъ произошла большая революція. Когда къ вечеру она немного поутихла, пошелъ я взглянуть на заведеніе, коему подобнаго еще никогда не видалъ. Небольшой садъ и длинная простая деревянная галлерея служили украшеніемъ сборному мѣсту. Такъ какъ уже смерклось, гуляющихъ почти никого не было; я встрѣтилъ, однакожь, одного знакомаго, младшаго изъ Голицыныхъ, князя Владимира Сергѣевича, тогда кавалерійскаго полковника. Мы съ нимъ побалагурили; кромѣ пустяковъ о чемъ же съ нимъ было говорить? Я пошелъ къ минеральному колодцу отвѣдать его воды; ея желѣзистый вкусъ понравился мнѣ, и я выпилъ три стакана, отчего совсѣмъ прошелъ мой недугъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, я было захворалъ и исцѣлился въ Липецкѣ.

Давно уже извѣстно, что Липецкая вода, подобно Пирмонтской и Нарзану, укрѣпляетъ только совершенно разслабленныхъ, а въ другихъ болѣзняхъ бываетъ вредна. По невѣднію и не ознакомясь еще съ заграничными путешествіями, многіе посѣщали ея источникъ. Теперь число ихъ невелико, но привычка осталась видѣть тутъ увеселительное лѣтнее мѣсто. Изъ околodka всѣ помѣщики съ деревенскими запасами пріѣзжаютъ пожить дешевымъ и пріятнымъ образомъ; даже изъ обѣихъ губерній, на границѣ коихъ стоитъ Липецкъ, кто на недѣлю, кто на двѣ пріѣзжаетъ погулять въ немъ. Являются за барышами игроки, комедіанты, а городокъ богатѣетъ и украшается, и говорятъ, что и понынѣ цвѣтетъ.

Отъ Липецка до Ельца слѣдовалъ я маршруту Лубяновскаго. Говорили, что тутъ отъ сорока до пятидесяти верстъ; мнѣ показалось, что болѣе полутораоста. Ночью, на наемныхъ лошадяхъ, безъ перемѣны и по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, мнѣ приходило не въ мочь. Замѣчательно было одно большущее село, называемое Патріаршимъ; за нимъ по мостику переѣхалъ я черезъ узкій Донъ и вступилъ въ Орловскую губернію. Не совсѣмъ было рано утромъ, когда 10-го числа пріѣхалъ я въ Елецъ.

По народонаселенію своему и по наружности городъ этотъ больше и красивѣе многихъ губернскихъ. Въ немъ квартировалъ штабъ конногерской дивизіи подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Павла Петровича Палена, при коемъ, по несчастію, находился адъютантомъ старшій племянникъ мой, поручикъ Александръ Алексѣевъ. Я безъ спросу въѣхалъ прямо къ послѣднему, а онъ безъ притворства обрадовался мнѣ. Втроемъ, съ двумя товарищами, занималъ онъ довольно большой купеческій домъ, и всѣ потѣснились, чтобы дать мнѣ особую, хорошую комнату. Изъ нихъ старшій адъютантъ Ворожейкинъ, письменный человекъ, имѣлъ столь же подлую наружность, какъ и названіе; другой, князь Ухтомскій, былъ записной пьяница. Я ужаснулся, когда разглядѣлъ это житье, а еще болѣе, когда узналъ, что каковъ приходъ, таковъ и погъ.

На поляхъ сраженій Паленъ подружился съ отцомъ Алексѣева и сына взялъ къ себѣ. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ отъ своихъ адъютантовъ, онъ въ тотъ же день велѣлъ меня звать къ себѣ обѣдать. Старшій сынъ знаменитаго Палена, онъ совсѣмъ не походилъ на меньшихъ братьевъ своихъ. Это былъ обрусѣвшій въ нашей арміи Прусскій гусаръ, неискусный воинъ, а смѣлый рубака, никогда не веселый, хотя всегда навеселѣ. Свѣтская образованность, имъ въ молодости полученная, оставалась въ немъ, какъ облупившаяся позолота, мѣстами выказывающаяся. Сперва былъ онъ женатъ на послѣдней отрасли графовъ Скавронскихъ, въ другой разъ не знаю на комъ, а въ третій на казачкѣ Катеринѣ Васильевнѣ Орловой-Денисовой. Безо всякаго воспитанія, съ однимъ врожденнымъ женскимъ желаніемъ нравиться, умѣла она быть занимательна и любезна; онъ же былъ просто учтивъ, но ни къ кому не внимателенъ. Жену его удавалось мнѣ послѣ того нѣсколько разъ видѣть, его же никогда. Праздная и невоздержная жизнь, которая была у меня передъ глазами, заставляла меня трепетать за бѣднаго моего племянника, и увы! опасенія мои время оправдало.

Чего уже не было нѣсколько дней, согласился я ночевать въ постелѣ. На другой день, 11-го, жаръ опять остановилъ меня, опять обѣ-

далъ я у Палена и выѣхалъ только ночью не по большой, не по проселочной, а по уѣздной дорогѣ въ городъ Ливны.

И въ этомъ городѣ, который уже совсѣмъ не походилъ на губернский, и куда пріѣхалъ я 12-го рано поутру, ожидало меня гостепрѣимство. Не знаю, говорилъ ли я гдѣ о двухъ близнецахъ, братьяхъ Беклемишевыхъ, родныхъ племянникахъ зятя моего Алексѣева? Съ самаго ребячества находились они подъ покровительствомъ цесаревича Константина Павловича; онъ записалъ ихъ въ конную гвардію, въ тоже время воспитывалъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и по производствѣ въ конногвардейскіе офицеры содержалъ ихъ на свой счетъ. Отъ колыбели до полковничьяго чина дня не были они въ разлукѣ и разстались тогда только, когда каждому дали по полку. Одинъ изъ нихъ, Андрей Николаевичъ, у котораго и душа, и кошелекъ были на распашку, командовалъ тутъ конноегерскимъ полкомъ короля Виртембергскаго. Изъ Ельца былъ онъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ, но это было не нужно. Ухвативъ меня, онъ скорѣе уложилъ меня спать и долго дождался моего пробужденія, чтобы сѣсть за обѣдь. Когда вечеромъ я готовъ былъ къ отъѣзду, нашли черныя тучи, сдѣлалась сильная гроза, и въ Ливнахъ ливня пошелъ дождь. Не надѣясь переждать его, я остался ночевать.

Ночью лило какъ изъ ведра, а когда поутру, 13-го, солнце выглянуло, и я сѣлъ въ повозку, то совсѣмъ не было грязи: пересохшая, алчная земля поглотила всю влагу. Слѣдуя путевому указателю моему, по какой дорогѣ поѣхалъ я? Право, рассказать теперь не могу; знаю только, что по самой кратчайшей, къ Курску. Въ иномъ мѣстѣ находилъ я почтовыхъ лошадей, въ другомъ обывательскихъ. Разстояніе, вѣрно, также было изрядное; ибо около сутокъ проѣхавъ шибко, 14-го пріѣхалъ я въ Курскъ, когда едва начинало свѣтать. Я остановился тамъ, куда привезъ меня ямщикъ, на постояломъ дворѣ.

Въ Петербургѣ одинъ молодой человекъ, съ которымъ я былъ знакомъ, князь Григорій Петровичъ Трубецкой, просилъ меня на случай проѣзда моего черезъ Курскъ доставить небольшую посылку зятю его, губернатору, Алексѣю Степановичу Кожухову, и далъ къ нему письмо. Порядочно выпавшись, часу въ одиннадцатомъ отправился я къ этому господину. Онъ встрѣтилъ меня въ губернаторскомъ домѣ посреди просителей и залы безъ стульевъ. Важность, съ которою игралъ онъ ролю свою, мнѣ понравилась. Начальнику Русской губерніи, которая народонаселеніемъ равняется Норвежскому королевству, не подобаетъ вести себя наравнѣ со всѣми, какъ, къ сожалѣнію, сіе нынѣ дѣлается. Сила, которую даютъ одни узаконенія, а еще болѣе личная дерзость никогда вполнѣ не замѣнитъ нравственную силу, которую нѣкоторые прежніе губернаторы умѣли давать себѣ. Не столько себѣ, какъ

званію своему, обязаны они возвышать его и наружными формами. Онъ обошелся со мною, какъ съ Петербургскимъ пріѣзжимъ, и сказалъ, что, какъ самъ я вижу, онъ не имѣетъ времени заняться мной, а проситъ часа въ два пожаловать къ нему обѣдать на дачу.

Она находилась въ верстѣ отъ города, въ узкой, густыми деревьями осыненной долинѣ, принадлежащей архіерейскому дому. Въ этихъ развѣздахъ могъ я хорошо рассмотреть Курскъ, украшенный тогда одною большою, каменными домами обставленною улицей. Я уже былъ въ немъ зимою 1802 года, не выдавъ его (съ замерзшими стеклами, сидѣлъ я закутанный въ возкѣ, и болѣе часу мы съ матерью въ немъ не оставались). Кожуховъ представилъ меня женѣ своей, Аннѣ Петровнѣ, урожденной Трубецкой. Она совсѣмъ не была красавица, но трудно было найти милѣе и нѣжнѣе ея голоса, взгляда и улыбки, стройнѣе и гибче ея стана. Говорили, что императоръ Александръ былъ къ ней неравнодушенъ и заключали изъ того, что, въ проѣздѣ черезъ Курскъ, онъ всегда лишній день съ нею оставался, а она всякую зиму мѣсяца на два ѣздила въ Петербургъ. Ну что за бѣда, еслибы и правда! Самъ Кожуховъ былъ не очень высокаго роста, крѣпокъ тѣломъ, бѣлъ и румянь. Правда, онъ деспотствовалъ въ губерніи; да какъ же иначе тамъ, гдѣ вѣковѣчные беспорядки иногда одною силою придавливаются? При немъ они почти прекратились. Люди, сами не подвергнутые строгости принимаемыхъ мѣръ, даже пользующіеся ихъ дѣйствіемъ, кричатъ противъ нихъ. Какъ быть? Нынѣ уже такъ ведется, чтобы желать невозможнаго; мы хотимъ кататься въ саняхъ среди благоуханія розъ.

За столомъ, за которымъ, считая меня, было насъ всего человекъ пять, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ, если я тороплюсь, отправиться въ ту же ночь или пробывать тутъ весь слѣдующій день.

— За окрестности Курска отвѣчаю я, сказалъ онъ; но въ прилегающихъ къ Малороссіи уѣздахъ нерѣдко бываютъ ночные разбои; не смотря на всѣ мои старанія, я не совсѣмъ могъ ихъ унять. И лучше, и вѣрнѣе мѣста эти проѣхать днемъ.

Я послушался его совѣта, ночью ѣхалъ препокойно и вступилъ въ опасныя, по словамъ его, мѣста, когда совсѣмъ разсвѣтало. Тутъ нѣкогда была Русская граница, чрезъ которую Украинская вольница тайно переходила для хищничества; къ ней приставали и наши бродяги. Все это послѣ поселено съ правами однодворцевъ. И позднѣйшее потомство этихъ людей не совсѣмъ можетъ отстать отъ ремесла предковъ. Я увидѣлъ городъ Льговъ рано поутру, Рыльскъ около полудня, а довольно большой и некрасивый Глуховъ, когда послѣдніе лучи солнца освѣщали его колокольни.

Наконецъ, я опять въ Малороссіи, съ неизъяснимою радостью сказалъ я себѣ, опять на дорогѣ, по которой первый разъ въ жизни проѣхалъ я отрокомъ! Мнѣ хотѣлось наглядѣться на мѣста, чрезъ кои проѣзжалъ, наслушаться съ ребячества знакомыхъ рѣчей; темнота ночная скоро покрыла одни, другія умоляли: ибо утомленный дневными трудами народъ скоро предался сну. Въ сердечномъ волненіи, я не скоро могъ заснуть, думаю, передъ разсвѣтомъ; а когда проснулся, 16-го числа, былъ далеко внутри моей любезной Хохландіи. О, горе! На станціяхъ не только смотрители, всѣ ямщики говорили по-русски безошибочно, хотя съ дурнымъ выговоромъ. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, видя непринужденное преобладаніе нашего господствующаго народа; но любимыя мѣста пріятно мнѣ находить точно въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ оставилъ. Оттого-то и городъ Нѣжинъ, чрезвычайно много противъ прежняго выигравшій, меня отнюдь не порадовалъ.

Меня тревожилъ дорогой нарывъ на боку. Во снѣ, вѣрно, я неловко какъ-нибудь поворотился, ибо чрезвычайно сильная боль разбудила меня 17-го рано поутру. Скоро забылъ я объ ней: на дальнемъ горизонтѣ сквозь вѣтви деревъ передо мной что-то блеснуло. Я подѣзжалъ къ послѣдней станціи, Броварамъ, и это была Печерская глава, маякъ православной вѣры, которому, завидѣвъ его издали, ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ крестясь поклоняются. Очень рѣдко случалось мнѣ плакать отъ печали, почти никогда отъ радости; тутъ откуда ни возьми слезы. Чувство и родное, и религиозное, и патріотическое вмѣстѣ возбудилъ во мнѣ этотъ минутный блескъ, скрывшійся скоро за деревьями. Въ Броварахъ, на мое счастье, былъ весьма добрый станціонный смотритель, который, замѣтивъ мое умиленное нетерпѣніе, далъ мнѣ тройку лихихъ курьерскихъ лошадей; съ ними восемнадцать верстъ проскакалъ я по сыпучему песку, точно такъ же какъ и по мосту черезъ Двѣпръ.

На Печерскомъ форштатѣ, въ Жидовскомъ трактирѣ, котораго при мнѣ не было, остановился я. Послѣ отсутствія, продолжавшагося болѣе двадцати одного года, увидѣлъ я опять Кіевъ. Несмотря на жаръ и на нарывъ, какъ бы опьянѣлый, пошелъ я ходить и прежде всего посѣтилъ крѣпость, теплое гнѣздо мое, и о радость! ничто въ ней тогда не перемѣнилось. Зашелъ помолиться въ лавру, также въ ближнія и дальнія пещеры. Сталъ разспрашивать объ архимандритѣ Кипріанѣ, объ іеромонахахъ Павлинѣ и Трифилиі, часто вхожихъ въ нашъ домъ; ихъ давно не было въ живыхъ. Вступая въ разговоры съ монахами, довольно уже немолодыми, я припомнилъ имъ объ отцѣ моемъ и о нашемъ семействѣ; ни о немъ, ни о насъ никто изъ нихъ и не слыживалъ.

И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,
Насъ болѣе не признаеть.

Горько было мнѣ подумать, съ какою быстротой время стираетъ слѣды наши.

Съ утомленными душой и тѣломъ воротился я обѣдать въ свой трактиръ, а потомъ отдохнулъ. Припоминая себѣ всѣхъ простосердечныхъ и добродушныхъ людей, которые любили мое младенчество и которыхъ я самъ любилъ, подумалъ я: неужели ни одного изъ нихъ нѣтъ на свѣтѣ? взявъ дрожжи и пустился въ поиски. Въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ я пріятныя открытія.

Первый, котораго отыскалъ я, былъ Павелъ Харитоновичъ Зуевъ, весьма умный человѣкъ, совѣтникъ Главнаго Суда, въ самый годъ послѣдняго выѣзда моего изъ Кіева женившійся на Катеринѣ Петровнѣ, дочери почтенной Іуліаны Константиновны Веселицкой, которую читателю не слѣдовало бы забыть. Когда я назвался, мужъ и жена вскрикнули отъ радости; слышанныя о моемъ семействѣ, подростіи, довольно большія дѣти обошлись со мною какъ съ давно знакомымъ. Стыдно сказать, кому тутъ еще обрадовался я? Арапу, бьющему въ бубны и стоящему на старинныхъ столовыхъ часахъ, принадлежавшихъ покойной Веселицкой: чудо механики, которому дивился я въ ребячествѣ. Какъ объяснить многія изъ нашихъ слабостей?

Скоро потомъ нашелъ я вдову лысаго лѣкаря нашего, Яновскаго, Іуліану Осиповну. Потерявъ мужа, выдавъ дочерей замужъ и давно отпустивъ сыновей въ военную службу, жила она сиротой въ собственномъ небольшомъ домикѣ, который для нея одной казался ей слишкомъ просторнымъ. Она начинала терять зрѣніе и даже по голосу, въ мужчинѣ, приближающемся къ сорокалѣтнему возрасту, не безъ труда могла узнать знакомаго ей мальчика. Но когда узнала, то заплакала, и нѣтъ нѣжныхъ выраженій на Украинскомъ нарѣчій, которыхъ бы она мнѣ не переговорила.

Еще обрѣлъ я старца, отца Степана, священника комендантской церкви. Этотъ съ перваго взгляда узналъ меня, всталъ, обратился къ иконамъ и началъ благодарить Бога, что далъ узрѣть ему хотя сына добродѣтельной матери моей. Онъ жилъ на покоѣ, въ тѣсномъ помѣщеніи, окруженный многочисленнымъ потомствомъ, и уже молодой внукъ его заступалъ его мѣсто въ крѣпости. Одна только добрая Василіса Тихоновна, моя Шехеразада, не дождалась меня, жестокая: умерла за мѣсяць до пріѣзда моего.

На счетъ сихъ лицъ я хотѣлъ было отослать читателя къ первымъ страницамъ сего безконечнаго повѣствованія; но мнѣ и такъ уже совѣстно занимать его совсѣмъ незанимательными для него предметами.

Что же мнѣ дѣлать? Воспоминанія этого новаго пребыванія моего въ Кіевѣ такъ живо мнѣ являются, что подъ перомъ моимъ сами собою выступаютъ на бумагу.

Безъ вышепоименованныхъ лицъ возвратясь, могу сказать, на родину, я увидѣлъ бы ее себѣ вовсе чуждою. Польскіе помѣщиками замѣнили въ ней Малороссійскихъ, но и они жили болѣе въ деревняхъ. Лѣтъ двѣнадцать не было уже въ Кіевѣ военнаго или генераль-губернатора. Первенствующею въ немъ особою находился тогда корпусный командиръ, Николай Николаевичъ Раевскій, прославившійся въ войну 1812 года. Тутъ прославился онъ только тѣмъ, что всѣхъ насильно магнетизировалъ и сжегъ обширный, въ старинномъ вкусѣ, Елисаветою Петровною построенный, деревянный дворецъ, въ коемъ помѣщались прежде намѣстники. Вообще и семейство его только и умѣло, что себѣ и другимъ вредить.

Преемникомъ Масса (преемника отца моего) былъ хворый братъ Аракчеева, Петръ Андреевичъ; но мнѣ никакого слѣда не было къ нему ѣхать. Съ губернаторомъ, нѣкогда Петербургскимъ полицеймейстеромъ, мнѣ знакомымъ, Иваномъ Гавриловичемъ Ковалевымъ, встрѣтился я на улицѣ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Хотя онъ былъ холостой, но жилъ не на холостую руку: у него хозяйничали двѣ старыя дѣвы, сестры его. Связь между сими тремя существами была изумительна и трогательна: нигдѣ я такой братской любви не видалъ. Ковалевъ былъ слишкомъ кротокъ для занимаемаго имъ мѣста, и я тогда же предвидѣлъ, что онъ на немъ долго не останется.

Трехъ дней было мнѣ достаточно, чтобъ осмотрѣть всѣ знакомыя мнѣ мѣста и даже нѣкоторыя изъ окрестностей Кіева. Между прочимъ, заѣзжалъ я и на хуторъ, принадлежавшій моему отцу, гдѣ было наше лѣтнее мѣстопробываніе. Онъ проданъ купцу Киселевскому и брошенъ имъ; старый домъ былъ разобранъ, и на его мѣстѣ построены двѣ три хаты. Все таки могъ я наглядѣться на то, что сохранилось въ прежнемъ видѣ,—на прудъ, на плотину, на плодovitый садъ и на рощу, по тропинкамъ которой я рѣзвился когда-то. Отъ удовольствія и сожалѣнія, право, иногда замиралъ во мнѣ духъ. Хотя онъ былъ собственностью отца моего, а странное дѣло, и понынѣ всѣ называютъ его комендантскимъ хуторомъ.

Какъ въ Римѣ, такъ и въ Одессу всѣ пути ведутъ изъ Кіева. Мнѣ сказали, что ихъ нѣсколько; какъ мнѣ было выбирать изъ нихъ? У меня было письмо отъ матери къ графинѣ Браницкой, и потому сперва поѣхалъ я въ Бѣлую-Церковь, въ ночь съ 20-го на 21-е Іюля.

Ночи въ это время бываютъ еще коротки, да и путь былъ мнѣ не длиненъ; я совершилъ его до разсвѣта. Въ Бѣлой-Церкви жила

графиня только по зимамъ; лѣтомъ же—въ трехъ верстахъ оттуда, въ своей любезной Александрии, собственными ея стараніями возвращенный огромный паркъ. Туда я прямо проѣхалъ и остановился въ довольно чистой корчмѣ. Выспавшись, часу въ одиннадцатомъ, я принарядился и пошелъ являться.

Проходя садомъ или паркомъ, я подивился его красотѣ; строенія, которыя нашелъ я на концѣ его, меня удивить не могли. Надъ каменнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ гостиницу, большими буквами выставлено было слово Austeria, и въ немъ-то помѣщалась владѣтельница замка. Я нашелъ ее послѣ чая или завтрака одну съ дочерью, въ большой комнатѣ нижняго этажа, служащей ей и гостинной, и кабинетомъ, въ черномъ тавтяномъ, довольно-поношенномъ копотѣ, въ бѣломъ довольно-заошенномъ чепцѣ. Она не расточительна была на ласки и привѣтствія; за то простое, доброжелательное обхожденіе ея вселяло уваженіе и довѣренность. Поговоривъ со мной о матери моей, она сказала, что я непременно сколько-нибудь долженъ у нея погостить, а потомъ, позвонивъ, велѣла мнѣ во флигелѣ отвести двѣ или три весьма чистыя комнаты.

Въ этой женщинѣ было такъ много оригинальнаго, что распространиться немного объ ней считаю вовсе неизлишнимъ. При необъятномъ ея богатствѣ, всѣ говорили, что она чрезмѣрно скупа, и я имѣлъ тутъ случай убѣдиться въ томъ; за то на доброе дѣло случилось ей бросать по сту и по двѣсти тысячъ рублей. Въ этой Русской барынѣ, совершенно старинной помѣщицѣ, было такъ много ума, важности и приличія, что ни одинъ Полякъ, даже по заочности, не дерзалъ попрекать ее варварствомъ. Царствованіе Екатерины было на ней начатаво.

За обѣдомъ, исключая хозяйки и меня, сидѣли четыре женщины и одинъ мущина, и вотъ кто они были.

Младшая дочь, графиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова, жена моего будущаго вачальника. Ей было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самою молоденькою. Долго, когда другимъ могъ надобѣсть бы свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Со врожденнымъ Польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ жемала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣвалъ. Молода была она душею, молода и наружностію. Въ ней не было того, что называютъ красотою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь; улыбка ея усть, которой подобной я не видалъ, казалось, такъ и призываетъ поцѣлуи. Сіе изображеніе

служить доказательствомъ моему безпристрастію, ибо въ послѣдствіи была она ко мнѣ черезъ чуръ немилосерда, хотя на этотъ разъ старалась быть отмѣнно любезна.

Какъ контрастъ, сидѣла подлѣ нея дочь генерала Раевского, Елена Николаевна, дѣва еще не старая, но мрачная и больная. Все семейство ея страдало полножелчіемъ и, смотря по сложенію каждаго изъ членовъ его, желчь болѣе или менѣе разливалась въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Графиня Браницкая приходилась двоюродною теткой Николаю Николаевичу, и оттого покровительствовала и поддерживала его семейство, за чтò не весьма хорошо отблагодарило оно ее.

Третья особа была старая знакомка моя, Наталья Николаевна Ергольская, дочь Кіевскаго совѣтника, Николая Ивановича, о коемъ говорилъ я въ началѣ сихъ Записокъ. Я имѣлъ все право назвать ее пожилою дѣвой, ибо въ малолѣтствѣ моемъ знавалъ я ее совершеннолѣтнею. Она сама себя отлично образовала и своею любезностію точно служила украшеніемъ сему небольшому обществу.

Объ имени, четвертой женщины, какой-то шляхтянки, паньи-экономки, я не только не спросилъ, но даже хорошенько не поглядѣлъ ей въ лицо, хотя она сидѣла рядомъ со мною.

Предметомъ общаго, особаго вниманія гордо сидѣлъ тутъ Англичанинъ-докторъ, длинный, худой, молчаливый и плѣшивый, которому Воронцовъ, какъ соотечественнику, поручилъ наблюденіе за здравіемъ жены и малолѣтней дочери: передъ нимъ только однимъ стояла бутылка краснаго вина. Обѣдъ былъ вкусный и обильный, но вина за нимъ не подавалось. Вдругъ графиня, подозвавъ слугу и глазами указывая ему на меня и на бутылку передъ Англичаниномъ, сказала только: «гостю». Тотчасъ явилась передо мной другая бутылка; я выпилъ изъ нея рюмки двѣ; опорожнить же ее помогла моя сосѣдка, Польшка. Замѣтно было, что она пользовалась не всеневнымъ случаемъ.

Порядочно отдохнувъ послѣ обѣда, графиня предложила мнѣ показать сама свое прекрасное созданіе. Она не повезла и не повела меня съ собою. Съ ослабѣвшими и опухшими ногами, она ходить не могла; два казака повезли ее въ креслахъ на колесахъ, а я сопутствовалъ ей пѣшкомъ. «Посмотри, батюшка, сказала она мнѣ: двадцать пять лѣтъ тому назадъ здѣсь было голое поле, «рутига не видать было, а теперь мы гуляемъ въ густомъ лѣсу». Быстрая рѣчка Рось, въ иномъ мѣстѣ удержанная, въ другомъ выющаяся по волѣ, протекаетъ весь этотъ длинный садъ. Отъ палящаго зноя этимъ лѣтомъ вся трава пожелтѣла; близъ рѣчки сохраняла она только свою свѣжесть, и большіе голубые цвѣты на высокихъ стебляхъ, по берегамъ ея насаженные, казались безконечною сапфировою цѣпью. Всѣхъ прелестей

этого очаровательнаго мѣста я описывать не буду: ихъ было слишкомъ много. Графиня Браницкая сроднилась съ природой; деревья сдѣлались ея обществомъ и друзьями. Проѣзжая мимо иныхъ, проговаривала она: «голубчикъ, красавецъ ты мой!» съ досадою отворачиваясь отъ другихъ, говорила мнѣ: «я этихъ терпѣть не могу»; однакоже не лишала ихъ жизни, не велѣла рубить. Сперва я не чувствовалъ усталости, но, наконецъ, готовъ былъ въ ней признаться моей вельможной путевоительницѣ, когда закатъ солнца заставилъ насъ воротиться.

Слѣдующій день провелъ я почти такимъ же образомъ. Дѣлаясь доверчивѣе и смѣлѣе съ графиней, я заговорилъ ей про толки, которые идутъ о ея капиталахъ, и находилъ, что, по моему мнѣнію, счетъ имъ долженъ быть преувеличенъ. «Не знаю, право, батюшка, навѣрное не могу сказать, а кажется, у меня двадцать восемь милліоновъ,» отвѣчала она. Потомъ прибавила: «Меня всѣ бранятъ за то, что я не строю дворца. Я люблю садить, а не строиться; одно потрудиѣ другаго и требуетъ гораздо болѣе времени. Послѣ меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморныя палаты, будетъ ему изъ чего.»

Изъ Бѣлой-Церкви чѣмъ свѣтъ выѣхалъ я 23-го числа по тракту мнѣ тамъ указанному. Первый городокъ, который увидѣлъ я, былъ ледащій Таращъ, а послѣ большое мѣстечко Ольшаны, принадлежащее Василью Васильевичу Энгельгардту, племяннику Потемкина и брату Браницкой. Тутъ могъ я немного своротить съ дороги, чтобы взглянуть на Казацкое, гдѣ провелъ я годъ моего отрочества, и мнѣ до смерти того хотѣлось; но время становилось дорого и, околесивъ большую часть Россіи, дорога начинала мнѣ надоѣдать. Отъ Ольшаны и Казацкаго вплоть до Херсонской губерніи идутъ имѣнья, купленные Потемкинымъ у князя Любомирскаго; изъ нихъ могло бы составиться княжество Потемкинское, пространнѣе и богаче инаго Нѣмецкаго герцогства. Послѣ его смерти раздѣлены они между потомками трехъ сестеръ, и каждому изъ наслѣдниковъ досталось болѣе пяти тысячъ душъ. Въ тотъ же вечеръ проѣхалъ я Шполу, доставшуюся Дарьѣ Николаевнѣ Лопухиной, внукѣ сестры его; рано утромъ — Золотополье, принадлежащее Николаю Петровичу Высоцкому, сыну той же сестры. Тотчасъ послѣ сего мѣстечка вступаешь въ Новороссійскій край.

Не знаю, кѣмъ или при комъ построены Новомиргородъ. Въѣхавъ въ него 24-го числа, я еще искалъ его. Вдали отъ соборной церкви разбросаны небольшія строенія, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга находящіяся; мнѣ показалось это основой или кадромъ города. Опять не знаю, поступилъ ли онъ тогда въ вѣдомство военныхъ поселеній, только на каждомъ шагу встрѣчались въ немъ уланы разныхъ чиновъ. Я пустился далѣе.

Отъ Новомиргорода то, что показалось мнѣ степью, симъ именемъ еще назвать нельзя: являются пригорки, лѣски, вѣроятно, насажденные. Утомленный, гораздо до захождения солнца, пріѣхалъ я въ Елисаветградъ, или крѣпость Св. Елисаветы, построенную въ царствованіе Елисаветы Петровны. Это было при ней крайнимъ, а въ наше время уже не новымъ, владѣніемъ Россіи. Я остановился тутъ; ибо городъ, хорошо обстроенный, окруженный садами, похожими на рощи, представлялъ мнѣ удобное мѣсто для отдохновенія. Въ деревянномъ трактирѣ, въ которомъ я остановился, былъ длинный рядъ чистенькихъ, бѣленькихъ комнатъ, обнесенныхъ, по южному обычаю, наружною, открытою галереей. Изъ нихъ я занялъ одну, но всѣ остались въ моемъ распоряженіи, ибо всѣ были пусты. Смертельную жажду, которую чувствовалъ, утолялъ я кавунами, по нашему арбузами, которыхъ съ полдюжины принесли мнѣ за полтину. Мнѣ нужно было успокоиться, укрѣпиться для перенесенія трудовъ слѣдующаго дня.

Я не имѣлъ понятія о тоскѣ пополамъ съ ужасомъ, которую чувствуешь, проѣзжая полуденными степями; я узналъ ее 25-го Іюля. Надо мною и подо мною была степь, одна безоблачная, другая безлѣсная. Благотворное въ другое время свѣтило беспощадно горѣло надо мною. Ни малѣйшаго вѣтерка, ну точно штиль среди тропическихъ морей. Ни ручейка, ни деревца, ни хатки, которые бы прервали угрюмое однообразіе сихъ мѣстъ. Во время вешнихъ дождей видъ на безконечное зеленое пространство, говорятъ, дѣйствительно, бываетъ пріятенъ; но тутъ трава не пожелтѣла, а почернѣла, и какъ зола, хрусти, рассыпалась подъ ногами. Какъ нить Аріадны, тянулась цѣпь пирамидообразныхъ столбиковъ, разныхъ величинъ, сооруженныхъ изъ битой земли, выбѣленныхъ и означающихъ версты, полуверсты и четверти версты. Они походили на надгробные памятники, и бѣлизна ихъ на чернотѣ грунта еще болѣе придавала всему траурный видъ.

Растаявшіе снѣга для стока ищутъ небольшія лощины, каждый годъ роютъ ихъ глубже и такимъ образомъ вѣками изрыли глубокіе овраги, называемые тутъ балками. Въ нихъ зимой со степи надуваетъ болѣе снѣгу, онъ долѣе держится въ нихъ; даже лѣтомъ сохраняютъ овѣ нѣкоторую влажность и отъ безпрепятственно въ полѣ бушующихъ вѣтровъ нѣсколько защищены своими берегами. На днѣ ихъ преимущественно, даже исключительно, построены селенія; но, чтобы ихъ увидѣть, надобно подъѣхать къ нимъ и спуститься въ оврагъ. На станціяхъ, въ нихъ устроенныхъ, находилъ я землянки, которыя меня привлекали своею прохладой и на четверть часа, иногда на полчаса, оставляли меня. Названія сихъ станцій, между прочимъ, Сугоклея, Громклея, суть на языкѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ; не на Печенѣжскомъ

ли, не на Хазарскомъ ли? Отъ Елисаветграда сдѣлавъ 180 верстъ, гораздо за полночь пріѣхалъ я въ Николаевъ, главный Черноморскій военный портъ.

Куда меня привезли, право не знаю; сказали, что въ трактиръ. Еслибъ я успѣлъ заснуть, то отъ чрезвычайной усталости вѣрно бы такъ крѣпко, что не почувствовалъ бы мученія, на кое былъ осужденъ. Милліоны блохъ, гораздо больше и злѣе нашихъ, осыпали меня; я подумалъ, что постель моя осыпана рубленою щетиной. Я всталъ, велѣлъ подать свѣчку, ужаснулся числу враговъ моихъ, окатился водой и перелазилъ въ свою бричку. Тамъ уснулъ, но вѣрно не посмотрѣлъ на часы, ибо сказалъ, чтобы, не дожидаясь моего приказа, со свѣтомъ запрягали лошадей, а черезъ часъ онъ показался. Я проснулся и пустился на новую пытку. Когда я въѣхалъ въ Николаевъ, была совершенная темнота; когда выѣхалъ изъ него, мнѣ было не до любопытства, и потому на этотъ разъ я его почти не видалъ.

Во время утренней прохлады, на паромѣ переправился я черезъ широкій Бугъ. Сильное волненіе въ крови моей поутихло, и я опять немного могъ заснуть, но скоро жаръ разбудилъ меня. Степь начинаетъ терять тутъ свое однообразіе. Море выступившее во внутренность земли заливами или лиманами, удаляясь подъ симъ послѣднимъ именемъ, оставило за собой озера, отдѣленные отъ него довольно большимъ пространствомъ, черезъ которое надлежало мнѣ проѣзжать. Наконецъ увидѣлъ я третью степь, влажную, голубую, хотя и называютъ ее Чернымъ моремъ, и это немного развеселило во мнѣ духъ. На семъ пути замѣтны не такъ давно совершившіяся превращенія въ этомъ краю. Станціи или селенія носятъ по два имени, одно — прежнее Татарское, другое — полурусское, полугерманское: такъ, на примѣръ, Тилигуль, принадлежащій Англичанину Коблѣ, бывшему Одесскому коменданту, получилъ названіе Коблевки; Аджелигъ, гдѣ Французъ Дофинѣ, сперва поварь, потомъ дворецкій Потемкина, наконецъ чиновникъ, поселилъ небольшое число крестьянъ, названъ Дофинкой. Солнце уже сѣло, когда съ сей послѣдней станціи пустился я въ Одессу. Прежде чѣмъ я въѣхалъ въ этотъ замѣчательный городъ, долженъ былъ я испытать большое, хотя послѣднее дорожное мученіе. Мнѣ надобно было девять верстъ ѣхать по тагъ-называемой Пересыпи, одно изъ тѣхъ плоскихъ мѣстъ, съ которыхъ море стекло; все одинъ песокъ, но не вездѣ сыпучій; въ иномъ мѣстѣ, связанный, вѣроятно, соляными частицами, былъ онъ твердъ, въ другомъ уступалъ тяжести повозогъ, и отъ того все пространство наполнено было опасными для ѣзды ямами, особенно ночью.

Насилу въ десять часовъ вечера, 26-го Іюля, пріѣхалъ я въ Одессу.

VII.

Среди ночной темноты все показалось мнѣ громадно. Я остановился въ извѣстѣйшемъ отелѣ Ренд, близъ театра, передъ которымъ горѣла блестящая иллюминація. Она была по случаю пріѣзда графа Воронцова и должна была продолжаться три дня. Подмостки были сдѣланы, шкалики куплены, и хотя въ это самое утро отправился онъ въ Бессарабію, ее все-таки зажгли. Слѣдовательно, какъ будто праздновали его отбытіе.

Никогда еще столь богатыхъ матеріаловъ не имѣлъ я для разработки; никогда столь длинной галереи замѣчательныхъ портретовъ не представлялось мнѣ для списыванія какъ тамъ, куда въ первый разъ пріѣхалъ я: новый край, молодой еще, но высоко поднявшійся городъ, съ разнороднымъ населеніемъ, можно сказать, въ маломъ видѣ рождающійся цѣлый міръ; наконецъ, настоящій дворъ, сборное, безпрестанно мѣняющееся общество. И когда пришлось мнѣ все это описывать? Когда воображеніе гаснетъ, память тупѣетъ, охота пропадаетъ. Если бы я былъ такъ счастливъ, чтобы въ читателѣ возбудить какое-нибудь участіе собственно къ судьбѣ моей: то продолженіе простаго разсказа о похожденияхъ моихъ достаточно бы было для удовлетворенія его любопытства. А вотъ чѣмъ я долженъ буду ограничиться.

Въ Одессѣ было тогда только два заѣзжихъ дома, подъ именемъ отелей, принадлежащихъ двумъ купцамъ-Французамъ, Сивару и Ренд. Первый изъ нихъ былъ настоящій торговецъ изъ Марсели, умный, веселый и пріятный человекъ. Другой былъ парикмахеръ, который, понажившись, сталъ торговать духами; подъ покровительствомъ Ришелье въ Одессѣ, отъ пудры перешелъ онъ къ крупчатой мукѣ, разбогатѣлъ, завелъ себѣ дачу и построилъ дома. Въ двухъ небольшихъ комнатахъ одного изъ нихъ помѣстился я надъ конюшнями, что было для меня весьма выгодно, ибо, чувствуя въ нихъ нестерпимый жаръ и духоту и не опасаясь неудовольствія отъ нижнихъ жильцовъ, заплатилъ я за ушаты морской воды и полилъ ею у себя весь полъ. Отъ того стало немного свѣжѣе, и я свободно могъ провести первую ночь въ Одессѣ.

Какъ я пріѣхалъ въ этотъ городъ съ намѣреніемъ служить въ немъ и остаться, то и необходимо мнѣ было явиться къ которой-нибудь изъ властей. Главной, графа Воронцова, не было; оставался градоначальникъ, и я поѣхалъ къ нему. Прежде чѣмъ назову его, надобно мнѣ объяснить причины нѣкоторыхъ перемѣнъ въ управленіи, послѣдовавшихъ въ семь краю. Когда въ 1815 году дюкъ де-Ришелье, Одесскій градоначальникъ и Новороссійскій генераль-губернаторъ вмѣстѣ,

оставилъ Россію, по указанію его, на оба мѣста назначенъ былъ его землякъ, генераль отъ инфантеріи, графъ Ланжеронъ, вѣтреннѣйшій и болтливѣйшій изъ всѣхъ Французовъ. Какъ при немъ шли дѣла, этого уже не нужно спрашивать. Не знали, какъ него отдѣлаться. Находя, что одна изъ должностей его не совмѣстна съ высотой его чина, сверхъ того, имѣя желаніе подчинить себѣ всѣ градоначальства, онъ исходатайствовалъ пріятелю своему, тайному совѣтнику Николаю Яковлевичу Трегубову, званіе Одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ оставался въ его зависимости. Не прошло года, какъ они ужасно перессорились и стали доносить другъ на друга. Пожертвованъ, разумѣется, былъ подчиненный и удаленъ отъ службы. Открывшееся мѣсто всемогущій тогда Гурьевъ умѣлъ выпросить сыну своему, нерѣдко реченному графу Александру Дмитриевичу, даже съ условіями стѣснительными для Ланжерона. Какъ онъ, такъ и Ришелье жили въ Одессѣ только по званію градоначальниковъ; мѣстопробываніемъ же генераль-губернаторовъ назначенъ былъ скучный Херсонъ, и ему велѣно было туда переѣхать. Онъ разсердился, но въ отставку не подалъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидали. Но, дабы показать неудовольствіе, потребовалъ онъ годовой отпускъ и отправился въ Парижъ. Мѣсто его заступилъ временно-управляющій Бессарабскою областію, генераль-лейтенантъ Инзовъ. Лишь только узнали о предпринятомъ имъ обратномъ пути, какъ успѣшили назначить Воронцова, и съ этимъ уже не торговались, все отдали ему: и Новороссійскій край, и Бессарабію, и градоначальства, и даже Одессу для жительства. О семъ назначеніи узналъ Ланжеронъ въ проѣздъ свой черезъ Германію; онъ остановился, сильно было прогнѣвался, но съ счастливымъ легкомысліемъ своимъ скоро пересталъ тужить и поѣхалъ далѣе.

На хуторѣ Коблѣ, ближайшемъ къ городу, предсталъ я передъ давнишнимъ знакомымъ моимъ, Петербургскимъ, Кяхтинскимъ, Мобѣжскимъ, и онъ принялъ меня какъ добраго пріятеля, не пустилъ меня, заставилъ у себя обѣдать, и всеневно-славный столъ его пробудилъ во мнѣ аппетитъ, потерянный во время сильныхъ жаровъ. Внезапный упадокъ отца его, назначеніе Воронцова, много сбавили съ него спѣси. Его графиня, Авдотья Петровна, какъ и всегда, была гораздо милѣе его. А вотъ на первый случай и знакомый для меня домъ.

Изъ многочисленной свиты Воронцова одинъ только человекъ находился въ Одессѣ, состоящій по особымъ порученіямъ, полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ. Бѣдному Курляндскому дворянчику, учившемуся въ кадетскомъ корпусѣ, служившему въ кавалеріи, посчастливилось попасть въ адъютанты къ Воронцову. Не знаю, былъ ли онъ отъ природы веселаго ума, только всегда расположенъ былъ къ шут-

камъ, зная, что ими угождаетъ высшимъ и нравится равнымъ. Шутки его бывали иногда очень остры, особенно приправленные искусствомъ передражниванья. Этого бы, кажется, достаточно; но, сверхъ того, начальника своего наединѣ забавлялъ онъ городскими и всякаго рода вѣстями. Къ чести послѣдняго надобно сказать, что онъ былъ самымъ приближеннымъ его, но не самымъ довѣреннымъ человѣкомъ. Жаль, право; у Франка былъ умъ, хотя никакой способности къ дѣламъ, а многіе видѣли въ немъ просто шута и лазутчика. Раза два прозрѣлъ я въ Петербургѣ особу его, но подробности о ней мнѣ были вовсе неизвѣстны. Неизлишнимъ счелъ я навѣстить его, дабы получить свѣдѣнія о его начальникѣ, еще не моемъ; онъ мнѣ показался очень забавенъ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его; онъ это замѣтилъ и, кажется, навсегда остался мнѣ доброжелателемъ.

Пробывъ около недѣли въ Кишиневѣ, намѣстникъ отправился осматривать южную часть Бессарабіи. Отсутствіе его длилось, а я оставался безъ дѣла и даже въ нѣкоторой неизвѣстности на счетъ моего предназначенія. Между тѣмъ чиновники, опредѣленные въ штатъ генералъ-губернатора, одинъ за другимъ безпрестанно пріѣзжали изъ Петербурга и всѣ останавливались въ трактирѣ Ренд, гдѣ я жилъ, и гдѣ славный поварь-Французъ, Оттонъ, кормилъ насъ за весьма дешевую цѣну, ибо съѣстные припасы стоили тогда весьма мало. Изъ сихъ чиновниковъ, пріѣхавшій первый и, конечно, примѣчательнѣйшій изъ нихъ, былъ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. У него были и познанія, и способности, и трудолюбіе, вмѣстѣ съ врожденною ко всѣмъ привѣтливостію, которая, равна будучи и со старшими, не могла имѣть ни малѣйшаго вида подлости, сверхъ того. довольно замѣное честолюбіе, однимъ словомъ,—всѣ средства къ возвышенію. Мнѣ едва ли случалось встрѣтить человѣка болѣе его благоразумнаго въ поступкахъ, болѣе одареннаго тѣмъ, что Французы называютъ умомъ поведенія, *esprit de conduite*. Выгораживая себя, по всей истинѣ могу сказать, что это было единственное дѣльное пріобрѣтеніе, сдѣланное Воронцовымъ въ Петербургѣ. О другихъ чиновникахъ, пріѣхавшихъ въ то же время, буду говорить послѣ, а можетъ быть, и ничего не буду говорить.

Наконецъ, прибылъ гвардіи полковникъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ, нѣкогда дежурный штабъ-офицеръ въ Мобѣжскомъ корпусѣ, главное лицо въ Воронцовской свитѣ. Четверти часа разговора съ нимъ было достаточно, чтобы увидѣть въ немъ добрѣйшаго человѣка въ мірѣ. И доброта эта была не апатическая, а живая, огненная, всегда готовая на общее и частное добро. Во всеобщей любви его къ человечеству Русскіе занимали первое мѣсто, если не онъ самъ; но не бу-

демь смѣшивать себялюбіе или эгоизмъ съ самолюбіемъ. Перваго въ немъ вовсе не было, послѣднее преступало за всѣ возможные и дозволенные предѣлы. Твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, онъ ни за что не отступался отъ мнѣнія своего, даже тогда, когда обманъ, въ который онъ былъ вовлеченъ, дѣлался очевиденъ. Правдивые люди всегда бываютъ довѣрчивы; для отклоненія заблужденій такимъ людямъ нуженъ сильный умъ и быстрый, вѣрный взглядъ на людей и на дѣла; а были ли они въ немъ, это остается еще подъ сомнѣніемъ. Я зналъ его въ Мобѣжѣ и полюбилъ; послѣ того находился онъ въ гвардейскомъ штабѣ, но мнѣ не случилось съ нимъ увидѣться. Эти господа военные, занимающіеся въ инспекторскомъ департаментѣ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ письменными дѣлами, считаютъ гражданскую службу за сущую бездѣлку и не скоро могутъ понять великой разницы между именными списками, рапортчиками и составленіемъ выписки изъ огромнаго дѣла.

Скоро изъ Кишинева обратно прислалъ Воронцовъ еще одного дѣльца, Никанора Михайловича Лонгинова, брата Николая Михайловича, секретаря императрицы Елисаветы Алексѣевны, потомъ великаго статсъ-секретаря. Онъ не былъ подобно брату воспитанъ въ Англіи, а изъ семинаристовъ попалъ въ какую-то военную канцелярію и былъ потомъ полковнымъ аудиторомъ въ Мобѣжскомъ корпусѣ. Мужикъ онъ былъ довольно добрый, только что не совсѣмъ глупъ, великой педантъ, сухой, кривой, скучный.

Я былъ призванъ сими двумя господами на совѣтъ касательно новаго устройства генераль-губернаторской канцеляріи. Въ Россіи всѣ хотятъ, возвышая мѣсто служенія своего, поднять свою должность и свою особу; отъ того-то совсѣмъ неважныя управленія успѣваютъ дѣлаться особыми министерствами. Я скоро замѣтилъ, что Казначеевъ намѣренъ создать не только нѣчто въ видѣ департамента, но настоящій департаментъ министерскій и быть его директоромъ.

Департаментъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ отдѣленій: первое, по всей справедливости, должно было принадлежать коллежскому ассессору Лонгинову, участвовавшему въ проектѣ; четвертое, въ которомъ должны были находиться Бессарабскія дѣла, назначено было мнѣ. Не знаю, какъ не вскрикнулъ я отъ удивленія и негодованія. Вотъ куда я упалъ! подумалъ я. Надобно было объясниться.

— Еще въ Петербургѣ условлено было, чтобы Бессарабскія дѣла, кои и нынѣ составляютъ отдѣльную часть, находились подъ особымъ моимъ управленіемъ, сказалъ я.

— Это невозможно, воскликнулъ Казначеевъ:—въ высочайшемъ приказѣ сказано, что такой-то назначается правителемъ канцеляріи

Новороссійскаго генераль-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области. Послѣ того какъ же быть? Да и соглашусь ли я съ кѣмъ-нибудь дѣлиться?

— Вы совершенно правы, но и мнѣ да позволено будетъ желать не имѣть другаго начальника кромѣ намѣстника: самъ дѣлъ находился я въ непосредственной зависимости отъ одного главнаго начальника.

— Ну, что за важность, и какже можно сравнивать какого-нибудь Бетанкура съ *нашимъ* графомъ?

— Тутъ дѣло идетъ не о лицахъ, а о должностяхъ, и, кажется, что министръ можетъ почитаться, по крайней мѣрѣ, равнымъ генераль-губернатору.

Я старался объяснить ему, что для человѣка, имѣвшаго въ виду департаментъ, и мѣсто правителя канцеляріи не слишкомъ завидно. Мы посчитались; и еслибы въ немъ не было такъ много доброты, и я не зналъ бы ей всю цѣну, то, можетъ быть, и перессорились бы.

Другое небольшое униженіе долженъ былъ я испытать немного прежде, дня черезъ два по приѣздѣ въ Одессу. Мнѣ принесли съ почты пакетъ, въ которомъ при письмѣ отъ Бетанкура вложенъ былъ Владимирскій крестъ 4-й степени. Представленія его, сдѣланныя по Главному Управленію Путей Сообщенія, Государь велѣлъ бросить Комитету Министровъ; а обо мнѣ шло черезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и было утверждено 14-го Іюня. Спорили въ Комитетѣ о наградѣ сей вмѣсто чина, и я чуть не получилъ было маленькой Аннинской крестикъ. Лучше бы, право, нечего.

Положеніе мое сдѣлалось опять болѣе чѣмъ затруднительно. Безъ ничего воротиться въ Пензу, истративъ на дорогу всѣ сбереженныя крохи и сдѣлавъ небольшой долгъ, было бы очень тяжело. Съ другой стороны, служить, какъ вздумалось Казначееву предлагать мнѣ, я бы ни за что не согласился. Рѣшенія участи своей ожидалъ я отъ возвращенія Воронцова, которое послѣдовало только 10-го Августа. Тогда сдѣлалось еще хуже. Нельзя было мнѣ не замѣтить, что онъ избѣгаетъ объясненій со мною, а я не слишкомъ искалъ ихъ, все опасаясь, что бы въ нихъ, противъ воли моей, не всколыхнулъ какой-нибудь упрекъ.

У него былъ собственный не весьма большой домъ *), единственный тогда ни берегу моря. Другой, самый большой въ Одессѣ, принадлежавшій богачу Фундуклею, занималъ онъ и приготавливалъ для вельможескаго житья своего. Третій—въ городскомъ саду, гдѣ жилъ, кажется, прежде градоначальникъ Трегубовъ и состоящій изъ трехъ-че-

*) Въ Одессѣ не нужно говорить каменный домъ, ибо въ цѣломъ городѣ одинъ только деревянный, Русскимъ купцомъ за большія деньги на славу построенный.

тырехъ большихъ комнатъ въ верхнемъ этажѣ, занималъ онъ также. Въ первомъ обѣдалъ онъ, во второмъ ночевалъ, въ третьемъ принималъ просителей и занимался дѣлами. Зрѣлище было любопытное: всѣ комнаты набиты всякой день были народомъ, просителями, чиновниками, даже просто любопытными, и посреди ихъ столы, на которыхъ производились дѣла. Намѣстникъ часто выходилъ изъ своего кабинета; возьметъ бумаги, промолвить съ инымъ слова два, удаляется съ тѣмъ, чтобы опять скоро показаться. Сборное мѣсто при походномъ управленіи. Тутъ и я почти каждый день являлся, и на мою долю доставалось нѣсколько ласковыхъ словъ и почти всегда зовъ на обѣдъ; но о дѣлѣ ни полслова.

Оставимъ и мы его на минуту съ тѣмъ, чтобы заняться точно бездѣльемъ: изображеніемъ двухъ лицъ, сопровождавшихъ Воронцова въ Бессарабію. Оба откомандированы были отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, кажется, болѣе для умноженія блеска маленькаго Одесскаго двора, чѣмъ для пользы службы. Отецъ одного изъ нихъ, *** былъ старикъ, вѣчно служившій въ Константинопольской миссіи; жена у него была красавица. Посланникъ Кочубей былъ молодецъ, и ребенокъ, въ то время родившійся, былъ чрезвычайно похожъ на послѣдняго; ни родители, ни молодой посланникъ не думали оспаривать общаго мнѣнія на счетъ младенца. Подъ покровительствомъ графа Виктора Павловича выросъ онъ, опредѣленъ въ службу и представленъ въ первое Петербургское общество. Когда Неаполитанская королева Каролина бѣжала изъ Палермы отъ жестокостей Англичанъ, всегда такъ немилосердыхъ къ несчастію, то въ Константинополѣ нашла убѣжище у гжи *** Какъ бы подданная, сопровождала она ее и служила ей. Не зная, какъ лучше ее наградить, королева малолѣтнему сыну ея выпросила звѣзду Св. Константина, что въ самой первой молодости и давало ему видъ маленькаго принца. Сходство лица у *** съ отцомъ, природою ему даннымъ, не было еще такъ разительное, какъ сходство характера. Въ немъ была небольшая надменность, соразмѣрная однакоже его положенію, и великая страсть къ спекуляціямъ. Не имѣя большаго состоянія, онъ безпрестанно умножалъ его, не употребляя впрочемъ никакихъ неблагородныхъ средствъ, пользуясь единственно покровительствомъ начальства и удобствами торговаго города. Всегда занятый собственными дѣлами, которыя слегка были сплетены съ служебными, казался онъ дѣятельнымъ. И странная и вмѣстѣ счастливая была судьба его! Никогда не покидая Одессы, не занимая въ ней никакой должности, оставаясь все въ томъ же положеніи, въ коемъ прибылъ въ нее, съ чиномъ надворнаго совѣтника, онъ, до чина тайнаго со-

вѣтника, очень часто получалъ награды, кресты, ленты, подарки, земли, аренды.

Если одинъ показался мнѣ отмѣнно вѣжливъ, то другой, баронъ Филиппъ Ивановичъ Бруновъ, былъ со мною не только ласковъ, даже искателенъ. Курляндецъ, еще менѣе чѣмъ Лифляндецъ, былъ онъ Русскій. Окончивъ курсъ ученія въ одномъ изъ Нѣмецкихъ университетовъ по юридическому факультету, съ прилежаніемъ и хорошей головой, приобрѣлъ онъ дѣйствительно много познаній по этой части и по рекомендаціи родственниковъ своихъ графовъ Ливеновъ, въ качествѣ дипломата-законовѣдца, прибылъ съ Воронцовымъ въ Новороссійскій край. Но не по этой дорогѣ надѣялся онъ далеко уѣхать; да и не имѣя ни малѣйшей практики, не зная Русскихъ законовъ и весьма плохо языкъ, къ чему бы годился онъ? Наружность имѣлъ онъ непріятную; длинный станъ его, все болѣе вытягиваясь, оканчивался огромной, страшной челюстью; но въ немъ былъ умъ и большой свѣтскій навыкъ, и всѣмъ, кромѣ меня, онъ болѣе или менѣе нравился. Съ самаго ребячества въ Нѣмцахъ привыкъ я видѣть правдивость и честность и хотя было много случаевъ, которые поколебали во мнѣ сію вѣру, Брунову дано было разрушить ее; но онъ принадлежалъ къ новой, юной Германіи, безстыдно-разсчетливой. Мы объяснились, и я былъ столько догадивъ, чтобы не показать ему ни малѣйшаго отвращенія. Обманутый моимъ иностраннымъ прозваніемъ и зная, что Казначеевъ стоитъ передо мной препоной, предложилъ онъ мнѣ противъ него оборонительный и наступательный союзъ. Выслушивая его одобрительно, замѣтилъ я ему, что насъ только двое. «Франкъ будетъ съ нами, отвѣчалъ онъ, и это достаточно будетъ, чтобы свихнуть Русскаго дурака и овладѣть мѣстомъ». Внутренно продолжая смѣяться надъ собой и надъ интригантомъ, «нѣтъ мало, сказалъ я: кабы намъ достать людей изъ Остзейскихъ губерній или изъ самой Германіи и ими наполнить мѣста, дѣло пошло бы иначе». — «Да это можно послѣ», отвѣчалъ онъ. Не служить ли это новымъ доказательствомъ, какъ на всѣхъ важныхъ у насъ пунктахъ Нѣмцы стремятся утвердить свое преобладаніе? Не имѣя прозорливости г. Брунова, я увидѣлъ, однакоже, какъ неосновательны его замыслы, и никакъ не спѣшилъ предупредить Казначеева, не вида для него ни малѣйшей опасности. Еще прежде, чѣмъ этотъ баронъ употребленъ былъ въ Молдавіи, всей Одессѣ извѣстенъ былъ онъ, какъ самая продажная душа; въ Бухарестѣ же былъ овъ пойманъ въ воровствѣ, въ грабежѣ, уличенъ, сознался и, неизвѣстно какъ, былъ спасенъ. Чтò же съ нимъ послѣ? Чтò же было съ нимъ наконецъ? Увы, онъ Русскій посолъ въ Лондонѣ!

Немного лицъ изобразилъ я изъ толпы, приплывшей съ новымъ начальникомъ, какъ уже приходится говорить о разсѣянной его появленіемъ. У Ланжерона было два правителя канцеляріи: Иванъ Ильичъ Гуржеевъ и Павелъ Григорьевичъ Саражиновичъ. Бахметевъ изъ Каменца-Подольскаго въ Бессарабію привезъ съ собою Поляка Николая Андреевича Криницкаго и сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Все сіе двойное наслѣдство сохранилъ Инзовъ, и все оно свезено было въ Кишиневъ. Три правителя канцеляріи не могли оставаться вмѣстѣ съ Казначеевымъ. Справедливое мнѣніе о нихъ графа Воронцова лучше и короче меня изобразить сихъ людей. «Гуржееву, говорилъ онъ, какъ человѣку умному и дѣльному, доставилъ я почетное и выгодное мѣсто; Криницкому, умному, хотя не совѣмъ чистому, но бѣдному, выпросилъ я кусокъ хлѣба, нѣсколько тысячъ десятинъ земли; а Саражиновича, какъ глупаго плута, безъ церемоніи просто вытолкнулъ отъ себя». Состоящій по кавалеріи и по особымъ порученіямъ полковникъ Селеховъ и два адъютанта, Мейеръ и Вегелинъ, показались было при намѣстникѣ и вдругъ куда-то исчезли, вѣроятно получили отпуски и потомъ перемѣнили службу.

Чиновники канцелярскіе почти всѣ сохранили свои мѣста. Изъ нихъ былъ примѣчательнъ одинъ только титулярный совѣтникъ Михайло Ивановичъ Лексъ. Отказавъ ему въ пріятной наружности, прурода въ замѣнъ дала ему много похвальныхъ и полезныхъ качествъ. По дѣламъ быстрота понятія равнялась въ немъ проворству исполненія. Сама судьба сего гражданскаго чиновника какъ бы нарочно ставила всегда подъ начальство къ военнымъ генераламъ. Бахметевъ любилъ его и отличалъ не совѣмъ лестнымъ названіемъ *мой* писецъ. Инзовъ былъ деликатнѣе, заставляя его трудиться не иначе какъ въ своемъ кабинетѣ и съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ. Величайшую честь дѣлала ему его чрезвычайная бѣдность въ Бессарабіи, гдѣ отъ мірскихъ крупицъ служащіе были болѣе чѣмъ сыты. Откровенный видъ его, всегда умно-веселая улыбка на устахъ, уменьшали дурноту рябаго лица его, а его услужливость всѣхъ хорошо къ нему располагала. Говорятъ, излишество во всемъ естъ недостатокъ; но искреннее желаніе никого не осердить противорѣчіемъ, никого не опечалить отказомъ, ни у кого не отнимать надежды, какъ бы она ни была несбыточна, однимъ словомъ, быть для всѣхъ пріятнымъ, не имѣеть ли источникъ въ добрѣйшемъ сердцѣ? Я знавалъ женщинъ, коимъ такая доброта служила во вредъ; безъ всякой любви часто жертвовали онѣ своей репутаціей неотступнымъ моленіямъ влюбленныхъ. Вотъ каковъ былъ Лексъ. Когда я узнавалъ его, сказалъ: «находка!» Скоро слово сіе повторилъ Казначеевъ, а за нимъ и самъ графъ Воронцовъ.

Образованіе Казначеевскаго департамента шло весьма поспѣшно. Не могу припомнить распредѣленія дѣлъ между отдѣленіями, а назову только ихъ начальниковъ. Я сказалъ уже, что Лонгиновъ избралъ первое, второе поручено было Левшину; отъ третьяго, суднаго, кто бы могъ подумать, не отказался Бруновъ. Впрочемъ, онъ оставался болѣе консультантомъ и въ казусныхъ, затруднительныхъ дѣлахъ подавалъ выписки Французскія изъ Юстиніанова кодекса. Четвертое, меня столь ужасавшее, по всей справедливости, досталось Лексу.

— Согласитесь, сказалъ я Казначееву, что моимъ отказомъ услужилъ я вамъ, службѣ и Лексу.

Надобно было подивиться числу налетающихъ въ канцелярію бумагъ, а еще болѣе быстротѣ, съ какою вылетали изъ нея рѣшенія и отвѣты. Быстрота — первое достоинство въ глазахъ военнаго начальника, управляющаго гражданскою частію. Чтò за дѣло, если потомъ окажутся промахи: ихъ такъ легко исправить!

Пока я все искалъ случая, безъ всякаго посредничества, говорить о себѣ Воронцову, съ которымъ я почти каждый день разговаривалъ, только всегда при людяхъ, прошло дней десять. Вдругъ собрался онъ въ новый путь и, взявъ съ собой адъютантовъ и часть свиты своей, поскакалъ въ Крымъ и далѣе. Чтò мнѣ было тутъ дѣлать? Еслибъ у меня были деньги, я, ни говоря ни слова, поворотилъ бы оглобли свои въ Пензу, тѣмъ болѣе, что и Сентябрь былъ не далекъ; но у меня не достало бы ихъ и на половину дороги; а въ незнакомомъ городѣ кто бы мнѣ далъ займы? Въ это истинно-печальное для меня время, судьба послала мнѣ большое утѣшеніе.

Рядомъ со мной, обѣ стѣну, жилъ Пушкинъ, изгнанникъ-поэтъ. Изъ первыхъ частей видно, что чрезмѣрной симпатіи мы другъ къ другу не чувствовали; тутъ какъ-то сошлись.

Въ Одессѣ, гдѣ онъ только-что поселился, не успѣлъ еще онъ обрѣсти веселыхъ собесѣдниковъ; въ Бессарабіи звуки лиры его раздавались въ безмолвной, а тутъ только-что въ шумной пустынѣ: никто съ достаточнымъ участіемъ не въ состояніи былъ внимать имъ. Встрѣча съ человѣкомъ, который могъ понимать его языкъ, должна была ему быть пріятна, еслибъ у него и не было съ нимъ общаго знакомства, и онъ собою не напоминалъ бы ему Петербурга. Вѣрно почитали меня человѣкомъ благоразумнымъ, когда передъ отъѣздомъ Жуковскій и Блудовъ наказывали мнѣ стараться войти въ его довѣренность, дабы по возможности отклонять его отъ неосторожныхъ поступковъ. Это было не легко: его самолюбіе возмутилось бы, еслибъ онъ замѣтилъ, что кто-нибудь хочетъ давать направленіе его дѣйствіямъ. Простое доброжелательство мое ему полюбилось, и съ каждымъ днемъ

наши бесѣды и прогулки становились продолжительнѣе. Какъ не вѣрить силѣ магнетизма, когда видишь дѣйствіе одного человѣка на другаго? Разговоръ Пушкина, какъ бы электрическимъ прутикомъ касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождаетъ въ ней тысячу мыслей, живыхъ, веселыхъ, молодыхъ, и сближалъ разстояніе нашихъ возрастовъ. Безпечность, съ которою смотрѣлъ онъ на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное. Съ своей стороны, старался я отыскать струну, за которую зацѣпивъ, могъ бы я заставить заиграть этотъ чудный инструментъ, и мнѣ удалось. Чрезвычайно много неизданныхъ стиховъ было у него написано, и между прочимъ, первыя главы *Евгенія Онегина*; и я могу сказать, что я наслаждался примѣрами (на Русскомъ языкѣ нѣтъ такого слова) его новыхъ произведеній. Но одними ли стихами плѣнялъ меня этотъ человѣкъ? Бывало, посреди пустаго, забавнаго разговора, изъ глубины души его или сердца вылетитъ свѣтлая, новая мысль, которая изумитъ меня, которая покажетъ и всю обширность его разсудка. Часто со смѣхомъ, пополамъ съ презрѣніемъ, говорилъ онъ мнѣ о шалунахъ-товарищахъ его въ Петербургской жизни, съ нѣжнымъ уваженіемъ о педагогахъ, которые были къ нему строги въ Лицеѣ. Мало-по-малу открылъ я весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантия цинизма. Вотъ почему всѣ заблужденія его молодости, въ послѣдствіи, отъ свѣта разума его исчезли какъ дымъ.

Между тѣмъ Воронцовъ воротился въ Сентябрѣ изъ втораго путешествія своего. Я не спѣшилъ къ нему являться: онъ прислалъ за мною.

— Послушайте, любезный Ф. Ф., сказалъ онъ мнѣ; мнѣ очень жаль, что желаніе мое имѣть васъ при себѣ не могло исполниться; десятилѣтняя привычка къ доброму товарищу моему, Казначееву, заставила меня ему одному поручить мою канцелярію. Но есть еще для васъ средство быть полезнымъ этому краю. Въ Петербургѣ не имѣютъ настоящаго понятія о Бессарабскихъ дѣлахъ, я самъ жить тамъ не могу; намъ нуженъ человѣкъ, который бы по наблюденіямъ своимъ нѣкоторымъ образомъ могъ замѣнить меня, и я васъ избралъ. Верховный Совѣтъ области не стоитъ такъ высоко, какъ Польскій или Финляндскій Сенатъ, но въ своемъ кругу и онъ имѣетъ большую важность. Въ немъ есть вакантное мѣсто члена отъ короны; хотите ли вы занять его? Чтобы васъ ничѣмъ не связывать, я даже не представляю Государю о вашемъ утвержденіи, а употреблю на то дарованную мнѣ власть. Пробывъ мѣсяца три на мѣстѣ, вы всегда, когда хотите, можете пріѣхать сюда, поотдохнуть, погулять и поговорить со мною. Жалованье

небольшое, шесть сотъ рублей серебромъ, но житье тамъ дешевое; согласны ли вы?

Всѣ эти убѣжденія были напрасны, и графъ Воронцовъ не употребилъ бы ихъ, еслибы зналъ состояніе моего кармана; я, право, готовъ былъ идти въ помощники даже къ Лексу, но только не къ Брунову.

Я имѣлъ порученіе ходатайствовать у начальника Черноморскаго флота о переводѣ изъ Петербурга одного чиновника морскаго вѣдомства. Поспѣшая въ Одессу, я не остановился въ Николаевѣ и думалъ сдѣлать сіе послѣ, на обратномъ, неизбѣжномъ для меня пути въ Пензу. Тутъ, прежде отправленія въ Бессарабію, захотѣлось мнѣ исполнить обѣщанное. Я доложилъ о томъ графу *, который вселюбезно далъ мнѣ письмо къ другу своему, вице-адмиралу Грейгу.

Пріятіе погоды, какая стояла въ началѣ Сентября, придумать нельзя и желать невозможно. Усладительная теплота разстилалась по землѣ 12-го числа, день выѣзда моего изъ Одессы и пріѣзда въ Николаевъ. На этотъ разъ и квартира была у меня въ немъ готова. Определенный при Бетанкурѣ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія полковникъ Рокуръ, Французъ весьма серіозный, хотя довольно говорливый, встрѣтись со мной въ Одессѣ, взялъ съ меня слово у него остановиться въ такъ-называемомъ Молдаванскомъ домѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ крытыми галереями. Онъ жилъ только внизу съ капитаномъ Монтеверде, роднымъ племянникомъ Бетанкура и весьма любезнымъ молодымъ человѣкомъ, а верхній этажъ оставилъ въ мое распоряженіе. Надобно признаться, что Французы гостепріимнѣе насъ, ибо не изъ тщеславія, не изъ любопытства какъ мы.

На другой день повезъ меня онъ къ начальнику портовъ и флота, Алексію Самойловичу, который принялъ меня съ важностію Англичанина и вѣжливостію чрезвычайно образованнаго человѣка. Онъ занималъ безконечный одноэтажный домъ, построенный еще Мордвиновымъ, а въ глубинѣ его безчисленныхъ внутреннихъ комнатъ скрывалась (только отъ пріѣзжихъ, а не отъ жительствовавшихъ) какая-то дама, которую называли капитаншей Кульчинской. Онъ позвалъ меня обѣдать; но Рокуръ, съ Французскою живостію не давъ мнѣ отвѣчать, объявивъ, что имѣетъ мое обѣщаніе, и что, по праву хозяина, первый день мой принадлежитъ ему. Тогда адмиралъ позвалъ меня на другой день въ загородный домъ и садъ свой, извѣстный подъ именемъ Спасскаго.

* Слѣдуя принятому моими сослуживцами обыкновенію, отнынѣ не иначе буду называть Воронцова. Говоря о другихъ графахъ, прибавляли они ихъ фамильныя имена; этотъ одинъ былъ для нихъ просто графъ настоящій; иногда прибавляли они только слово нашъ.

Легко мнѣ было замѣтить, что между сими людьми, принадлежащими къ двумъ соперническимъ націямъ, не было большаго согласія. Рокуръ говорилъ мнѣ съ уваженіемъ, съ похвалою о Грейгѣ, но съ болѣзнованіемъ о какихъ-то его слабостяхъ, и жаловался на то, что онъ не даетъ ему никакого занятія.

— Чтобы произвести что-нибудь необычайное и полезное вмѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, предложилъ я ему сдѣлать подземный садъ, и онъ согласился.

Замѣтивъ мое удивленіе, да не угодно ли взглянуть? сказалъ онъ: это отсюда въ сотнѣ шагахъ.

Я увидѣлъ вырытую круглую яму, имѣющую восемь сажень глубины и сажень тридцать поперечнику.

— Деревья, которыя будутъ посажены на днѣ ея, сказалъ онъ, какъ вы видите, лѣтомъ будутъ защищены отъ палящаго зноя, а зимой отъ холодныхъ вѣтровъ.

— Это будетъ прекрасно, сказалъ я; да только для прогулки пространства не будетъ ли мало?

— Но вѣдь это будетъ, просто, мѣстомъ пріятнаго соединенія, возразилъ онъ.

И эти затѣи, исключая трудовъ арестантскихъ ротъ, стоили большихъ денегъ.

На слѣдующій день отправился я въ Спасское, тѣмъ же самымъ Мордвиновымъ насажденное мѣсто. Эти оазисы были тогда очень рѣдки въ Новороссійскомъ краю, и тѣмъ пріятнѣе было мнѣ увидѣть свѣжую, весеннюю зелень на деревьяхъ. Въ началѣ лѣта, одно изъ величайшихъ золъ посѣтило всю эту сторону: отъ Дунайскихъ береговъ саранча, пролетая вдоль моря, оставила вездѣ опустошительные свои слѣды. Пробывъ не болѣе одной ночи въ Спасскомъ, не оставила она послѣ себя ни одного листка; потомъ въ Августѣ появились дожди, и деревья вновь зазеленѣли. Въ обширномъ домѣ на берегу рѣки, трапеза была для меня украшена пріятною бесѣдою адмирала. Сей скромный человекъ, говоря о Рокурѣ, сказалъ однакоже незнакомцу: — Не знаю, зачѣмъ прислали мнѣ этихъ инженеровъ; они мнѣ вовсе не нужны; какъ дѣло отъ бездѣлья, дозволилъ я ему опытъ этого страннаго сада; проектъ былъ написанъ прекрасно, посмотримъ каково будетъ исполненіе. Черезъ годъ или полтора, какъ мнѣ сказывали послѣ, пришлось яму зарывать.

Послѣ обѣда, погулявъ въ саду, отдохнувъ, получивъ отъ адмирала обѣщаніе исполнить мою просьбу и отъ души поблагодаривъ его за лестно-внимательный пріемъ, сѣлъ я въ принадлежацій ему большой катеръ, и въ сопровожденіи адъютанта его, премилаго молодого человека, Василья Ивановича Румянцова, поплылъ по рѣкѣ до мѣста, куда

экипажъ мой перевезенъ уже былъ черезъ Бугъ. Такимъ образомъ, не возвращаясь уже въ Николаевъ, 14-го числа, когда не совсѣмъ еще смерклося, отправился я обратно въ Одессу. Тутъ на крутомъ берегу находится Корениха, которая въ отношеніи къ Николаеву тоже самое что Услонь къ Казани. Она принадлежала г. Ренд; бывшій парикмахеръ успѣлъ уже всѣмъ обзавестись: и толстымъ откормленнымъ брюхомъ, и красавицей-женой, и баронскимъ титуломъ, и Владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ, и деревней, населенною Русскими крестьянами.

Воздухъ и ночью былъ тепелъ и пріятенъ; подъ сладкимъ вліяніемъ его я заснулъ; а когда проснулся, то при солнечномъ свѣтѣ увидѣлъ издали Одессу. Это былъ день коронаціи Александра, и въ соборѣ, когда я проѣзжалъ мимо его, производился большой звонъ. Не имѣя мундира, я было не посмѣлъ идти обѣдать къ графу; но мнѣ сказали, что въ первый годъ онъ этотъ день праздновать не будетъ. Съ прощаніемъ и за послѣдними приказаніями являлся я и на другой день къ новому начальнику моему.

VIII.

Не древнее, а прежнее приобрѣтеніе Россіи, сдѣланное Екатериною,—степи Новороссійскія, отдѣлены были Днѣстромъ отъ новаго приобрѣтенія, сдѣланнаго Александромъ: обрѣзка Молдавіи, названнаго Бессарабскою областію. Въ 1823 году Днѣстръ былъ еще рѣзкою чертой между двумя различными народонаселеніями и обычаями.

Съ властію князя Потемкина, завоевателя и перваго образователя сего обширнаго края, какъ бы искони обреченнаго кочеванію, ему не такъ трудно было населить его, хотя употребленныя имъ средства къ тому не всѣ одобренія достойны. Раздача земель была безразсудная, безрасчетная: бродяги, бѣглецы мужики изъ помѣщичьихъ имѣній цѣлой Россіи стали новыми коренными жителями края. Впрочемъ, по краткости времени и въ продолженіе войны, все, что возможно на первый случай и на скорую руку, было сдѣлано симъ могучимъ и дѣятельнымъ властелиномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по заключеніи мира, которому, къ сожалѣнію, внезапная кончина его предшествовала за нѣсколько мѣсяцевъ, онъ принялся бы за правильную колонизацію, и страна сія гораздо ранѣе начала бы процвѣтать.

Въ управленіи ею, вѣроятно по праву фаворитизма, наследовалъ князь Зубовъ, никогда ее не видавшій. Онъ сдалъ ее на аренду мужу сестры своей, Екатеринославскому губернатору, Сербу, Осипу Ивановичу Хорвату, который неизвѣстно на что употреблялъ огромныя суммы, на поддержаніе ея отпускаемыя. Павелъ совсѣмъ о ней не забо-

тился, и цѣлыя десяти лѣтъ безъ должнаго попеченія изнывали сіи мѣста, только-что оживленныя жаркимъ дыханіемъ великой Россіи. Послѣ того были болѣе искусные правители, но все какъ будто длилось междуцарствіе, которое должно было прекратиться съ Ланжерономъ.

Женатый на внукѣ бездѣтнаго Потемкина, на дочери его племянницы, Воронцовъ вступалъ въ управленіе краемъ, какъ бы въ законное наслѣдство. Многіе такъ думали и были тѣмъ чрезвычайно обрадованы. Я полагалъ, что и въ немъ была эта мысль, но въ послѣдствіи увидѣлъ, что ошибаюсь. Воспитанный въ Англіи престарѣлымъ отцомъ, который безпрестанно съ восторгомъ твердилъ ему объ отечествѣ его, съ Русскими солдатами, при видѣ опасностей, въ первый разъ забилось сердце его желаніемъ славы. Всю молодость свою, до зрѣлыхъ лѣтъ, провелъ онъ посреди Русской рати и съ нею пріобрѣлъ всѣ воинскіе успѣхи свои; болѣе чѣмъ кто изъ нашихъ знатныхъ почувствовалъ онъ достоинство Русскаго имени. Но впечатлѣнія, повѣрія, полученныя имъ въ отрочествѣ и въ самой первой молодости, остались въ немъ на вѣкъ. Чему бы посвятить досуги, которые оставлялъ ему утвердившійся миръ? Еслибъ онъ родился Великобританскимъ подданнымъ, то онъ навѣрное пожелалъ бы сдѣлаться лордомъ-коммиссаромъ на Ионическихъ островахъ; но въ Россіи есть нѣчто подобное—южный приморскій край, и Одесса лучше Корфу. Я увѣренъ, что онъ предпочелъ бы Кавказъ и Закавказье, но мѣсто было занято; нашимъ Амгерстомъ, нашимъ Элленбору былъ Ермоловъ, и онъ сидѣлъ тогда на царствѣ въ Тифлисѣ, Русской Калькуттѣ.

Исключая Буджацкой степи, Заднѣстровская сторона являла совершенную противоположность тому, что видно было по сию сторону. Тамъ были лѣса и горы, и она густо была населена одними Молдавскими жителями. Въ видѣ отдѣльной части старались сохранить въ ней молдавизмъ; при Изовѣ случайно, а при Воронцовѣ постоянно присоединена была она къ Новороссійскому краю. Въ ней долженъ былъ я встрѣтить все для меня совершенно новое.

Меня уговорили сожительствующіе мнѣ въ трактирѣ, 17-го Сентября, позавтракать, то-есть отобѣдать у Оттона, отчего я выѣхалъ нерано, въ сопровожденіи мелкаго, однакоже теплаго дождя. Онъ испортилъ дорогу; оттого ѣхалъ я медленнѣе, а ночью сдѣлалось сыро и холодно. Мнѣ все казалось, что еще лѣто; одѣтъ я былъ легко, весь пересябъ и долженъ былъ остановиться на станціи Кучурганѣ, въ самомъ плохомъ состояніи содержимой. Мнѣ принесли два пучка соломы, на одинъ я легъ, а другой положили въ печь и зажгли. Едва согрѣвшись, уснулъ я немного, а до свѣту пустился далѣе. Если кто изъ читателей вспомнитъ Парижскаго знакома моего, Липранди, то я скажу

ему, что у него былъ меньшей братъ, Павелъ Петровичъ, старшій адъютантъ при Иванѣ Васильевичѣ Сабанѣевѣ, начальникъ 6-го пѣхотнаго корпуса, котораго квартира находилась въ Тирасполѣ. Братья были сходны между собою точно также, какъ день походить на ночь и зима на лѣто. Къ сему меньшему Липранди, по его приглашенію въ Одессѣ, въѣхалъ я прямо въ Тирасполѣ; съ трудомъ могъ онъ отогрѣть меня камелькомъ и горячимъ чаемъ.

Лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ городъ Тирасполь былъ пограничный, хорошо заселенный, но только раскольниками и всякимъ сбродомъ. Плавни, то-есть роши изъ ивняка состоящія и растущія на низменныхъ берегахъ Днѣстра, красятъ его и отнимаютъ у него видъ степнаго города.

Когда я въѣхалъ изъ него, увидѣлъ странное зрѣлище: туманъ разорвался на клочки, которые въ видѣ опущенныхъ облаковъ, въ иныхъ мѣстахъ разстилались по землѣ, въ другихъ поднимались вверхъ; говорили, что это возвѣщаетъ ясный день. И дѣйствительно, лишь только переправился я черезъ Днѣстръ, проѣхалъ мимо Бендерской крѣпости и для перемѣны лошадей остановился въ форштадтѣ ея, какъ солнце засіяло и запылало. Было ли сіе добрымъ предзнаменованіемъ въ этотъ памятный для меня день, 18-го Сентября? Не думаю; ибо, начиная съ этого дня, въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиной, много перенесъ я горя и трудовъ.

У самой рѣки встрѣтилъ меня какой-то чиновникъ верхомъ и проводилъ до почтоваго двора; потомъ, когда я отправился далѣе, посылалъ передо мною. Такая почестъ казалась мнѣ непонятною, а какъ я никогда не любилъ ничего мнѣ не принадлежащаго, то, подозвавъ его, убѣдительно просилъ болѣе не трудиться. Просьба моя была неуспѣшна; тогда я принялъ повелительный тонъ, который произвелъ желаемое дѣйствіе. И теперь не знаю, за какую важную особу принимали меня потомъ на станціяхъ. Меня везли четыре лошади, по двѣ въ рядъ; оборванный суруджи сидѣлъ на одной изъ переднихъ и ужасно хлопалъ бичомъ. Эти люди обычай ѣзды взяли у Запада, подумалъ я, и пожалуй скажутъ, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, опередили они насъ въ просвѣщеніи.

Отъ Бендеръ до главнаго города Кишинева всего 60 верстъ, и я пріѣхалъ въ него, когда солнце было еще высоко. Обширнѣе, безконечнѣе, безобразнѣе и безпорядочнѣе деревни я не видывалъ. Издали онъ похожъ еще на что-нибудь, но въѣхавъ въ него я ахнулъ. Я былъ адресованъ Казначеевымъ ко вновь опредѣленному полицмейстеру, подполковнику Якову Николаевичу Радичу; отыскивая его, проѣзжалъ я самую нижнюю частію города и принужденъ былъ безпрестанно зажи-

мать носъ, а часто закрывать и глаза. Квартира его—небольшой домикъ посреди двора, обнесеннаго плетнемъ—состояла изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ стѣнами. Одну изъ нихъ занималъ онъ самъ, но не успѣвъ ничѣмъ обзавестись, жилъ по-солдатски, такъ что у него и кровати не было. Другую, пустую комнату, за отсутствіемъ хозяина, отвелъ мнѣ его деньщикъ, и также какъ на Кучурганской станціи, долженъ былъ я расположиться на полу. Явился Жидъ-факторъ и повелъ меня въ трактиръ къ своему единовѣрцу; нѣтъ, и понинѣ еще при воспоминаніи сего ужаснаго обѣда вся внутренность во мнѣ поворачивается. Возвратясь, бросился я на солому и предался размышленіямъ не весьма веселымъ; они походили на совершенное отчаяніе. «И въ этой помойной ямѣ я осужденъ провести, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, тогда какъ я не хотѣлъ бы пробыть въ ней и трехъ часовъ, думалъ я, и живу у человѣка, котораго въ глаза не видалъ». Онъ воротился вечеромъ, былъ тихій, добрый человѣкъ, подъ покровительствомъ Казначеева, и спѣшилъ угостить меня чѣмъ только могъ, утѣшеніями и надеждою на лучшее помѣщеніе.

Онъ далъ мнѣ свои парныя дрожки на слѣдующее утро, и я поѣхалъ дѣлать визиты первостепеннымъ лицамъ: губернатору Константину Антоновичу Катакази, вице-губернатору Матвѣю Егоровичу Крупенскому, предсѣдателю уголовнаго суда Петру Васильевичу Курику, и областному предводителю дворянства Ивану Михайловичу Стурдзѣ. Исключая послѣдняго всѣ были дома, всѣ жили въ верхней части города на горѣ, и всѣ приняли меня болѣе чѣмъ благосклонно, какъ избранныя Воронцовымъ. Прекрасная погода и свѣжій воздухъ, коимъ подышалъ я на высотѣ, немного успокоили меня.

Въ первую седмицу пребыванія моего въ Кишиневѣ воздержусь отъ описанія лицъ и мѣстъ, мнѣ представившихся, а буду вести простой дневникъ случавшемуся со мною.

Радичъ повезъ меня 19-го числа въ трактиръ къ какой-то Нѣмкѣ; обѣдъ былъ опрятный и сытный, и я удостовѣрился, что не вездѣ тутъ скверно ѣдятъ. Слѣдующіе дни безпрестанно получалъ я приглашенія на обѣды. Въ продолженіе 20-го наѣхала вся свита и канцелярія графа, Казначеевъ, Марини, Бруновъ, Лексъ и другіе, а къ ночи и самъ онъ прибылъ.

Для него, въ годъ за двѣнадцать тысячъ левовъ, нанятъ былъ не весьма большой и низкій домъ Вареолема, прозваннымъ *Пестрымъ*. Онъ едва могъ вмѣстить толпы пришедшихъ утромъ поклонниковъ, посѣтителей и просителей. Я отправился въ Верховный Совѣтъ и былъ немного смущенъ при первомъ взглядѣ на составъ его: наружностію и величиной сіе высшее судилище походило на сборную избу. Кто-то

ссудилъ меня мундиромъ, и я въ первый разъ прицѣпилъ свой Владимирскій крестъ. Самъ намѣстникъ предсѣдательствовалъ и приводилъ меня къ присягѣ. Все это происходило 21-го Сентября, день именинъ Блудова, по милости котораго я тутъ находился.

Въ это время Государь былъ въ Буковинѣ, въ городѣ Черновцѣ, для свиданія съ Австрійскимъ императоромъ. Графъ спѣшилъ встрѣтить его во время проѣзда его въ Хотинѣ и долженъ былъ сопровождать его потомъ въ Тульчинъ, гдѣ Государь намѣренъ былъ осматривать войска второй арміи. Не болѣе двухъ дней съ половиною пробылъ у насъ графъ; я не смѣлъ ни на что жаловаться, но возропталъ на худое помѣщеніе.

— Если вы хотите, сказалъ онъ, быть хранителемъ моей квартиры, то можете занять часть ея; пожалуй хоть и всю, только на время моего отсутствія.

Онъ уѣхалъ 23-го числа, свита его 24-го, а я 25-го переѣхалъ въ Пестрый домъ Вареоломея, что въ глазахъ жителей придало мнѣ великую важность.

У Радича спалъ я на соломѣ; тутъ нашель я атласные, бархатные диваны, мебели всѣхъ временъ и фазоновъ, въ Азіятскомъ и Европейскомъ вкусѣ, нѣкоторые предметы роскоши, странные, стародавнѣе, перемѣшанные съ самыми новомодными, стѣны, расписанныя всевозможными цвѣтами. Хозяинъ этого дома былъ Вареоломей, недоброе вѣстный, запутавшійся въ дѣлахъ откупщикъ, которому помогли за высокую цѣну отдать его со всѣмъ убранствомъ въ наймы для казны.

Надобно было подумать о хозяйствѣ. Трактиры были дурны и далеко. Я накупилъ кой-какой посуды и сталъ искать повара. Мнѣ предложили Француза; не по деньгамъ, отвѣчалъ я. Да онъ не возьметъ болѣе двадцати пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Въ такомъ случаѣ подавай его сюда! Ко мнѣ пришелъ длинный, сухой старикъ, черно-волосый съ просѣдью. Я Тардифъ, сказалъ онъ. — Какъ Тардифъ? Да не родя ли вы (я говорилъ съ Французомъ и по-французски) Тардифу, который содержалъ славную гостиницу *Европу*, противъ Зимняго дворца? — Да я самъ и есть, отвѣчалъ онъ. — Возможно ли! воскликнулъ я. — Что прикажете дѣлать; ваши гвардейскіе офицеры задолжали мнѣ десятки тысячъ рублей, потомъ неожиданно пошли въ походъ въ двѣнадцатомъ году: гдѣ мнѣ было за ними гоняться? Съ другой стороны, собака (ma chienne) жена моя всего меня ограбила, и я принужденъ былъ идти по міру.

Онъ не прибавилъ, что съ горя началъ пить и, служивъ сперва вельможамъ, между прочимъ, Витгенштейну въ Тульчинѣ, началъ спускаться до бѣдняковъ какъ я. Будучи предупрежденъ, я велѣлъ слугѣ

своему смотрѣть, чтобъ онъ поутру не отлучался, а иногда вечеромъ, когда онъ былъ въ полпьяна, призывалъ его будто за какимъ-нибудь дѣломъ и помиралъ со смѣху отъ его разсказовъ. Самаго взыскательнаго гастронома искусство его могло бы удовлетворить, и все это стоило очень недорого. Тогда я зажилъ баринкомъ: разукрашенные чертоги и Французъ-поварь! Но сіе величіе, увы, продолжалось недолго. Не стало возможности удерживать Тардифа: съ утра онъ бывалъ мертвецки пьянъ, и кушанье, коимъ онъ меня потчивалъ, было немного лучше Жидовскаго обѣда въ первый день моего пріѣзда; я привужденъ былъ удалить его отъ себя. Черезъ нѣсколько дней, въ самой большой комнатѣ, куда, къ счастью, я никогда не заглядывалъ, провалился потолокъ и перебилъ множество вещей. Когда донесли о томъ намѣстнику, онъ велѣлъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобы нарушить контрактъ, сдѣланный безъ его вѣдома и согласія.

И въ это же время, во второй половинѣ Ноября, сдѣлалось очень холодно, туманно, сыро. Сначала я утѣшался теплою погодой и благословлялъ южный край. Я помню, что 14-го Октября, въ воскресный день, въ одномъ сюртукѣ загулялся я по улицамъ до поздней ночи. Въ этотъ день, видно, было много свадебъ, ибо во многихъ мѣстахъ, отдѣленный отъ веселящихся низкимъ плетневымъ заборомъ, я какъ бы участвовалъ въ брачныхъ празднествахъ: на дворѣ, при свѣтѣ факеловъ, Молдаване и Молдаванки забавлялись любимую національную пляскою своей *мититикой*. Утромъ 15-го я не повѣрилъ глазамъ своимъ, когда увидѣлъ на улицѣ снѣгъ: онъ пролежалъ не болѣе часу, но оставилъ послѣ себя какую-то жесткость въ воздухѣ, и хотя нерѣдко проглядывали еще красные дни, но съ тѣмъ, что называется теплою южною осенью, должны мы были проститься.

Мнѣ постоемъ отвели квартиру въ домѣ одной Молдаванки, вдовы Кешкулясы, недавно вышедшей за молодца — Русскаго офицера, Друганова. Оба они старались сдѣлать житье у нихъ для меня пріятнымъ, но не могли раздвинуть стѣнъ двухъ узкихъ комнатъ, въ коихъ я помѣщался. Въ Совѣтъ свой ходилъ я только два раза въ недѣлю, когда въ немъ слушались дѣла по правительственной части; отъ занятій же по судебнымъ дѣламъ, производящимся на Молдавскомъ языкѣ, имѣлъ я все право отказываться. Между тяжущимися были однакоже люди, которые, не знаю почему, вѣруя въ мое безпристрастіе, давали большія деньги за переводы дѣлъ своихъ на Русскій языкъ, дабы заставить меня принимать участіе въ сужденіяхъ по нимъ. Съ цѣлымъ городомъ успѣлъ я познакомиться, но ни съ кѣмъ не успѣлъ сдѣлать связей. Книгъ моихъ со мною не было, — всѣ отправлены были въ Пензу, — и осенне-

зимніе вечера въ одиночествѣ бывали иногда для меня тягостны и скучны.

Къ счастью, еще въ домѣ Вареоломея, создалъ я себѣ большое занятіе. При отъѣздѣ изъ Петербурга, давъ Блудову слово въ частныхъ письмахъ изображать ему состояніе края, сверхъ того, имѣя отъ Воронцова порученіе сообщать ему о всемъ любопытномъ въ немъ происходящемъ, разсчелъ я, что гораздо лучше будетъ составить изъ всего одну общую записку, въ которой представить имъ картину во всѣхъ ея подробностяхъ. Мнѣ нужны были свѣдѣнія о лицахъ и дѣлахъ; собирать ихъ было нетрудно; во взаимныхъ обвиненіяхъ служащихъ, конечно, было много клеветы, и я старался изъ разсказовъ ихъ отдѣлять одно вѣроподобное. Главный же источникъ, изъ коего черпалъ я, хотя съ осторожностію, былъ Липранди, Парижскій мой знакомый, который находился тутъ въ отставкѣ и въ бѣдности. Я съ усердіемъ принялся за сей трудъ, совершенно новый для меня въ своемъ родѣ, и я смѣло могу похвалиться, что изъ всего касающагося до образа управленія, до порядка, до особыхъ узаконеній края и до исполнителей ихъ, ничто тутъ не пропущено. Этотъ трудъ избавляетъ меня отъ другаго: повторять здѣсь хотя часть тогдашнихъ моихъ замѣчаній и наблюденій. Совершенно противъ воли моей, впоследствии съ этой тайной моей рукописи было снято много копій. И потому сію отдѣльную записку, у сего прилагаемую, могу почитать частью тѣхъ, кои нынѣ пишу.

Я писалъ тогда въ самомъ дурномъ расположеніи духа, подъ вліяніемъ мрачной погоды и окружающей меня скуки, и безпрестанно внимая мерзостямъ, мнѣ сообщаемымъ. За истину мною писаннаго я могу ручаться, но истина, можетъ быть, и преувеличена. Доходя до причинъ, надобно съ нѣкоторою снисходительностію смотрѣть на шалости ребятъ, на своезравіе стариковъ и на излишнюю запальчивость юношей, а во мнѣ сей снисходительности не было. Главная же ошибка моя состоитъ въ томъ, что на людей и на ихъ нравы въ этомъ новомъ краю смотрѣлъ я съ самой фальшивой точки зрѣнія. Какъ многіе, почти какъ всѣ, былъ я пристрастенъ къ Западу, къ его просвѣщенію, его общежителности, изобрѣтательности, промышленности и до нѣкоторой степени къ его духу свободы, который почиталъ я естественнымъ произведеніемъ разливающагося по немъ свѣта. На отечество свое взиралъ я съ нѣжнымъ, почтительнымъ состраданіемъ и съ совершеннымъ презрѣніемъ на Востокъ. И вмѣсто того, чтобы возрадоваться, обрѣтая въ отдаленной странѣ всѣ слѣды почтенной древности нашей, причудливымъ и жестокосердымъ Петромъ болѣе ста лѣтъ стертой съ

лица земли Русской, я дерзнулъ встрѣтить ихъ съ презрительною насмѣшкой.

Вслѣдствіе Греческаго возмущенія, не одни эмигранты изъ Константинополя, но и множество перебѣжавшихъ черезъ Прутъ Молдавскихъ бояръ находилось въ Кишиневѣ, предпочтительно Одессѣ, гдѣ имъ казалось гораздо дороже. Почти со всѣми я познакомился и могъ изучить духъ Молдаванъ. Румыны или Римляне, какъ они себя называютъ, происходятъ отъ смѣшенія потомковъ Римской колонизаціи съ Славянами-Даками, завоеванными и покоренными Трояномъ. Въ языкѣ, коимъ говорятъ они, Латинскій взялъ рѣшительный перевѣсъ; но литеры у нихъ почти точно тѣже что у насъ, и Славянскія словеса на дѣлюю треть остались у нихъ въ употребленіи. Въ характерѣ у Молдаванъ не осталось уже ничего Римскаго, и что бы ни говорили, есть много сходства съ нами, — сходство измѣненное однакоже обстоятельствами, въ коихъ они находятся. У простыхъ жителей таже безпечность, не допускающая мысли о приобрѣтеніи вооруженной рукой народной независимости; таже любовь болѣе къ сохраненію чѣмъ къ умноженію собственности. Въ высшемъ сословіи гораздо болѣе тщеславія чѣмъ у насъ. Для потѣхи сего тщеславія нужна роскошь, для поддержанія которой нужно золото; а въ алчности къ сему металлу Молдавскихъ бояръ обвинять нельзя, ибо они добываютъ его, а не берегутъ. Пышные экипажи, наряды нѣсколько разнообразяють, тѣшатъ сонъ ихъ жизни, посреди невольной праздности, на кою осуждены они своимъ положеніемъ. Волохи и Молдаване были болѣе погружены въ глубокую дремоту чѣмъ подавлены Турецкимъ правительствомъ.

Но тамъ, гдѣ Румынамъ оставалась возможность дѣйствовать, въ Трансильваніи, въ Седмиградской области, блистали они и воинскими доблестями. Имена Яна Запольскаго, Стефана Батори, Рагоцскаго, Бетлема Габора, Михаила Абафи до половины семнадцатаго вѣка были слишкомъ извѣстны Туркамъ, Венграмъ и Полякамъ то по союзамъ съ ними, то по ударамъ, ими наносимымъ. И еслибъ по крайней мѣрѣ Молдовахія продолжала прозябать въ тишинѣ; но нѣтъ: съ Юга стали насылать въ нее грабителей, развратителей Грековъ, отъ Сѣвера по временамъ стали занимать ее развратители Русскіе. Сколь ни больно для сердца моего, но я долженъ сказать сію истину. Какъ въ ливрею, переодѣвшись въ Европейское платье, мы гордились имъ и похожи были на лакеевъ, которые съ пренебреженіемъ смотрятъ на простой и красивый костюмъ нашихъ мѣщанъ и поселянъ. Просвѣщеніе свое, которое, особенно прежде, состояло все изъ заимствованныхъ у Запада пороковъ, старались мы сообщить нашимъ природнымъ союзникамъ. Женщины были первыя увлечены; со врожденнымъ въ нихъ легкомыс-

ліемъ нарядъ составляетъ для нихъ главный предметъ въ жизни и, кажется, нарочно для удовлетворенія ихъ желаній еще Потемкинымъ были выписаны мадамы. Мужчины не такъ скоро согласились на преобразование, особенно тѣ, которые были постарѣе; однакоже въ Кишиневѣ напелъ я почти всѣхъ молодыхъ людей уже во фракѣ. Перемѣна одежды совсѣмъ не маловажное дѣло: съ нею вмѣстѣ перемѣняются совершенно нравы и весь образъ жизни. Нашъ злодѣй очень хорошо это зналъ.

И я, несчастный, позволялъ себѣ съ улыбкою совѣтывать инымъ боярамъ снять съ себя такое неблагообразіе. Они отвѣчали мнѣ весьма благоразумно, находя, что фракъ равняетъ состоянія и ведетъ къ совершенному равенству между людей. И точно, всякій камердинеръ можетъ быть щеголеватѣе перваго вельможи. Наше неуваженіе къ духовному сану умножало еще наше презрѣніе къ боярскому наряду. Говорили: это точно поповская ряса; правда, зато и архіерейская. Подъ длиннымъ кафтаномъ съ чрезвычайно широкими рукавами находилось подпоясанное полукафтанье; молодежь умѣла все это сокращать и открытый тонкій станъ очень ловко сжимать и увивать красивымъ поясомъ. Это со взгляду тяжелое платье давало, не знаю, какую-то особую важность поступи и движеніямъ носящихъ его. Теперь безъ умиленія не могу его вспомнить, особенно когда въ старыхъ книгахъ нахожу печатное изображеніе тронной залы нашихъ царей и возсѣдающаго въ ней сонма бояръ. Ихъ высокія горлатныя шапки невольно напоминаютъ мнѣ Качула Маре.

Одни старики, въ это время, исключая собственнаго языка, знали немного Греческій; бояре же среднихъ лѣтъ, даже съ бородами, слѣдуя примѣру добрыхъ наставниковъ своихъ, Русскихъ, почти всѣ говорили по-французски, иные и по-нѣмецки. Усилія наши совершенно поворотить ихъ на Западъ имѣли и тогда желаемый успѣхъ. Никто изъ нихъ не зналъ по-русски и не полюбилъ взглянуть на Москву или на Петербургъ; изъ словъ ихъ замѣтить было можно, что нашъ Сѣверъ почитаютъ они дикою страной. Зато многіе изъ нихъ ѣздили въ Вѣну, которая гораздо ближе и гдѣ, дѣйствительно, и теплѣе, и веселѣе. О Парижѣ тогда еще никто не помышлялъ. Какъ было не видѣть (лишь бы только не пало Россійское государство), что Придунайскія княжества, рано или поздно, но неизбѣжно должны, если не войти въ составъ его, то быть прикованы къ участи его неразрывными узами и жить подъ единственнымъ щитомъ его. И какъ никому не пришло въ голову, что жители ихъ, на Западѣ, куда мы имъ указывали путь, прежде всего должны встрѣтить враждебный нашему Православію Римскій Католицизмъ и враждебный самодержавію республиканскій духъ.

Но болѣе ста лѣтъ, рѣдко мы знаемъ, что дѣлаемъ; мы все блуждаемъ, пока Провидѣнію угодно будетъ поставить насъ на прямой путь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, подъ управленіемъ Русскаго генерала Киселева, знаменитаго мужа девятнадцатаго столѣтія, довершено начатое. Съ помощію двухъ-трехъ, по мнѣнію его, просвѣщенныхъ людей, состряпалъ онъ для княжествъ нѣчто въ родѣ конституціи. Въ молодости, когда онъ ничего не писалъ и не читалъ, слышался онъ о свободѣ и представительныхъ правленіяхъ; въ совершенно-зрѣлыхъ лѣтахъ захотѣлъ онъ узнать, что это такое, и принялся за дѣло. Со врожденнымъ, необыкновеннымъ, чисто-Русскимъ умомъ, увидѣлъ онъ, что почти все одинъ обманъ, но обманъ, который можетъ быть полезенъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые дружатся со свободой, обнимаютъ ее съ намѣреніемъ послѣ оковать ее въ свою пользу, чего они однакоже никогда не дождутся: явятся люди побойчѣе ихъ, которые будутъ умѣть для себя собрать плоды ихъ преступнаго посѣва. А между тѣмъ онъ былъ причиною, что въ нравственномъ смыслѣ Молдоване и Волохи рѣшительно отдѣлились отъ Россіи, въ которой до него все еще видѣли они избавительницу. Юношество толпами поспѣшило въ Парижъ, къ источнику знаній и всѣхъ земныхъ наслажденій; сколько мнѣ извѣстно, сими послѣдними только пресытились они. И что будетъ изъ сихъ несчастныхъ, полныхъ страстей и бѣдныхъ разсудкомъ? Не будутъ ли они со временемъ пагубой своего отечества?

Если сіе историческое воззрѣніе покажется здѣсь не у мѣста, то по крайней мѣрѣ оно вѣрно изображаетъ характеръ уроженцевъ Молдавіи и можетъ объяснить причины несогласій, впоследствии у нихъ со мною бывшихъ. Теперь слѣдуетъ, кажется, сказать нѣсколько словъ о лицахъ, съ которыми тутъ свела меня служба.

Со времени присоединенія области постоянно игралъ въ ней важную ролю Крупенской, принадлежащій къ боярской фамиліи. Онъ былъ тщеславенъ, какъ всѣ Молдоване, роскошенъ, но болѣе ихъ знакомъ съ Европейскимъ житьемъ. У него въ рукахъ всегда находилась казна и, слѣдуя обычаю, принятому въ Яссахъ, онъ полагалъ, что онъ можетъ брать изъ нея все для него потребное. Особенно же въ званіи вице-губернатора при двухъ намѣстникахъ, Бахметевѣ и Инзовѣ, онъ дѣлалъ что хотѣлъ, не думая о дѣѣ отчетовъ и отвѣтственности. Сей день насталъ для него съ прибытіемъ Воронцова; онъ скоро долженъ былъ оставить службу и поплатиться почти всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніемъ за неосторожно сдѣланные казенные займы.

На его мѣсто прибылъ Херсонскій вице-губернаторъ Василій Васильевичъ Петрулинь, добродушнѣйшій и честнѣйшій человекъ въ мірѣ, бывший долго адъютантомъ при дукѣ-де - Ришельѣ. Едва успѣлъ онъ

прѣхать, какъ, съ наставленія графа, меня, ему прежде неизвѣстнаго, поспѣшилъ посѣтить онъ въ дорожномъ платьѣ. Мы оба были залетныя птицы въ незнакомой сторонѣ, оба должны были дѣйствовать съ оглядкой, что насъ скоро чрезвычайно и сблизило. Его ужасала бездна безпорядковъ, которые надлежало ему исправить. Дѣятельность его изумляла всѣхъ, его утомляла, а меня заставляла бояться за жизнь его; ибо здоровье у него было самое плохое.

Предсѣдатель Уголовнаго Суда Курикъ совсѣмъ не былъ такъ страшенъ, такъ опасенъ и такъ могущъ, какимъ я вообразилъ себѣ его и какимъ представилъ въ Запискѣ о Бессарабіи. Онъ былъ Украинецъ, ополячившійся во время служенія въ Варшавѣ и пристрастный къ Евреямъ; что же могло оставаться Русскаго въ этомъ провинціальномъ ораторѣ? Въ Совѣтѣ, въ которомъ видѣлъ онъ какой-то парламентъ, надобдалъ онъ мнѣ своими умствованіями, бесплодною плодovitостію рѣчей. Въ ласковыхъ его со мною разговорахъ не могъ я поймать выраженія ни единого чувства, согласнаго съ моими. Все вмѣстѣ породило во мнѣ преувеличенную антипатію къ нему, и отъ того, можетъ быть, и сказалъ я объ немъ что нибудь лишнее.

О депутатѣ отъ дворянства Иванѣ Константиновичѣ Прункулѣ говорилъ я тоже не съ весьма выгодной стороны, и теперь не буду ставить его примѣромъ добродѣтели. Но въ немъ было много примѣчательнаго; онъ казался выродкомъ изъ тяжеловѣсныхъ Молдаванъ. Его чудный умъ, быстрота, съ какою обнималъ онъ дѣла и способность объяснять ихъ на Русскомъ языкѣ, которому выучился онъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ, мнѣ нравились также, какъ и выразительный его взглядъ и проворство тѣлодвиженій. По поставкамъ на армію, во время послѣдней Турецкой войны, имѣлъ онъ расчеты съ казною. Такого рода дѣла предпринимаются не изъ усердія, а изъ барышей, и всякому хочется получать ихъ болѣе. Если требованія его были неумѣренны, не надобно было удовлетворять ихъ. Изъ дѣла, въ которомъ обращались милліоны, извлекъ онъ небольшое состояніе въ Бессарабіи, и это ему ставили въ вину. Не только ничего ему не уплачивали, но тянули и тянуть еще разорительный для него процессъ, и его же еще преслѣдовали. Вообще надлежитъ быть справедливымъ и такихъ людей беречь для будущаго, дабы ихъ примѣромъ не напугать ихъ соотечественниковъ и не охладить ихъ къ Россіи. Сами земляки, необыкновенный умъ его называли плутовствомъ; вездѣ горе отъ ума!

Прежде всего слѣдовало бы говорить о гражданскомъ губернаторѣ Катакази; но изъ главныхъ лицъ онъ оставался такъ мало замѣчательный, что, бывало, всегда между ними его послѣдняго разглядишь. Молоденькимъ Греченкомъ изъ Константинополя въ Молдавію вывезъ его

господарь Ипсиланти, потомъ женилъ на одной изъ дочерей своихъ и по незрѣлости тогда ума его (и съ тѣхъ поръ мало созрѣвшаго) далъ ему только званіе каминара, какъ бы сказать—титularнаго совѣтника. Послѣ побѣга изъ Яссы привезъ онъ его съ собою въ Петербургъ. Въ награду за преданность Ипсиланти и за понесенныя имъ потери, по его просьбѣ, два зятя его, Негри и Катакази, приняты въ Русскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, будто бы соотвѣтствующаго ихъ Молдавскому званію. Когда въ 1818 году утверждено было образованіе области и по штату положенъ былъ гражданскій губернаторъ, то Бахметевъ, или лучше сказать правитель канцеляріи его Криницкій, сталъ прискивать для сего мѣста совершенное ничтожество и ничего не могли найти лучше, какъ случившагося тутъ Катакази; тѣмъ самымъ угодили они и земляку его Каподистріи. Въ мало населенной странѣ, въ присутствіи намѣстника, губернаторъ вообще не можетъ играть большой роли; а этотъ, плохо зная Русскій языкъ и совсѣмъ не зная дѣлъ, на немъ производящихся, долженъ былъ рѣшительно оставаться нулемъ. Съ помощію свѣдущаго секретаря Шульженки могъ онъ еще кое-какъ выходить изъ затрудненій; за то въ разговорахъ плохимъ выговоромъ не оставлялъ часто упоминать о Митріѣ Павловицѣ. Все въ немъ было въ маломъ видѣ: и ростъ, и умъ, и даже Греческая хитрость и злость, всегда подавляемыя безсиліемъ и робостію. Обхожденіе съ нимъ Бахметева, говорятъ, было столь же высокоумѣнное и грубое, какъ и покорность его къ нему безгранична. Инзовъ, болѣе кроткій, старался быть учтивъ, но по службѣ остался съ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и Бахметевъ.

Нѣчто въ родѣ представительнаго правленія введено было въ Бессарабію подъ названіемъ «Образованія». Съ помощію наставленій, насылаемыхъ изъ Петербурга, его составлялъ Криницкій, который, какъ всякій Полякъ, искренно или притворно любилъ вольность. Поляки, коими многія мѣста наполнилъ онъ въ области, воскликнули: республика! а недовольные Молдаване возмечтали, что могутъ дѣлать все что хотятъ. Бахметевъ, Русскій человекъ и Русскій воинъ, не хотѣлъ повѣрить, что, представивъ проектъ «Образованія», онъ подыметъ на себя руки. Управленіе его сдѣлалось постоянною борьбой, въ которой, однакоже, онъ всегда одерживалъ верхъ. Но въ Петербургѣ два покровителя новаго порядка, Каподистрія и Стурдза, съ негодованіемъ смотрѣли на его дѣйствія, какъ на насилуваніе дарованной ими хартіи. Въ 1820 году сдѣлалась настоящая республика, только съ осторожнымъ президентомъ, Инзовымъ, которому помогали прикрываться постановленіями и законами. Вдругъ узнаютъ, что извѣстный либераль, Англичанинъ въ душѣ, назначенъ намѣстникомъ; вотъ тутъ-то пришло

время совершенной свободы. Многие, вѣроятно, мечтали уже и о безначаліи съ Катакази, тѣмъ болѣе, что мѣсто областного управленія должно было перенестись въ Одессу. Спросили бы они въ Великобританскихъ колоніяхъ, какъ либеральничаютъ тамъ Англичане. Спокойная твердость Воронцова всѣхъ поразила: въ немъ, болѣе чѣмъ намѣстника, увидѣли наперсника царскаго. Какъ бы то ни было, съ самой первой минуты, во все время многолѣтняго управленія своего, не встрѣтилъ онъ и тѣни сопротивленія.

Вмѣсто безначалія въ дѣлахъ показалось гораздо болѣе порядка, и дѣятельность необходимая, дабы оживить сихъ неподвижныхъ. Анархію нашель я только въ общезительности; въ городѣ, наполненномъ помѣщиками, служащими и эмигрантами изъ Молдавіи и Греціи, всѣ жили порознь, нигдѣ не было точки соединенія. Старый холостякъ, Иванъ Никитичъ Инзовъ, который никогда не приближался къ женщинамъ и до конца жизни сохранилъ цѣломудріе, жилъ по-солдатски; оставшись въ Кишиневѣ по званію попечителя колоній южнаго края, онъ ничего не перемѣнилъ въ образѣ жизни своей. Катакази получалъ большое содержаніе саробромъ, и хотя не справлялъ, какъ говорится, царскихъ торжественныхъ дней, проживалъ его сполна, да еще дѣлалъ долги. Онъ ежедневно принималъ у себя и кормилъ однихъ Грековъ, и они-то объѣдали его сердечнаго. Меня не рѣдко приглашалъ онъ, и тутъ-то познакомился я съ его соотечественниками; главныхъ назову здѣсь.

Вопервыхъ, былъ престарѣлый Григорій Суццо, Бейзаде, господарскій сынъ, отецъ князя Михаила, Молдавскаго господара, недавно бѣжавшаго въ Германію. При немъ находились два сына, Николай и Гордаки или Георгій Суццо, женатые, съ малолѣтними дѣтьми. Надобно полагать, что Михаилъ, прежде и послѣ игравшій большія роли, ни въ чемъ не походилъ на двухъ братьевъ своихъ, ибо ничего ничтожнаго ихъ не могло быть. Изъ двухъ дочерей старика Суццо одна была въ замужествѣ за Маврокордато, высокимъ, красивымъ мужчиной, да вотъ и все. Мужемъ другой былъ съ козлиной бородкой маленькій Скина, главный совѣтникъ Катакази. Онъ былъ любезенъ, просвѣщенъ, съ нимъ гораздо короче, чѣмъ съ другими, познакомился я, и я скорѣе любилъ его лисій умъ, чѣмъ пугался его. Объ остальныхъ, право, не стоить говорить, развѣ только о добромъ тянисловѣ Плагіано, женатомъ на княжѣ Мурузи. Начиная отъ губерваторши, во всѣхъ сихъ Гречанкахъ ея общества не было ни красоты, ни любезности; за то нравственностію и пристойностію стояли онѣ гораздо выше Молдаваногъ.

Изъ моихъ соотечественниковъ короче всѣхъ сошелся я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, такъ же какъ я, учившимся въ Форсевичевомъ пансіонѣ, только нѣсколько годовъ позже. Николай Степановичъ Алексѣевъ родился въ Москвѣ, воспитывался въ ней, выросъ, возмужалъ и сражался за нее на Бородинскомъ полѣ. Съ безпечною юноши и тогдашняго Москвича приписался онъ къ какому-то вѣдомству и мало заботился о повышеніи. Объ немъ можно было сказать, обращаясь къ прежней Москвѣ:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ созданъ духомъ былъ твоимъ.

Однимъ только разнствовалъ онъ отъ согражданъ своихъ: въ ихъ добродушной откровенности было много грубаго, а въ немъ и этого не было. Но годы прошли, не вѣкъ было танцовать, надобно было подумать о чемъ-нибудь серіозномъ. Семейство Алексѣева было въ родствѣ, въ свойствѣ или въ тѣсной связи съ Димитріемъ Ивановичемъ Киселевымъ, котораго сынъ Павелъ Димитріевичъ, начальникъ штаба второй арміи, былъ очень силенъ на Югѣ. Къ нему прямо въ Тульчинъ отправили неопытнаго юношу, а онъ пристроилъ его къ Бахметеву, въ Кишиневѣ. Съ тѣхъ поръ исторія Алексѣева становится исторіей Бессарабіи въ послѣдніе четыре года. И потому намѣренъ я рассказать ихъ вмѣстѣ.

Въ 1819 году властвовалъ еще Бахметевъ или, скорѣе, супруга его Викторія Станиславовна, разводная жена графа Шоазеля-Гуфье, урожденная графиня Потоцкая. Какъ всякая Полька, любила она власть и оттого любила начальствовавшего мужа, безногаго, пожилаго и хвораго. Какъ Полька, любила она деньги и оттого любила дикую еще Бессарабію, въ которой видѣла золотой для себя рудникъ. Какъ Полька, любила она роскошную жизнь, всякій вечеръ принимала у себя гостей и часто дѣлала балы. Она жила во вновь построенномъ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, въ нижней части города *). Общество при ней процвѣтало, тѣшилось, а земля платила за его увеселенія: вѣдь нельзя же забавлять людей все даромъ. Министромъ финансовъ ея былъ Армянскій архіепископъ Григорій, столь же любезный какъ глубоко и откровенно-безнравственный человѣкъ; я бы его возненавидѣлъ, еслибъ онъ принадлежалъ къ православному духовенству, но до чуждой мнѣ вѣры какое мнѣ дѣло? и мы всегда жили съ нимъ по-

*) Въ этомъ домѣ продолжалъ жить Инзовъ, даже когда оставилъ должность намѣстника; графъ Воронцовъ согласился, чтобы изъ областныхъ доходовъ былъ онъ для него нанятъ. Онъ былъ построенъ весьма непрочны и поврежденъ землетрясеніями. Вмѣстѣ съ старѣющимъ жильцомъ своимъ приходилъ онъ въ разрушеніе. Теперь, слышно, онъ въ развалинахъ.

пріятельски. Сей весельчакъ въ архіерейскомъ домѣ давалъ иногда и балы, присутствовалъ при танцахъ, но самъ не принималъ въ нихъ участія. Собираателями не совсѣмъ добровольныхъ приношеній были вызванные ею изъ Подольской губерніи Евреи.

И, такъ, Алексѣевъ съ ложенныхъ паркетовъ, на коихъ вальсировалъ въ Москвѣ, шагнулъ прямо къ ломберному столу въ гостиной Бахметева. Бѣльшихъ рекомендацій ему было не нужно; его степенный, благородный видъ заставлялъ всякаго начальника принимать его благосклонно. Въ провинціяхъ, кто хорошо играетъ въ карты, скоро становится нужнымъ человѣкомъ, и онъ сдѣлался домашнимъ у Бахметева. Тогдашнее малочиніе его заставляло другихъ канцелярскихъ чиновниковъ смотрѣть на него съ завистію и досадою; но онъ всегда спокойно оставался внѣ сферы ихъ.

Великая потеря, которую сдѣлалъ онъ съ отбытіемъ Бахметева, скоро замѣнена была прибытіемъ дивизіоннаго начальника, Михаила Θεодоровича Орлова, который, какъ извѣстно читателю, былъ опасной красой нашего Арзамаса. Сей благодушный мечтатель болѣе чѣмъ когда бредилъ въ явь конституціями. Его жена, Катерина Николаевна, старшая дочь Николая Николаевича Раевского, была тогда очень молода и даже, говорятъ, исполнена доброты, которой черезъ нѣсколько лѣтъ и слѣдовъ я не нашель. Онъ нанялъ три или четыре дома рядомъ и началъ жить не какъ Русскій генераль, а какъ Русскій бояринъ. Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домъ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина. Домашній пріятель, бригадный генераль Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ не имѣлъ никакого мнѣнія, а приставалъ всегда къ господствующему. Два демагога, два изувѣра, адъютантъ Охотниковъ и маіоръ Раевскій (совсѣмъ не родня г-жѣ Орловой) съ жаромъ витіествовали. Тутъ былъ и Липранди, о которомъ много говорилъ я прежде и о которомъ много долженъ буду говорить послѣ. На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ фамилій, воспитанниковъ Московской Муравьевской школы, которые находились тутъ для снятія плановъ по всей области, съ чадолюбіемъ были воспріаты. Къ ихъ пылкому патриотизму, какъ полынъ къ розѣ, сталъ прививаться тутъ Западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нерѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками Русскій генераль князь Александръ Ипсиланти, шуринъ губернатора, когда

На берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ.

Передъ нашимъ Алексѣевымъ, тайно исполненнымъ дворянскихъ предразсудковъ и монархическихъ повѣрій, не иначе раскрылись двери, какъ посредствомъ легонькаго Московскаго оппозиціоннаго духа. Для него, по крайней мѣрѣ, знакомство сіе было полезно, ибо оно сблизило его съ Пушкинымъ, который и писалъ къ нему извѣстныя посланія въ стихахъ.

Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи. Корпусный начальникъ, Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, офицеръ Суворовскихъ временъ, который стоялъ на колѣняхъ передъ памятью сей великой опоры престола и Россіи, не могъ смотрѣть на это равнодушно. Мимо начальника штаба Киселева, даже вопреки ему, представилъ онъ о томъ въ Петербургъ. Орлову велѣно числиться по арміи, Пущину подать въ отставку, Охотниковъ кстати умеръ, а Раевскій заключенъ въ Тираспольскую крѣпость; тѣмъ все и кончилось. Это, кажется, было за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда, и безъ пастыря намель уже я безгласныхъ и не блеющихъ болѣе овецъ.

Назначеніе графа Воронцова, который любилъ выводить своихъ подчиненныхъ, особенно тѣхъ, кои находились при лицѣ его, представляло Алексѣеву много успѣховъ и болѣе пріятное житье въ Одессѣ: напрасно онъ выпросилъ себѣ какое-то постоянное порученіе въ Кишиневѣ. Страстно влюбленный, счастливый и вѣрный, онъ являлъ въ себѣ неслыханное чудо. Онъ былъ въ связи съ женою одного горнаго чиновника Эйхфельда, милой дочерью боярина Мило; а для милой чѣмъ не пожертвуешь! Я, по крайней мѣрѣ, долженъ благодарить ее: она мнѣ сохранила Алексѣева и утѣшительныя для меня бесѣды его.

Судьба, какъ читатель могъ видѣть, часто, почти всегда вводила меня въ кругъ людей мнѣ вовсе незнакомыхъ. Добрыя ихъ свойства, какъ и недостатки, поражали меня, оставляли сильныя впечатлѣнія. Вотъ почему на память писалъ я ихъ портреты и безъ большаго разбора помѣщалъ здѣсь, можетъ быть, иногда къ негодованію или скукѣ читателя. Но эти непрерывныя испытанія судьбы, заставляя меня изучать характеры людей, научили и быть съ ними осторожнымъ: я не спѣшилъ объявлять собственныхъ мнѣній, а, напротивъ, любилъ выслушивать чужія. Оттого сначала въ Кишиневѣ всѣ полюбили меня, Катакази и Греки, Стурдза и Молдаване, Курикъ и Жиды, архіерей Григорій и Армяне, полиціймейстеръ Радичъ и Сербы; о Русскихъ и говорить уже нечего; однимъ словомъ, я былъ любимъ всенародно. И этой любовію, этимъ уваженіемъ, могу сказать, былъ единственно обявляя себѣ, отнюдь не сильной протекціи намѣстника, которою я тогда

пользовался и которую изъ особыхъ видовъ тщательно старался ото всѣхъ скрывать.

Совсѣмъ иначе поступалъ Липранди. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, изъ Генеральнаго Штаба былъ онъ переведенъ въ линейный егерскій полкъ и, наконецъ, принужденъ былъ оставить службу. Все это показываетъ, что начальство смотрѣло на него не съ выгодной стороны. Не зная, куда дѣваться, онъ остался въ Кишеневѣ, гдѣ положеніе его очень походило на совершенную нищету. Графъ Воронцовъ вездѣ любилъ встрѣчать Мобѣжскихъ своихъ подчиненныхъ; Липранди явился къ нему, разжалобилъ его и на первый случай получилъ вспомоствованіе, кажется, изъ собственнаго его кармана. Не смѣя еще представить объ опредѣленіи его въ службу, графъ частнымъ образомъ поручилъ ему наблюденіе за сокращеніемъ и устройствомъ новыхъ дорогъ въ области, чему много способствовало недавнее обмежеваніе ея. Тогда на разъѣзды изъ казенной экспедиціи начали отпускать ему суммы, въ употребленіи коихъ ему очень трудно бывало давать отчеты. Очень искусно потомъ умѣлъ онъ выдать себя за перваго любимца графа и всѣмъ, у коихъ занималъ деньги, обѣщалъ свое покровительство. Вдругъ, откуда что взялось: въ не весьма красивыхъ и не весьма опрятныхъ комнатахъ карточные столы, обильный и роскошный обѣдъ для всѣхъ знакомыхъ и пуды Турецкаго табаку для ихъ забавы. Совершенно Бедуинское гостепріимство. И чудо! Вмѣстѣ съ долгами возросталъ и кредитъ его.

Мое скудное житіе въ двухъ каморкахъ служило совершеннымъ контрастомъ его роскоши, и когда онъ вездѣ безъ счету забиралъ деньги, старался я по возможности уплачивать сдѣланный мною на путешествіе небольшой долгъ. Столь возвышенное надъ моимъ положеніемъ его дало ему, впрочемъ всегда ко мнѣ благосклонному, возможность объявить себя моимъ защитникомъ и покровителемъ, что мнѣ показалось очень забавнымъ.

Мнѣ бы не слѣдовало много жаловаться на положеніе свое. Дѣла у меня было еще не слишкомъ много, жизнь была чрезвычайно дешевая; новостъ предметовъ и разнородностъ общества и жителей, которые были у меня передъ глазами, должны были привлекать мое любопытство, и все это посреди однихъ только доброжелателей. Меня мучило отсутствіе не удовольствій Петербурга, а удобствъ его: комфортъ начиналъ уже становиться необходимостію и небогатыхъ въ немъ жителей. Наконецъ, и съ этой стороны былъ я нѣсколько удовлетворенъ. Областною предводителемъ дворянства, Стурдза, добрѣйшій и правдивѣйшій изъ смертныхъ, человекъ еще довольно молодой и холостой, нанималъ домъ даже слишкомъ обширный для Кишинева. Онъ

предложилъ мнѣ посмотрѣть у него три комнаты довольно просторныя, нигдѣмъ не занятыя, ему вовсе не нужныя, и поселиться въ нихъ, если онѣ мнѣ понравятся. Затрудненіе было въ томъ, что у него былъ славный поварь, что онъ всякій день дома обѣдалъ, и что отъ него нельзя мнѣ было посылать въ дрянной своей трактиръ за кушаньемъ, а на хлѣбы мнѣ къ нему идти не хотѣлось. Но предложенія его были такъ убѣдительно, что я, наконецъ, не поспѣсившись и переѣхалъ къ нему.

Это продолжалось недолго. Декабрь проходилъ, я неотступно просилъ графа прислать мнѣ бумагу, коею для объясненій потребовалъ бы онъ меня въ Одессу, и получилъ ее. Въ самый Сочельникъ, 24 Декабря 1823 г. рано по утру, оставилъ я Кишиневъ.

IX.

Можно почитать феноменомъ то, что случалось мнѣ замѣчать всякій разъ, что переѣзжалъ я черезъ Днѣстръ, рѣку не весьма широкую: по теченію ея, на правомъ ея берегу всегда бывало нѣсколькими градусами теплѣе, чѣмъ на лѣвомъ. Причиною тому полагать можно то, что на Бессарабской сторонѣ большіе лѣса болѣе защищаютъ землю отъ лучей солнца, тогда какъ по сю сторону оно тирански властвуетъ надъ степями. Еще съ начала Декабря въ Кишиневѣ только кровли, а вокругъ него поля покрыты были снѣгомъ, и я хорошо закутавшись, доѣхалъ до Бендеръ; тутъ, среди небольшихъ льдинъ, на паромѣ переправился я черезъ Днѣстръ. Вдругъ показалось мнѣ теплѣе, и снѣгу нигдѣ не было видно.

Было очень поздно, когда пріѣхалъ я въ Дольникъ, гдѣ послѣдняя перемѣна лошадей до Одессы. Мнѣ казалось, что изъ провинціи ѣду я въ столицу, и я не иначе хотѣлъ въѣхать въ нее какъ днемъ. Станціонный домъ былъ довольно просторенъ, наканунѣ Рождества никто еще въ немъ не спалъ, вездѣ былъ свѣтъ, и женщины оканчивали свою стряпню. Мнѣ отгородили спокойный, чистый уголь, и я заснулъ съ намѣреніемъ выѣхать до свѣта.

Какъ мнѣ было не возблагодарить себя, отчасти за лѣнь свою, которая заставила меня наканунѣ остановиться въ Дольникѣ, когда днемъ только-что проѣхалъ я Тираспольскую заставу! Ночью былъ изрядный морозъ, и меня повезли такъ-называемымъ Греческимъ базаромъ, какъ мѣстомъ, гдѣ дорога глаже. Взрытая и остывшая грязь представляла видъ окаменѣвшихъ морскихъ волнъ. Для проѣзда по Одесскимъ улицамъ мнѣ нужно было столько же времени какъ на сѣ-

ланіе послѣдней станціи. Измученный прїѣхалъ я въ обычную уже мнѣ гостиницу Ренѳ.

Надобно однако объяснить причины этой, для невидавшихъ ея, баснословной грязи. Когда строился городъ, то, по приказанію Ришелье, съ обѣихъ сторонъ улицъ вырыты были глубокія и широкія канавы. Вынутый изъ нихъ черноземъ высоко поднялся на серединѣ улицы. Сія рыхлая земля, вязкаго свойства, не была еще большимъ неудобствомъ при маломъ народонаселеніи; когда же оно увеличилось, то проѣздъ черезъ эту клейкую землю по временамъ дѣлался невозможнымъ, даже для легонькихъ дрожекъ тройкой. Все отпечатывалось на этомъ липкомъ веществѣ, ступни людей и скотовъ, и увѣряли, что кто-то, упавъ въ него прямо носомъ, надолго оставилъ на немъ свою маску. Сообщенія дѣлались невозможны; дабы посѣтить другъ друга, всѣ должны были идти пѣшкомъ между канавъ и домовъ, а для перехода черезъ улицы надѣвать длинные сапоги выше колѣнъ сверхъ другихъ сапоговъ и панталонъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи нашель я Одессу.

Много еще было въ ней провинціального, и скоро все узнавалось. По случаю великаго праздника, Рождества Христова, въ этотъ день у графа обѣдалъ весь многочисленный его штатъ. Тамъ уже знали о прїѣздѣ моемъ. Черезъ кого-то изъ бывшихъ тутъ, графъ велѣлъ сказать мнѣ, что ожидаетъ меня къ себѣ на другой день поутру. Многіе съ этого обѣда, въ длинныхъ сапогахъ, прибѣжали навѣстить меня. Въ томъ числѣ, разумѣется, былъ и Пушкинъ.

Я обозначилъ всѣ главные лица многочисленной свиты графа. Изображать остальныхъ—дѣло невозможное; но нѣкоторыхъ изъ сихъ, по моему, нижнихъ чиновъ пропустить въ молчаніи какъ-то совѣстно; а дабы не позабыть ихъ, что весьма легко можетъ случиться, здѣсь же спѣшу ихъ назвать.

Два молодыхъ человѣка, прїѣхавшихъ изъ Петербурга, которые были почти ровесниками Пушкина и почти въ однихъ съ нимъ чинахъ, отъ того почитали себя совершенно ему равными. Одинъ по крайней мѣрѣ имѣлъ на то какъ будто нѣкоторое право: онъ пописывалъ стихи. Но какіе? Преплохіе. Стихи не есть еще поэзія; а ни малѣйшей искры ея не было въ душѣ Василя Ивановича, принадлежащаго къ извѣстному въ Малороссіи по надменности своей роду Туманскихъ. Самодовольствіе его, хотя учтивое, дѣлало общество его не весьма пріятнымъ; ему нельзя было совсѣмъ отказать въ умѣ; но, подобно фамильному имени его, онъ свѣтился свозъ какой-то туманъ. Всегда бывалъ онъ пристоеенъ, хладнокровенъ; иногда же, когда вздумается ему казаться веселымъ и онъ захочетъ сказать или рассказать

чтонибудь смѣшное, никого какъ-то онъ не смѣшилъ. Его кое-куда посылали, ему кое-что поручали, онъ что-то писалъ и казался не совсемъ празднымъ.

Не знаю, зачѣмъ выбралъ онъ себѣ подъ пару другаго юношу, который сотнею сажень стоялъ его ниже. Меня судьба водила по всемъ этажамъ Петербургскихъ домовъ и по всемъ разрядамъ Петербургскихъ обществъ; даже тѣ, коихъ хозяевами были довольно чиновные люди, а нѣкоторые изъ гостей въ звѣздахъ, не могли еще почитаться второстепенными; въ нихъ могъ я насмотрѣться на тонъ ихъ франтовъ. Излишняя смѣлость нынѣшнихъ молодыхъ людей въ знатныхъ салонахъ была ничто въ сравненіи съ ихъ наглостію. Пожилые люди и женщины вѣроятно смотрѣли на то, какъ на неизбѣжное послѣдствіе распространившагося образованія. Мнѣ случалось слышать, какъ съ нѣжнымъ, трепетнымъ изумленіемъ, смотря на ухарство котораго либо изъ нихъ, дѣвицы говорили: что за пострѣлъ! Мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ изъ нихъ сталъ посреди дамскаго круга и воскликнулъ: «Кто хочетъ со мною танцевать? Никто, ну такъ я самъ возьму!» Не знаю, изъ котораго изъ сихъ обществъ попалъ въ Одессу Никита Степановичъ Завалѣевскій, сынъ отставнаго Петербургскаго вице-губернатора и самъ отставной офицеръ гвардіи сапернаго баталіона. Всѣмъ показался онъ очень оригиналенъ; меня не могъ онъ удивить: типъ такихъ молодцовъ мнѣ былъ знакомъ, и я тотчасъ увидѣлъ въ немъ выходца изъ Коломны или съ Песковъ. Такихъ людей ничто не останавливаетъ; они ничего не разбираютъ, ничѣмъ не уважаютъ. На примѣръ, когда я спросилъ у него, зачѣмъ онъ оставилъ военную службу? Завалѣевскій отвѣчалъ мнѣ: мнѣ нельзя было оставаться, мы безпрестанно ссорились съ Николаемъ. А этотъ Николай былъ великій князь, братъ Императора. Росту былъ онъ небольшого, но хорошо сложенъ, имѣлъ очень ловко выточенную фигурку, одѣвался лихимъ франтомъ по послѣдней модѣ и прекрасно танцевалъ; къ тому же невѣжественныя его глупости были чрезвычайно забавны: сколько достоинствъ! Разъ въ гостиной у графа спросилъ онъ, кто бы таковъ былъ г. Ніагара, изобрѣтатель модныхъ тогда галстуховъ, носящихъ его имя и коихъ концы виспадали каскадой? Всѣ засмѣялись и сказали, что онъ никому неизвѣстенъ. Болѣе всего состоялъ онъ подъ покровительствомъ Казначеева, который для сего безграматнаго создалъ мѣсто экзекутора канцеляріи. Для нея было куплено сто сажень дровъ, и онъ письменнымъ рапортомъ для храненія ихъ требовалъ разрѣшенія купить замокъ во сто сажень *дровъ*: ужъ это былъ бы цѣлый замокъ! Пушкинъ, который чрезвычайно любилъ общество молодыхъ людей, забавлялся имъ болѣе, чѣмъ кто и оттого позволялъ ему всякія

съ собою фамильярности, а Заваліевскій, всегда гораздо лучше его одѣтый, почиталъ сіе знакомство болѣе лестнымъ для Пушкина *).

Если намѣстникъ между опредѣляемыми къ себѣ гражданскими чиновниками искалъ умъ и способности, то конечно не руководствовался онъ симъ желаніемъ при выборѣ новонабранныхъ имъ четырехъ адъютантовъ. Какъ природа бываетъ избрѣтательна въ своихъ причудахъ и какое разнообразіе было въ умственныхъ недостаткахъ сихъ господъ!

Первый изъ нихъ, князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, былъ добрѣйшій, благороднѣйшій малый, весьма красивый собою; жаль, что остальное тому не отвѣчало. Разсудокъ не допустилъ бы его до тѣсныхъ связей съ людьми, коихъ мнѣній, кажется, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ. А впоследствии если сіе не погубило его, то много повредило его службѣ.

Другой, Иванъ Григорьевичъ Синавинъ былъ двоюроднымъ братомъ графу Воронцову. Онъ старался давать всѣмъ это чувствовать и съ нѣкоторой досадой смотрѣлъ на сослуживцевъ, въ коихъ видѣлъ почти подчиненныхъ, себя ему не подчиняющихъ. Онъ былъ виднѣнъ собою, бѣлъ и румянъ; но дурь и слѣсъ, такъ ясно выражаемыя его оловянными глазами, дѣлали всю наружность его непріятною. Можетъ быть, онъ самъ только повѣрилъ бы тогда предсказанію о высотѣ, которая его ожидаетъ. Если долго поживешь, то чего не увидишь у насъ! Я осужденъ былъ видѣть, къ стыду Россіи, какъ сіе, никѣмъ не оспариваемое, совершенное ничтожество, достигнувъ высочайшихъ гражданскихъ степеней, готово было вступитъ въ званіе министра. Во время революцій высоко поднимаются люди изъ грязи, но по крайней мѣрѣ они всѣ съ головой.

Слѣсъ третьяго адъютанта, Константина Константиновича Варлама, была не такъ досадна, за то, если возможно, еще глупѣе, скучнѣе и несноснѣе. А чѣмъ онъ гордился? Тѣмъ, что былъ сыномъ Волоскаго бояра и шуриномъ почтъ-директора Булгакова. Впрочемъ ему много воли не давали, и только можно было замѣтитъ въ немъ ужасную охоту чваниться.

*) Слѣдующимъ лѣтомъ веселилъ онъ всю Одессу. Ему вздумалось прикинуться влюбленнымъ въ единственную дочь князя Петра Михайловича Волконскаго, которая находилась тутъ съ матерью. Ни той, ни другой не былъ онъ представленъ, а первую преслѣдовалъ онъ на бульварѣ съ апельсинами и конфетами. И хотя они не были приняты, черезъ кого-то предложилъ онъ свою руку. Отказъ смуталъ бы другаго; его ни мало, и бѣдная княжна не могла выйти на улицу, на гулянье, чтобы не видѣть его по пятамъ своимъ. Наконецъ, приурочены были его куда-то отправить съ комиссіей.

Четвертаго адъютанта, Преображенскаго офицера, князя Захара Семеновича Херхеулидзева, случалось мнѣ видѣть въ Петербургѣ въ обществахъ, подобныхъ тѣмъ, кои посѣщаль Заваліевскій; но онъ былъ въ нихъ только что добродушнымъ балагуромъ и безвинное ремесло свое перенесъ съ собою въ Одессу. Впрочемъ былъ онъ здоровья плохаго, и сіе заставило его черезъ покровительство великаго князя Михаила Павловича искать мѣста въ тепломъ краю.

Побойчѣе, поострѣе и пограсивѣе его былъ нѣкто Алексѣй Михайловичъ Золотаревъ, маіоръ, состоящій по кавалеріи и по особымъ порученіямъ при графѣ. Онъ также охотникъ былъ смѣшнить, и такимъ образомъ веселіе разливалось повсюду. Баронъ Франкъ своимъ передраживаньемъ, каламбурами чрезвычайно потѣшалъ графиню и все ея приватное общество; Херхеулидзевъ заставлялъ отъ души смѣяться всѣхъ приближенныхъ графа, а Золотаревъ—одну только канцелярію его.

Я не могъ надивиться совершенно доброму согласію, царствовавшему между симъ смѣшаннымъ, перемѣшаннымъ обществомъ, жившимъ нѣсколько отдѣльно отъ городскаго: не было ни зависти, ни интригъ, ни даже пересудовъ, иногда только бывали необходимы насмѣшки. Причиною сему, кажется, было то, что въ добровольной ссылкѣ люди скорѣе сближаются другъ съ другомъ и дѣлаются менѣе взыскательны. Много способствовалъ тому и характеръ главнаго начальника: онъ старался тогда быть безпристрастенъ и неохотно слухъ свой склонялъ къ наушничеству. Исключая прежнихъ своихъ Мобѣжскихъ, и то наединѣ, со всѣми равно умѣлъ онъ обходиться умѣренно-ласково и умѣренно-повелительно. Разъ навсегда всѣхъ пригласилъ онъ хотя бы ежедневно у него обѣдать. Дозволеніе это всѣ почитали честію, пользовались ею, но не употребляли во зло, не столько изъ скромности, какъ изъ предпочтенія другому хозяину, Оттону, у котораго и съ которымъ можно было обходиться гораздо повольнѣе. Веселое добродушіе Казначеева (изъ насъ пріѣзжихъ одного только женатаго) также много вязало членовъ общества, которымъ въ другомъ мѣстѣ труднѣе было бы сойтись. У него всякій вечеръ собирались почти всѣ сослуживцы и весело, откровенно, а иные и весьма умно разговаривали. И такъ по-утру передъ кабинетомъ графа, въ канцеляріи, у него же за обѣдомъ, а вечеромъ у Казначеева, безпрестанно встрѣчаясь, люди невольно, непримѣтно свыкались между собою. Меня все это очень радовало. Да простить же мнѣ читатель, если, вводя его съ собою въ новый кругъ, я счелъ необходимымъ познакомить его напередъ со всѣми, кругъ сей составляющими. Въмѣсто того, чтобы прямо приступить къ дѣлу, сказать, какой пріемъ сдѣланъ былъ мнѣ начальникомъ и какой результатъ имѣли тайные мои съ нимъ разговоры, я занялся

бездѣльемъ, изображеніемъ мелкихъ тогда при немъ чиновниковъ. Маловажное скорѣе забывается, я хотѣлъ того избѣгнуть. Къ тому же мнѣ хотѣлось обставить малозначущими фигурами любезнаго тогда сердцу моему Воронцова, дабы показать его еще болѣе въ гигантскомъ видѣ.

Я представилъ ему свою Записку о Бессарабіи. Прочитавъ ее, дня черезъ два сказалъ онъ мнѣ: «знаете ли вы, что вы съ глазъ моихъ какъ будто сняли повязку; такъ явственно изображены положеніе края и характеры людей». Можно представить себѣ что я почувствовалъ, услышавъ такія слова изъ устъ человѣка, котораго мнѣ такъ высоко я цѣнилъ. Надобно знать, что въ это время необыкновенно-умный и хитрый Бруновъ, съ большими, основательными теоретическими познаніями, имѣлъ великое вліяніе на графа. Настроенный Александромъ Стурдзой, съ коимъ имѣлъ тѣсныя связи, онъ настаивалъ, чтобы въ Бессарабіи Молдавскіе права и обычаи были не только сохранены, но еще болѣе распространяемы, и чтобы тамъ введено было какое-то новое судопроизводство; однимъ словомъ, чтобы страна сія еще болѣе отрѣзана была отъ Россіи. Доводы его были такъ сильны и умны, что должны были нравиться человѣку, воспитанному въ конституціонномъ государствѣ.

Онъ не подозрѣвалъ, что два человѣка, по мнѣнію его ничтожные и третій, котораго почиталъ онъ легкомысленнымъ и несвѣдущимъ, могутъ содѣлаться препятствіемъ его видамъ. Изъ Кишинева я часто переписывался съ Казначеевымъ и съ Лексомъ. Первый, Русскій въ душѣ, во всемъ былъ со мною согласенъ. Другому надобла Молдавская безсмысленная, тяжелая спѣсь, и онъ охотно подогнулъ бы ее подъ Русскія узаконенія, но въ немъ оставалась нѣкоторая робость. Долго бывъ спрятанымъ подъ каплуными крыльями Инзова, онъ конечно ожилъ, какъ бы воспрянулъ, увидя себя осѣненнымъ орлинымъ крыломъ Воронцова. Онъ скорѣе по сей части могъ бы имѣть собственные мнѣнія, но ему пріятнѣе было поддерживать мои. Со времени втораго пріѣзда моего въ Одессу намѣренія намѣстника, кажется, взяли новый оборотъ.

А въ чемъ состояли мои желанія, цѣль моихъ усилій? Въ томъ, чтобы изъ участка, вновь пріобрѣтеннаго, сдѣлать просто Русскую губернію. Я всегда полагалъ, что вслѣдъ за сдѣланіемъ новыхъ завоеваній, дабы владѣть ими спокойно, надлежитъ стараться припаять ихъ къ общей государственной массѣ, безъ чего они будутъ обременять и ослаблять ее. Тутъ не нужно мнѣ было много выдумывать. Великіе завоеватели-законодатели, Фридрихъ, Екатерина и Наполеонъ, такъ поступали. Укажу на другіе примѣры: Польша, при всемъ безпутномъ

своёмъ управленіи, умѣла однакоже понять, что православную Украйну она не иначе можетъ укрѣпить за собою какъ вводя въ нее все Польское. Употребляя Унію и Католичество и дѣйствуя первоначально и преимущественно на высшія сословія, она достигла до того, что мы, Русскіе, забыли, что эта страна намъ принадлежала, и что въ ней была колыбель нашей вѣры и нашего древняго могущества. И все насильно введенное и о сию пору еще тамъ преобладаетъ. Посреди прежняго варварства Германцевъ могли они употреблять только жесточайшія мѣры, смертную казнь, для преобразования Славянъ, для обезьязыченія ихъ, какъ сказалъ одинъ поэтъ. И чтò же? Мекленбургъ и Померанія, Лужица и Силезія, усиливъ Германію, сдѣлались намъ вовсе чужды, едва ли не враждебны.

Отъ дѣльнаго перехожу опять не совсѣмъ къ бездѣльному, къ описанію образа домашней жизни нашего повелителя. Черезъ день, если не каждый день обѣдалъ я у него. Большая зала, почти всегда пустая, раздѣляла двѣ большія комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя рѣдко покидалъ его самъ графъ, постоянно оставалось въ биліардной. Другое, избранное, отборное, находилось въ гостиной у графини; туда едва ли я заглядывалъ. Безъ всякой видимой причины графиня оказывала мнѣ убійственную холодность; невидимой же причиной былъ одинъ человекъ, живущій безъ службы, котораго воздерживаюсь еще назвать (до того воспоминаніе объ немъ меня тревожить и бѣситъ) и который, какъ утверждали послѣ, пользовался дружбою ея.... Сей самолюбивый и злой человекъ не могъ простить мнѣ явнаго несогласія съ нимъ въ мнѣніяхъ и правилахъ. Исключая его, всегда можно было найти тутъ Марину, Брунова, Пушкина, Франка и близкаго родственника Синявина. Изъ дамъ всеневной посѣтительницей была одна только графиня Ольга Станиславовна Потоцкая, мѣсяца за два передъ тѣмъ вышедшая за Льва Александровича Нарышкина, двоюроднаго брата графа Воронцова. Въ столовой къ обѣду сходились вмѣстѣ, а вечеромъ у Казначеева всѣ опять смѣшивались.

Опять принужденъ сдѣлать отступленіе; но какъ, назвавъ знаменитую у насъ тогда Ольгу Потоцкую, не рассказать чудную исторію о ея матери и о ея семействѣ? Въ одномъ изъ Константинопольскихъ трактировъ была служанкой Гречаночка лѣтъ тринадцати или четырнадцати; секретарь Польскаго посольства Боскампъ сманилъ ее оттуда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уступилъ Польскому же посланнику Деболи. Съ симъ послѣднимъ совсѣмъ распустившею розой пріѣхала она въ Варшаву, гдѣ всѣхъ изумила необычайной красотой своей. Она стала жить на свободѣ, и счастливымъ, щедрымъ обожателямъ ея не было числа; но, наконецъ, всѣмъ имъ предпочла она одного пожилаго

Польскаго генерала графа Витта, ибо онъ одинъ предложилъ ей свою руку. Не знаю, когда и гдѣ встрѣтилъ ее князь Потемкинъ, только мужа переманилъ въ Русскую службу съ генеральскимъ чиномъ и назначилъ оберъ-комендантомъ въ Херсонъ, а жену увезъ съ собою въ Яссы. Тамъ щеголялъ онъ ею, какъ великолѣпнымъ трофеемъ, а она гордилась привязанностію человѣка, котораго слушалась вся Россія и который совершенно царствовалъ въ двухъ княжествахъ. И великія души, видно, не чужды тщеславію; ибо Потемкинъ на показъ повезъ ее и въ Петербургъ. Сопровождаемый многочисленной свитой, верхомъ для выставки развозилъ онъ ее съ собою въ открытомъ кабріолетѣ по улицамъ и гуляньямъ *). Послѣ смерти Потемкина, чрезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалась она знатной дамой.

Польскій коронный гетманъ, графъ Станиславъ-Феликсъ Потоцкій посѣщалъ мѣстечко свое Тульчинъ въ Подольскомъ воеводствѣ и часто живалъ въ немъ. Прекрасная сія страна, вдали отъ Варшавы, была заброшена, и магнаты могъ дѣлать въ ней, что хотѣлъ. Недавно еще старивы внукамъ своимъ съ ужасомъ рассказывали о несправедливостяхъ Потоцкихъ, которыя можно назвать даже злодѣянiami. У богатыхъ Жидовъ онъ насильно занималъ большія суммы; по сосѣдству всѣ имѣнія, коихъ завладѣніе представляло ему выгоды, отхватывалъ онъ посредствомъ заводимыхъ тяжбъ, и трепещущіе судьи не смѣли иначе рѣшить, какъ въ его пользу. Такимъ образомъ несмѣтное богатство свое успѣлъ онъ удвоить. Грабительства его прекратились только съ поступленіемъ этого края подъ Русское владѣніе; но онъ заблаговременно передался Россіи, и все имъ захваченное осталось за нимъ. Отъ перваго брака было у него четыре сына и нѣсколько дочерей. Объ одной, невѣрной Констанціи, упомянулъ уже я во второй части сихъ Записокъ, когда говорилъ о почтенномъ супругѣ ея графѣ Иванѣ Потоцкомъ же, путешествовавшемъ въ Китай. Другую, Викторію Шоазель-Бахметеву, прославившуюся между прочимъ обжорствомъ, недавно изобразилъ я. О третьей, Розѣ, вѣчно враждебной Россіи, на которой, противъ воли матери, женился графъ Владиславъ Браницкій и которую почтенная свекровь не пускала на глаза, не говорилъ я ни слова. О добродѣтеляхъ другихъ сестеръ и братьевъ лучше умолчать. Скажу только, что коротко знавшіе сіе семейство Польскихъ Атридовъ насчитывали въ ней гораздо болѣе семи смертельныхъ грѣховъ.

Въ совершенной старости хищникъ былъ наказанъ судьбой. Онъ плѣнился графиней Виттъ въ одно время съ Феликсомъ, старшимъ

*) Забавно, что будущій зять ея ***, уже женатый на ея дочери, рассказывалъ при мнѣ будто въ порицаніе нравовъ Елатеринина вѣка, какъ онъ въ ребячествѣ былъ очевидцемъ этого срама.

сыномъ своимъ отъ перваго брака. По условію съ сыномъ, она предпочла отца и вышла за него, студодѣнія свои соединивъ со злочестіемъ Потоцкихъ. Новая Федра, передъ которой древняя жалка, споконно предалась своему Ипполиту и, какъ та, истерзанная совѣстію и раскаяніемъ, вѣрно не восклицала: *Et des crimes peut-être inconnus aux enfers!* Отъ сего кровосмѣшенія родилось три сына и двѣ дочери, изъ нихъ Ольга меньшая. И безумный Феликсъ не подумалъ о томъ, что онъ себя и братьевъ лишаетъ большой части наслѣдства. Какая была развязка въ этой семейной драмѣ? Старикъ, наконецъ, узналъ всю истину; вскорѣ затѣмъ послѣдовали двѣ внезапныя кончины, сперва сына, потомъ отца. Клевета въ такихъ случаяхъ до нѣкоторой степени извинительна и весьма походить на правду. Польскіе дворяне говорили тогда о черной кавѣ, о черномъ кофеѣ, какъ о вещи весьма обыкновенной.

Пасынки и падчерицы вдовы графини Потоцкой завели съ нею ужасный процессъ, оспаривая законность ея брака, слѣдственно и законное рожденіе ея дѣтей: ибо Виттъ былъ еще живъ и не разведенъ съ нею, когда она вступила во второй бракъ. Сіе понудило ее, наконецъ, пріѣхать въ Петербургъ. Греческія хитрыя уловки замѣнили ей увядшую красоту. Министрамъ и сенаторамъ разсыпала она лести и ласки, для подчиненныхъ не щадила золота. Главнымъ адвокатомъ въ ея дѣлѣ былъ сумасбродъ графъ Милорадовичъ, который влюбился въ молоденькую дочь ея Ольгу. Сія послѣдняя, съ дозволенія матери, не рѣдко посѣщала его, просиживала съ нимъ наединѣ по часу въ его кабинетѣ и принимала отъ него великолѣпные подарки. Отъ яблони яблочко, говорятъ, не далеко падаетъ. Говорили, что это Польскій обычай; но величественный и строгій въ приличіяхъ дворъ Александра смотрѣлъ на то не весьма благосклонно.

Какъ ожидать было должно, дѣло кончилось въ ея пользу. Она отправилась въ доставшійся ей по раздѣлу городъ Умань, гдѣ, въ подражаніе добродѣтельной Браницкой, и она развела обширный садъ подъ именемъ Софіевки. Ей оставалось спокойно доживать вѣкъ и пользоваться плодами долгодѣтнихъ интригъ, какъ вдругъ явилась неумолимая. Ужасна была смерть грѣшницы: въ совершенной памяти, при нестерпимыхъ мученіяхъ, смердящимъ трупомъ прожила она нѣсколько мѣсяцевъ. Весь домъ былъ зараженъ зловоннымъ воздухомъ, все бѣжало отъ него; однѣ дочери остались прикованными къ ея одру. И какъ не похвалить ихъ за сей геройскій подвигъ!

Послѣ ея смерти сіи дѣвицы отнюдь не казались сиротами, меньшая еще менѣе чѣмъ старшая Софія, которая въ тоже время вышла за скользящаго у меня все подъ перомъ начальника штаба второй

арміи, Павла Дмитріевича Киселева. Онъ умѣлъ въ Тульчинѣ приобрѣсти болѣе власти, чѣмъ самъ главнокомандующій Витгенштейнъ. Сіе могущество плѣнило Ольгу, которая пріѣхала погостить къ сестрѣ.. Если сіе скопленіе мерзостей дойдетъ до потомства, не знаю, повѣритъ ли оно ему. Пусть вспомнитъ исторію семейства Борджіа; а католическая Польша, едва вышедшая изъ временъ насилій и безначалія, право, стояла Италіи среднихъ вѣковъ.

Еще лѣтомъ въ Одессѣ увидѣлъ я сію столь уже извѣстную Ольгу Потоцкую. Красота ея была тогда во всемъ своемъ блескѣ, но въ ней не было ничего дѣвственнаго, трогательнаго; я подивился, но не восхитился ею. Она была довольно молчалива, не горда, но и невнимательна съ тѣми къ кому не имѣла нужды, не столько задумчива, какъ разсѣянна и въ самой первой молодости казалась уже вооруженною большою опытностію. Все было разочтено, и стрѣлы кокетства берегла она для пораженія сильныхъ*).... Какъ все это уладилось, какъ просватали ее за *, все это покрыто тайной и не могло доходить до меня въ Кишиневѣ... Мнѣ не рѣдко за столомъ случалось сидѣть противъ нея, и мы взоровъ не спускали; я умѣлъ, когда нужно, полагать храненіе устамъ моимъ, но глаза мои всегда были болтливы...

Зато были въ Одессѣ другія графини ко мнѣ весьма благосклонныя. Я уже сказалъ, что градоначальникъ Гурьевъ былъ со мною на ногѣ стариннаго знакомаго и что я нерѣдко посѣщалъ его. Его графиня Авдотья Петровна, при свѣтской образованности, восхищала меня своею совершенно Русскою оригинальнію. Отнятое первенство у нея и мужа ея не могла она простить Воронцовой; замѣтивъ, что и я не имѣю къ ней большой симпатіи, она свою нѣсколько умножила ко мнѣ. Она жила не въ ладахъ съ жительницами Одессы. Въ большихъ торговыхъ городахъ бываетъ всегда коммерческая аристократія; тутъ изъ бѣдности вдругъ поднявшіеся богачи, по большой части иностранцы, Французы, Англичане, Греки (Сикарь, Рено, Моберли, Маразли, Ризничъ) оттого были еще спѣсивѣе. Она не могла растолковать себѣ выскательности ихъ женъ. «Что мнѣ до этой разношерстной компаніи, говорила она, и какъ смѣютъ эти купчихи считаться со мною!» Этихъ купчихъ, хотя изрѣдка, Воронцова приглашала на свои вечера; а ее онѣ совсѣмъ бросили.

*) Нѣтъ сомнѣнія, что Польки заимствовали у Евреевъ сію страсть къ позоренію всемогущихъ. Сколько есть между ими Эсирей! И сколько бѣдныхъ Русскихъ генераловъ, запуганныхъ въ сѣти даже простонародныхъ Юдифей, какъ Олоферны, теряютъ головы, и отъ того хладѣютъ къ своему отечеству!

Другая графиня была для меня совершенно новымъ знакомствомъ. Меня ребенкомъ знавалъ въ Кіевѣ графъ Ланжеронъ, когда въ полковничьемъ чинѣ бывалъ онъ часто у моихъ родителей. Это воспоминаніе, казалось, заставляло его меня любить; впрочемъ со мною, также какъ и со всѣми, обходился онъ излишне фамиллярно для шестидесятилѣтняго Андреевскаго кавалера. Не одна подчиненность моя, но и привязанность къ графу, была однако великимъ порокомъ въ его глазахъ. Изъ исторіи управленія его Новороссійскимъ краемъ составилось бы нѣсколько томовъ, и она была бы весьма занимательна; только вышло бы изъ нея большое собраніе забавныхъ и веселыхъ анекдотовъ. Пересватавъ тщетно всѣхъ богатыхъ и знатныхъ невѣсть въ Россіи, онъ женился, наконецъ, въ Одессѣ на бѣдной дѣвушкѣ, дочери полковника Бриммера, Елисаветѣ Адольфовнѣ. Онъ представилъ меня ей, а я спѣшу представить ее читателю.

Мнѣ не случалось видѣть красиваго лица столь угрюмаго, какъ у графини Ланжеронъ; однако мнѣ оно всегда улыбалось и, право, этимъ можно похвастать. Прекрасные глаза ея были даже выразительны, но она не чувствовала того, что они выражали. Холодна какъ ледъ, она рѣдко съ кѣмъ открывала уста. Въ Одессѣ, гдѣ она была воспитана, всѣ знали ее дѣвочкой дикою и несообщительной, и когда вдругъ поднялась она на генераль-губернаторство, то, ничего не перемѣняя въ своемъ обхожденіи, отнюдь не казалась горда; за то и ей не оказывали большой внимательности. Довольствуясь наружнымъ уваженіемъ, въ которомъ нельзя было отказывать женщинѣ, выше другихъ поставленной, она ничего болѣе не требовала. Когда она сопровождала мужа своего въ Парижъ, ей было душно въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи, и она все вздыхала по Одессѣ. Красивой женщинѣ, одаренной твердостію и хладнокровіемъ, не трудно было овладѣть старымъ вѣтреникомъ и, повинувшись только ея волѣ, рѣшился онъ безъ службы воротиться въ Одессу, гдѣ впрочемъ были у него и домъ, и хуторъ. Присутствіе Воронцовой было какъ острый ножъ для бывшей генераль-губернаторши. Къ сожалѣнію, она нечужда была зависти; а богатство, знатность, воспитаніе, всѣ эти преимущества должны были возбуждать ее въ ней. Я не думаю, чтобы это было причиной особенной ея ко мнѣ благоклонности; а впрочемъ, кто знаетъ! Когда съ другими прилично она отмалчивалась, со мной всегда находила о чемъ говорить.

Уже подъ именемъ графини Эделингъ находилась тутъ женщина, которой Каподистрія обязанъ былъ довѣренностію Александра, о чемъ я говорилъ въ пятой части сихъ Записокъ. При дворѣ, гдѣ почти всегда красота предпочиталась уму, въ Роксандрѣ Скарлатовнѣ Стурдзѣ видѣли только безобразнѣйшую изъ фрейлинъ, и всѣ отъ нея отдаля-

лись, какъ нечаянный случай сблизилъ ее съ императрицей Елисаветой Алексѣевной. Тогда ее распознали и невольно стали благоговѣть предъ необыкновеннымъ превосходствомъ ея ума. Государыня взяла ее съ собой за границу, и на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣ отличные мужи и многія принцессы искали ея знакомства, а нѣкоторые и сдружились съ ней. Лишившись надежды выйти за Каподистрію, встрѣтила она чело-вѣка, съ которымъ была счастливѣе, чѣмъ бы, можетъ быть, съ этою знаменитостію. Графъ Альбертъ Эделингъ, оберъ-гофмейстеръ Саксенъ-Веймарскаго двора, былъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ Нѣмецкихъ владѣльцевъ - бароновъ, честныхъ, добродушныхъ, благородныхъ, коихъ типъ сохранился нынѣ только въ романахъ Августа Ла-Фонтена, которыхъ также едва ли нынѣ найти гдѣ можно. Онъ душею полюбилъ дѣвицу Стурдзу, и она его; сочетавшись съ нею бракомъ, онъ согласился оставить отечество и поселиться съ нею въ южной Россіи. Наружностію ея плѣниться было трудно: на толстоватомъ, нѣсколько скривленномъ туловищѣ, была у нея коровья голова. Но лишь только она заговоритъ, и вы очарованы, и даже не тѣмъ, что она скажетъ, а единственно голосомъ ея, нѣжнымъ, какъ прекрасная музыка. И когда эти восхитительныя звуки льются, льются, что выражаютъ они? Или глубокое чувство, или высокую мысль, или необыкновенное знаніе, облеченное во всю женскую граціозность, и притомъ какая простота! Какое совершенное отсутствіе гордости и злобы! Превосходство души равнялось въ ней превосходству ума. Изъ Бессарабіи, гдѣ у нея были родные, писали къ ней обо мнѣ чудеса, и оттого-то сею четою былъ я принятъ, можно сказать, съ отверстыми объятіями. Во мнѣ оставалось еще довольно греколюбія, филлелинства, чтобы и съ этой стороны ей угодить. Какъ любилъ я ее въ эти минуты, когда, всегда спокойная, она вдругъ приходила въ восторгъ при имени геройски борющейся тогда Греціи. Ну, право, житье мнѣ было: посмѣявшись съ графиней Гурьевой, наглядѣвшись на графиню Ланжеронъ, сѣвшиль я наслушаться графиню Эделингъ. Лишивши меня полуцарскихъ милостей Воронцовой, судьба послала мнѣ взамѣнъ большія утѣшенія.

Почти также, какъ у г-жи Эделингъ, былъ я принятъ у брата ея, Александра Скарлатовича Стурдзы. Сперва два слова о матери и о женѣ его. Первая казалась весьма умна и всегда сердита, имя ей было Султана. Другая, дочь знаменитаго Нѣмецкаго врача Гуфланда, принадлежала къ числу тѣхъ прежнихъ Нѣмокъ, кои, будучи домашнимъ сокровищемъ, единственно супругами и матерями, не имѣли никакой наружной цѣны и не искали ея. Отца его, Скарлата Димитріевича, лѣтъ десять какъ не было на свѣтѣ. Преданный Россіи, онъ въ послѣднюю войну съ Турнами при Екатеринѣ бѣжалъ изъ Молдавіи и,

кажется, лишился части своего имѣнія; за то щедро былъ онъ вознагражденъ богатымъ помѣстьемъ близъ Могилева, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Владимирской звѣздой. Онъ былъ женатъ на вышереченной Султанѣ, дочери Молдавскаго государя князя Мурузи. Три поколѣнія изъ сей фамиліи за Россію въ Цареградѣ пріяли мученическую смерть. И сія пролитая кровь, налагая на насъ долгъ благодарности, должна бы и въ нихъ возродить привязанность къ нашему отечеству; но не совсѣмъ оно такъ было. Въ глубокой старости на Скарлата Стурдзу возложено было тяжкое бремя управленія новопріобрѣтенной Бессарабіи; онъ, видно, изнемогъ подъ нимъ, ибо скоро рѣ умеръ.

Изобразить самого Александра Стурдзу не бездѣлица: въ этомъ человѣкѣ было такое смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, такое иногда противорѣчіе въ мнѣніяхъ, такая выпренность въ умѣ; при мелочныхъ разчетахъ въ дѣйствіяхъ, онъ такъ весь былъ полонъ истиннохристіанскихъ правилъ и глубокаго, неумолимаго злопамятства, осуждаемаго нашею вѣрою, что прежде чѣмъ начертать его образъ, надлежало бы, если возможно, химически разложить его характеръ. Грекъ по матери, онъ болѣе сестры принималъ участіе въ судьбѣ Эллиновъ; Молдаванъ по отцу, онъ искренно любилъ своихъ соотечественниковъ и всегда горячо за нихъ вступался, забывая, что они враги его любезнымъ Грекамъ. Едва не сдѣлавшись въ Германіи жертвою преданности своей къ законнымъ престоломъ, онъ обожалъ ея философію и женился на Нѣмкѣ. Желая свѣтильнигъ наукъ возжечь на Востокъ, онъ сей священный огонь хотѣлъ заимствовать у поврежденной уже въ разсудкѣ Европы. Другъ порядка и монархическихъ установленій, онъ мечталъ о республикѣ подъ предсѣдательствомъ Каподистріи. Другъ свободы, онъ ненавидѣлъ Пушкина за его мнимо-либеральныя идеи. Онъ былъ все; къ сожалѣнію только совсѣмъ не Русскій. Воспитанный въ Могилевской губерніи, не понимаю, какъ онъ могъ пріобрѣсти запасъ учености, съ которымъ вступилъ на дипломатическое поприще; въ знаніи языковъ древнихъ и новѣйшихъ могъ бы онъ поспорить съ Меццофанти. Съ 1815 года сдѣлался онъ извѣстенъ вмѣстѣ съ покровителемъ и другомъ своимъ, Каподистріей, въ 1822 вмѣстѣ съ нимъ сошелъ со сцены (какъ гдѣ-то уже я сказалъ), и на докоѣ, также какъ нынѣ я, строилъ историческо-политическіе воздушные замки.

Мнѣ весьма памятны его бесѣды со мной; ибо, вслѣдствіе ихъ, мнѣнія мои о дѣлахъ Европы и Востока начали измѣняться. Онъ не скрывалъ желанія своего видѣть Молдовлахію особымъ царствомъ, съ присоединеніемъ къ ней Бессарабіи, Буковины и Трансильваніи. Освобожденіемъ оной Греціи, по мнѣнію его, дѣло на Востокъ не должно

было кончиться. Изъ словъ его замѣтить было можно надежду, что Греки, окрѣпнувъ, черезъ нѣсколько лѣтъ одолѣютъ окончательно прежнихъ притѣснителей своихъ, возстановятъ по прежнему императорское достоинство въ Константинополь, и что, исключая Молдовляхъ, всѣ народы, живущіе на Сѣверъ отъ сей столицы вдоль по Дунаю, войдутъ въ составъ сей возобновленной имперіи. Угадывая его мысль, я отвѣчалъ на нее тѣмъ, что сіе весьма было бы желательно, но что исполненіе мнѣ кажется невозможнымъ. Въ кратковременное пребываніе мое въ Кишиневъ (сказалъ я ему), могъ я убѣдиться отъ живущихъ въ немъ Болгаровъ, Сербовъ, Арнаутовъ, какъ всѣ Славянскіе народы не терпятъ Грековъ, и увѣренъ, что ихъ владычеству предпочтутъ они даже Турецкое иго. «Мудрое правленіе—отвѣчалъ онъ—будетъ всегда умѣть заставить полюбить свою власть».

И понынѣ сіи господа увѣрены, что возстановятъ Греческую имперію. Да когда же была Греческая имперія? Былъ новый Римъ, Римская Восточная имперія; и Константинъ, и Θεодосій, и Юстиніанъ, и даже Ираклій были Римляне. Гораздо позже, когда завоеванія Готтовъ, Славянъ и Турецкихъ племень сузили сіе царство до того, что во владѣніи своемъ имѣло оно только то, что составляло древнюю Грецію, тогда только начали появляться на престолѣ Комнины, Дукасы и Палеологи. По мнѣнію г. Тютчева, сія Восточная Римская, отнюдь не Греческая, имперія никогда не переставала существовать, а перенесена только съ Босфора на берега Москвы-рѣки, а потомъ на Неву.

Я привыкъ въ сихъ Запискахъ быстро переходить отъ одного предмета къ другому, а чувствую, что ужасно неловко отъ историческихъ вопросовъ переброситься къ Варварѣ Димитріевнѣ Казначеевой. А что же дѣлать! Она была первою моею знакомкой въ Одессѣ, всѣхъ чаще ее я видѣлъ и когда много говорилъ о другихъ дамахъ, какъ же ее одну оставить въ покоѣ? Въ восемнадцать или даже въ двадцать лѣтъ молодые люди влюбляются во встрѣчныхъ и въ поперечныхъ, въ первую, которая попадется. Вотъ какимъ образомъ Казначееву, почти мальчику, понравилась въ Рязанской губерніи одна изъ живущихъ тамъ многочисленныхъ бѣдныхъ княженъ Волконскихъ; совершеніе брака не состоялось за происшествіями войны 1812 года. Черезъ семь или восемь лѣтъ, въ 1819 году, воротился онъ, наконецъ, въ Россію изъ Мобѣжа и, говорятъ, что, какъ истый рыцарь среднихъ вѣковъ, онъ поспѣшилъ бросить лавровый вѣнокъ къ ногамъ дамы своихъ помысловъ. Мнѣ что-то не вѣрится, и я скорѣе полагаю, что она сдѣлала воззваніе къ его чести, коей имя всегда было для него священно и такимъ образомъ женила его на себѣ. Впрочемъ онъ, можетъ, быть, и дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ; но навѣрное можно сказать, что

онъ одинъ только въ мірѣ. Не видя ни съ какихъ сторонъ нѣжныхъ, страстныхъ взглядовъ, она крѣпче прилѣпилась къ законному любовнику своему, къ своей жертвѣ и душила его своею вѣрностію. Она была еще свѣжа, бѣла и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока, и непріятное выраженіе лица ея было ничто передъ непріятнымъ ея нравомъ. Не то, чтобы она была съ кѣмънибудь неучтива, но всегда какъ бы сердита и недовольна. Отъ того обиднѣе казалась въ гостиной графини Воронцовой вѣчно подобострастная ея улыбка. Она была на колѣняхъ передъ пороками знатныхъ и строга до суровости къ малѣйшимъ слабостямъ равныхъ ей женщинъ и людей. Особенно чтילה она родъ Потоцкихъ. Разъ сказала она мнѣ: «Что за нужда, если торговля въ Одессѣ упадетъ; есть знаменитая и богатая фамилія, которая ее любитъ и поддержитъ: она всегда останется градомъ Потоцкихъ». — Тѣмъ хуже, не вытерпѣвъ отвѣчалъ я: она превратится въ Содомъ и Гоморь. — Съ ужасомъ посмотрѣла она на меня.

Къ тому же она имѣла претензіи на умъ и на знанія, коихъ въ ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишетъ стихи, которыхъ никому не показываетъ, и хотѣла было завести маленькое литературное общество. Туманскій на то было подался, но Пушкинъ со смѣхомъ принялъ предложеніе...

По небольшому хотя числу названныхъ мною въ семь провинціальныхъ городѣ высокихъ особъ женскаго пола можно посудить, какъ много еще было въ немъ не названныхъ мною образованныхъ и пріятныхъ женщинъ.

Исключая двухъ столицъ, нѣтъ ни одного города въ Россіи, гдѣ бы находилось столько матеріаловъ для составленія многочисленнаго и даже блестящаго общества, какъ въ Одессѣ; а оно тогда какъ бы не существовало. Вообще Одесса была всегда, или по крайней мѣрѣ долго, невеселымъ городомъ. Настоящій основатель ея, дюкъ-де-Ришелье, былъ человѣкъ серьезный; онъ искалъ одного только полезнаго и думалъ, что пріятное придетъ само собою: строилъ дома и магазины и не заботился о заведеніи рощицъ, разведеніи лѣсныхъ деревьевъ, какъ бы не зная, что тѣмъ въ степи есть райское блаженство. Не столько по его примѣру, какъ по собственной охотѣ, и купцы поступали также: каждый изъ нихъ жилъ особнякомъ, проводя утро въ заботахъ и трудахъ, отдыхалъ въ семейномъ кругу и неохотно изъ него выходилъ. Нѣкоторые изъ жителей имѣли вдоль моря спрятанные хутора; но и тутъ выгодному пожертвовано было пріятное: въ нихъ насадили одни фруктовыя деревья, некрасивыя и высокаго роста не достигающія. Посреди города, на весьма небольшомъ пространствѣ, былъ публичный садъ; на него было отвратительно и жалко смотрѣть. Съ Мая невоз-

можно было въ немъ гулять; видѣлъ ли въ немъ кто зелень когда-нибудь, не знаю: густыя облаки пыли съ окружающихъ его улицъ всегда его обхватывали и наполняли; мелкіе листки акацій и тополей, коими былъ онъ засаженъ, сѣрый цвѣтъ сохраняли все лѣто. И это было единственное мѣсто соединенія для жителей и вечернихъ для нихъ прогулокъ; за то никого въ немъ не было видно. Зимой страшная грязь препятствовала сообщеніямъ; о томъ Одесситы мало заботились: это служило имъ новымъ предлогомъ, чтобы сидѣть дома.

Одно увеселительное мѣсто, въ коемъ собирались люди, былъ Итальянскій театръ. Зачѣмъ именно Итальянскій, не могу сказать. Французскій языкъ во всеобщемъ употребленіи, его почти всѣ понимаютъ, и Французскую труппу достать было бы легче и содержать дешевле. Кто были бѣшеные меломаны, которые подали мысль объ Итальянской труппѣ и упорно поддержали ее? Я, по крайней мѣрѣ, ихъ уже не нашелъ: всѣ мнѣ показались отчужденно равнодушными къ музыкѣ. Но уже такъ оно завелось, такъ оно и продолжается. Цѣны на мѣста были самыя низкія, и ложи всѣ абонированы, по большей части негоціантами. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, пріѣзжіе, не зная куда вечеромъ дѣваться, посѣщали театръ и наполняли его. Негоціанты, всегда разсчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже симъ пріѣзжимъ, такъ что въ годъ приходились онѣ имъ даромъ. Зимой не сами эти господа, а жены ихъ исправно посѣщали театръ: тутъ только могли онѣ видѣться другъ съ другомъ, переходить изъ ложи въ ложу, переговорить кой-о-чемъ, и все это, какъ я сказалъ выше, ничего имъ не стоило. Не будучи музыкантомъ, я съ нѣкотораго времени, благодаря Россини, сдѣлался страстнымъ любителемъ Итальянской музыки, и оттого не могъ терпѣть въ ней посредственности, а тутъ все было ниже ея. Чтѣ сказать мнѣ о пѣвцахъ и пѣвицахъ? Я видѣлъ въ нихъ кочевой народъ, который, перебивавъ на всѣхъ провинціальныхъ сценахъ, въ Болоньи, Сиеннѣ, Феррарѣ и другихъ мѣстахъ, провозитъ къ намъ свои изношенные таланты. Черезъ годъ, черезъ полтора, ихъ прогоняютъ; но тѣ, коихъ выпишутъ на ихъ мѣсто, не лучше ихъ. Я назову примадонну Каталани, оттого что она носила громкое имя и была невѣсткой (женой брата) извѣстной пѣвицы, да хорошенькую Витали, да тенора Монари, который пѣлъ довольно пріятно, но такъ слабо, что въ серединѣ залы его уже не слышно было. Давали прекрасныя оперы: *Сивильскаго Цирюльника*, *Итальянку въ Алжирѣ*, *Сороку-Воровку*, но чтѣ за исполненіе! А всѣ согласно хлопали, хвалили. Такъ уже было принято: обычай, мода.

Не Ланжерону было заставить жителей Одессы отстать отъ принятыхъ ими привычекъ: они имъ не уважали, его бы не послушались,

и при немъ сохранили они весь прежній образъ жизни. Улучшеній по устройству города онъ также ввести не былъ въ состояніи. Ему было весело, онъ былъ главнымъ лицомъ, могъ болтать сколько ему было угодно, его всѣ слушали, а вечеромъ всегда готова ему была партія виста или бостона.

Въ томъ состояніи, въ коемъ Ришельё оставилъ Одессу, напелъ ее графъ Воронцовъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что и онъ сначала мало помышлялъ о введеніи въ ней общежительности. Казалось, что знатный помѣщикъ пріѣхалъ въ богатое село свое, началъ въ немъ жить по-барски, судить крестьянъ своихъ по правдѣ, искать умноженія ихъ благосостоянія, но что до забавъ ихъ ему нѣтъ никакого дѣла. Еще скорѣе можно было сравнить сіе съ житьемъ владѣтельнаго Нѣмецкаго герцога въ малой столицѣ: дворъ, его окружающій, достаточенъ для составленія ему пріятнаго общества. Однакоже чиновники, служащіе и отставные, повыше въ классахъ, небольшое число помѣщиковъ и главные негодіанты, равно какъ и жены ихъ, представленныя графинѣ, нѣсколько разъ въ зиму приглашаемы были на полуофициальные вечера, на которыхъ танцовали. Сколь ни лестно было симъ господамъ находиться на такихъ вечерахъ, они охотно отказались бы отъ сей чести. Роскошь, только что приличная сану и состоянію графа, ихъ пугала.

Но что по справедливости должно было приводить ихъ въ ужасъ— это богаты костюмы графини и подруги ея Ольги, которые онъ безпрестанно мѣняли. Женщинамъ невозможно было не слѣдовать, хотя издали, симъ блестящимъ примѣрамъ. Графиня же безъ памяти любила наряды и не только на себѣ, но и на другихъ, какъ сіе было послѣ, въ другомъ мѣстѣ. Оттого-то столь пріятливо разговаривала она съ поѣздительницами, и было о чемъ: о цвѣтѣ, о покроѣ ихъ платій. Но какво же было крохоборству, меркантильности отцовъ и мужей? Они, которые дрожали надъ каждымъ рублемъ, видя въ немъ зародышъ сотни тысячъ, должны были сотни сихъ рублей тратить на красивое и щеголеватое тряпье. Это болѣе отдаляло ихъ отъ пріятностей общественныхъ, чѣмъ привлекало ихъ къ нимъ.

Прибыль, барышъ были единственною постоянною ихъ мыслію. Конечно, она приводитъ въ движеніе какъ умы, такъ и большіе и малые капиталы, и необходима для первоначальнаго основанія торговаго города. Неужели Одесса не имѣетъ и другаго предназначенія? Давно уже повадился мы ѣздить за границу, тамъ находимъ теплый, благоуханный климатъ, со всѣми удобствами и пріятностями жизни. Зачѣмъ бы не поискать въ Россіи мѣста, которое все это соединяло бы въ себѣ? Да гдѣ же бы? Въ Кіевѣ; но находятъ, что тамъ еще до-

вольно холодно. Подольская губернія, рай земной; но какъ въ него попасть? Поляки мѣшаютъ Русскимъ въ немъ селиться. Остается только берегъ Чернаго моря: на немъ возникъ и быстро выросъ молодой городъ со всѣми недостатками молодости. Искусный правитель могъ бы ихъ исправить; стѣбитъ только приложить хорошенько къ нему руки, и онъ замѣнилъ бы намъ Флоренцію и Ниццу. Объ этомъ послѣ много думали; къ сожалѣнію, поздно; привычка едва ли не сильнѣе природы, и мы болѣе чѣмъ когда таскаемся въ Южную Европу.

Говоря о недостаткахъ города, въ которомъ было болѣе тридцати тысячъ жителей, когда я узналъ его, надобно ихъ означить. Въ немъ не было того, что можно найти во всякомъ даже небольшомъ губернскомъ городѣ: въ немъ не было такъ-называемаго благороднаго собранія или клуба, куда общество зимой еженедѣльно съѣзжается, чтобы повеселиться и потанцевать; не было простаго клуба, гдѣ бы мужской полъ длинныя зимніе вечера могъ проводить за картами. Въ немъ не было того, что необходимо для всякаго торговаго города: въ немъ не было биржевой залы: для совѣщаній, сдѣлокъ, установленія цѣнъ на пшеницу, купечество собиралось на небольшой площади передъ театромъ или въ гадкомъ закопченномъ казинѣ, гдѣ ни пройти, ни дохнуть отъ сильнаго табачнаго дыму не было возможно. Въ немъ не было того, что находишь на всѣхъ минеральныхъ водахъ и мѣстахъ для морскихъ лѣченій: не было купалень, ни галлерей для прогулки. Ни въ городѣ, ни загородомъ не было такого мѣста, гдѣ бы послѣ душливаго, знойнаго дня можно было освѣжиться вечернимъ воздухомъ, и гдѣ бы знакомые и пріѣзжіе могли встрѣтиться и бесѣдовать *). Ничего, кромѣ денегъ, не нужно было жаднымъ и негостепріимнымъ купцамъ Одессы. Изъ свиты графа никого не приглашали они къ себѣ, и такимъ образомъ совсѣмъ отдѣляли городское общество отъ того, которое почитали придворнымъ. Сія новорожденная колонія при Ришелье, а еще болѣе при Ланжеронѣ, была демократическою республикой; Воронцовъ, какъ отблескъ трона, поразилъ и ослѣпилъ ее. Жаловаться никто не смѣлъ, не было къ тому ни малѣйшей причины; но сначала втайнѣ всѣ были недовольны этой перемѣной.

Эту зиму въ Одессѣ находилось нѣсколько важныхъ людей. Всѣ они были равнаго чина съ графомъ, всѣ въ той же Александровской лентѣ, и всѣ начальствовали надъ частями отъ него независящими. Онъ не старался воздыматься надъ ними, а цѣлою головою казался ихъ выше. Оттого ли, что онъ былъ богаче ихъ? Ни мало: отъ природы

*) Все это, говорятъ, нинѣ существуетъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ молодого еще и дѣятельнаго градоначальника Левшина.

получилъ онъ счастливый даръ заставлять безъ усилій равныхъ себѣ признавать его превосходство.

Двое изъ нихъ были искренними его пріятелями. Одного, вице-адмирала Грейга, зналъ уже я въ Николаевѣ; съ другимъ, корпуснымъ командиромъ Иваномъ Васильевичемъ Сабанѣевымъ, тутъ имѣлъ я честь познакомиться. Онъ былъ маленькій, худой, умный и дѣятельный живчикъ. Не думая передражнить Суворова, онъ во многомъ имѣлъ съ нимъ сходство. Въ арміи извѣстенъ былъ онъ какъ храбрый и искусный генералъ, во время войны чрезвычайно попечительный о продовольствіи подчиненныхъ ему, которые при немъ ни въ чемъ не нуждались.

Третій, по наружности въ самомъ добромъ согласіи съ Воронцовымъ, былъ тайный недругъ его, графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ. Былъ онъ сынъ Гречанки Потоцкой отъ перваго ея брака. Полный огня и предпріимчивости, какъ родовитый Полякъ, онъ съ Греческою врожденною точностію умѣлъ умѣрять въ себѣ страсти и давать имъ даже видъ привлекательный. Онъ великій былъ мастеръ притворяться; только въ Аустерлицкомъ сраженіи, въ чинѣ кавалергардскаго полковника, не умѣлъ онъ притвориться храбрымъ, и оттого долженъ былъ оставить службу и скрыться. Изъ сего поноснаго положенія нельзя было выйти болѣе счастливымъ и искуснымъ образомъ. Въ 1812 году, когда вся Россія ополчалась, умѣлъ онъ изъ жителей береговъ Буга на вербовать два или три конныхъ полка. Съ ними пришелъ онъ къ арміи во время совершенной ретирады Французовъ, и они успѣли еще смѣло преслѣдовать бѣгущихъ, за что ему данъ генеральскій чинъ. Послѣ того изъ сихъ всадниковъ образовано регулярное войско подъ его начальствомъ; въ двѣ послѣдующія кампаніи они вездѣ отличились, вѣроятно и онъ съ ними, ибо ворогился обвѣшанный лентами и крестами. Учрежденіе военныхъ поселеній было для него счастливымъ событіемъ: онъ полюбился Аракчееву, гораздо еще болѣе самому Царю и назначенъ начальникомъ сихъ поселеній въ Новороссійскомъ краю. Тутъ въ мирное время награды, почести сыпались на него еще обильнѣе, чѣмъ во время войны.

Избалованный первенецъ безнравственной матери, въ ребячествѣ и въ первой молодости, ничему не учился. Тѣмъ удивительнѣе казалось, что при его безграмотности онъ такъ сладко и такъ складно умѣлъ говорить. Всѣмъ изустнымъ умѣлъ онъ пользоваться и въ обществѣ всегда кстати вводить его въ разговоры. Дѣятельность его умственная и тѣлесная были чрезвычайныя: у него ртуть текла въ жилахъ. По наружной части подъ его руками все быстро зрѣло и поспѣвало; за то въ хозяйственную онъ почти совсѣмъ не входилъ, бумаги ненави-

дѣлъ, не только подписывалъ онъ не читавши, но уѣзжая изъ столицы своей, Вознесенска, подчиненнымъ оставлялъ множество бланковъ. Можно себѣ представить, какъ они симъ пользовались и какому расхищенію подвергались казенныя суммы. Оттого необходимо было входить въ большіе долги. Все сходило ему съ рукъ, и онъ вымаливалъ ихъ уплату. Но всѣмъ и особенно къ женщинамъ, коихъ безъ памяти любилъ онъ, всегда ластился, и многія изъ нихъ плѣнялись его черномазымъ лицомъ, сухотою и малымъ ростомъ. Всякаго рода интриги были стихіей этого человѣка. Преуспѣвая во всемъ, сталъ онъ добиваться званія Новороссійскаго генераль-губернатора. Тайные происки его противъ Ланжерона повели только къ тому, что на сіе мѣсто посаженъ Воронцовъ. Замѣтивъ досаду его, поручили ему наблюдать за поступками послѣдняго, подозрѣваемаго въ либерализмъ; онъ неосторожно согласился, и многіе о томъ узнали. Какія чувства долженъ былъ въ графѣ возбуждать его надсмотрщикъ? Но образованность обоихъ, постоянная учтивость одного и угодливость другаго ничего не давали замѣчать публикѣ. Подчиненнымъ графа это было извѣстно, и они уклонялись отъ всякаго знакомства съ Виттомъ. Я не убѣгалъ его, но ему не для чего было искать меня. Года черезъ три сіе знакомство само собою сдѣлалось, и оно мнѣ было чрезвычайно пріятно.

Еще былъ одинъ Александровскій кавалеръ, членъ Государственнаго Совѣта, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, который находился тутъ въ отпуску, на отдыхѣ. Старшій братъ Ивана Осиповича, Сибирскаго нашего спутника, онъ гораздо любезнѣе его былъ въ обществѣ, имѣлъ менѣе странностей, столько же познаній, воображеніе столь же живое и сверхъ того государственный умъ, котораго въ томъ не было. Неподалеку отъ Одессы поселилъ онъ сотни двѣ крестьянъ, сію колонію, деревню называлъ Севериновкой и затѣялъ въ ней обширныя виноградники. Сколь пріятно было, говорили, посѣщать его тамъ по его приглашеніямъ, столь же ужасно было вкушать предлагаемое имъ и восхваляемое, на мѣстѣ выдѣлываемое, вино. Сія отдаленная вѣтвь Потоцкихъ ничего кромѣ имени и происхожденія не имѣла общаго съ Тульчинскими Потоцкими; къ сожалѣнію, однакоже посредствомъ браковъ соединялась иногда съ ними. Тогда я еще не былъ осчастливленъ знакомствомъ графа Северина; нѣсколько времени спустя, удостоивалъ онъ меня особою благосклонностію.

Всего пробывъ тогда около мѣсяца въ Одессѣ, не видѣлъ я ни одного бала; за то было три маскарада. Погода благопріятствовала городскимъ увеселеніямъ; ночью морозъ сжималъ и сушилъ грязь, днемъ солнцемъ обогрѣтый по ней путь укатывался, сглаживался повозками, телѣгами, экипажами: сообщенія дѣлались возможными,

Первый маскарадъ былъ у графа 31-го Декабря, дабы весело встрѣтить наступающій 1824 годъ. Французы и другіе иностранцы тутъ находившіеся называли его reveillon. Въ другомъ городѣ, внутри Россіи, этотъ многолюдный маскарадъ показался бы великолѣпнымъ и занимательнымъ. Тутъ казалось, что люди въ костюмахъ, по большей части, восточныхъ, съ улицъ и площадей Одесскихъ собрались въ залѣ у графа, разумѣется, только въ нарядахъ гораздо богатѣйшихъ.

Другой маскарадъ былъ сюрпризъ, который графиня Ланжеронъ въ день Богоявленія приготовила супругу своему: она никого не хотѣла приглашать, но всѣмъ знакомымъ изъявила желаніе, чтобы въ этотъ день какъ бы невзначай наѣзжали къ ней группы маскированныхъ, прибавляя, что для нихъ все будетъ готово,—все, даже хорошій ужинъ. Чета Воронцовыхъ, стараясь всячески утѣшить чету Ланжероновъ въ потерѣ мнимаго ея величія, способствовала исполненію сего намѣренія, и сама пріѣхала безъ зову. Г-жа Ланжеронъ прикинулась больною и бѣсила мужа своего, не позволяя ему ѣхать въ гости. Когда явились первыя маски, тогда только освѣтился домъ, и пріятная истина открылась старому Французу.

Начальникомъ Округа Путей Сообщенія находился въ Одессѣ генералъ Потѣе, товарищъ Базена, о коихъ упоминалъ я въ предъидущей части. Онъ былъ тутъ женатъ на дочери одного богатаго овцеводца, дѣвицѣ Рувѣе, добренькой, глупенькой и картавой Француженкѣ, которая безъ памяти любила свѣтскія увеселенія и крайне въ нихъ нуждалась. Дабы дать понятіе о простыхъ шуткахъ забавника нашего Золотарева, скажу я, что онъ прозвалъ ее генеральшей Потѣевой, что прозваніе сіе осталось ей и всѣхъ чрезвычайно забавляло. По знакомству съ мужемъ и во время отлучекъ его посѣщала я сію Потѣеву, и мы сговорились вмѣстѣ идти въ этотъ маскарадъ. У нея напелъ я весьма молодую дѣвицу Фраполи, дочь одного чиновника, никогда изъ Одессы не выѣзжавшую. А со всѣмъ тѣмъ своею привлекательною наружностію, благородной осанкой, приличіемъ въ разговорахъ могла бы она украсить лучшее общество въ Петербургѣ; въ ея характерѣ было какое-то смѣшеніе мягкости съ твердostí, смѣлость непорочности соединялась въ ней съ дѣвственною скромностію. Марини влюбился въ нее и послѣ того былъ долго счастливымъ ея супругомъ. Я подалъ руку г-жѣ Потѣе, Марини—своей будущей невѣстѣ, и мы четверо по близости разстоянія отправились пѣшкомъ. На мнѣ сверхъ фрака былъ только тафтяный капучинъ, другіе столь же легко были одѣты, изъ чего можно видѣть, что Крещенскій морозъ былъ не весьма силенъ. Вечеръ у Ланжерона былъ до того веселъ, что сама хозяйка забыла свою угрюмость и была со всѣми отменно любезна.

Въ день рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны, 13-го Генваря, попытались сдѣлать публичный маскарадъ въ театрѣ за деньги. Графиня Воронцова съ Ольгой своимъ присутствіемъ надѣялись заманить публику и засѣли въ своей ложѣ; но зала была почти совершенно пуста, и выручки не было достаточно на ея освѣщеніе. Разсчитливые Одессане все еще убѣгали отъ шумныхъ забавъ.

Я надѣялся, что представленіемъ Записки о Бессарабіи должна окончиться моя миссія, и что туда уже болѣе я не ворочусь. Напротивъ: къ счастью или къ несчастію, графъ возымѣлъ высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и напелъ, что я въ семь краю необходимъ. «Вы на опытѣ показали, говорилъ онъ мнѣ, какъ пристально умѣете вы вникать въ предметы; все болѣе и болѣе приобретаемыя вами свѣдѣнія мнѣ будутъ свѣтить въ этомъ хаосѣ; будьте же тамъ моимъ глазомъ и моимъ ухомъ. Конечно, это сопряжено для васъ съ великими пожертвованіями, но развѣ они не будутъ вознаграждены?» Тогда, хотя не весьма ясно, далъ онъ провидѣть губернаторское мѣсто.

Вскорѣ началъ онъ нудить меня отправиться обратно, ибо самъ намѣренъ былъ на короткое время побывать въ Кишиневѣ (кто знаетъ, можетъ-быть, чтобы повѣрить мои показанія) и хотѣлъ непременно меня тамъ найти.

X.

До Днѣстра, 24-го Генваря, ѣхалъ я небольшою грязью. На другой день, переѣхавъ сію рѣку, до самаго Кишинева, видѣлъ поля и пригорки, покрытые снѣгомъ, въ иныхъ мѣстахъ столь глубокимъ, что на саняхъ удобнѣе бы мнѣ было проѣхать чѣмъ на колесахъ. Узкія улицы Кишинева тонули въ грязи, а на площадяхъ лежалъ снѣгъ. Къ вечеру 26-го числа пріѣхалъ графъ въ сопровожденіи одного Лекса и остановился въ одномъ частномъ домѣ, наскоро ему приготовленномъ.

Всякій день присутствовалъ онъ въ Верховномъ Совѣтѣ и обѣдалъ со мною и съ Лексомъ, втроемъ. Послѣ обѣда являлся всегда третій заговорщикъ, правдивый и опытный вице-губернаторъ Петрулинъ. Онъ въ короткое время успѣлъ уже въ своей Казенной Экспедиціи ввести совершенный порядокъ, поставить ее на ногу другихъ Казенныхъ Палатъ и наполнить мѣста совѣтничьи людьми Русскими, способными и ему извѣстными.

Мѣры, имъ предлагаемыя, невозможно было отвергнуть. Множество поборовъ, такъ-сказать, косвенные налоги, подъ названіями *дажди*, *вадрарита*, *погонарита* и другими, были чрезвычайно отягонительны для жителей. Едва пятая доля поступала въ казну, прочее оставалось въ рукахъ сборщиковъ. Онъ предложилъ замѣнить все это пря-

мымъ налогомъ, по десяти рублей ассигнаціями съ души. Счетъ на *махмудіе, левы, рубіе, пари*, на коихъ курсъ безпрестанно мѣнялся и часто упадалъ, были чрезвычайно затруднительны и производили большую путаницу; онъ старался перевести его на Русскія деньги и сіи послѣднія по возможности вводить въ общее употребленіе. Такимъ образомъ Турецкія и Молдавскія названія и система сборовъ начали исчезать.

Почтовая часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ужаснула графа, когда лѣтомъ проѣзжалъ онъ Буджакъ: во время засухи, послѣ получасоваго дождя, лошади съ трудомъ могли везти его на пригорокъ. Срогъ контрактамъ съ содержателями почтъ приближался, и онъ самъ пожелалъ, чтобы Русская ѣзда замѣнила Молдавскую, и чтобы на всѣхъ станціяхъ заведены были тройки и кибитки. Одинъ Тирасполь поставилъ половину ямщиковъ на всю область. Куда дѣвались каруццы и суруджи? Всѣ згинули.

Слѣдующаго прежнему порядку, разстоянія рассчитывались по условленнымъ часамъ ѣзды, и по сему счету платились прогоны; а между тѣмъ вся Бессарабія размежевана была уже на версты. Графъ вспомнилъ Мобѣжъ и какъ во Франціи ставилъ онъ Русскіе верстовые столбы, тутъ имѣлъ онъ болѣе права сіе сдѣлать и не преминулъ тѣмъ воспользоваться. Въ одной Буджацкой степи, по безлѣсію, исполненіе встрѣтило нѣкоторыя затрудненія; но и тамъ черезъ полгода явились сіи деревянные знаки Русскаго владычества.

Всѣ эти перемѣны, повидимому, маловажныя, однакоже непримѣтно и неизбѣжно вели къ другимъ, гораздо важнѣйшимъ. Графъ не имѣлъ еще твердаго, рѣшительнаго намѣренія на счетъ будущаго устройства сего края, но ежедневныя толки и совѣщанія съ тремя совѣтниками сильно его поколебали. Впрочемъ, онъ увлекаемъ былъ и собственными распоряженіями.

Я не упомянулъ объ одномъ важномъ подвигѣ, ознаменовавшемъ начало служенія моего въ Кишиневѣ; здѣсь необходимо говорить объ немъ.

Исключая казенныхъ имѣній, во всей области была вольная продажа вина и водки; казенныя же имущества заключались въ бывшихъ Турецкихъ крѣпостяхъ и въ небольшомъ пространствѣ окружающихъ ихъ земель. Въ 1819 году питейная въ нихъ продажа отдана была Казенною Экспедиціей или скорѣе г-жею Бахметевой на откупъ или на *коммиссію*, срокомъ на одинъ годъ, два раза упомянутому мною Варооломею. Черезъ три мѣсяца уже онъ былъ совершенно неисправенъ въ уплатѣ откупной суммы, и преобладающая выросла недоимка. Откупъ былъ у него отобранъ, и Казенная Экспедиція сама вошла

въ распоряженіе симъ дѣломъ. При всѣхъ безпорядкахъ, при всемъ хищничествѣ употребленныхъ на то чиновниковъ, въ девять мѣсяцевъ выручена была такая сумма, что еслибы Вареоломей взнесъ сполна съ него слѣдуемое, недоимки бы не было. Не явное ли тутъ мошенничество? Лѣнивый Молдаванъ хотѣлъ какъ можно болѣе захватить денегъ и, немного подѣлвившись съ высшими особами, остаться покойнымъ. Однакоже при Инзовѣ началось о томъ дѣло, но не подвигалось: Вареоломей защищалъ себя словомъ *коммиссія* и утверждалъ, что онъ дѣйствовалъ болѣе какъ комиссіонеръ, нежели какъ откупщикъ, и что только по первому званію представлены были отъ него залого.

Великое движеніе, которое производству дѣлъ дано было пріѣздомъ новаго намѣстника, и сіе дѣло выдвинуло изъ забвенія. Вареоломей, въ домѣ котораго нанята была для графа квартира, первый встрѣтилъ его съ привѣтствіями и первый былъ имъ облаканъ; отъ того ожидалъ онъ себѣ великихъ успѣховъ. Члены Совѣта, почти всѣ изъ бояръ, смотрѣли на него съ пренебреженіемъ, какъ на человѣка, недавно изъ ничего вышедшаго, смѣялись надъ его мѣщанскимъ тщеславіемъ и роскошью, но отнюдь не питали къ нему зависти и злобы; особенно же вице-губернатору Крупенскому было бы выгодно, если бы дѣло его кончилось въ его пользу; а онъ увѣрялъ, что всѣ они его недоброжелатели и что онъ страшится ихъ суда. Когда я пріѣхалъ въ Сентябрь, моя физиономія ему понравилась, и я, не имѣя о немъ понятія, по зву его, обѣдалъ съ Казначеевымъ въ загородномъ его домѣ, киплѣ или хуторѣ, Мунчештахъ. Надобно полагать, что онъ видѣлъ во мнѣ простяка, котораго легко можно заласкать и задобрить. Въ просьбѣ, поданной графу, изъявилъ онъ желаніе, чтобы дѣло его поручено было особому моему разсмотрѣнію и чтобы по сдѣланной мною о немъ выпискѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ моимъ, представлено ово было въ Совѣтъ. Графъ, не сказавъ мнѣ ни слова, второпяхъ согласился, подписалъ о томъ приказаніе и ускакалъ въ Хотинъ. За отсутствіемъ его, ни отказать, ни даже отговариваться мнѣ не было возможности.

Я ахнулъ, когда мнѣ о томъ сказали: никогда еще съ откупными дѣлами я не встрѣчался, и по привычкѣ часто говорить Русскія по-словипы, я воскликнулъ: «первый блинъ да комомъ!» Я вытребовалъ дѣло, и оно ужаснуло меня своею огромностію. Я сталъ его разсматривать, и оно показалось мнѣ тараторскою грамотой, которой я никогда не разберу. Однакоже чего не одолѣютъ терпѣніе и внимательность? Хотя, какъ и во всякомъ нашемъ судопроизводствѣ, истина была тутъ потоплена въ многословіи, но не такъ глубоко, чтобы не

могъ я ее выудить. Главное затрудненіе для меня состояло въ изложеніи обстоятельствъ дѣла; съ приказною фразеологіей я былъ совсѣмъ незнакомъ; но и тутъ судьба пришла мнѣ на помощь.

Я замѣтилъ въ Совѣтѣ одного молодаго протоколиста, лѣтъ двадцати шести, рябоватаго Украинца, который, за неимѣніемъ тогда секретаря по Русской части, иногда докладывалъ дѣла. Добродушіе было написано на откровенномъ лицѣ Владимира Моисеевича Скляренки, и весь онъ исполненъ былъ живости. Когда онъ входилъ въ объясненія, пріятно было его слушать и понимать легко. Съ отроческихъ лѣтъ употребленъ былъ онъ въ нижнихъ судахъ Малороссіи; съ его понятливостію приобрѣлъ онъ великій навыкъ въ дѣлахъ и въ молодости могъ уже почитаться въ нихъ дѣкой. Какъ онъ попалъ въ Бессарабію, не знаю; только я замѣтилъ, что ничѣмъ покровительствомъ онъ въ ней не пользуется. Я пригласилъ его къ себѣ, показалъ ему бумагу, на которую набросаны были мысли мои о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ и попросилъ его составить по нимъ въ законной формѣ записку, на что онъ охотно согласился. Исключая нѣкоторыхъ моихъ поправокъ, выписка изъ дѣла можетъ почитаться болѣе его твореніемъ, чѣмъ моимъ.

А между тѣмъ съ хозяиномъ моимъ, Вареоломеемъ, прекратилъ я всякія сношенія, что не мало должно было его удивить; я хотѣлъ казаться безпристрастнымъ, а можетъ-быть втайнѣ негодовалъ за взваленный на меня трудъ. Я ни съ кѣмъ не совѣтовался и кромѣ Скляренки никому мнѣнія своего не открывалъ. Какъ ни малосвѣдущъ я былъ, однако меня изумило совершенное отсутствіе мѣръ предосторожности, принимаемыхъ въ такихъ случаяхъ. Съ 1819 года не было наложено запрещенія на представленные залого, которые, сверхъ того, не стоили и половины того, во что были оцѣнены: казна ничѣмъ не была обезпечена. Удивительно, какъ откупщикъ не догадался; какъ, не обременивъ долгами недвижимыя свои имѣнія, движимость и капиталы не перевелъ онъ за границу. На такія упущенія не оставилъ я указать въ донесеніи своемъ. Работа наша была окончена еще къ 20-му Декабря; но я отправлялся въ Одессу, и представленіе ея отложилъ до возвращенія моего.

Весьма кстати случился тутъ графъ, который любилъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Совѣтъ испугался отвѣтственности, которая и на немъ могла лежать, особенно когда съ выросшими процентами сумма, слѣдуемая ко взысканію, оказалась огромною. Всѣ единогласно согласились съ моимъ мнѣніемъ. Полицеймейстеру велѣно въ тотъ же день описать движимое имущество Вареоломея, которое было не мало важно, ибо отчасти состояло изъ палей, алмазовъ и жемчуговъ. Какъ

громовымъ ударомъ былъ пораженъ бѣдный Вареоломей; но что мнѣ было дѣлать? Я дѣйствовалъ по совѣсти и законамъ.

Начальникамъ всегда любилъ я говорить сущую правду и не скрылъ отъ графа участія, которое въ семь дѣлъ принималъ Сяляренко. Со времени назначенія Поляка Подгурскаго въ должность областного прокурора, мѣсто секретаря по Русской части въ Совѣтѣ шесть мѣсяцевъ оставалось празднымъ. Мѣсто сіе временно занималъ я мѣтилъ на него Полячекъ Михневичъ, человекъ самый неспособный, Молдаванами не любимый, но сильно поддержанный Курикомъ и Жидовско-Польской партіей. На сіе мѣсто предложилъ я Сяляренко, графъ тотчасъ согласился и подписалъ о томъ бумагу. Когда я принесъ ее въ Совѣтъ, то замѣтилъ великое смущеніе между членами. Наконецъ, Прункуль сказалъ мнѣ: «Мы не можемъ не одобрить выборъ графа, мы сами готовы бы были то сдѣлать; но тутъ нарушенъ порядокъ: на мѣста въ канцелярію Совѣта, согласно образованію, чиновники не иначе могутъ быть назначаемы какъ по его опредѣленіямъ». Я было совсѣмъ о томъ забылъ и отвѣчалъ: «Ну что же? Это должно приписать невѣдѣнію графа; а какъ онъ не любитъ сознаваться въ невѣдѣніи, то протестъ Совѣта, еслибы онъ былъ сдѣланъ, можетъ его съ нимъ поссорить». Тѣмъ дѣло все и кончилось.

Не съ большимъ недѣлю прожилъ графъ въ Кишиневѣ, и пребываніе его было полезно для весьма многихъ дѣлъ. Онъ поступалъ благородно, справедливо, но признаться должно, довольно самоуправно. Устройство края, улучшенія во всѣхъ частяхъ кипѣли въ головѣ у новаго намѣстника, и все это отозвалось на мнѣ. Въ продолженіи двухлѣтняго моего тутъ пребыванія, сколько учреждено комитетовъ, и во всѣхъ посаженъ я былъ или предсѣдателемъ или членомъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ намѣренъ я здѣсь дать вѣрный отчетъ какъ самому себѣ, такъ и другимъ. Труды свои, совершаемые постепенно, дабы не смѣшивать ихъ съ происшествіями, хочу представить здѣсь разомъ. Но я долженъ напередъ отбросить всю совѣстливость, дабы нахвастаться вдоволь и потомъ опять за нее приняться.

Во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ были уже строительныя комиссіи; въ Кишиневѣ было тоже нѣчто подъ симъ названіемъ. Но какъ было строиться? Молдаване были твердо увѣрены, что въ Кишиневѣ не можетъ остаться постоянное мѣстопробываніе Областнаго Правленія и ставили только небольшіе домики, окружая ихъ плетневыми заборами, хотя многіе изъ нихъ за дорогую цѣну были наняты для казны. Десять процентовъ со всѣхъ областныхъ доходовъ Государь пожаловалъ краю для устройства дорогъ, для общепользныхъ заведеній и для украшенія городовъ. Сумма должна была значительно умножиться;

но Крупенской, дабы скрыть накопившіяся недоимки, къ нимъ причислилъ и сей десятипроцентный сборъ. Когда онъ оставилъ мѣсто, всего на лицо было его только десять тысячъ рублей ассигнаціями и, исключая острога, не было ни одного казеннаго строенія.

Вездѣ губернаторы завѣдываютъ строительною частью; тутъ захотѣлось графу меня назначить предсѣдателемъ такъ называемаго Строительнаго Комитета, и добрый Катакази отнюдь этимъ не обидѣлся. Членами посажены областной землемѣръ, исправляющій должность областного архитектора, Азмидовъ, который свое дѣло очень хорошо зналъ, но въ архитектурѣ ничего не смыслилъ, архитекторъ, котораго Богъ вѣсть какъ я выкопалъ и о которомъ еще рѣчь впереди, да еще одинъ депутатъ отъ дворянства Дониць и другой отъ купечества, котораго названія не помню. Я открылъ первое засѣданіе, а потомъ на неопредѣленное время отложилъ второе.

Во время Молдавскаго управленія, даже въ послѣдніе дни Потемкина, когда тѣло его провозили чрезъ Кишиневъ, былъ онъ небольшое селеніе, съ одною каменною церковью, съ двадцатью вокругъ нея уцѣлѣвшими отъ пожара небольшими домиками и съ сотнею обгорѣвшихъ. Послѣ Яскаго мира народонаселеніе стало опять умножаться; но жители, строя вкривь и вкось, всѣ лѣпились вдоль небольшой рѣчки Быка. Сіе мѣстечко принадлежало Св. Гробу; доходы съ него собираемые были весьма маловажны, и патриаршество Иерусалимское добровольно уступило его Государю. Когда въ смутное для Россіи время приобрѣтенъ сей край, то вся власть надъ нимъ предоставлена мѣстному начальству. Два старика, митрополитъ Гавріилъ и губернаторъ Стурдза, избрали Кишиневъ (въ которомъ было уже до полуторы тысячи жителей), по центральному его положенію, мѣстомъ пребыванія своего. Особенно первый на темѣ горы, на монастырскія и другія церковныя деньги, посвѣщилъ выстроить Семинарію въ два съ половиною этажа, да большой каменный архіерейской домъ, который и называлъ митрополіею. Тѣмъ рѣшилась судьба новаго города. Когда мы пріѣхали въ 1823 году, семь или восемь каменныхъ домовъ торчали посреди сотенъ лачужекъ.

Болѣе всего съ начала привлекъ на себя вниманіе мое городской садъ или, лучше сказать мѣсто, для него отведенное. Извѣстно какъ императоръ Александръ любилъ природу, деревья, какъ вездѣ воспрещаль онъ ихъ порубку и какъ вездѣ споспѣшествовалъ ихъ насажденію. Всѣ посвѣщенные имъ губернскіе города украшались бульварами, скверами, садами. Будучи въ Кишиневѣ, онъ изъявилъ удивленіе, какъ въ столь благорастворенномъ климатѣ никто о томъ не подумалъ. Полька Бахметева нашла что ему отвѣчать: она увѣрила его, будто такое было у нихъ намѣреніе, только, въ тайнѣ ожидая его, надѣялись,

что онъ самъ изволить избрать мѣсто для публичнаго гулянья, которое потомъ останется памятникомъ кратковременнаго его пребыванія. Государь согласился и указалъ на пространную поляну, вблизи отъ архіерейскаго дома и сада. За дѣло взялись горячо, обнесли мѣсто низкимъ заборомъ и засадили деревьями. На бѣду бесплодный Инзовъ, который почиталъ себя великимъ натуралистомъ, у себя въ кабинетъ подъ стеклянными колпаками берегъ разнаго рода и величины растенія и деревцы, о сохраненіи насажденныхъ совсѣмъ не заботился. По волѣ графа, сіе при самомъ рожденіи погибшее дитя отдано было подъ мою опеку.

Съ ужасомъ взглянулъ я на сіе полумертвое чадо. Отъ тридцати до сорока бѣлыхъ акацій и тополей разбросано было на большомъ пространствѣ; овцы и коровы спокойно разгуливали по немъ, ибо по небрежности въ заборѣ сдѣлались отверстія. Я велѣлъ задѣлать ихъ, а животныя, по доброму согласію у меня съ полицеймейстеромъ, были забираемы и отсылаемы въ острогъ, для прокормленія содержащихся въ немъ. Жители возроптали, вознегодовали; но я устоялъ на своемъ и бѣдный садъ навсегда избавилъ отъ вредныхъ посѣтительницъ. У города ежегодно выпросилъ я по шести сотъ левовъ на поддержаніе и умноженіе плантацій; половину отдалъ я садовнику, Нѣмцу-коловнику, влюбленному въ свое ремесло, котораго самъ Богъ мнѣ послалъ. Въ первый годъ мы задолжали, въ слѣдующій расклатились. Чего не дѣлаетъ бережливость! На небольшую сумму, бывшую у меня въ распоряженіи, въ углу сада поставилъ я избу для жительства садовника, а онъ передъ нею устроилъ великолѣпный цвѣтникъ, роскошь дотожд неизвѣстная жителямъ Кишенева. Въ лощинахъ посадилъ онъ липы, и вообще въ первый годъ всѣ аллеи засажены были деревьями, которыя всѣ принялись на другой. Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я объ этомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ пріѣзжихъ, давно уже теперь прекрасная роща.

Чрезвычайно озабочивала графа чистка рѣчки Быка. По широкой долинкѣ, надъ которой съ одной стороны возвышался Кишиневъ, сей ручей болѣе чѣмъ рѣчка протекалъ медленно безпрестанными большими изгибами, можно сказать метался изъ стороны въ сторону. Сего нельзя было замѣтить, ибо въ двухъ мѣстахъ онъ былъ запруженъ. По Азіатскому обычаю, въ эти пруды валили мертвыхъ кошекъ, собакъ, лошадей, да сверхъ того въ нихъ сливались помой и всякаго рода нечистота изъ нижней части города. Отъ того-то нестерпимый духъ, коимъ поражено было мое обоняніе при первомъ въѣздѣ въ Кишиневъ. Все тѣто и большую часть осени зловредныя испаренія производили ужасныя повальные лихорадки между прибрежными жителями, и смертность

умножалась. Какъ помочь было этой бѣдѣ? Надлежало въ самой серединѣ долины прорыть не широкій и прямой каналъ: вода, въ него втѣсненная, стала бы быстро протекать чистой струей. Графъ поручалъ Потье и другимъ Одесскимъ инженерамъ исчислить во что можетъ обойтись такая операція, и эти господа, привыкнувъ дѣлать все на широкую руку, составили смѣту въ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. «Ну гдѣ мы ихъ возьмемъ?» печально сказалъ мнѣ графъ. Черезъ нѣсколько времени доложилъ я ему, что нашелъ артиллерійскаго капитана Эйтнера, который женился, вышелъ въ отставку, живетъ безъ дѣла и берется все это произвести, даже камнемъ выложить каналъ, за весьма умѣренную цѣну, всего за восемнадцать тысячъ левовъ. Хорошо графъ сдѣлалъ, что согласился, повѣрилъ мнѣ и поручилъ этимъ заняться. Пришлось уничтожить двѣ мельницы, которыя городу никакого почти не приносили доходу; а жителей между тѣмъ это заставило кричать. Въ Генварѣ нѣсколько дней сряду случайно доходило до двѣнадцати градусовъ мороза; я этимъ воспользовался и велѣлъ пробить первую плотину, на которой съ Эйтнеромъ я самъ находился при спускѣ воды. Не смотря на морозъ, едва могъ я выстоять двадцать минутъ: до такой степени сильно было зловоиѣ. Когда стаялъ ледъ, начали отъ костей очищать мѣсто; оставшаяся свободная земля, удобренная, унавоженная, отдана подъ огороды и стала приносить городу втрое болѣе чѣмъ сломанныя мельницы. Уже въ Юлѣ, во время жаровъ, число больныхъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину противъ того что было даже зимой. Самое производство работъ началось при мнѣ, но безъ меня уже кончилось. Не знаю, право, хотя единый человѣкъъ сказалъ ли спасибо графу и тѣмъ, коихъ онъ употреблялъ?

Въ самой верхней части города, позади архіерейскаго дома, не знаю по чьему плану, разбиты были большіе кварталы и обозначены обведенною вокругъ нихъ малою канавкою; они оставались почти незаселенными. Въ самой же нижней части владѣльцы не имѣли никакого законнаго права на участки, кои занимали; строились по словеснымъ дозволеніямъ. Странно и жестоко показалось жителямъ воспреещеніе строить вновь и починивать дома безъ письменнаго дозволенія отъ Комитета. Они не хотѣли слушаться, а я съ помощію того же полицеймейстера велѣлъ ломать новыя, самовольныя постройки и между прочимъ одну пивоварню. Въ замѣнъ лачужекъ, кои безъ починокъ года черезъ два должны были повалиться и на доскутѣхъ земли, имъ не принадлежащей, предлагалъ я жителямъ пространныя мѣста въ новыхъ кварталахъ, гдѣ могли бы они заводить сады и на владѣніе коихъ получали бы они документы. Только два или три человѣка на то согласились. Нѣтъ сомнѣнія, что съ соблюденіемъ постоянныхъ мѣръ, а мо-

жетъ быть и съ помощію пожаровъ, сіе переселеніе черезъ нѣсколько лѣтъ могло бы совершиться. Но послѣ меня никто не хотѣлъ о томъ помышлять, и все оставалось въ прежнемъ видѣ.

Отъ областного землемѣра получилъ я составленный имъ самый вѣрвый планъ Кишинева. Не касаясь до верхнихъ кварталовъ, безъ большаго труда по прочимъ сталъ я проводить прямыя линіи карандашемъ и поручилъ областному архитектору начертить по нимъ новый планъ регулированія города. Черезъ графа планъ этотъ представленъ былъ Государю, который приказалъ отправить его къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Ланскому, завѣдывавшему тогда и Бессарабскою частію; а тотъ, не знаю съ чего, передалъ его въ Департаментъ Государственнаго Хозяйства и Публичныхъ Зданій. Тамъ пролежалъ онъ болѣе семи лѣтъ, и мнѣ не пришлось выручить его оттуда. Онъ утвержденъ, приводится въ исполненіе, по немъ строится Кишиневъ и, какъ увѣряютъ, весьма украшается.

Самое важное порученіе сдѣланное мнѣ графомъ было составленіе проекта постановленія объ обязанности и правахъ Царанъ и помѣщиковъ. Въ Бессарабіи, равно какъ и во всей Молдавіи, хлѣбопашцы суть вольные люди. Утверждали однакоже, что житье ихъ хуже чѣмъ у Негровъ. Дворянское достоинство, тамъ гдѣ нѣтъ дворянъ, не могло давать исключительнаго права на пріобрѣтеніе земель; покупалъ ихъ тотъ, у кого были деньги и къ какому бы состоянію ни принадлежалъ, и живущіе на нихъ были къ владѣльцамъ въ томъ же отношеніи, что наемщики къ хозяевамъ: за землю должны были платить имъ работою и деньгами. Вездѣ слабые подвластны сильнымъ и бѣдные богатымъ. Въ совершенномъ согласіи между собою и съ исправничествами, не смотря на законами ограниченныя обязанности Царанъ, владѣльцы угнетаютъ ихъ, обременяютъ тягчайшими работами, иногда не оставляютъ имъ ни копѣйки: такъ гласили наши Европейцы. Съ живостію молодости, не совсѣмъ во мнѣ потухшей, охотно приступилъ я къ новому, мнѣ незнакому труду. Вотъ случай, подумалъ я, облегчить, можетъ быть, участь тысячей мнѣ подобныхъ людей! Я тогда желалъ уничтоженія крѣпостнаго права и въ этомъ смыслѣ только могъ почитаться либераломъ.

Прилежно началъ я разсматривать въ переводѣ постановленія по сему предмету Молдавскихъ господарей, также проектъ Верховнаго Совѣта и, наконецъ (что не совсѣмъ было) проектъ, составленный самимъ генераломъ Инзовымъ и препровожденный на разсмотрѣніе къ графу Кочубею. Въ этомъ рукописномъ фоліантѣ каждая глава начиналась

проповѣдью и каждая статья содержала въ себѣ длинное нравоученіе *). Я не торопился съ окончаніемъ работы: напередъ старался добывать нужныя свѣдѣнія и не разъ самъ ѣздилъ въ окрестныя селенія. Вездѣ встрѣчалъ я довольство и благосостояніе. Этимъ жители были обязаны не чрезмѣрной снисходительности помѣщиковъ, не собственному трудолюбію, а чрезвычайному плодородію земли. Вообще въ Молдавскихъ крестьянахъ нѣтъ безчувственности Чухонцевъ, а скорѣе лѣтность и флегматическое спокойствіе Малороссіянъ, съ коими и въ обычаяхъ имѣютъ много сходства. Познавъ всю истину, принялся я за свой проектъ, надъ которымъ хотѣлось мнѣ поставить эпиграфомъ: чтобы волки были сыты и овцы цѣлы. Я представилъ его графу, который продержалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, многимъ давая его на разсмотрѣніе, и потомъ безъ всякой перемѣны препроводилъ его въ Совѣтъ, съ которымъ въ это время были у меня ужаснѣйшія несогласія. Члены его полагали, что вѣроятно изъ мщенія принесены мною въ жертву ихъ выгоды; но увидѣли противное и скоро также безъ всякой отмѣны одобрили проектъ. Послали его въ Петербургъ, гдѣ пролежалъ онъ годы, не обращая на себя никакого вниманія. Послѣ того съ перемѣною обстоятельствъ неоднократно подвергался онъ измѣненіямъ. Это дѣло совсѣмъ потерялъ я изъ виду, забылъ объ немъ, не бралъ труда узнавать о его участи и о сию пору ничего о томъ не знаю.

Болѣе хлопотъ, но менѣе труда и соображеній, стоило мнѣ другое немаловажное дѣло, которымъ я долженъ былъ заняться. Учреждена Областная Коммиссія, составленная изъ областнаго предводителя дворянства, двухъ членовъ Совѣта и меня; и ей поручено сдѣлать первую ревизію жителямъ Бессарабіи. Ей подчинены были шесть цынутныхъ комиссій, и въ каждую изъ нихъ отправлено было по одному Русскому чиновнику, который, по даннымъ ему письменнымъ наставленіямъ и съ помощію исправника, долженъ былъ производить вѣрную и точную перепись поселеннымъ въ цынутъ. Дѣлопроизводство было на Русскомъ языкѣ, котораго сочлены мои вовсе не знали; отъ того они ни во чтѣ не мѣшались, и не знаю, собирались ли мы всего раза два: слѣдственно и тутъ все возлегло опять на мнѣ. Мнѣ же предоставленъ былъ и выборъ чиновниковъ, въ чемъ не встрѣтилъ я большаго затрудненія: множество военныхъ, весьма порядочныхъ людей, скуки ради, переженились на Молдаванкахъ, въ надеждѣ на бо-

*) Случилось нѣчто забавное: твореніе сіе съ язвительными замѣчаніями Блудова отправлено было обратно къ полномочному намѣстнику. А какъ Инзовъ продолжалъ исправлять сію должность до самаго пріѣзда графа Воронцова, а тотъ промѣшкалъ въ дорогѣ, то оно успѣло еще попасть въ руки самаго автора. Можно себѣ представить стыдъ и гнѣвъ послѣдняго!

гатое приданое, и вышли въ отставку. Они ошиблись въ расчетахъ, жили скудно и ничего такъ не желали какъ быть употребленными по гражданской части. Я привялся за нихъ, и всё оправдала мои ожиданія. Между ими одинъ особенно оказалъ себя ко всему способнымъ, майоръ Калакуцкой, человекъ умный и благородный; изъ нихъ его только имя и особа сохранились въ слабѣющей памяти моей. Подъ разными наименованіями мазыловъ, рупташей, резешей и другими, люди, принадлежашіе почти всё къ одному состоянію, наполняли Бессарабію; при переписи затруднительно было слѣдовать этой классификаціи. Съ согласія графа показаны они всё подъ простыми Русскими названіями мѣщанъ и поселянъ; и вотъ еще великій шагъ къ упраздненію Молдавскихъ обычаевъ. Помнится мнѣ, что во всей области, исключая колоній, насчитано жителей до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ обоюга пола; въ одномъ городѣ Кишиневѣ было уже ихъ двадцать шесть тысячъ.

Мало ли куда еще былъ я приткнутъ, но о томъ не стоить говорить; ибо по другимъ частямъ я мало или вовсе не занимался. Между прочимъ, напимѣръ, поручена мнѣ была графомъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ ревизія счетовъ и дѣлъ Казенной Экспедиціи за время управленія его предмѣстника, но въ такомъ случаѣ содѣйствіе мое Петрулину было бы только помѣшательствомъ.

Были однако дѣла, къ коимъ прилепелъ я самовольно. Графъ, какъ и всё тогда, плѣнялся успѣхами Европейскаго просвѣщенія и желалъ начать его распространить въ сей полуазіатской странѣ. Для того спѣшилъ онъ завести Лангатерскія школы взаимнаго обученія и весьма удачно поручилъ сіе дѣло ректору семинаріи, архимандриту Иринею, человеку пылкому, свѣдущему, исполненному святости безъ изувѣрства. Я свелъ съ нимъ тѣсную дружбу, и не разъ придется мнѣ говорить объ немъ, а можетъ быть и о печальномъ концѣ его духовнаго поприща. Я принялъ въ семь дѣлъ живѣйшее участіе, какъ будто бы оно мнѣ было приказано; а отъ чего? Мнѣ хотѣлось убѣдить Иринея (въ чемъ я и успѣлъ), что лучше будетъ молодыхъ Молдаванъ первоначально учить Русской азбуки, Русскому чтенію, а Молдавское пока оставить. Вездѣ хотѣлось мнѣ тутъ водворить Россію.

Какъ нѣкогда Кіевъ, въ это время Кишиневъ былъ богатъ высшими духовными сановниками. Не знаю, слѣдуетъ ли называть иновѣрнаго Армянскаго архіепископа; но у него не было никакой вѣры, и онъ по наружности насильно приписывался и прилипалъ къ господствующей. Вездѣ было его видно; и онъ всѣхъ у себя угощалъ. За то, во время совершаемаго ими богослуженія, можно было только видѣть двухъ Григоріевъ, Греческихъ архіепископовъ, Гіерапольскаго и Ире-

нопольскаго, спасшихся бѣгствомъ отъ Турецкихъ гоненій. Третій Леонтій Ламбровичъ, митрополитъ Сербской, какъ увѣряли, мужъ твердаго характера, также преслѣдуемый Турками, жилъ совершенно подъ спудомъ. За отсутствіемъ епархіальнаго архіепископа Димитрія, находившагося въ Петербургѣ на очереди, между ими весьма естественнымъ образомъ важную роль игралъ архимандритъ Ириней. Архіепископъ же Димитрій, человекъ умный и правдивый, по слабости человѣческой, желая угодить Голицыну, господствовавшему до Мая 1824 года, всѣми мѣрами въ Кишиневѣ поддерживалъ Библейское Общество, которое въ Петербургѣ начинало уже разрушаться.

Въ этомъ дѣлѣ не только содѣйствовалъ ему, но и руководствовалъ имъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Разсѣянные въ сихъ Запискахъ черты характера его должны были ознакомить съ нимъ; нахожу однако необходимымъ обстоятельнѣе говорить объ этомъ человекѣ. Глубокая тайна покрываетъ его рожденіе. Приемышемъ выросъ онъ въ домѣ Трубецкихъ, которые дали ему нареченіе *Иной Зовъ* или Инзовъ. Братья князя Трубецкіе, Юрій и Николай Никитичи, люди ума весьма слабаго, увлечены были ученіемъ Николая Новикова, покровительствуемаго фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ. Съ малыхъ лѣтъ воспитанника своего посвятили они въ мартинизмъ, и отъ того при Екатеринѣ былъ онъ долго старшимъ адъютантомъ Репнина. Время открыло важную тайну всѣхъ этихъ Германскихъ философически-религіозныхъ сектъ, которыя дышали чистѣйшею любовію къ человѣчеству и привели его къ чистѣйшему, грубѣйшему матеріализму. Ослѣпленіе ихъ первыхъ послѣдователей не доказываетъ большаго ума, но не даетъ права подозрѣвать ихъ въ безнравственности. Отъ природы гнѣвный и самолюбивый Инзовъ старался въ себѣ убить сіи страсти, а тѣмъ ослабилъ свой характеръ и остался просто золъ и въ тайнѣ раздражителемъ. Слабости однако не показывалъ онъ въ виду непріятеля: въ царствованія Павла и Александра неоднократно бывалъ онъ въ сраженіяхъ, всегда отличался храбростію и самому себѣ обязанъ былъ дальнѣйшими успѣхами по службѣ. По замиреніи его тянуло къ покою и мирнымъ занятіямъ; согласно его желаніямъ, дано ему мѣсто главнаго попечителя колоній Южнаго края, не совсѣмъ соотвѣтствующее его генераль-лейтенантскому чину, и онъ поселился въ Екатеринославѣ, гдѣ находилось центральное управленіе колоній.

Прибытіе къ нему подъ надзоръ вольнодумца Пушкина было какъ бы предвѣстіемъ наступившихъ для него бурныхъ дней. Религіозныя его чувства, которыхъ настоящимъ образомъ не понимали, наружная его кротость были извѣстны Стурдзѣ, ревнителю вѣры, и онъ на мѣсто Вахметева черезъ Каподистрію, а можетъ и съ помощію Голицына,

выпросилъ, чтобы его назначили временно исправляющимъ должность Бессарабскаго намѣстника, не отнимая впрочемъ у него и колониальнаго управленія, которое вмѣстѣ съ собою перевезъ онъ въ Кишиневъ. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ, вслѣдствіе отбытія Ланжерона, по сосѣдству поручили ему и весь Новороссійскій край. Душевные силы были давно имъ самимъ придавлены, тѣлесныя силы начали оставлять его, а какъ онъ добросовѣстно принялся за исполненіе своихъ обязанностей, то рѣшительно можно сказать, что изнемогалъ подъ бременемъ дѣлъ и сперва обрадовался назначенію Воронцова.

Тогда въ Кишиневѣ было повѣтріе любить меня; надобно полагать, что и онъ подвергнулся сему не весьма пагубному вліянію: иначе какъ объяснить внезапную его ко мнѣ пріязнь? Я не искалъ его знакомства, не бывалъ у него, встрѣчаясь, только что почтительно кланялся, а онъ осыпалъ меня нѣжныѣйшими ласками. Наконецъ, рѣшился онъ позвать меня къ себѣ обѣдать, что послѣ того нерѣдко повторялось. Сужденія его были правильны, рассказы любопытны, и бесѣды наши бывали пріятны для обоихъ. Иногда скажетъ онъ что нибудь совсѣмъ несогласное съ моими мнѣніями, я замолчу: съ ребячества пріученъ я былъ уважать старость и не позволять себѣ входить съ нею въ споры. Никто не дастъ соврать старику; даже тотъ, кто самъ вовсе ничего не смыслить. Весьма непріятно мнѣ было въ Инзовѣ отвращеніе его ото всего отечественнаго, порождаемое обыкновенно заграничною мечтательностію. Онъ терпѣть не могъ нашъ простой народъ и ненавидѣлъ его нарядъ. Въ тоже время говорилъ онъ съ особымъ уваженіемъ о бородахъ Молдавскихъ бояръ, называя ихъ патриархами. «Да вѣдь и у нашихъ мужичковъ есть также бороды», замѣтилъ я ему. «О, да это совсѣмъ другое дѣло», отвѣчалъ онъ.

Тайна ласкъ сего совсѣмъ непритворнаго человѣка открылась мнѣ наконецъ. Онъ увидѣлъ во мнѣ чудное орудіе, насланное судьбою въ Бессарабію для поддержанія и усиленія Библейскаго Общества, во мнѣ, которому такъ извѣстна была цѣль его! Я далъ ему себя записать членомъ, но извиняясь множествомъ дѣлъ, не отвѣчалъ ни на одну изъ присылаемыхъ мнѣ бумагъ, дабы нигдѣ и подписи моей не было видно. Я смѣло могу сказать, что совершенно неповиненъ въ дѣйствіяхъ сего общества.

Нерѣдко, разговаривая со мною, вздыхалъ онъ о Пушкинѣ, любезномъ чадѣ своемъ. Судьба свела сихъ людей, между коими великая разница въ лѣтахъ была малѣйшимъ препятствіемъ къ искренней взаимной любви. Сношенія ихъ однако сдѣлались сколько странными, столько и трогательными и забавными. Съ первой минуты прибывшаго совсѣмъ безъ денегъ молодого человѣка Инзовъ помѣстилъ у себя жи-

тельствомъ, поилъ, кормилъ его, оказывалъ ласки, и такъ осталось до самой минуты послѣдней ихъ разлуки. Никто такъ глубоко не умѣлъ чувствовать оказываемыя ему одолженія, какъ Пушкинъ, хотя между прочими пороками, коимъ не былъ онъ причастенъ, накидывалъ онъ на себя и неблагодарность. Его веселый, острый умъ оживилъ, освѣтилъ пустынное уединеніе старца. Съ попечителемъ своимъ, болѣе чѣмъ съ начальникомъ, сдѣлался онъ смѣль и шутливъ, никогда не дерзковъ; а тотъ готовъ былъ все ему простить. Была сорока, забавница цѣломудреннаго Инзова; Пушкинъ нашелъ средство выучить ее многимъ неблагопристойнымъ словамъ, и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе; но и тутъ старикъ не умѣлъ серьезно разсердиться. Иногда же, когда дитя его распроказничается, то болѣе для предупрежденія неприятныхъ послѣдствій, чѣмъ для наказанія, сажалъ онъ его подъ арестъ, т. е. нѣсколько дней не выпускалъ его изъ комнаты. Надобно было послушать, съ какимъ нѣжнымъ участіемъ и Пушкинъ отзывался о немъ.

«Зачѣмъ онъ меня оставилъ?» говорилъ мнѣ Инзовъ, «вѣдь онъ посланъ былъ не къ генералъ-губернатору, а къ попечителю колоній; никакого другаго повелѣнія объ немъ съ тѣхъ поръ не было; я бы могъ, но не хотѣлъ ему препятствовать. Конечно въ Кишиневѣ иногда бывало ему скучно; но развѣ я мѣшалъ его отлучкамъ, его путешествіямъ на Кавказъ, въ Крымъ, въ Кіевъ, продолжавшимся нѣсколько мѣсяцевъ, иногда болѣе полугодомъ? Развѣ отсюда не могъ онъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ и жить въ ней сколько угодно? А съ Воронцовымъ, право, не сдобровать ему.»

Такія печальныя предчувствія родительскаго сердца, хотя я и не вѣрилъ имъ, трогали меня. Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика, умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ Марта пріѣхалъ недѣли на двѣ, остановился у Алексѣева, и многихъ, разумѣется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ пріѣздомъ.

Онъ заставилъ меня сдѣлать довольно странное знакомство. Въ Кишиневѣ проживала не весьма въ безызвѣстности Гречанка-вдова, называемая Полихронія, бѣжавшая, говорили, изъ Константинополя. При ней находилась молодая, но не молоденькая дочь, при крещеніи получившая миеологическое имя Калипсо и, что довольно странно, которая нѣсколько времени находилась въ извѣстной связи съ молодымъ княземъ Телемахомъ Ханджери. Она была не высока ростомъ, худоцава, и черты у нея были правильныя; но природа съ бѣдняжкой захотѣла сыграть дурную шутку, посреди пріятнаго лица ея прилѣпивъ ей огром-

ный ястребинный носъ. Не смотря на то, она многимъ нравилась, только не мнѣ, ибо длинные носы всегда мнѣ казались противны. У нея былъ голосъ рѣзкій, увлекательный, не только когда она говорила, но даже когда съ гитарой пѣла ужасныя, мрачныя Турецкія пѣсни; одну изъ нихъ, съ ея словъ, Пушкинъ переложилъ на Русскій языкъ, подъ именемъ Черной Шали. Исключая Турецкаго и природнаго Греческаго, хорошо знала она еще языки Арабскій, Молдавскій, Итальянскій и Французскій. Ни въ обращеніи ея, ни въ поведеніи не видно было ни малѣйшей строгости; еслибъ она жила въ вѣкъ Перикла, исторія вѣрно сохранила бы намъ имя ея вмѣстѣ съ именами Фрины и Лаисы.

Любопытство мое было крайне возбуждено, когда Пушкинъ представилъ меня сей дѣвѣ и ея родительницѣ. Въ немъ же самомъ не замѣтилъ я и остатковъ любовнаго жара, коимъ прежде горѣлъ онъ къ ней. Воображеніе пуще разгорячено было въ немъ мыслию, что лѣтъ пятнадцати будто бы впервые познала она страсть въ объятіяхъ лорда Байрона, путешествовавшаго тогда по Греціи. Ею вдохновенный, написалъ онъ даже извѣстное, прекрасное посланіе къ Гречанкѣ:

Ты рождена воспламенить
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять
 Любезной живостію привѣтовъ,
 Восточной странностію рѣчей,
 Блистаньемъ зеркалаиныхъ очей, и пр.

Мнѣ не соскучилось у этихъ дамъ, только и не слишкомъ полюбилось. Не помню, ее ли мнѣ завѣщала Пушкинъ, или меня ей, только отъ наслѣдства я тотчасъ отказался. Послѣ отъѣзда Пушкина у этихъ женщинъ не знаю былъ ли я болѣе двухъ разъ.

Гораздо болѣе полезнымъ готовъ я былъ находить знакомство съ матерью. По всему городу носилась молва о силѣ ея волшебства. Она была упованіемъ, утѣшеніемъ всѣхъ отчаянныхъ любовниковъ и любовницъ. Ея чары и по заочности умягчали сердца жестовихъ и гордыхъ красавицъ и холодныхъ какъ мраморъ мущинъ, и ихъ притягивали другъ къ другу. Одинъ очевидецъ, если не солгалъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ ея магическихъ дѣйствій. Пиеіонисса садилась въ старинныя кресла, брала въ руки прямой, длинный, бѣлый пруть и надѣвала на голову ермолгу или скуфью изъ чернаго бархата съ бѣлыми кабалистическими знаками и буквами. Потомъ начинала она возиться, волноваться, даже бѣсноваться; вдругъ трепеть пробѣгалъ по членамъ ея, она быстрѣе поворачивала прутомъ, произносила какія-то страшныя слова, и сѣдые волосы становились дыбомъ на челѣ ея, такъ что черная шапочка отъ силы движенія прыгала на поверхности

ихъ. Когда она успокоивалась, просящему о помощи объявляла, что дѣло кончено, что неумолимая отнынѣ въ его власти. Ну какъ было не желать посмотрѣть на такое зрѣлище? Я сталъ умолять старуху Полихронію, называя первое женское имя, которое пришло мнѣ на память; всѣ убѣжденія мои остались тщетны. Она сказала мнѣ: «Въ вашихъ глазахъ читаю я ваше безвѣріе; а въ такихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, вѣра есть главное дѣло!» Сіе слово, почитаемое мною священнымъ, въ устахъ такой женщины показалось мнѣ богохульствомъ.

У Калипсо было много ума и смѣлости. Она написала красно-рѣчивое и трогательное посланіе къ Константину Павловичу, и ей посчастливилось: не только прислалъ онъ ей денежное пособіе, но и рекомендательное письмо къ графу Воронцову. Чтобы оказать особое уваженіе къ высокому ходатайству Цесаревича, тотъ самъ середь дня сдѣлалъ ей церемонный визитъ. Онъ ужаснулся, когда ему растолковали, у кого онъ былъ. А между тѣмъ это посѣщеніе произвело важное дѣйствіе на всѣхъ и особенно на ея соотечественниковъ, которые перестали ея чуждаться. Другое обстоятельство еще болѣе сблизило ее съ порядочнымъ обществомъ: узнавъ, что Молдоване вдругъ меня возненавидѣли, принялась она обременять меня проклятіями и выдавать себя за оставленную мною, обруганную жертву. Изъ мщенія, желая досадить мнѣ, и бояре стали приглашать ее къ своимъ женамъ. Куда какъ это мнѣ было больно и какъ лестно даромъ прослыть Тезеемъ носастой Ариадны! Слѣдующей зимой находилъ я ее по вечерамъ у самой губернаторши Катакази. Нѣтъ, даже въ Петербургскомъ высокомъ, самомъ лучшемъ *мильшинемъ* обществѣ, гдѣ вездѣ встрѣчаешь дѣвицъ Смирновыхъ, сомнѣваюсь, чтобы этотъ классическій развратъ могъ бы быть принятъ.

Первый разъ въ жизни встрѣчая весну на дальнемъ Югѣ, дѣлалъ я свои метеорологическія наблюденія и хочу ими заключить сію главу. Я думаю, что сіе мнѣ простится: я такъ много имѣлъ предметовъ къ описанію и всѣхъ коснулся; слѣдственно не уподобятъ меня челоуѣку, который, не зная чѣмъ сказать, заговорить о погодѣ.

Пустившись гулять 20 Февраля, какъ сѣверный житель, сверхъ обыкновеннаго платья надѣлъ я холодную шинель. Я зашелъ далеко, теплота въ воздухѣ начала увеличиваться до того, что ее можно было назвать жаромъ, и шинель моя сдѣлалась мнѣ не только лишнею, но невыносимою. Я рѣшился зайти въ ближайшее знакомое мѣсто, къ отставному генералу Ивану Марковичу Гартингу, первые годы управляющему Бессарабіей, а тогда живущему въ бѣдности и забвеніи; а какъ слугъ у него было очень мало, то его самаго просить о дозволеніи шинель у него оставить.

Весь Мартъ стояла теплая и ясная погода. Пространное поле на горѣ, примыкающее къ городу, обратилось въ ежедневное, общее гулянье. По срединѣ его всякой день по вечерамъ бывали полковья ученья. Кругомъ въ будкахъ (такъ по-Молдавски называются коляски) медленно тащились всѣ тѣ, кои имѣли ихъ; коконы и коконицы, боярыни и боярышни по часамъ останавливались, чтобы посмотреть на ученье и поговорить съ знакомыми, въ другихъ коляскахъ, рядомъ съ ними стоящихъ. Обычай сей не гулять пѣшкомъ и не ѣздить, а стоять въ экипажахъ, чтобы поглазѣть и поболтать, называемый у нихъ илимбари, мнѣ показался очень глупъ; я вѣрно ошибся, ибо черезъ нѣсколько лѣтъ переняли его въ Петербургѣ. Тамъ гдѣ на полѣ не было вытоптано и развѣжено, довольно высоко подымалась уже густая трава, а вдали бѣлѣлись яблонныя деревья, на которыхъ цвѣтъ показывается прежде листьевъ.

Въ день Свѣтлаго Воскресеня, 6 Апрѣля, былъ настоящій свѣтлый праздникъ. Утромъ солнце даже палило; но, дабы день сей сдѣлать совершенно пріятнымъ, въ самый полдень, небо часа на полгора омрачилось, покрылось черными тучами. Великолѣпнѣйшая гроза, съ блестящими молніями, сильными громовыми ударами и проливнымъ дождемъ, не причинивъ никакого вреда, разразилась надъ Кишиневомъ. Потомъ вдругъ все просіяло, все высохло, и остатокъ дня можно было назвать райскимъ.

XI.

Мнѣ извѣстно было въ Бессарабіи только шестидесятиверстное разстояніе между Вендерами и Кишиневымъ, и отъ того хотѣлось мнѣ, да и нужно бы было взглянуть на другія части сей области. Къ тому представлялось легкое средство; стоило мнѣ выпросить себѣ какую-нибудь комиссію и потомъ развѣзжать на казенный счетъ; но, самъ не знаю зачѣмъ, отъ чего и для чего, всегда жаль мнѣ было казенныхъ и общественныхъ денегъ. Совѣстно мнѣ было предложить о томъ графу, а еще совѣстнѣе принять предложеніе областнаго предводителя Янко Стурдзы, который, намѣреваясь прогуляться въ помѣстье свое на Австрійской границѣ, упрасивалъ меня ему сопутствовать. Подумавъ немного, я однако согласился, ибо убытка тутъ никому не было. Конечно, не такъ ловко было мнѣ сказаться Совѣту и Катакази, отъ снисходительности котораго получилъ я даже на всякій случай паспортъ за границу, чѣмъ отправиться вслѣдствіе порученія намѣстника. Такъ и быть, дѣло сдѣлано.

Мы отправились во Вторникъ послѣ Свѣтлаго Воскресеня, 8 Апрѣля, не такъ какъ въ дорогу, а болѣе какъ на званный пиръ. Въ

сорока пяти верстахъ отъ Кишинева находится мѣстечко, къ коему столица сія приписана. Бывшій городокъ Оргей даетъ свое имя пре- большому лѣсу, идущему отъ Днѣстра до Прута, вдоль береговъ послѣдняго и въ цынутѣ своемъ или уѣздѣ заключаетъ и довольно пространнй областной городъ. Въ немъ квартировалъ съ Екатеринбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ командиръ онаго, полковникъ Александръ Филиповичъ Остафьевъ, человекъ предобрѣйшій, пріятнѣйшій и благо- разумнѣйшій, котораго, судя по связямъ его, считали либераломъ; если онъ имъ и былъ, то втайнѣ и, какъ мнѣ казалось, даже тайкомъ отъ самого себя. Онъ былъ въ самыхъ хорошихъ сношеніяхъ въ Кишиневѣ со всѣми порядочными людьми, изъ числа коихъ я себя выключить не хочу. До Пасхи увѣдомиль я его, что мы будемъ къ нему со Стурдзой, и по этому случаю назвалъ онъ и другихъ гостей. Слѣдственно пиръ былъ въ нашу честь; обѣдъ былъ обильный, и вина сколько хочешь. По тогдашнему обычаю между военными, обѣдъ кончился небольшой попойкой. Въ такихъ случаяхъ бывалъ я твердъ и остороженъ, но улыбка чаще стала показываться на устахъ и краска на лицѣ добрѣйшаго, всегда умѣреннаго и благочестиваго Стурдзы. Послѣ обѣда надобно было отдохнуть, то есть повыспаться.

Къ вечеру пошли мы всѣ вмѣстѣ гулять по городу, который вкратцѣ представлялъ нижнюю часть Кишинева, только улицы были чище, шире и привольнѣе. Даже на нихъ простые Молдаване въ кружокъ, подъ Цыганскую музыку, со спокойно-веселымъ видомъ плясали свою вѣчную митигику. Далѣе нашли мы Русскихъ, вѣроятно бѣглыхъ, которые въ числѣ двухъ сотъ душъ нѣкогда тутъ поселились, и, о радость! Я увидѣлъ веревочные качели и мальчишекъ въ красныхъ рубашкахъ, которые съ лубковъ катали красныя яйца. Достигнувъ покойнаго ночлега, любезнымъ Остафьевымъ намъ приготовленнаго, мы поблагодарили его и совсѣмъ простились, ибо чѣмъ свѣтъ хотѣли отправиться далѣе.

Весна на Югѣ походитъ на счастливую, безпечную юность; наша же весна на Сѣверѣ точно болѣзненная, трудами обремененная молодость. Какъ наслаждался я 9 Апрѣля! Мы все ѣхали лѣсомъ, деревья раскинулись и благоухали, высохшая дорога сдѣлалась гладка, и суруджи, по вновь заведенному строгому устройству, везли насъ шибко. Къ часу поздняго обѣда поспѣли мы въ уѣздный городъ Бѣльцы, котораго цынутъ, не знаю почему, все еще назывался Ясскимъ. Онъ былъ лучше и пространнѣе Оргея, но не принадлежалъ казнѣ, а какъ водилось въ Польшѣ, одному богатому владѣльцу Катаржи, члену Совѣта, котораго оставили мы въ Кишиневѣ. Послѣдній былъ мужикъ видный, лѣтъ сорока, почти безъ рѣчей и еще болѣе безъ мыслей, но

котораго изысканное франтовство умѣло дать Молдавскому наряду красоту и щегольство. Мы остановились у исправника Константина Оомича Бодеско. Исправникъ былъ тутъ не то что у насъ, а еще то что въ Молдавіи, или, лучше сказать, то что супрефекты во Франціи. Исключая развѣ одного Прункуля не было Молдавана столь проворнаго, дѣятельнаго и расторопнаго какъ Бодеско.

Когда бояре женили сыновей своихъ на Гречанкахъ, то не иначе какъ на родственницахъ или дочеряхъ господарей и первыхъ сановниковъ. Молдаване нѣсколько пониже соединялись бракомъ единственно со своими соотечественницами. Еще же другіе Молдаване и особенно Молдаванки брачались съ Цыганской породой. Молдаване *pur sang* вѣчно сохраняли свою важность и неподвижность. За то происходящія отъ вышеупомянутыхъ смѣшеній нѣсколько теряли ее, и многіе изъ нихъ наружностію и нравомъ были совсѣмъ отличные отъ своихъ земляковъ. Не знаю къ какому разряду приписать обязательнаго Бодеско, который упрашивалъ насъ остаться ночевать. Мы оба не согласились, рассчитывая, что среди тихой ночи, на воздухъ, погруженные въ его сладостную свѣжесть, уснемъ мы еще пріятнѣе.

На другой день, 10 числа, часу во второмъ, пріѣхали мы въ Хотинъ и въѣхали прямо къ ожидавшему насъ Русскому полковнику, князю Георгію Матвѣевичу Кантакузину. У него было неподалеку прекрасное помѣстье Отаки на Днѣстрѣ; не знаю почему предпочиталъ онъ ему пустой и скучный Хотинъ. Это была одна изъ странностей, которыя иногда дѣлали неприятнымъ общество человѣка, впрочемъ всегда веселаго, всегда готоваго на одолженія. Онъ былъ женатъ на одной княжнѣ Горчаковой, сестрѣ графини Сологубъ и чрезъ это былъ въ родствѣ со многими знатными домами въ Петербургѣ. Молдавскую боярскую спѣсь свою соединялъ онъ съ Русскими претензіями на аристократію и кавалерійскими удалыми привычками. Воспитанная въ Петербургѣ княгиня Кантакузина была милая, скромная, привѣтливая женщина, изъ тѣхъ кои долго еще напоминали собою дѣвицъ временъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны. Ея скромность, ея прстойность была контрастомъ съ вѣчнымъ шумомъ, который наполнял ихъ обитель. Для заѣзжихъ въ гостепріимномъ домѣ былъ онъ довольно увеселителемъ.

Въ эти дни готовилась тутъ свадьба. Кантакузинъ выдавалъ сестру свою за служащаго маіора Гаевского и, какъ богатый помѣщикъ, давалъ ей въ приданое мошю или деревеньку. Все что сказаль я выше о Молдавскихъ бракахъ относится болѣе ко времени, бывшему до присоединенія Бессарабіи; съ тѣхъ поръ во множествѣ Молдаванки шли охотно за Русскихъ, также за Нѣмцевъ и Поляковъ,

въ Русской службѣ находящихся. Дѣти отъ сихъ смѣшанныхъ браковъ, крещены въ православную вѣру, по достиженіи совершеннолѣтія всѣ съ гордостію признавали себя Русскими, и это болѣе чѣмъ что другое этотъ край привязывало къ Россіи. Свадьба и пиръ назначены были въ Воскресеніе Тѳомы, слѣдственно три дня надобно было ихъ дожидаться. Стурдза спѣшилъ ѣхать, Кантакузинъ упрасивалъ остаться; но возможно ли было вырваться отъ этого неотвязчиваго, настойчиваго человѣка?

Пользуясь славной погодой я много гулялъ. Сперва посѣтилъ я крѣпость, которая, исключая бывшихъ военныхъ происшествій, сама по себѣ ничего примѣчательнаго не имѣетъ. Но внутри ея на скалѣ находится цитадель въ Турецкомъ вкусѣ, отдѣленная отъ нея не ровомъ, а цѣлой пропастью, надъ которою виситъ подъемный мостъ. Я нашелъ это чрезвычайно живописнымъ. Государь, коего прошлогоднее посѣщеніе было такъ еще свѣжо въ памяти жителей, замѣтилъ, какъ мнѣ пересказывали, что это напоминаетъ ему прекрасную декорацію въ извѣстной тогда оперѣ Лодоискѣ.

Часто посѣщалъ я внѣ крѣпости большой садъ, для всѣхъ открытый, принадлежавшій умершему уже генералу Лидерсу, бывшему комендантомъ въ Хотинѣ, долготѣнными попеченіями коего былъ онъ насажденъ. Онъ шелъ внизъ уступами по большой горѣ до самаго Днѣстра. Что за очаровательные виды были изъ него на противоположный берегъ! Необозримое пространство усѣянное пригорками, густыми лѣсками, цвѣтущими полями, садами, наполненными деревеньками, и посреди ихъ красивый городокъ Жванецъ! Какъ было не восхитить взоръ, разомъ все это обнимавшій. Днѣстръ тутъ узокъ; такъ взялъ бы весло и лодочку и переплылъ бы его; но увы, какъ говорится, глазъ видить, да зубъ нейметъ. Стоитъ неумолимый Исаковецкой карантинъ, и тогда какъ съ Херсонской стороны пропускали насъ всегда по одной окуркѣ, такъ что я забылъ о томъ упомянуть, со стороны Подольской соблюдались всѣ строгія мѣры, на сей предметъ предписанныя. Подольская губернія есть настоящій земной рай, но потерянный для прежнихъ и нынѣшнихъ своихъ владѣтелей, Русскихъ. На стражѣ стоятъ не Ангелы съ пламенѣющими мечами, а Поляки, водворившіеся въ немъ и вооруженные всевозможными ухищреніями, чтобы не допускать насъ въ немъ селиться.

Садъ сей и при немъ небольшой каменный домъ достались по наслѣдству двумъ сыновьямъ покойнаго. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который послѣ столь прославился, былъ въ отсутствіи; другой, молодой кирасирской офицеръ, находился тутъ въ отпуску. Узнавъ, что я прогуливаюсь въ его саду, молодой Лидерсъ прибѣжалъ меня знатъ къ себѣ

на завтракъ. Предупредительность его была не совсѣмъ безкорыстна: его увѣрили, что чрезъ мое посредство можетъ онъ выгодно продать свое имущество подъ какой-то гошпиталь. Я объявилъ ему, что какъ это, вѣроятно, по военной части, то до меня вовсе не касается. Угощать меня помогаль ему какой-то родственникъ Гордѣевъ, не весьма высокаго роста, толстенькой, рябоватый и по фizioноміи котораго никто не могъ бы почитать его способнымъ на дурныя дѣла. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Лидерсовъ, дѣвицѣ Кашинцовой; лишившись ея, проживаль онъ у нихъ съ малолѣтними дѣтьми, изъ чего я могъ заключить, что по матери, можетъ быть, и сами Лидеры Русскіе. Изъ разговоровъ съ Гордѣевымъ узналъ я, что онъ воспитанникъ Академіи Художествъ и былъ употребленъ при строеніи Казанскаго Собора; онъ показываль мнѣ множество собственныхъ рисунковъ и очень хорошо судилъ объ архитектурѣ. Этому съ меня было довольно; не съ другаго слова предложилъ я ему мѣсто областного архитектора, чему онъ чрезвычайно обрадовался. Я написалъ о томъ къ графу, который не замедлилъ утвердить его въ семь званіи. Какъ долженъ былъ я послѣ раскаиваться въ своей опрометчивости и какіе ужасы открылись потомъ на счетъ этого злодѣя! Когда придетъ время, не знаю, даже въ силахъ ли я буду описать ихъ.

По случаю свадьбы въ Воскресенье Кантакузинъ сдѣлаль пиръ горой. Утомленные имъ и не успѣвъ даже отдохнуть, 14-го рано поѣхали мы далѣе, то есть въ обратный путь, только по другой дорогѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ по выѣздѣ изъ Хотина приѣхаль я къ почтенному хозяину вмѣстѣ съ нимъ. Мѣстечко его Новоселицы походило на городокъ, а двухъэтажный каменный домъ его былъ точная копія съ такъ называемыхъ дворцовъ между Москвой и Петербургомъ. Съ грустію оставилъ онъ сіе мирное убѣжище, когда выбрали его областнымъ предводителемъ. Вмѣсто его тутъ жилъ и управляль его имѣніемъ пріятель его докторъ медицины Фирихъ, Австрійскій Нѣмецъ, умный и ученый, любезный и образованный человекъ. Того не могу я сказать о другомъ иностранцѣ, котораго я тутъ нашель: я привыкъ всегда видѣть Итальянцевъ живыхъ и общительныхъ, а г. Пагани былъ мраченъ и угрюмъ, и теперь я никакъ не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ не оставилъ отечества своего вслѣдствіе гоненій на карбонаризмъ. Онъ чисто говорилъ по-французски, и безвинный Стурдза поручилъ ему воспитаніе какого-то дальняго родственника, сироты, о имени котораго я не спросилъ, мальчика лѣтъ уже семнадцати или восемнадцати. Воспитанникъ, видно, хорошо воспользовался ученіемъ наставника своего: ничего несноснѣе его я не встрѣчалъ. И вотъ какимъ

будетъ все необразованное Молдавское юношество, когда заразится западнымъ духомъ!

Въ Новоселицахъ находилась таможня, и ею управлялъ коллежскій совѣтникъ Иванъ Федоровичъ Рѣдъкинъ. Сладкое его обхожденіе, особенно со мною, было въ противоположности съ горькимъ его именемъ. Изъ многаго множества лицъ, мною встрѣчаемыхъ, упоминаю я о тѣхъ, съ коими впоследствии имѣлъ близкія сношенія, и Рѣдъкинъ былъ въ числѣ ихъ.

И цѣлыхъ сутокъ не прожили мы на границѣ: на другой день, по утру, 15 числа переѣхали мы ее и, сдѣлавъ только двадцать пять верстъ, прибыли въ Черновець, главный городъ Буковины. Въ довольно большомъ домѣ помѣстилъ насъ у себя одинъ Молдавской бояръ, также какъ и многіе другіе, бѣжавшій тогда изъ Яссы. То былъ Григорій Димитріевичъ Стурдза, братъ покойнаго губернатора Скарлата Димитріевича и родной дядя Александра Стурдзы. Съ перваго взгляда плѣнилъ меня сей старецъ, коему по всей справедливости принадлежало названіе маститаго. Его ясный, благосклонности исполненный взоръ вмѣстѣ съ сѣдою бородою внезапно внушали почтеніе. Его супруга, также подъ бременемъ лѣтъ, несла его съ какимъ-то важнымъ добродушіемъ. У сей четы, истинно почтенной, было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Къ сожалѣнію, всѣ они не походили на родителей. Дочери жили обѣ въ Кишиневѣ, гдѣ я знавалъ ихъ. Одна была въ замужествѣ за генераломъ Гартингомъ, о которомъ сказалъ я нѣсколько словъ, но не жила съ нимъ. Другая за богатымъ владѣльцемъ Мавроени и казалась степенище. Обѣ смолода, говорятъ, были красавицы и обѣ отъ живыхъ мужей, Гиги и Бальша, вступили во второй бракъ. Сей пагубный обычай, истребитель семейныхъ связей, по крайней мѣрѣ не отъ насъ перешелъ въ Молдавію, а скорѣе изъ сосѣдней Польши.

Что-то лисье, начиная съ цвѣта волосъ, было въ Михаилѣ Григорьевичѣ Стурдзѣ. Онъ былъ какъ эти красавицы, которыя, не внушая ни малѣйшей довѣренности къ словамъ ихъ, заставляютъ однако же себя любить. Сохраненіе національнаго костюма одно уже въ чловѣкѣ довольно еще молодомъ, по моему мнѣнію, было признакомъ ума. Яркій цвѣтъ лица, рыжая бородка, ласковый взглядъ и всегда тонкая, немного лукавая улыбка на устахъ дѣлали наружность его примѣчательною. Не умѣя объясняться съ родителями его, которые кромѣ собственнаго языка другаго, кажется, не знали, съ нимъ однимъ долженъ былъ я вести бесѣду и, право, на то не сѣтую: разговоръ истинно-умнаго чловѣка, на какомъ бы языкѣ и по какому бы предмету ни былъ, всегда будетъ занимателенъ. Молодая, тихая жена его была молчалива: онъ не обращалъ на нее никакого вниманія; за то въ обхож-

деню съ нею родителей его замѣтна была величайшая нѣжность къ покорной дочери. Я бы никакъ не могъ вообразить себѣ тогда, что сей изгнанникъ черезъ нѣсколько лѣтъ возсядетъ на господарскомъ престолѣ. Не разъ послѣ того видѣлъ я его въ Кишиневѣ и сохранилъ нѣсколько писемъ отъ него, которыя почитаю для себя лестными, и не потому только, что онѣ наполнены лестію.

Мой Стурдза былъ дальнимъ родственникомъ нашихъ хозяевъ, но старики любили его какъ бы ближайшаго, а сынъ былъ исполненъ къ нему уваженія. Двое сутокъ пробывъ въ Черновцѣ, никого въ немъ я не видѣлъ, кромѣ уединеннаго семейства, посреди коего жилъ; за то въ первый разъ еще увидѣлъ Австрійскія владѣнія и Австрійскіе мундиры. Съ завистію смотрѣлъ я на городъ не весьма обширный, но славно обстроенный и гдѣ вездѣ видны были чистота и порядокъ. Мнѣ не слѣдовало бы забывать, что болѣе тридцати лѣтъ симъ малымъ уголкомъ Молдавіи владѣли тогда Нѣмцы, что было имъ время привести все въ устройство и что, если не красотою, то дородствомъ нашъ Кишиневъ бралъ преимущество предъ Черновцомъ.

Посреди площади, на высокомъ пьедесталѣ, поставлена была статуя Богородицы, и по дорогѣ на каждой почти верстѣ встрѣчалось предлинное изображеніе распятія. У всѣхъ правительствъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, существуетъ обычай въ мѣстахъ, гдѣ они водворяютъ свое владычество, водружать кресты; между язычниками ли, или между православными и протестантами, все равно, дабы означить торжество христіанства надъ невѣрными. Не обидно ли должно было это намъ казаться? И какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже почти весь народъ православный, не снять до сихъ поръ сихъ памятниковъ Польскаго владычества? Пусть упрекали бы въ невѣріи насъ, усерднѣйшихъ поклонниковъ Креста: онъ вездѣ намъ сопутствуетъ, и мы можемъ показать наши груди, на которыхъ сіяетъ онъ почти со дня рожденія нашего. Католицизмъ и германизмъ вездѣ показывались въ сей землѣ Православія.

Въ верстѣ отъ города былъ однако и Русской монастырь, только старовѣрческой. Въ 1823 году императоръ Александръ неподалеку отъ стѣны его прогуливался одинъ, какъ вдругъ былъ настигнутъ цѣлою стаей ужасныхъ псовъ; онъ сломилъ вѣрнопкой суку и со свойственною ему отважностію сталъ защищаться отъ сихъ новаго рода неприятелей. Жизнь его была въ опасности; это увидѣли изъ монастыря, прибѣжали на помощь и просили посѣтить ихъ обитель. Тогда еще почитался онъ покровителемъ секты и его приняли съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. На память оставилъ онъ имъ огромную палку, которая служила ему для защиты; они обдѣлали, оковали ее въ серебро съ

надписью. Мнѣ хотѣлось видѣть и монастырь, и палку, но некогда было. Впослѣдствіи вѣрная, постоянная союзница наша Австрія обратила его въ мѣстопробываніе раскольниковъ архіерея и учредила особую епархію, дабы изъ Россіи могли стекаться домашніе противники нашей вѣры. Ей хотѣлось имѣть подъ руками гнѣздо злѣйшихъ враговъ нашихъ.

Мнѣ понравилось уваженіе, коимъ въ Австріи пользовалась гражданская часть. Встрѣтивъ на улицѣ дивизіоннаго начальника генерал-лейтенанта графа Гогенэка въ парадномъ мундирѣ и въ сопровожденіи пѣлаго штаба своего, я спросилъ, что это значить? Мнѣ сказали, что по случаю какого-то императорскаго праздника онъ идетъ съ поздравленіемъ къ гражданскому начальнику барону Мальцеку, у котораго и приготовленъ завтракъ. А какъ въ Буковинѣ всего только два города, Черновець и Сучава, и она немного болѣе одного изъ нашихъ Бессарабскихъ цынуровъ, то и окружной начальникъ ея, крейсъ - гауптманъ Мальцекъ, немного поболѣе нашего исправника.

Я согрѣшилъ: плѣвившись чрезвычайной дешевизной товаровъ, я купилъ нѣсколько мелочей, да еще полотно для бѣлья. Проѣзжая обратно нашей таможеней, были мы осмотрѣны до нитки. Но на другой день Фирихъ, который тутъ безпрестанно сновалъ, привезъ мнѣ въ Новоселицы все купленное мною.

Въ это время рѣка Прутъ была въ совершенномъ разлитіи, и заливы ея потопляли низкія мѣста по дорогѣ. Мы опять должны были ѣхать на Бѣльцы, а оттуда, своротивъ немного, 20-го числа прибыли въ мѣстечко Скуланы, на берегу Прута. Въ немъ находился центральный карантинъ и главная таможня. Это былъ весьма важный пунктъ въ Бессарабіи; мнѣ хотѣлось его видѣть, и снисходительности Стурдзы обязанъ я за исполненіе сего желанія. Тотчасъ по прибытіи получили мы отъ человѣка, намъ обоимъ незнакомаго, приглашеніе остановиться у него. Престарѣлый дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Навроцкой, главный начальникъ надъ карантинными, былъ Русскій стариннаго покроя; онъ насъ угостилъ хорошо, какъ умѣлъ, т. е. накормилъ, напоилъ и спать положилъ.

Послѣ обѣда полюбопытствовалъ я взглянуть на одно мѣсто, года за три передъ тѣмъ ознаменованное небольшимъ историческимъ происшествіемъ. Когда возмущеніе въ Молдавіи произвелъ Ипсиланти, то набранное имъ войско было не весьма многочисленно; жители не охотно къ нему приставали, и оно по большей части состояло изъ Арнаутовъ. Тщеславіе всѣхъ бояръ въ Валахіи и въ Молдавіи и даже всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ людей въ двухъ княжествахъ заставляеть ихъ имѣть въ услуженіи по нѣскольку, иногда цѣлый десятокъ, Арнаутовъ,

богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; всѣ они, въ надеждѣ на грабежъ, кинулись къ Ипсиланти. Но при первой встрѣчѣ съ вошедшими Турками, сіе слабое и неустроенное войско было разбито на голову. Ипсиланти бѣжалъ въ Австрію, а Хѳтинскій пріятель нашъ Кантакузинъ, съ остаткомъ воиновъ, спасаясь безъ оглядки, сильно преслѣдуемый непріятелемъ, былъ имъ припертъ наконецъ къ самому Пруту, въ виду Скуляня. Онъ переплылъ рѣку подъ картечными выстрѣлами и присталъ къ таможеннымъ строеніямъ, посреди коихъ упало, говорятъ, непріятельское ядро. Русскій отрядъ былъ вытянутъ по берегу, и начальствующій надъ нимъ послалъ сказать Турецкому начальнику, что если сіе продолжится, то будетъ нарушеніемъ мира; тогда только пальба прекратилась. Помогать симъ возмущеннымъ было столь же невозможно, какъ и предать ихъ. Въ этомъ мѣстѣ, на которое внимательно смотрѣлъ я, Прутъ весьма узокъ, и онъ одинъ спасъ бѣгущихъ отъ совершеннаго истребленія.

Сіе спасеніе имѣло однако нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Арнауты разсѣялись по Бессарабіи; нѣкоторые изъ нихъ поступили въ услуженіе къ боярамъ, многіе же стали отдѣльно грабить по дорогамъ, были схвачены и населили острогъ; другіе пристали къ большой разбойничьей шайкѣ, которая страхъ распространяла до самыхъ окрестностей Кишинева.

Не дождавшись пробужденія г. Навроцкаго, 21-го числа оставили мы Скуляны. Черезъ часъ доѣхали мы до одной длинной, отлогой горы, которой откосъ тянется болѣе чѣмъ на три версты. На ней не было ни одного деревца; тѣмъ примѣчательнѣе на ея зелени казался бѣлый, каменный обелискъ, не очень высоко на самой серединѣ ея спуска возвышающійся: это былъ памятникъ, воздвигнутый наслѣдниками князю Потемкину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на землѣ и на открытомъ воздухѣ испустилъ онъ духъ. Не знаю кѣмъ хранимъ этотъ памятникъ, но никакихъ слѣдовъ разрушенія на немъ не было еще замѣтно.

Достигнувъ конца отлогой горы, надобно было вдругъ подыматься по крутой горѣ, густымъ лѣсомъ покрытой. Въ этомъ мѣстѣ, похожемъ на трущобу, явились намъ три казака, вооруженныхъ заряженными ружьями и пистолетами. Они обязаны были сопровождать путниковъ и охранять ихъ отъ нападеній разбойничьей шайки, о которой сейчасъ я говорилъ и которая иногда тутъ показывалась. Это было совсѣмъ не весело. Долго ѣхали мы симъ опаснымъ, мрачнымъ лѣсомъ; хранители наши мѣнялись. Наконецъ, благополучно выѣхали мы изъ него и вскорѣ потомъ увидѣли Кишиневъ, куда и прибыли часу во второмъ по полуночи.

Все было въ немъ тихо и спокойно; но дня черезъ три случилось происшествіе, которое наполнило городъ не столько страхомъ, какъ любопытствомъ. Тутъ приходится мнѣ досказать исторію о разбойникахъ, невзначай начатую.

Въ двухъ княжествахъ, гдѣ не было ни войска, ни полиціи, шайки разбойниковъ почти безпрепятственно, безнаказанно могли производить грабежи. Онѣ слились въ одну подъ предводительствомъ извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ Урсула, медвѣдя на Валахскомъ языкѣ. Появленіе Турецкой арміи разсѣяло сію шайку; остатокъ ея вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ перешелъ къ намъ черезъ Прутъ и усилился потомъ пристающими къ нему Арнаутами. Долго не могли совладѣть съ этими людьми; но частыя поимки уменьшили ихъ число, такъ что подъ конецъ состояло оно изъ трехъ человекъ, между коими находился и самъ Урсулъ. Они скрылись въ шести верстахъ отъ Кишинева, въ мѣстѣ, называемомъ Малина.

Въ этомъ мѣстѣ, можно сказать точно, что природа раскапризничалась: это былъ Кавказъ въ самомъ маломъ видѣ. Въ немъ, гнѣвная и прекрасная, какъ возвышенныя мѣста, такъ и ущелья, овраги, пропасти, наполнила она своими прелестями. Привлеченные ими, нѣкоторые изъ жителей Кишинева и окрестныхъ мѣстъ завели тутъ свои кипла или хутора. Ими овладѣлъ Урсулъ и заставилъ живущихъ повиноваться себѣ, объѣдая и опивая ихъ. Военная команда содержала сіе неприступное мѣсто въ осадѣ, но не дерзала проникнуть въ него.

Долго могли бы эти люди въ немъ оставаться; но почувствовали ли они какой недостатокъ, или просто скуку, или лукавый попуталь Урсула, онъ рѣшился его оставить. Онъ имѣлъ тайныя сношенія съ Жидами и другими мошенниками въ нижней части города, и съ ихъ согласія намѣренъ былъ скрыться между ими. Однимъ утромъ вмѣстѣ съ двумя сподвижниками оставилъ онъ свое убѣжище, но подвѣзая къ городу, замѣтилъ сильную за собою поговню. Во всю прыть поскакалъ онъ по широкимъ улицамъ верхней части города, имѣя въ виду, достигнувъ нижней и своротивъ немного, исчезнуть въ ея излучистомъ зловоніи, что, при плохой тогда полиціи, было бы удобно. Народъ толпами бѣжалъ за нимъ, восклицая толгаръ, толгаръ (воръ), но не смѣя приступить къ нему: ибо, имѣя во рту поводья, въ каждой рукѣ держалъ онъ по пистолету, равно какъ и оба товарища его; и раза два должны были они дать выстрѣлы. Со всѣхъ сторонъ преслѣдуемый, доскакалъ онъ подъ горой до мостига черезъ Быкъ. Неисправность полиціи была въ этомъ случаѣ полезна: лошадь его попала ногой въ одну изъ дыръ, находящихся на непочиняемомъ мостигѣ; бѣгущіе за

нимъ товарищи наскakали на него, и все это перепуталось; тогда легко было всѣхъ троихъ схватить и перевязать.

Къ сожалѣнію не могъ я быть свидѣтелемъ сего страннаго зрѣлища, среди дня полгородомъ видѣннаго. Но по званію должностнаго лица, захотѣлъ я увидѣть содержащихся подъ стражей, для коихъ отведена была особая тюрьма съ желѣзными рѣшетками на окнахъ. Я нашель Урсула задумчиво сидящимъ на нарѣ, сложивъ руки. Онъ былъ лѣтъ сорока, широкоплечъ, черноволокъ и весь обросъ бородой. Лицо его было не безъ благородства: ни страха, ни злости оно не выражало. Когда я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ онъ мнѣ, что у него, исключая имени, даннаго ему Волохами, есть еще другое, но объявлять котораго онъ не видитъ нужды. Потомъ прибавилъ: «Буйная молодость завела меня не туда, куда слѣдовало. Какъ быть! И я знаю, что былъ бы отличный воинъ». По показаніямъ сообщниковъ, никогда рука его не обaгралась кровью.

Въ углу на соломѣ лежалъ также скованный товарищъ его Богаченко, лѣтъ двадцати шести. Болѣе походить на гіену человекъ невозможно; какъ у нея, взоръ его сверкалъ наглостію, безпокойствомъ и бѣшенствомъ. Я не подошелъ къ нему, а посмотрѣлъ въ лорнетъ. «Что, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, злобно улыбаясь, ты, кажется, не старъ, а видно совсѣмъ ослѣпъ». Потомъ пустился онъ мнѣ доказывать правъ разбойниковъ вооруженной рукой собирать дани съ господъ, которые безо всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ. Я взглянулъ на него съ ужасомъ и омерзѣніемъ. «Ну, баринъ, сказалъ онъ мнѣ: хорошо, что меня встрѣтилъ не въ лѣсу, не такъ бы тамъ на меня ты посмотрѣлъ».

Третій на соломѣ былъ осмнадцатилѣтній мальчикъ Славичъ, усыновленный Урсуломъ. Этотъ былъ веселъ и, кажется, никакъ не понималъ своего положенія. Онъ полагалъ, что батько себя и ихъ непременно будетъ умѣть выручить. Всѣ трое были бѣглецы Украинцы: Молдоване за ихъ ремесло не охотно брались.

Судъ надъ ними продолжался все лѣто. Ничего не дознались, а въ это время хитрый и смѣлый Богаченко успѣлъ кого-то подкупить и, перебивъ свои оковы, бѣжалъ одинъ. Тогда поспѣшили съ исполненіемъ приговора. Всѣ дивились твердости духа Урсула, который во все время казни не испустилъ ни единой жалобы, ни единого вздоха. Мальчикъ Славичъ шелъ бодро, но послѣ перваго удара, даннаго палачомъ, какъ ребенокъ раскричался, приговаривая: простите, виновать, виновать, не буду. Первый послѣ тяжкаго наказанія кнутомъ черезъ два дни умеръ, послѣдняго сослали на каторжную работу.

Къ концу Апрѣля опять дожидались графа, котораго въ первый годъ управленія его чрезвычайно озабочивала Бессарабія и который часто посѣщала ее. Для него опять былъ нанятъ домъ каменный на верху горы и за ту же цѣну, что домъ Варноломея, отъ котораго однако онъ совсѣмъ отличенъ былъ просторностію, приличіемъ убранства и удобствомъ помѣщенія. Губернаторъ Катакази, сохраняя пріязненныя связи съ бывшимъ вице-губернаторомъ Крупенскимъ, удалившимся въ деревню, умолилъ графа нанять домъ его, дабы тѣмъ скорѣе уплатить лежащее на немъ казенное взысканіе. Для меня этотъ наемъ былъ весьма полезенъ, ибо графъ предложилъ мнѣ сдѣлаться мажордомомъ и въ семъ новомъ помѣщеніи.

Въ этотъ пріѣздъ послѣдовали новыя распоряженія, которыя не могли понравиться Молдаванамъ. Приписывая неисправности земской полиціи бѣольшую часть безпорядковъ въ области, графъ съ самаго начала замышлялъ избранныхъ дворянствомъ исправниковъ и четырехъ комиссаровъ въ каждомъ цынутѣ замѣнить Русскими чиновниками отъ короны. Вся эта исторія объ Урсулѣ, незадолго до его пріѣзда случившаяся, побудила его безотлагательно приступить къ исполненію своего намѣренія. Дѣло было немаловажное, явное нарушеніе образованія. Въ первый разъ мои Молдаване возроптали, заговорили было о протестѣ и, наконецъ, во изъявленіе своего неудовольствія, рѣшились сдѣлать представленіе, въ коемъ хотѣли объяснить, что какъ они лишаются права избирать чиновниковъ земской полиціи, то дворянство отказывается и отъ права выбирать цынутныхъ казначеевъ, дабы, въ случаѣ растраты ими денегъ, не имѣть за нихъ никакой отвѣтственности. Пользуясь моимъ вліяніемъ, я старался отклонить ихъ отъ исполненія такого намѣренія. Къ чему это поведетъ васъ? говорилъ я имъ. Конечно это будетъ непріятно намѣстнику; но онъ всеиленъ, просьба ваша будетъ исполнена, и еще менѣе мѣсть останется въ вашемъ распоряженіи. Дѣло такъ ничѣмъ и не кончилось.

Первыхъ исправниковъ хотѣли сдѣлать на славу; графъ самъ назначилъ извѣстныхъ ему отставныхъ Уланскаго полковника Скоробогатова и Конноегерскаго подполковника Тарашкевича, обвѣшанныхъ крестами; Казначеевъ помогъ отыскать другихъ; изъ прежнихъ одинъ только Бодеско оставленъ на мѣстѣ. Множество бывшихъ военныхъ, какъ сказала я въ другомъ мѣстѣ, находилось въ Бессарабіи безъ дѣла; намъ съ Лексомъ не трудно было изъ нихъ набрать комиссаровъ. Не полагаясь на Катакази, коего свѣдѣнія всегда опаздывали и не всегда были достовѣрны, графъ требовалъ отъ прежнихъ исправниковъ, чтобы во всѣхъ казусныхъ дѣлахъ относились они къ нему; они писали къ нему по молдавски, ибо у нихъ не было ни одного

писца, знающаго Русскій языкъ. Отъ новыхъ исправниковъ потребовалъ графъ, чтобы они писали къ нему по русски; новое затрудненіе: они сами должны были подписывать бумаги на незнакомомъ имъ языкѣ. Но есть наши пословицы, у насъ и шило брѣветъ. хоть тресни да полѣзай, и тому подобныя, которыя всякую невозможность дѣлають возможною. Эти господа на свой счетъ наняли Русскихъ писарей, Молдавскихъ насильно заставили учиться по русски, и дѣло пошло само собою. И вотъ еще неожиданный для меня важный шагъ къ распространенію того, что уже сдѣлалось постояннымъ мнѣ желаніемъ. И это безъ чьего либо настаиванія, просто по необходимости; ибо графъ все еще тѣшился Бессарабіей, какъ особничкомъ, во власть ему отданнымъ.

Не знаю, право. Русскіе исправники менѣе ли Молдованъ сдѣлались падки на наживу. Можетъ быть, я грѣшу; но я всегда смотрѣлъ снисходительнѣе на нашихъ бѣдныхъ земляковъ, которые ничего не имѣя въ родномъ краю, въ завоеванномъ стараются нажить небольшое имущество. Приобрѣтая осѣдлость, они привыкають къ краю и, воспитывая дѣтей въ родимомъ духѣ, служатъ началомъ преобладанія его въ немъ. Самому правительству не худо бы было бросать такія сѣмена на всякую новую почву: какіе бы плоды принесли они о сю пору въ Ливоніи, и даже въ Литвѣ!

Мое положеніе въ это время могъ бы я назвать довольно блистательнымъ и нѣкоторымъ образомъ завиднымъ. Я пользовался уваженіемъ и довѣренностію цѣлой области. Начальникъ мой оказывалъ мнѣ болѣе чѣмъ довѣренность; я ошибался, можетъ быть, но мнѣ казалось что самая бесѣда моя сдѣлалась для него особенно пріятною. Это могъ я заключить изъ предложенія имъ сдѣланнаго прокатиться съ нимъ въ Крымъ и погостить у него въ помѣстѣ Гурзуфъ, принадлежавшемъ Ришильѣ и недавно имъ купленномъ на Южномъ берегу. Это сперва чрезвычайно польстило моему самолюбію; но послѣ могъ я замѣтить, что прекрасную эту, приморскую пустыню любилъ онъ, во время пребыванія своего, оживлять приглашенными гостями и, можетъ быть, въ надеждѣ, что подобно ему, плѣняясь ея неисчислимыми красотами, они рано или поздно захотятъ поселиться въ ней. О тогдашнихъ чувствахъ моихъ къ этому человѣку мнѣ нынѣ, право, совѣстно говорить: я безпрестанно грѣшилъ противъ заповѣди, которая воспрещаетъ намъ творить себѣ кумира.

Я уже свыкъ съ Кишиневскимъ житьемъ и, послѣ отъѣзда графа, не очень спѣшилъ ѣхать въ Одессу, тѣмъ болѣе, что оттуда не ближе какъ въ половинѣ Маія намѣренъ былъ онъ моремъ отправиться въ Крымъ. Вдругъ рано поутру, 15 числа, прошелъ слухъ, будто въ

Измаилѣ открылась чума. Опасаясь, чтобы на Днѣстрѣ долго не задержали меня въ карантинѣ, гдѣ въ такихъ случаяхъ соблюдается величайшая строгость, я въ тоже утро собрался въ путь. Все было уложено, коляска подвезена къ крыльцу, какъ вдругъ замѣтилъ я на столѣ въ торопяхъ забытую бумагу: это была черновая Записка моя о Бессарабіи. Тутъ случился одинъ только секретарь Совѣта Складенко. Я попросилъ его взять сію, ему одному известную, бумагу и спрятать у себя. Сіе дѣйствіе торопливости, какъ увидятъ далѣе, имѣло для меня важныя послѣдствія. Я шибко поскакалъ по Бендерской дорогѣ.

XII.

Туже самую разницу въ температурѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра, которую прежде я уже замѣтилъ, и тутъ я могъ увидѣть. Поля въ Бессарабіи зеленѣлись изумруднымъ цвѣтомъ, но лишь только безъ задержки миновалъ я Парканской карантинъ (куда ложный слухъ о чумѣ не успѣлъ еще дойти), какъ представилась мнѣ зноемъ опаленная степь. Чтò еще болѣе видъ ея дѣлало печальнымъ, это были милліоны, милліарды мухообразныхъ насѣкомыхъ, которыя, покрывая ее, медленно по ней тащились. Это была саранча въ дѣтскомъ возрастѣ, еще не окриленная. Сотни сихъ гадовъ безпрестанно давили я своими колесами. Ночью съ 15-го на 16-е Маія пріѣхалъ въ Одессу.

Я нашелъ графа и графиню Воронцовыхъ въ большой печали: четырехлѣтняя, тогда единственная дочь ихъ Александра, премилая дѣвочка сдѣлалась опасно больна. Лысый докторъ, особенно для нея изъ Англіи выписанный, не ручался за ея жизнь, но и не отнималъ надежды у родителей. Они отъ того не могли переѣхать на нанятый приморской хуторъ Ренò, а еще менѣе думать объ отправленіи въ Крымъ, и принуждены были жить среди городской духоты и внезапно увеличавшагося нестерпимаго жара. Я тоже долженъ былъ ожидать выздоровленія малютки, а между тѣмъ ежедневно видѣлъ графа, объдалъ у него и бывалъ чаще чѣмъ когда. Иногда для развлеченія гуляли мы за городомъ въ коляскѣ, или катались по морю въ суднѣ какого-то особаго устройства.

Лѣтомъ въ Одессѣ обыкновенно гораздо веселѣе, чѣмъ въ другія времена года. Торговля оживляется, приплываютъ цѣлыя флоты купеческихъ судовъ, наѣзжаетъ множество помѣщиковъ для продажи пшеницы и нѣсколько любопытныхъ путешественниковъ. Изъ послѣднихъ не встрѣчалъ я ни одного прежняго знакомаго, новыхъ знакомствъ между ими дѣлать не хотѣлъ и жилъ посреди того самаго общества, которое узналъ я зимой.

Однаго человѣка, котораго не только въ Одессѣ, но гораздо прежде въ Парижѣ и Мобѣжѣ случалось мнѣ часто встрѣчать, разсмотрѣлъ я въ это время ближе. Но чтобы основательнѣе говорить объ немъ, надлежитъ коснуться всего семейства его.

Внукъ сестры князя Потемкина, Николай Николаевичъ Раевской, изъ огромнаго его наслѣдства получилъ изрядную часть. Онъ не умножилъ сего имѣнія, а, напротивъ, кажется, разстроилъ его съ небрежностію военнаго человѣка. Съ другой стороны родство съ знатными домами и высокій чинъ давали и ему нѣкоторое право на названіе знатнаго. На войнѣ всегда показывалъ онъ себя искуснымъ и храбрымъ генераломъ и къ сему ремеслу съ малолѣтства приучалъ и двухъ сыновей своихъ. Они находились при немъ молоденькими офицерами во время Турецкой кампаніи 1809 и 1810 годовъ: слѣдственно Жуковскій, пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ, въ 1812-мъ, кажется, напрасно называетъ ихъ младенцами-сынами. Меньшой Николай высоко поднялся по службѣ и пошелъ бы далѣе, если бы смерть не остановила его на славномъ поприщѣ. Обоихъ отецъ не удалялъ отъ опасностей; за то придирался ко всему, чтобы выпрашивать имъ чины и кресты.

Старшій изъ младенцевъ, Александръ, не знавалъ надъ собою иной власти, кромѣ родительской, самой снисходительной; всякую другую, и даже полно не эту ли, онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Графъ Воронцовъ по окончаніи войны взялъ его къ себѣ по особымъ порученіямъ и доставилъ ему средство съ большимъ содержаніемъ, безъ всякаго дѣла, три года пріятнымъ образомъ прожить во Франціи. Если бы кто захотѣлъ попристальнѣе всмотрѣться въ чувства Раевского, то и тогда могъ бы замѣтить жестокую ненависть его къ сему начальнику, не смотря на удвоенную съ нимъ любезность сего послѣдняго. Неблагодарность есть врожденное чувство во всякомъ Грекѣ; благотворенія тягостны для его самолюбія. Мать Раевского была дочь Грека Константинова и единственной дочери нашего знаменитаго Ломоносова: внукъ, видно, уродился въ дѣдушку.

Вообще всѣ члены этого семейства замѣчательны были какимъ-то непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству, Александръ же Раевской особенно между ими отличался онымъ. Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ. Не подобныя ли чувства Святое Писаніе приписываетъ возмутившимся Ангеламъ? Я напрасно усиливаюсь здѣсь изобразить его: гораздо лучше меня сдѣлалъ сіе Пушкинъ въ немногихъ стихахъ подъ названіемъ «Мой Демонъ». Но подробности о немъ могутъ болѣе объяснить дѣйствія его, о коихъ приходится мнѣ говорить.

Наружность его сохраняла еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлѣсныя и душевныя недуги уже засушили его и наморщили его чело. Въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства; голосъ имѣлъ онъ самый нѣжный. Не такимъ ли сладкогласемъ въ Эдемѣ одаренъ былъ змій, когда соблазнялъ праматерь нашу?

Въ Мобежѣ онъ либеральничалъ какъ и всѣ другіе, не болѣе, не менѣе; но втайнѣ не раздѣлялъ восторговъ заблужденной молодости. Вѣрнопопданничество, привязанность къ монархическимъ правиламъ ему казались отвратительными и ненавистными; на друзей конституціи, въ томъ числѣ на зятя своего Орлова, смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, однакожъ съ нѣкоторою снисходительностію: ибо затѣи ихъ по мнѣнію его безмысленныя, могли причинить много безпорядковъ, много зла. Послѣ Мобежа, въ быстро достигнутомъ чинѣ полковника, чтобы сохранить ему независимость, выпросили ему безсрочный отпускъ. Онъ еще пользовался имъ, когда въ 1823-мъ году на шелъ я его въ Одессѣ, повидимому ко мнѣ столь же невнимательнаго какъ и прежде, но тайными наговорами лишившаго меня гостинной графини Воронцовой, что не могъ я почитать для себя великой бѣдой.

Въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ, накопилось число причинъ ненависти его къ Воронцову и его семейству. Графиня Браницкая была только что двоюродная тетка генералу Раевскому, но, всегда покровительствуя его, въ его семействѣ видѣла собственное. Отъ того старшій сынъ его былъ принятъ ею въ Бѣлой Церкви какъ сынъ родной и съ дочерьми ея имѣлъ право обходиться какъ братъ. Когда, по выступленіи Русскаго корпуса изъ Франціи, лишился онъ большихъ средствъ къ поддержанію себя, сія женщина, прослышавшая скупою, положила ему по двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія; какъ было не мстить за такое жестокое оскорбленіе? Въ Молдавіи, въ самой нѣжной молодости, говорятъ, успѣвалъ онъ понапрасну опозоривать безвинныхъ женщинъ; извѣстныхъ по своему дурному поведенію не удостоивалъ онъ своего вниманія: какъ кошка, любилъ онъ марать только все чистое, все возвышенное, и то, что Французы дѣлали изъ тщеславія, дѣлалъ онъ изъ одной злости. Я не буду входить въ тайну связей его съ * * *; но, судя по вышесказанному, могу поручиться, что онъ дѣйствовалъ болѣе на ея умъ, чѣмъ на сердце и на чувства.

Онъ поселился въ Одессѣ и почти въ домѣ господствующей въ ней четы. Но какъ терзалось его ужасное сердце, имѣя всякій день передъ глазами этого Воронцова, славою покрытаго, этого счастливица, богача, котораго вокругъ него все превозносило, восхваляло. Онъ могъ бы легко причислиться къ нему и, спокойно дождавшись генеральства,

получить мѣсто градоначальника или гражданскаго губернатора. Но нѣтъ; такія мысли показались бы ему унижительными; его дѣль была выше. Онъ прослылъ опаснымъ человекомъ, и всѣ старались учтиво уклоняться отъ него, исключая его Мобѣжскихъ товарищей, которые не любили его, но и не чуждались. Они знали его лучше; они знали что онъ не станетъ тратить времени, чтобы стрѣлять въ простыхъ птицъ, подавай ему орловъ да соколовъ. И дѣйствительно въ Одессѣ, исключая двухъ или трехъ, не было довольно славныхъ жертвъ для закланія въ честь этого божества.

При умѣ у иныхъ людей какъ мало бываетъ разсудка! У Раевскаго былъ онъ помраченъ завистию, постыднѣйшею изъ страстей. Въ случаѣ даже успѣха, какую пользу, какую честь могъ онъ ожидать для себя? Безъ любви, съ тайною яростию устремился онъ на сокрушеніе семейнаго счастья, супружескаго согласія *** И что же? Какъ легкомысленная женщина, *** долго не подозрѣвала, что въ глазахъ свѣта фамилярное ея обхожденіе,... съ человекомъ ей почти чуждымъ, его же стараніями перетолковывается въ худую сторону. Когда же ей открылась истина, она ужаснулась, возненавидѣла своего мнимаго искусителя и первая потребовала отъ мужа, чтобы ему отказано было отъ дому.

Козни его, увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчиваго Пушкина не трудно было привлечь миловидной ***, которой Раевскій представилъ, какъ славно имѣть у ногъ своихъ знаменитаго поэта. Извѣстность Пушкина во всей Россіи, хвалы, которыя гремѣли ему во всѣхъ журналахъ, превосходство ума, которое внутренно Раевской долженъ былъ признавать въ немъ надъ собою, все это тревожило, мучило его. Онъ стиховъ его никогда не читалъ, не упоминалъ ему даже объ нихъ: поэзія была ему дѣло вовсе чуждое, равномерное и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство. Однако же онъ умѣлъ воспалить ихъ въ другихъ; и вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коихъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили ему безпрестанной забавой. Вкравшись въ его дружбу, онъ заставилъ его видѣть въ себѣ повѣреннаго и усерднѣйшаго помощника, однимъ словомъ, самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его....

Еще зимой, чутьемъ слышалъ я опасность для Пушкина, не позволяя себѣ давать ему совѣтовъ, но разъ шутя сказалъ ему, что по Африканскому происхожденію его все мнѣ хочется сравнить его съ Отелло, а Раевскаго съ невѣрнымъ другомъ Яго. Онъ только что засмѣялся.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Одессу, встревоженный Пушкинъ вѣбжалъ ко мнѣ сказать, что ему готовится величайшее неудовольствіе. Въ это время нѣсколько самыхъ низшихъ чиновниковъ

изъ канцеляріи генераль-губернаторской, равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще истребленія ползающей по степи саранчи; въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. Ничего не могло быть для него удивительнѣе... Для отвращенія сего добрѣйшій Казначеевъ медлилъ исполненіемъ, а между тѣмъ тщетно ходатайствовалъ объ отмѣненіи приговора. Я тоже заикнулся было на этотъ счетъ; куда тебѣ *)! Онъ поблѣднѣлъ, губы его задрожали, и онъ сказалъ мнѣ: «любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались въ прежнихъ пріязненныхъ отношеніяхъ, не упоминайте мнѣ никогда объ этомъ мерзавцѣ», а черезъ полминуты прибавилъ «также и о достойномъ другѣ его Раевскомъ». Последнее меня удивило и породило во мнѣ много догадокъ.

Во всемъ этомъ было такъ много злаго и низкаго, что оно само собою не могло родиться въ головѣ Воронцова, а, какъ узнали послѣ, черезъ Франка внушено было самимъ же Раевскимъ. По совѣту сего любезнаго друга, Пушкинъ отправился и, возвратясь дней черезъ десять, подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго. Но въ тоже время, подъ диктовкой того же друга, написалъ къ Воронцову Французское письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что дотолѣ видѣлъ онъ въ себѣ ссыльнаго, что скудное содержаніе имъ получаемое почиталъ онъ болѣе пайкомъ арестанта; что во время пребыванія его въ Новороссійскомъ краѣ онъ ничего не сдѣлалъ столь предосудительнаго, за что бы могъ быть осужденъ на каторжную работу (*aux travaux forcés*), но что впрочемъ послѣ сдѣланнаго изъ него употребленія онъ, кажется, можетъ вступить въ права обыкновенныхъ чиновниковъ и, пользуясь ими, просить объ увольненіи отъ службы. Ему велѣно отвѣчать, что какъ онъ состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, то просьба его передана будетъ прямому его начальнику графу Нессельроде; въ частномъ же письмѣ къ сему послѣднему поступки Пушкина представлены въ ужасномъ видѣ. Недѣли черезъ три послѣ того, когда меня уже не было въ Одессѣ, полученъ отвѣтъ: Государь, по повелѣду Нессельроде, повелѣлъ Пушкина отставить отъ службы и сослать на постоянное жительство въ отцовскую деревню, находящуюся въ Псковской губерніи.

Какой нибудь Талейранъ сказалъ бы, что онъ видитъ тутъ болѣе чѣмъ дурное дѣло, что тутъ ошибка, великой промахъ. Такіе люди

*) Разъ сказалъ онъ мнѣ: Вы, кажется, любите Пушкина; не можете ли вы склонить его заняться чѣмъ-нибудь путнымъ подъ руководствомъ вашимъ?—Помилуйте, такіе люди умѣютъ быть только что великими поэтами, отвѣчалъ я. — Такъ на что же они годятся? сказалъ онъ.

какъ Воронцовъ не должны довольствоваться успѣхами по службѣ, умноженіемъ власти: у нихъ въ предметъ должна быть народная молва, всеобщая народная любовь, переходящая между соотечественниками изъ рода въ родъ. Вотъ прочная собственность, которой никакая царская немилость лишить не можетъ. Когда разнеслось по Россіи, что одна изъ славъ ея губить другую, блескъ первой примѣтнымъ образомъ началъ меркнуть. Ото всего сердца любилъ я обѣихъ, и оно раздиралось. Теперь когда вспомню, то самому себѣ кажусь смѣшнымъ; а тогда право готовъ былъ какъ Химена воскликнуть:

La moitié de ma vie a mis l'autre au tombeau.

Между тѣмъ малютка полегоньку выздоравливала, такъ что въ половинѣ Іюня можно было везти ее съ собою въ Крымъ. Но для меня срокъ уже миновался, и не стоило дни на два - на три ѣхать. Таково было мнѣніе графа, и я весьма съ нимъ соглашался. Тогда рѣшился я, дождавшись его отъѣзда, пуститься обратно въ Кишиневъ.

Наканунѣ отплытія графа, случилось мнѣ быть съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Онъ вынулъ полученное имъ письмо отъ Катакази и, отдавая его мнѣ, сказалъ: «растолкуйте мнѣ что это все значитъ?» Катакази писалъ, что въ Кишиневѣ всѣ заняты однимъ какимъ-то сочиненіемъ, писаннымъ моею рукою, которое въ Молдаванахъ производитъ крайнее неудовольствіе. Я рассказалъ, какимъ образомъ въ торопяхъ отдалъ я Скляреникѣ рукопись свою на сбереженіе. «Но если онъ выдалъ ее, то это не дѣлаетъ большой чести хваленому вашему Скляреникѣ». — «Я увѣренъ, что ее выкрали у него, отвѣчалъ я. Но послѣ этого, продолжалъ я, согласитесь, что мнѣ трудно будетъ показаться, и лучше возьмите меня съ собою: если эти люди и останутся спокойны, мнѣ совѣстно будетъ на нихъ глядѣть». — «И, полноте, отвѣчалъ онъ, что за бѣда, если эти мошенники узнали наше мнѣніе объ нихъ; они пожалуй могутъ подумать, что вы не смѣете пріѣхать». И это дѣло, подумалъ я.

Не болѣе двухъ сутокъ оставался я потомъ въ Одессѣ. Въ этотъ тѣсный промежутокъ времени хочу вмѣстить изображеніе одного человѣка, о которомъ давно бы мнѣ слѣдовало говорить. Австрійскій генеральный консулъ, Венгерецъ Томъ, съ самаго рожденія этого города, былъ радостію и украшеніемъ его общества. Огромный ростъ и могучія плечи одни показывали въ немъ Маджара; но ни въ одномъ изъ образованныхъ государствъ нельзя было сыскать человѣка любезнѣе его въ обхожденіи. Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, а онъ казался не болѣе шестидесяти; и это уже старость, а дамы старыя и молодыя, равно какъ и юноши, искали его бесѣду. Онъ всегда былъ веселъ и

всегда степенень, и смѣхъ, который самъ старался онъ производить, всегда смѣшанъ былъ съ невольнымъ уваженіемъ къ сему добрѣйшему и честнѣйшему старцу. Въ рѣдкіе маскарады, которые бывали при Рипельѣ и при Ланжеронѣ, всегда являлся онъ перереяженнымъ и разъ огромной книгой, назади которой написано было Томъ I-й. Страсть имѣлъ онъ къ каламбурамъ, и они часто бывали у него забавны. Нужно ли говорить, что въ знакомствѣ его видѣлъ я для себя находку, кладъ?

Онъ взялся проводить меня до первой станціи Дольника, или лучше сказать до собственнаго хутора, въ одной верстѣ отъ нея находящагося. Онъ называлъ его *coûteur*, ибо, не принося ему никакого дохода, стоилъ большихъ издержекъ, и онъ, рѣдко разставаясь съ городомъ, прѣзжалъ въ него попить и угощать пріятелей. Для умноженія удовольствія моего, а можетъ быть и Пушкина, пригласилъ онъ и его на сію загородную прогулку. Я послалъ экипажъ свой прямо въ Дольникъ, и мы въ Ивановъ день 24 Іюня втроемъ отправились въ коляскѣ Тома.

Онъ имѣлъ великое искусство сохранять въ комнатахъ теплоту зимой и свѣжесть въ лѣтнее время: въ этомъ состоялъ его эпикуреизмъ. Все было приготовлено на кутѣрь: окна вездѣ были открыты, но съ наружи завѣшаны предлинными маркизами, которыя безпрестанно поливались студеной, колодезной водой. Полъ былъ мраморный, и въ четырехъ углахъ стояли кадочки со льдомъ. Въ тоже время множество резеды и туберозовъ распространяли пріятный запахъ по комнатахъ. По приглашенію хозяина мы развалились на диванахъ; и когда полуденное солнце со всею силою горѣло надъ нами, мы находились среди прохлады и благоуханія, и я могъ любоваться яснымъ, теплымъ вечеромъ долгой безукоризненной жизни. Нѣтъ, не забыть мнѣ этого дня! Разные возрасты были веселы и хотали какъ ребята. Это было не передъ добромъ: мнѣ предстояли довольно тягостные, а Пушкину весьма скорбные дни. Когда жаръ началъ спадать, простился я съ хозяиномъ и съ гостемъ; съ послѣднимъ, кажется, гораздо нѣжнѣе, какъ бы предчувствуя долгую разлуку.

Я не скоро могъ заснуть: все мнѣ мерещилась съ столь пріятными людьми столь весело проведенный день. Заря совсѣмъ уже занялась, когда проснулся я въ Тирасполѣ. Пока перепрягали лошадей, вышелъ я изъ коляски и вдругъ увидѣлъ безъ памяти скачущую тройку. Она остановилась, изъ повозки выскочилъ молодой канцелярской и подаль мнѣ письмо. Господа Лонгиновъ и Лексъ увѣдомляли меня, что, по извѣстіямъ полученнымъ изъ Кишинева, ярость жителей превосходить всякое описаніе, что рукопись моя переведена на Молдавской языкъ,

всюду распускается и что всё другъ друга возбуждаютъ противъ меня, почему они и совѣтуютъ мнѣ воротиться въ Одессу. Словесно поручилъ я посланному отъ всей души благодарить Никанора Михайловича и Михаила Ивановича за принимаемое во мнѣ участіе. «Если бы вы настигли меня прежде, сказалъ я ему, то можетъ быть я воротился бы съ вами; но вы видите, вотъ Бессарабія: право, какъ-то совѣстно бѣжать въ виду непріятеля».

Однако признаюсь, я чувствовалъ въ себѣ сильное волненіе, когда переправился черезъ Днѣстръ. Оно еще было умножено въ Бендерахъ на почтовомъ дворѣ письмомъ отъ пріятеля моего Алексѣева: онъ не пугалъ, а спѣшилъ предупредить, дабы заранѣе могъ я принять свои мѣры. Узнавъ о внезапной ненависти пѣлаго населенія и испытывая дѣйствія несомнѣнной пріязни нѣсколькихъ человекъ, я не могу описать своихъ чувствъ. Вѣроятно утомленный ими, я опять крѣпко заснулъ и проснулся уже въ полдень 25-го числа (нынѣ самый великій изъ торжественныхъ дней, тогда еще не празднуемый), когда пріѣхалъ въ Кишиневъ.

XIII.

Я поѣхалъ прямо къ себѣ въ домъ Крупенскаго. Черезъ часъ явился съ печальнымъ видомъ Скляренко и объяснилъ, какъ все дѣло случилось. Получивъ отъ меня рукопись для храненія, ему показалось, что и для снятія съ нея копій. Онъ поручилъ это сдѣлать въ тайнѣ подчиненному своему, молодому писцу офицерскаго чина Двурѣченцеву; не знаю, какъ подсмотрѣли у него его работу, только Молдаване купили у него подлинникъ за четыре тысячи левовъ; но напередъ получилъ онъ отставку, дабы спастись отъ преслѣдованій начальства. «Какая глупость, сказалъ я, во всякомъ случаѣ это вража; а коли имъ того хотѣлось такъ, то я, имѣющій на то право, уступилъ бы имъ за половину». Но какъ ни шути, а дѣло становилось не совсѣмъ шуточнымъ.

Молдаване оставались покойны, пока не узнали о моемъ пріѣздѣ. Тогда черезъ областнаго предводителя, недавняго пріятеля моего Стурдзу, послали они просьбу къ намѣстнику, требуя удаленія моего изъ области, какъ врага народа Молдавскаго. Я поѣхалъ къ губернатору; онъ принялъ меня сухо и надменно. Я старался объяснить ему, что если эти господа твореніе мое почитаютъ пасквиломъ, то не я, а они были его издателями и распространителями и что желаніе мое хранить его про себя доказывается большою суммою, которую употребили они для подкупа писца. Онъ ничему не внималъ и, явно держа ихъ сторону, пригласилъ меня, въ предупрежденіе неслыханнаго скандала, подъ какимъ-нибудь предлогомъ не ѣздить въ Совѣтъ: ибо члены изъ Молдаванъ

объявили ему, что при первомъ появленіи моемъ въ присутствіе его, они изъ него выйдутъ, и придется его закрыть. Мнѣ ничего не осталось болѣе дѣлать, какъ дожидаться отвѣта изъ Крыма.

Чего мнѣ страшиться? рассуждалъ я самъ съ собою. На смертоубійство Молдаване не рѣшались, а поединки еще не были у нихъ въ обычаяхъ. Развѣ молодые между ними гдѣ-нибудь изъ-за угла бросятся толпой съ бранными словами, а можетъ быть и съ побоями. Если не для жизни моей, то для чести предстояла нѣкоторая опасность. Но, избѣгая ее, не сидѣть же мнѣ дома? Въ любимомъ саду, моими попенченіями насажденномъ, встрѣчалъ я этихъ молодцовъ; никто мнѣ не кланялся, и всѣ мѣрили меня звѣрскими взглядами; я показывалъ, будто ихъ не замѣчаю. Какое странное, неприятное и вмѣстѣ довольно смѣшное положеніе! Частный человѣкъ имѣетъ противъ себя націю и подобенъ кумиру, сверженному съ подножія, но не разбитому еще въ прахъ.

Нѣкоторые даже изъ моихъ соотечественниковъ и сослуживцевъ сначала трухнули и какъ будто убѣгали меня. За то другіе, и первый между ними вице-губернаторъ Петрулинъ, не дозволяли, чтобы какое-нибудь обидное слово на мой счетъ было произнесено. Липранди, котораго фанфаронство вселяло нѣкоторый страхъ, объявилъ, что, взявши разъ подъ свое покровительство, онъ ни за что меня не выдастъ. Алексѣевъ съ искреннимъ жаромъ вступался за меня. Наконецъ, молодые офицеры генеральнаго штаба, бывшіе либералы, такъ и лѣзли на молодыхъ Молдаванъ и болѣе чѣмъ когда оказывали имъ презрѣніе. За меня, какъ бы за какую-нибудь Елену, готова была возгорѣться война.

Къ вящему горю моему, сожительствовавъ мнѣ одинъ полковникъ, Николай Васильевичъ Арсеньевъ. Старшій братъ его, Дмитрій Васильевичъ, убитый на поединкѣ графомъ Хребтовичемъ, за невѣсту Ренне, служилъ нѣкогда вмѣстѣ съ Воронцовымъ въ Преображенскомъ полку и былъ ему великимъ пріятелемъ. Онъ завѣщалъ ему сіе чадо, и графъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты, доставлялъ ему чины и кресты и имѣлъ еще при себѣ въ Мобѣжѣ. По возвращеніи изъ Франціи, какъ многіе другіе, вышелъ онъ въ отставку и женился въ Москвѣ. Онъ опять сталъ проситься въ службу, когда патрона его назначили генераль-губернаторомъ, и весною пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ еще я на-шелъ его.

Товарищемъ моимъ въ Совѣтѣ, другимъ членомъ отъ короны, былъ военный совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Логвиновъ, нѣкогда правитель канцеляріи у Прозоровскаго въ Бухарестѣ, человѣкъ смиренный и способный, какъ утверждали, честный и бѣдный. Но онъ сдѣлался хворъ, состарился, спился и одурѣлъ; никогда рта онъ не открывалъ; Христа ради его держали. Его уволили съ половинной пенсіей, дабы очистить

мѣсто его, и посадили на него Арсеньева; служба отъ того ровно ничего не выиграла. Снисходительные люди называли сего послѣдняго ограниченнымъ человѣкомъ; но, право, не было границъ его простоумію. Какъ въ безпредѣльной степи не встрѣтишь куста, такъ въ головѣ его не было ни одной мысли. Съ добрымъ сердцемъ, съ благородными чувствами, сіе безвинное, безобидное существо, не возбуждая ни въ комъ недоброжелательства, могло бы спокойно и незамѣтно прожить цѣлый вѣкъ. Но на бѣду женился онъ на злой толстухѣ Авдотѣ Ивановѣ, также изъ рода Арсеньевыхъ, и во всемъ ее слушался. Какъ ни выдумывай, какъ ни смягчай выраженія, приличіе названія дурицы пріискать ей не возможно. До замужества никто ея не видалъ въ Московскомъ лучшемъ обществѣ: она была не Московская барышня, а Замоскворѣцкая, а между ими во сто разъ болѣе необразованности и грубой спѣси, чѣмъ въ уѣздныхъ.

Къ сожалѣнію, пришла графу мысль, что назначеніемъ Арсеньева въ Совѣтъ удвоить онъ силу мою въ немъ. Онъ предлагалъ ему, какъ мнѣ сказывали, всегда держаться моего мнѣнія, не какъ человѣка болѣе его опытнаго въ дѣлахъ, а болѣе ознакомленнаго съ положеніемъ края. Онъ разсказалъ о томъ дурѣ; она обидѣлась, разгнѣвалась и возненавидѣла меня. Еслибъ она знала, какъ охотно отказался бы я отъ этой опеки и какую мучительную скуку терпѣлъ я въ разговорахъ съ симъ питомцемъ!

Другая вина моя была еще важнѣе. Дабы болѣе сблизить меня съ Арсеньевымъ, дабы водворить между нами единодушіе, графъ и ему далъ помѣщеніе въ нанятомъ для него домѣ Крупенскаго. Большая, парадная половина его на улицу, хорошо меблированная, оставалась пустою на случай пріѣзда намѣстника. Я тутъ же имѣлъ двѣ-три небольшія комнаты, порядочно прибранныя, составлявшія кабинетъ хозяина, но въ которыхъ женатому человѣку помѣститься никакъ было бы не возможно. Уѣзжая изъ Кишинева и оставляя въ нихъ нѣкоторыя пожитки, я ихъ заперъ. Оставался еще длинный флигель, примыкавшій къ самому дому, и въ немъ было семь или восемь комнатъ чистыхъ, просторныхъ и высокихъ, но ни одного стула. Арсеньевы пріѣхали за недѣлю до меня, должны были ночевать на полу и купить потомъ кой-какія мебели. Дуня крайне взбѣсилась.... на меня: я умѣлъ, по мнѣнію ея, захватить для себя все лучшее. Вскорѣ, узнавши о неистовомъ на меня гнѣвѣ Молдаванъ, она къ нему присоединила собственный и объявила, что я человѣкъ непокойный, опасный, который ничего не умѣетъ дѣлать, какъ только ссорить начальство съ жителями.

Ничего о томъ не зная, поспѣшилъ я посѣтить милую свою ссѣдку; супруги приняли меня холодно, почти неучтиво. За это сер-

даться мнѣ было нечего, оно избавляло меня отъ несноснаго знакомства. Однакоже крайне было непріятно имѣть у себя подъ бокомъ ненавистницу, которая привезенной съ собой дворнѣ запретила не только говорить, даже смотрѣть на небольшую мою прислугу, почитая и ее какъ бы зачумленною.

Я увѣренъ, что Молдаване не столько почитали себя обиженными невыгодными объ нихъ отзывами (мнѣ случалось нѣкоторыя истины имѣть самимъ иногда говорить), сколько были раздосадованы намѣреніями и желаніями, въ рукописи моей изъясненными. Имѣть открылась важная тайна: всѣ быстрыя перемѣны, для нихъ столь непріятныя, совершившіяся по большей части безъ моего участія, всѣ были приписаны однимъ только моимъ внушеніямъ. Уже порядочно начинали они ненавидѣть графа Воронцова, но въ борьбу съ нимъ вступать не дерзали, а во мнѣ надѣялись поразить его, говоря Русской пословицей: не смоча коровы, да подойнигы о земь. Онъ очень хорошо это понялъ и не заставилъ сихъ господъ долго дожидаться отвѣта на ихъ просьбу. Но по дальнему разстоянію отъ Крыма, болѣе шести сотъ верстъ сухимъ путемъ, отвѣтъ не могъ придти ранѣе половины Іюля.

Официальнымъ предложеніемъ губернатору графъ поручаетъ ему объявить Молдавскимъ дворянамъ: 1-е, что похищеніе рукописи служить доказательствомъ, сколь мало тотъ, кому она принадлежитъ, имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее извѣстною; 2-е, что въ копіи, къ нему съ нею присланной, не найдено ничего противнаго религіи, нравственности и монархическимъ правиламъ; 3-е, что ни у кого не отнята воля о другихъ имѣть свое мнѣніе и если онъ самъ явно не обнаруживаетъ его, то нѣтъ никакого повода тѣмъ обижаться; 4-е, что вообще, какъ видно, тутъ хотятъ смѣшать частное дѣло съ общественнымъ и наконецъ, 5-е, что исполненіе намѣренія господъ депутатовъ оставить присутствіе Совѣта при моемъ появленіи было бы явнымъ нарушеніемъ законнаго порядка и что въ такомъ случаѣ онъ озаботился бы о пріисканіи имъ преемниковъ.

Въ частномъ же письмѣ къ тому же Катагази графъ находитъ, что онъ показалъ мало твердости, не стараясь вразумить Молдаванъ и прекратить дѣло, не давая ему никакого хода. Однимъ словомъ, далъ ему напругай *).

Официальнымъ письмомъ изъ Крыма, Казначеевъ по порученію графа увѣдомлялъ меня о распоряженіяхъ имѣ сдѣланныхъ. Вмѣстѣ съ

*) Когда начальникъ въ негодованіи дѣлалъ подчиненному строгое замѣчаніе, между военными это называлось распекасть, а между штатскими дать напругай. Сія слова, кажется, начинають вовсе выходить изъ употребленія, и для того одно изъ нихъ хотѣлъ я здѣсь сохранить.

тѣмъ именемъ его объявлялъ онъ мнѣ хвалу за то, что, не слушаясь Лекса, я поѣхалъ въ Кишиневъ и порицаніе за то, что, послушавшись губернатора, не пошелъ я въ Совѣтъ.

Какъ было не догадаться Молдаванамъ, что дѣло мое намѣстникъ почелъ какъ бы собственнымъ? Я же симъ торжествомъ, признаюсь, не весьма былъ утѣшенъ. Кишиневъ мнѣ вновь опротивѣлъ, и я все надѣялся, что, дабы не поддаваться Молдаванамъ, мнѣ сперва дадутъ какую нибудь комиссію, а послѣ и вовсе уволятъ отъ должности. Когда явился я въ Совѣтъ, никто не вышелъ; но никто изъ Молдаванъ мнѣ не поклонился. Народы, называемые необразованными, сохраняютъ еще сколько нибудь твердости и чистосердія. При семъ воспоминаніи, вмѣсто того чтобы обвинить ихъ, мнѣ хочется ихъ оправдать.

Они жили себѣ по старинѣ данниками Порты подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ изъ единоземцевъ, пока Турецкое правительство, для умноженія съ нихъ доходовъ, не стало отдавать княжествъ на откупъ и насылать къ нимъ государей изъ Грековъ, своихъ драгомановъ. Они познали тогда нужды, имъ прежде неизвѣстныя и алчность къ золоту для удовлетворенія ихъ. Когда же Русскіе повадились приходить къ нимъ съ вооруженной рукой въ видѣ союзниковъ и избавителей, тогда только началась у нихъ настоящая порча нравовъ. Россія съ своими Европейскими затѣями, съ деспотическими навыками и съ либеральнымъ кривляньемъ часто сама не знаетъ чего она хочетъ, а бѣдные завоеванные народы еще менѣе. Нѣтъ ни въ чемъ общей системы, постоянной цѣли. Во время войны изъ главнокомандующихъ арміей иные черезъ мѣру баловали Молдавановъ, другіе слишкомъ круто поступали съ ними. И тутъ въ Бессарабіи, когда дарована имъ была каррикатурная конституція, когда они почитали себя свободными, послѣ безмысленнаго Бахметева и робкаго Инзова, вдругъ встрѣтили они непреклонную волю Воронцова.

Сами же Русскіе, натолковавши имъ о преимуществахъ Европейскаго просвѣщенія, породили въ нихъ глубокое презрѣніе къ намъ, завоевателямъ ихъ. На простодушныхъ, веселыхъ, храбрыхъ нашихъ армейскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, также на гражданскихъ чиновниковъ, степенныхъ, всегда занятыхъ дѣломъ, смотрѣли бояре какъ на варваровъ. Нѣсколько они уважали тѣхъ, кои одѣвались по модѣ, знали свѣтскіе обычаи и говорили по французски, но въ нихъ видѣли они уже не Русскихъ, а Европейцевъ. Въ Кишиневѣ бояре входящихъ къ нимъ даже Русскихъ совѣтниковъ никогда не сажали у себя: каждый изъ сихъ несчастныхъ находился подъ патронатствомъ котораго нибудь изъ нихъ, и они трепетали передъ ихъ могуществомъ, долагая, что они имѣютъ въ Петербургѣ тѣсныя связи съ Каподи-

стрией и со Стурзой. Въ мое время въ нихъ это было только дѣйствіемъ привычки. Рассказывали, что причудливый, сумасбродный Иванъ Бальшъ, пожалованный камергеромъ и поселившійся тогда въ Петербургѣ, въ маленькой улицѣ, любилъ забавляться стрѣлянїемъ въ цѣль. Съ отчаянїемъ прибѣгалъ квартирный надзиратель, изъ отставныхъ Русскихъ офицеровъ, и умолялъ оставить сіе занятїе, представляя, что въ случаѣ какого либо несчастїя, не онъ г. Бальшъ, а онъ полицейской подвергнется жестокой отвѣтственности. «Ну такъ стой же на караулѣ, отвѣчалъ тотъ, и никого не пускай, пока я тутъ»; и приказанїе исполнялось. Всегда бояре обижались, когда отъ Бахметева дежурный полицейской офицеръ приходилъ къ нимъ съ приглашенїемъ на обѣдъ или на вечеръ: такіе люди не должны были касаться порога ихъ. Послѣ того можно посудить, какъ легко было полиціи находиться въ исправности. За то и многіе Русскіе въ глаза смѣялись Молдаванамъ и не весьма пристойно надъ ними подшучивали. Причины къ неудовольствію, даже взаимной враждѣ, были многочисленны.

Вообще иностранцы, находящіеся въ области, старались жителей поставить противъ насъ. Грѣшно было бы упрекнуть въ этомъ случаѣ Нѣмцевъ: они или прилежно занимались дѣлами службы, ни о чемъ другомъ не помышляя, или женившись на Молдаванкахъ спокойно хозяйничали въ ихъ приданныхъ кишлахъ. Поляки и Французы были для насъ вредны: первые вселяли къ намъ вражду свою, послѣдніе презрѣніе. Первыхъ было много; но семейства ихъ, среди православнаго населенія, непримѣтнымъ образомъ превращались въ Русскихъ. Послѣднихъ было мало; эти хвастуны, безъ всякаго дурнаго намѣренія, безпрестанно восхваляли благословенную, цвѣтущую страну свою и сравнивали ее съ нашимъ дикимъ Сѣверомъ и его грубыми нравами, и тѣмъ самымъ у людей высшаго сословія отнимали всю охоту поближе ознакомиться съ государствомъ, къ которому они принадлежали. Веселая, довольно учтивая дерзость нѣкоторыхъ изъ сихъ Французовъ и ихъ легкомысліе были довольно забавны и оригинальны, такъ что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь изобразить ихъ.

Въ дружественныхъ отношеніяхъ съ богатѣйшими изъ бояръ былъ нѣкто Флѣри, еще до революціи, въ первой молодости сосланный на галеры и бѣжавшій изъ Тулона. Возвратиться во Францію ни при которомъ изъ мѣнявшихся тамъ правительствъ ему не было возможно: на лѣвомъ плечѣ у этого г. Флѣри разцвѣтала лилія. Хотя ему было гораздо за пятьдесятъ, но онъ былъ еще бодръ, здоровъ, свѣжъ и румянь, умѣлъ плѣнить одну княгиню Ханджери и не ее одну обиралъ онъ. Когда мнѣ послѣ случилось временно управлять областію, разъ пришелъ онъ ко мнѣ за какимъ-то дѣломъ. Я имѣлъ слабость поса-

дить его, но не могъ удовлетворить его просьбы; онъ, кажется, прогнѣвался и едва вышедъ отъ меня, надѣлъ шляпу. Въ другой комнатѣ стоялъ съ бумагами канцелярской чиновникъ по имени Грибовской, малый молодой и смѣлый. Я перстомъ указалъ ему на шляпу сквозь открытыя двери; онъ бросился, сорвалъ ее и, принимая вѣроятно бариныя сего за Молдавана, подавъ ему ее съ улыбкой, сказавъ: слуга думитале (покорнѣйшій слуга). Съ бѣшенствомъ Флѣри оборотился ко мнѣ и спросилъ, какъ могу я допустить, чтобы въ присутствіи моемъ чинимы были такія дерзости. «Да, я не допускаю, отвѣчалъ я, чтобы кто нибудь у меня въ комнатѣ при мнѣ смѣлъ надѣть шляпу». Онъ пуще разъярился, хотѣлъ еще что-то молвить, но я прервалъ его словами: «полноте, г. Флѣри, пожалуста не горячитесь; я знаю, кто вы и мнѣ нетрудно будетъ приказать обважить истину». Онъ что-то пробормоталъ, но съ поникшею головою спокойно удалился.

Другой замѣчательный въ Кишиневѣ Французъ назывался Шевалье де Карро. Онъ былъ красивъ собою, весьма доволенъ собою, всегда одѣтъ франтовски и, можетъ быть, по фамильному имени его мнѣ казалось, что онъ походилъ на бубноваго валега. Одна Богемская графиня Чернина для него покинула родину и семейство, хотѣла куда нибудь по далѣе скрыться, поселилась съ нимъ въ загородномъ домѣ въ верстѣ отъ Кишинева и никому кромѣ него не показывалась.

Еще одинъ Французъ мусью Рене мнѣ отменно полюбился своею скромностію и знаніемъ. Незвѣство было, чѣмъ онъ жилъ, но всегда одѣтъ былъ опрятно и вездѣ былъ принятъ. Онъ имѣлъ намѣреніе завести пансіонъ для благородныхъ мальчиковъ, только желалъ, сверхъ позволенія на то отъ правительства, получить отъ него денежное пособіе. Я взялся быть за него ходатаемъ у графа. «Что вы, что вы! воскликнулъ онъ, да вы вѣрно не знаете, что это ужаснѣйшій Якобинецъ». Къ сожалѣнію послѣ оказалось, что свѣдѣнія о немъ не совсѣмъ были ложны.

Никто не назвалъ бы Якобинцемъ сѣдого Шевалье де-Сиво (Sivault), который меня посѣщалъ и очень потѣшалъ. Онъ весь былъ проникнутъ, начиненъ, умащенъ дореволюціонными, аристократическими предразсудками: низшее сословіе, ротюра, по мнѣнію сего, впрочемъ, весьма добраго человѣка, не совсѣмъ принадлежала къ человѣческому роду. Не знаю, гдѣ провелъ онъ первые годы своей эмиграціи, только долго жилъ потомъ въ Одессѣ подъ покровительствомъ дюка де-Ришелье, который и выхлопоталъ ему во Франціи вознагражденіе за сдѣланныя имъ потери. Съ небольшимъ капиталомъ вторично покинулъ онъ родину, гдѣ не былъ восстановленъ прежній порядокъ и гдѣ оставаться онъ не могъ, и воротился въ Новороссійскій край. Тутъ взялъ онъ въ

Хотинскомъ цынутъ двѣ моши на аренду; какъ онъ заправлялъ ими, не понимаю, ибо большую часть времени проводилъ въ областномъ городѣ. Кто хотѣлъ его молодить, тотъ давалъ ему только что шесть-десять лѣтъ, а совсѣмъ тѣмъ былъ онъ веселъ, бодръ и проворенъ. Любимый разговоръ его былъ о его амурахъ, не о стародавнихъ, а о настоящихъ; онъ во всѣхъ дѣвицъ влюблялся, а за одну даже и сватался. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ не могъ болѣе нравиться женщинамъ, да и никто не старался разувѣрить его въ томъ. Лишь только заговорить при немъ о фехтованіи и въ руку дать ему палку, онъ пойдетъ сражаться со стѣной, дѣлать тьерсы и кварталы. Если кто-нибудь въ шутку на фортепіано заиграетъ при немъ Французскую кадрили, его сперва начнетъ подергивать, корчить, потомъ онъ вскочитъ и начнетъ бить нога объ ногу; наконецъ, не утерпитъ и одинъ пустится плясать, выдѣлывая шассе-батью и антраша. Это былъ не человѣкъ, а наслажденіе.

Также легитимистъ, также роялистъ, только инаго покроя, новаго изданія, былъ молодой Бретанскій дворяничекъ баронъ Ріуфъ де Торанъ, близкій родственникъ женѣ Шатобріана. Этотъ былъ чопоренъ, скученъ, всегда одѣтъ щегольски и обвѣшанъ разными покупными крестиками, между прочимъ Французской серебряной Лиліей и папскими орденами Св. Гроба и Золотой Шпоры. Онъ, какъ говорится, былъ голъ какъ соколъ, и гдѣ-то за границей женили его на весьма пожилой дѣвѣ, сестрѣ полоумнаго камергера Бальша, прослывшей богатою. Онъ былъ красавчикъ, а она куда какъ неблагообразна. Богатство ея состояло изъ двухъ небольшихъ деревень въ Бессарабіи и пребольшомъ о нихъ процессѣ. Дѣло производилось въ Совѣтѣ, и баронъ такъ часто твердилъ мнѣ названія сихъ владѣній, Александрени и Коболта, что и подвесь остались они у меня въ памяти. Можетъ быть, придется мнѣ говорить о другой тягостной для меня его тяжбѣ, въ которой, къ несчастію, избралъ онъ меня единственнымъ судьбою.

Въ то время житье мое было такъ непріятно, такъ скучно, что воспоминаніе объ немъ производитъ во мнѣ зѣвоту. Отъ того-то для разсѣянія принялся я за Французовъ. Впрочемъ, громовое посланіе графа разсѣяло вокругъ меня тучи. Испуганный губернаторъ сдѣлалъ объѣздъ и на него пригласилъ меня и нѣсколько менѣе разгнѣванныхъ Молдаванъ для примиренія; дѣло обошлось очень хорошо, безъ изъявленія неудовольствія съ чьей-либо стороны; но уже нравственная власть моя надъ ними навсегда была потеряна. Замѣтивъ, что въ Совѣтѣ на каждое слово мое бываетъ возраженіе, по дѣламъ, въ коихъ принималъ болѣе участія, изъявлялъ я мнѣніе, противное тому, которое имѣлъ: сопротивленіе, которое оно встрѣчало, было согласно съ моимъ жела-

ніемъ, и этой уловкой нерѣдко заставлялъ я сихъ господъ дѣлать, что хотѣлъ. Сочленъ и сожитель мой Арсеньевъ, который живши въ двухъ шагахъ отъ меня, сначала ни разу не хотѣлъ меня посѣтить, также приходилъ съ приглашеніемъ на обѣдъ; но отъ сей мировой, не помню подъ какимъ предлогомъ, я отказался, и съ тѣхъ поръ до конца его жизни остались мы совершенно чужды другъ другу.

Нельзя было сказать, чтобы домъ, въ которомъ мы жительство-вали съ нимъ, находился у городского выѣзда; ибо далеко за него простирались кварталы, назначенные для постройки новыхъ домовъ. Но покамѣстъ тутъ было одно чистое поле, на которомъ не было ни кола, ни двора. Это мѣсто во время вечерней прохлады было моею любимой прогулкой; не встрѣтишь на немъ, бывало, ни одного человѣческаго лица. Я чуждался надобнаго мнѣ Кишиневскаго общества, но дабы не совсѣмъ тратить время по пустому, мнѣ пришло въ голову начать дѣлать новыя знакомства.

Я уже сказалъ, въ какомъ уничиженіи у Молдавскихъ бояръ жили Русскіе совѣтники правленія и палаты. Я на нихъ не обращалъ большаго вниманія, да и они сами держали себя въ почтительномъ отъ меня отдаленіи. Нѣкоторые изъ нихъ были женаты, имѣли добрыя семейства, милыхъ дѣтей, жили же они уединенно, хотя совсѣмъ не скудно. Такъ какъ патроны ихъ бывали въ несогласіи, то и они между собою не имѣли близкихъ сношеній. Почитая меня погибшимъ и опасаясь, чтобы не участвовать въ моемъ паденіи, они еще болѣе отъ меня отдалялись. Но когда побѣда оказалась на моей сторонѣ, и я самъ сдѣлался къ нимъ внимательнѣе, они приняли это не безъ удовольствія. Я началъ посѣщать ихъ, звать ихъ къ себѣ, собирать иногда у себя по вечерамъ и сближать ихъ между собою. Когда я покороче познакомился съ ними, то старался объяснить имъ, сколь постыдно Русскому чиновнику въ завоеванной землѣ отдать себя въ кабалу кому-либо изъ жителей и какъ безразсудно съ трепетомъ поклоняться тѣмъ людямъ, которые, по наклонности своей къ тяжбамъ, сами болѣе должны имѣть въ насъ нужду. Мнѣ казалось, что слова мои на нихъ подѣйствовали. Они были очень увѣрены въ благосклонности къ нимъ Михаила Ивановича, то-есть Лекса, но въ случаѣ нужды мало надѣялись на твердость его защиты. Я увѣрилъ ихъ, что при Воронцовѣ онъ совсѣмъ перемѣнился, и обѣщалъ имъ покровительство Казначеева, да и самого графа. Что же касается собственно до меня, я объявилъ имъ, что всегда совершенно готовъ къ ихъ услугамъ. Однимъ словомъ, поступалъ какъ настоящій заговорщикъ.

Усилія мои остались не безуспѣшны; только переворотъ могъ сдѣлаться не иначе какъ постепенно. Еще до наступленія осени, сіи

господа стали посѣщать другъ друга, дѣлать вечеринки безъ претензій и роскоши и на нихъ, какъ говорили, играть въ картишки. Барыни ихъ, скромныя, любезныя безъ Французскаго языка, вкусили наслажденіе общегитія и никогда потомъ отъ него отстать не могли. Чиновники другихъ вѣдомствъ, нѣкоторые военные, женатыя Нѣмцы, Эйхельдъ, Эйтверъ, Метлеркампоъ и другіе, не попавшіе въ высшій кругъ, составленный по большей части изъ Молдаванъ и Грековъ, пожелали участвовать въ удовольствіяхъ сей жизни. Но то ли дѣло было, когда слѣдующей зимой наѣхало нѣсколько вновь опредѣленныхъ чиновниковъ съ хорошимъ состояніемъ (назвать ихъ здѣсь еще не мѣсто), люди, которые умѣли дать себѣ вѣсь, любили принимать и угощать у себя преимущественно земляковъ своихъ. Тогда то рѣшительно составилось особое Русское общество, *status in statu*, которое могло смѣяться надъ боярскою спѣсью. Я же не могъ налюбоваться, глядя на сей, какъ мнѣ казалось, открытый мною новый міръ. Союзъ даетъ силу; ее почувствовали члены безпрестанно умножающагося общества и стали дѣйствовать смѣлѣе. Какъ должны были удивиться Молдаване, когда встрѣтили упругость въ своихъ прежнихъ кліентахъ?

Когда я говорю о Молдаванахъ и спѣси ихъ, то дѣло идетъ объ однихъ только боярахъ. Поступившихъ въ Россійское подданство было немного; но послѣ разрѣшенія имѣть владѣнія по обѣимъ сторонамъ Прута, многіе изъ нихъ пріобрѣли имущества въ Бессарабіи и спаслись въ нее изъ Бухареста и Яссы во время Турецкаго гоненія. Они почитали себя главами народа, крѣпко стояли за свою народность и возбуждали мелочь противъ тѣхъ, кои смѣли ея касаться. Впрочемъ, ихъ не очень любили тѣ изъ соотечественниковъ ихъ, на коихъ они смотрѣли съ презрѣніемъ, называя ихъ своими прежними слугами, чокоями и трубоподавателями, и которые, купивъ имѣнія и получивъ мѣста, сдѣлались у насъ дворянами и слѣдственно имъ равными. Изъ числа сихъ послѣднихъ братья Стамати, братья Замѣираки, Рале, сами пристали къ Русской партіи; ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе. Съ возвращеніемъ во свояси запрутскихъ бояръ, совершенно долженъ былъ измѣниться Молдавскій духъ въ Бессарабіи.

Все бы это было очень хорошо, но я чувствовалъ тоску неодолимую и отъ того мучилъ графа просительными письмами объ увольненіи меня отъ должности. Онъ не согласился и изъ Крыма прислалъ мнѣ опять приказаніе пріѣхать въ Одессу по дѣламъ службы. Я и тому обрадовался и 15 Сентября, почти ровно черезъ годъ послѣ перваго пріѣзда моего въ Кишиневъ, оставилъ его.

Передъ этимъ стояли несносные жары, я одѣтъ былъ легко, и въ самую минуту выѣзда моего пошелъ мелкій и частый дождикъ. При

внезапной перемены температуры я всегда подверженъ былъ простудамъ; тутъ почувствовалъ я лихорадку, такъ что долженъ былъ остановиться ночевать въ Бендерахъ у полицеймейстера Бароцци, весьма добраго человѣка. На другой день я оправился, и за Днѣстромъ встрѣтило меня опять благотворное солнце. Къ вечеру пріѣхалъ я въ обычный мнѣ отель де-Рено.

Еще графъ не воротился изъ Крыма. Въ городѣ и особенно на пристани было много торговой дѣятельности, но веселаго шума нигдѣ. Одинъ театръ занималъ тогда всю публику и даже раздѣлялъ ее. Пріѣхала изъ Петербурга пѣвица Данжевиль-Ванденбергъ, которую я тамъ видѣлъ на сценѣ и о которой говорилъ въ началѣ сей части. Она за что-то поссорилась съ дирекціей, привезла въ Одессу двухъ плохихъ актеровъ, Валдоски и Огюста, еще кой-кого понабрала и пустилась потчивать жителей водевилями. Старожилы, если только могли они быть въ двадцатилѣтнемъ городѣ, видѣли въ этомъ посягательство на священные, исключительныя права, дарованныя Итальянцамъ. Имъ вторилъ старикъ графъ Ланжеронъ, вѣроятно по обязанности бывшаго Одесскаго градоначальника. За то новый, графъ Гурьевъ, ничего не смыслившій въ музыкѣ и всегда отличавшійся галломаніей, всюю силою поддерживалъ Французовъ. Конечно въ искусствѣ пѣнія Данжевиль не могла бы состязаться даже съ посредственными Одесскими пѣвицами, за то играла превосходно, была хороша собою и умѣла выбирать веселыя пѣсы, при представленіи коихъ партеръ всегда бывалъ полонъ. Не доказываетъ ли это, что Итальянская опера была только дѣломъ условнымъ, а настоящею потребностію Французской или даже Русской театр? Но о семъ послѣднемъ никто не смѣлъ даже думать, и нельзя было предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ двѣ Русскія труппы въ одно время будутъ играть на двухъ разныхъ сценахъ и всегда привлекать множество зрителей. Въ такомъ разноязычномъ городѣ какъ Одесса былъ необходимъ общій языкъ; имъ сдѣлался Русской. Грекъ или Англичанинъ, Жидъ или Французъ каждый произносилъ по своему, но всѣ другъ друга понимали. Заведеніе театра еще болѣе распространило употребленіе его между жителями.

Больно мнѣ бывало слышать ругательства противъ Русскаго народа, а еще больнѣе внутренно сознаваться, что они были заслужены. Первое населеніе Одессы состояло изъ Русскихъ бродягъ, людей порочныхъ, готовыхъ на всякое дурное дѣло. Нравы ихъ не могли исправиться при безпрестанномъ умноженіи прибывающихъ подобныхъ имъ людей. Но они служили основой, такъ сказать фундаментомъ новой колоніи. А между тѣмъ, если послушать иностранцевъ, каждая нація приписывала себѣ ея основаніе; во первыхъ Французы, которые столь

много лѣтъ при Ришелье и Ланжеронѣ пользовались первенствомъ; потомъ Итальянской сбродъ, гораздо прежде Рибасомъ привлеченный, въ этомъ дѣлѣ требовалъ старшинства. Жиды, которые съ самаго начала овладѣли всей мелкой торговлей, не безъ основанія почитали себя основателями. Нѣмцы, которыхъ земляки въ Лустдорфѣ и Либенталѣ, были единственными скотоводами, хлѣбопашцами, садовниками и огородниками въ окрестностяхъ и одни снабжали населеніе съѣстными припасами, имѣли равное на то съ ними право. Наконецъ, Поляки, которые привозили свою пшеницу, родившуюся на Русской землѣ, обработанной Русскими руками и поддерживавли тамъ хлѣбную торговлю, видѣли въ Одессѣ Польскій городъ. Одна Россія не участвовала въ сооруженіи сего града, развѣ только покровительствомъ царскимъ, милліонами ею на то пожертвованными, да десятками тысячъ рукъ ея сыновъ, не трудолюбивыхъ, но неумомимыхъ. На сихъ сыновъ ея иностранцы смотрѣли какъ на навозъ. Спросить бы у сихъ господъ, что бы сдѣлали они безъ этого навоза, который лучше камня служилъ основаніемъ ихъ фортунамъ. До того этотъ городъ почитался иностраннымъ, что на углахъ улицъ видны были Французскія и Итальянскія надписи, какъ напримѣръ *rue de Richelieu*, *Strada di Ribas*. Тогда графъ Воронцовъ былъ одушевленъ самымъ благороднымъ, патриотическимъ жаромъ, и всѣ эти надписи велѣлъ замѣнить Русскими.

Около мѣсяца дожидались мы возвращенія нашего генераль-губернатора. Онъ зажилъ среди прелестей природы на Южномъ Крымскомъ берегу и, вѣроятно вслѣдствіе какой-нибудь неосторожности, захворалъ неотвязчивою Крымскою лихорадкою. Дотолѣ я не зналъ челоуѣка здоровѣе его; онъ достигнулъ настоящаго зрѣлаго возраста и былъ самаго крѣпкаго сложенія; съ этихъ поръ болѣзни нерѣдко стали его посѣщать. Онъ воротился изнеможенный, блѣдный, худой, занимался дѣлами, но мало кому показывался. Я не могъ много похвалиться ласкою его перваго приѣма; я приписывалъ это дѣйствию лихорадки, а это было дѣйствиемъ наговоровъ. Бруновъ сопровождалъ его во все время этого путешествія и, развѣ открывши мои злодѣянія, съ совѣта Александра Стурдзы, пустился мнѣ вредить, чего дотолѣ онъ не дѣлалъ. Главнымъ намѣреніемъ его было убѣдить графа, что послѣ всего происшедшаго мнѣ въ Бессарабіи никакъ оставаться не было возможно; онъ не зналъ, что тѣмъ оказывалъ мнѣ величайшую услугу.

Однакоже послѣ перваго объясненія, ледъ обхожденія со мною графа примѣтнымъ образомъ растаялъ. Почти всякой день видѣлъ я его потомъ, и когда графиня наверху за обѣдомъ принимала гостей, а онъ по слабости здоровья одинъ обѣдалъ у себя въ кабинетѣ, нерѣдко съ глазу на глазъ случалось мнѣ раздѣлять его трапезу. Онъ

съ каждымъ днемъ становился мнѣ любезнѣе, и объ отсылкѣ меня въ Кишиневъ не было и помину. Но куда же дѣвать меня? Во время послѣдняго пребыванія въ Крыму прогнѣвался онъ на Таврическаго вице-губернатора статскаго совѣтника Куруту за одно дѣло, въ которомъ, правду сказать, сей послѣдній былъ вовсе не виноватъ, и просилъ министра финансовъ перевести его въ какую нибудь другую губернію; на его мѣсто прочилъ онъ меня. Но Канкринъ не показывалъ никакого расположенія удовлетворить сіе желаніе графа, а я покамѣстъ оставался какъ бы между двухъ стульевъ. Увы, скоро одно изъ нихъ должно было для меня опорожниться.

За нѣсколько дней до графа прибылъ изъ Крыма другой графъ, еще знаменитѣе его, но который присутствіемъ своимъ его затмить не могъ. Графъ Кочубей, оставя дѣла службы, по болѣзни дочери, провель зиму въ Феодосіи; но пребываніе въ семъ мертвомъ городѣ семейству его показалось слишкомъ унылымъ, и оль моремъ приплыль съ нимъ въ Одессу, дабы въ ней провести эту зиму. Онъ такъ высоко стоялъ надо мною, не по званію, не по геніальности, а по горделивому характеру, что я не видѣлъ повода ему представляться. Однакоже, за обѣдомъ у графини Воронцовой, онъ самъ обратился ко мнѣ съ рѣчью, и послѣ обѣда милостиво разговаривалъ; послѣ того счелъ я обязанностію явиться къ нему. Обыкновенно вельможи въ провинціяхъ на величіе свое накидываютъ тонкое покрывало, дабы блескъ его смягчить для слабаго зрѣнія провинціаловъ и сдѣлаться доступнѣе. Меня графъ Кочубей позвалъ къ себѣ въ кабинетъ и тотчасъ посадилъ; одаренный удивительною памятью говорилъ онъ со мною о Китайскомъ посольствѣ, съ участіемъ вспоминалъ объ отцѣ моемъ и съ любопытствомъ расспрашивалъ о Бессарабіи. У такихъ людей надобно ожидать ихъ сигнала къ отбытію; я не дождался его, всталъ, а онъ меня опять усидилъ. Прощаясь объявилъ онъ мнѣ, что съ такого-то по такой-то часъ, онъ не занятъ дѣломъ, и что въ это время онъ всегда меня охотно приметъ. Мнѣ едва вѣрилось. Маленькое самолюбіе заставило меня еще раза два воспользоваться его дозволеніемъ или приглашеніемъ, и я не имѣлъ причины въ томъ раскаиваться. Не знаю чему обязанъ я за его хорошее расположеніе. Развѣ добрымъ словомъ, за меня замолвленнымъ ему Блудовымъ?

О семъ послѣднемъ давно не имѣлъ я никакого извѣстія. По болѣзни, по неудовольствію ли какому, или просто для прогулки отправился онъ, какъ говорили наши старики, на теплыя воды, а потомъ странствовалъ по Германіи. Отъѣзжая, передалъ онъ Бессарабскія дѣла и, кажется, заботы, въ случаѣ нужды, обо мнѣ пріятелю своему, статскому совѣтнику Аполинарію Петровичу Бутеневу, бывшему впослед-

ствіи посланникомъ въ обоихъ Римѣхъ, въ нашемъ, и въ католическомъ.

Отъ родныхъ также не часто имѣлъ я извѣщенія; послѣднія дышали радостію. Въ Пензѣ, гдѣ въ четверть вѣка едва ли разъ показывалось регулярное войско, гдѣ народъ съ любопытствомъ бѣжалъ за проходящимъ Башкирскимъ полкомъ, назначенъ былъ смотръ двумъ корпусамъ. Пенза, которая никогда не наслаждалась лицедрвіемъ ни одного изъ царей своихъ, ожидала Александра. Онъ прибылъ, остался доволенъ войскомъ; погода въ началѣ Сентября стояла безподобная, восторгъ вокругъ него былъ неописанный, и лице его, въ послѣдніе годы его жизни и царствованія, почти всегда унылое и мрачное, на нѣсколько дней просіяло веселіемъ. Подробности пребыванія его въ Пензѣ сохраняются у меня въ письмахъ брата и сестеръ моихъ.

Въ это время Одесское или лучше сказать семейное общество графа умножилось одною прибывшею изъ Петербурга четою. Не слишкомъ богатый Казанскій помѣщикъ, молодой красавчикъ, Димитрій Евлампіевичъ Башмаковъ, служилъ въ Кавалергардскомъ полку. Мундиръ, необыкновенная красота его, ловкость, смѣлость открыли ему двери во всѣ гостинныя большаго свѣта. Онъ получилъ тамъ право гражданства до того, что рѣшился искать руки внучки Суворова у Марьи Алексѣевны Нарышкиной и получилъ ее. Право, какъ-то совѣстно много толковать о такихъ людяхъ, какъ эти Башмаковы, но по заведенному мною порядку сіе необходимо. Человѣка самонадѣяннѣе, упрямѣе и непонятливѣе Башмакова трудно было сыскать; кто-то въ Одессѣ прозвалъ его *Brise-raison*. Молодая супруга его, Варвара Аркадьевна, была не хороша и не дурна собою, но скорѣе послѣднее; только на тогдашнее Петербургское высшее общество, столь пристойное, столь воздержанное въ рѣчахъ, она совсѣмъ не походила, любила молоть вздоръ и дѣлать сплетни; бывало, совреть что нибудь мужу, тотъ взбѣсится, и выйдетъ у него съ кѣмъ нибудь непріятность. А *** и Раевской были опять тутъ какъ тутъ и болѣе чѣмъ когда, ненавидѣли другъ друга *). Они не очень сближались съ Башмаковымъ; за то Синявинъ подружился съ нимъ, и сіи люди, пожаловавшіе себя въ аристократы, были неразлучны. Я было и забылъ сказать, что г-жа Башмакова по матери была двоюродной племянницей графа

*) Разъ на танцевальномъ вечерѣ у графа случилось мнѣ сидѣть между Раевскимъ и графомъ Александромъ Потоцкимъ, братомъ *** и по добротѣ своей выродкомъ изъ Потоцкихъ. Онъ сказалъ мнѣ на ухо: «позвольте мнѣ васъ предостеречь, вы такъ откровенно и пріязненно разговариваете съ вашимъ сосѣдомъ, можетъ быть, не зная, что это самый опасный и ядовитый чловѣкъ». Я поблагодарилъ его и сказалъ потихоньку, что съ такими людьми всегда говорю осторожно.

и что мужъ ея, при оставленіи военной службы, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергерской ключъ, пріѣхалъ подѣ покровительство дядюшки. Вотъ какая родня дальняя и близкая облѣпила графа и графиню Воронцовыхъ. Последняя сдѣлалась ко мнѣ милостивѣе, и я смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Можно себѣ представить, какія неудовольствія, толки, пересуды должны были произвести претензіи и несогласія сихъ людей между окружающими графа. Богъ избавилъ меня по крайней мѣрѣ отъ этой напасти: ибо, по возвращеніи его изъ Крыма, судьба не дозволила мнѣ долѣе трехъ недѣль оставаться въ Одессѣ.

Въ первыхъ числахъ Ноября пріѣхалъ изъ Кишинева сперва губернаторъ Катакази, а вслѣдъ за нимъ и товарищъ мой г. Арсеньевъ; сей послѣдній со словеснымъ объясненіемъ вице-губернатора Петрулина, который писать уже не былъ въ состояніи по совершенному изнеможенію силъ. Пока онѣ не совсѣмъ еще оставляли его, напругалъ онѣ ихъ и истощалъ для занятій по службѣ; тутъ вдругъ принужденъ былъ онѣ ихъ сдать, ото всего отказаться и просить объ увольненіи. Подобнаго примѣра дѣятельности и самоотверженія въ исполненіи обязанностей сыскать почти невозможно. Пріѣздъ Арсеньева значилъ: неуждно ли меня на его мѣсто? Однакоже дни черезъ два съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ онѣ.

Въ Михайловъ день, 8 Ноября, дабы праздновать именины мужа, графиня сдѣлала великолѣпный балъ, украшенный присутствіемъ двухъ Андреевскихъ кавалеровъ, Кочубея и Ланжерона. Не безъ труда на этотъ балъ могла она вытащить графа, все еще страждущаго, въ мундирномъ сертукѣ и безъ эполетовъ. Онѣ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что имѣеть кое-что со мной переговорить, но что тутъ не мѣсто и для того приглашаетъ меня къ себѣ на другой день поутру. Лексъ, обыкновенно столь скромный, изъ особой пріязни проговорился мнѣ, что вѣроятно будетъ мнѣ сдѣлано предложеніе занять мѣсто Петрулина, объ ожидаемой кончинѣ котораго, послѣдовавшей 6-го числа, передъ вечеромъ получено извѣстіе. Меня это чрезвычайно смутило; какъ было отказываться, но какъ было и согласиться ѣхать опять въ этотъ ужасный, для меня какъ бы неизбѣжный Кишиневъ?

Однакоже не совсѣмъ безъ бою уступилъ я требованіямъ графа. Два слова меня убѣдили; первое то, что въ настоящую минуту моимъ согласіемъ будетъ онѣ выведенъ изъ величайшаго затрудненія; второе то, что по случаю приближающагося срока для отдачи въ откупное содержаніе выкупной продажи по области, мнѣ одному можетъ онѣ съ полною довѣренностію получить сіе дѣло, и что для общей пользы, кажется, можно на нѣкоторое время пожертвовать пріятностями жизни.

Онъ прибавилъ, какъ смѣшно будетъ смотрѣть на Молдаванъ, изумленныхъ моимъ новымъ появленіемъ съ умноженіемъ власти. Однимъ словомъ, онъ нападалъ и на добрыя и на худыя стороны моего характера. Не знаю какое мнѣніе могъ онъ имѣть обо мнѣ, видя, что всегда воля его была для меня закономъ; можетъ быть, видѣлъ онъ въ этомъ слѣпое подобострастіе къ начальству. Какъ ошибался онъ! Моя безусловная покорность происходила отъ другаго чувства: отъ преданности къ избранному сердцемъ моимъ, мужу знаменитому, готовому всѣмъ жертвовать для отечества, такому, какимъ воображеніе мое тогда создало его.

Онъ хотѣлъ, чтобы, исключая Казначеева и Лекса, временное назначеніе меня въ должность вице-губернатора, по особому праву ему данному, оставалось пока въ тайнѣ даже для находившагося тутъ губернатора Катакази. Нужныя о томъ бумаги въ Совѣтъ были написаны 9-го числа, а я, не сказавъ никому о томъ ни слова, ни съ кѣмъ не простившись, 10-го числа оставилъ Одессу.

XIV.

Погода и дорога были прескверныя. Уставши, въ Тирасполѣ остановился я переночевать на какомъ-то постояломъ дворѣ. Я тутъ оставался не долго: начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Сергій Ѳеодоровичъ Ж..., въ отсутствіе генерала Сабанѣева исправлявшій должность корпуснаго командира, прислалъ убѣдительно просить меня къ нему переѣхать. У него нашелъ я отличный пріемъ, славный ужинъ и мягкую чистую постель. Все прекрасно; но онъ поразилъ меня ужасною вѣстію, что въ Изамаилѣ открылась сильная чума, и что въ слѣдствіе сего извѣстія, только что полученнаго, едва ли по Днѣстру не приняты всѣ строгія карантинныя мѣры. Случись это сутокъ двое или трое прежде, и вѣроятно я не рѣшился бы ѣхать.

Вѣрно изобразить г. Ж... я колеблюсь. Многимъ покажется, что я плачю ему неблагодарностію за его гостепріимство; да развѣ я не обязался исправно дань платить истинѣ? Если кто захочетъ порыться во второй части этихъ Записокъ, тотъ найдетъ въ Казани родителей Ж. . . . , отставнаго сенатора и супругу его, которые, не смотря на свои ласки, произвели на меня ужасное впечатлѣніе; тутъ мимоходомъ упомянулъ я и объ немъ. Въ самой первой молодости служилъ онъ въ гвардіи, потомъ въ арміи, всегда въ военной службѣ; не понимаю, какъ онъ выбралъ этотъ путь. Я бы могъ умолчать объ его необычайной трусости, если бы въ рѣдкихъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ находился, онъ свидѣтелемъ ея не сдѣлалъ все войско. Въ тоже

время былъ онъ чрезвычайно жестокъ съ подчиненными, особенно съ нижними чинами, и чрезмѣрно ласковъ съ тѣми въ коихъ полагалъ имѣть надобность: однимъ словомъ, при умѣ болѣе чѣмъ посредственнымъ, имѣлъ все пороки низкихъ душъ. Дивизионная квартира его находилась въ Кишиневѣ; узнавъ объ отпѣнномъ ко мнѣ благорасположеніи начальника своего Сабанѣва, также и графа Воронцова, изъ коихъ первый просто его не любилъ, а послѣдній не могъ скрывать отвращенія своего отъ него, онъ надѣялся черезъ меня попасть къ нимъ въ милость и душилъ меня своими ласками. Какъ умѣлъ, отдѣлывался я отъ нихъ; но во время Молдавскаго гоненія на меня, онъ сталъ чаще меня посѣщать и оказывать все знаки уваженія и дружелюбія; противъ этого не совсѣмъ я устоялъ, и вотъ какого рода были наши связи.

Долго проспалъ я слѣдующимъ утромъ: и самъ я не очень спѣшилъ выѣздомъ, да и Ж. . . . удерживалъ меня до завтрака, то есть до обѣда. Не весело же мнѣ будетъ въ Кишиневѣ, думалъ я: вѣроятно Катакази прямо изъ Одессы отправится въ Измаилъ, а областію управляетъ Курикъ, и мнѣ придется съ нимъ имѣть дѣло; тогда со всехъ сторонъ мы будемъ заперты. Сердце у меня сжалось, когда я переѣхалъ черезъ Днѣстръ: мнѣ казалось, что я вхожу въ тюрьму, и за мной запираются двери. Шестидесять верстъ скоро можно сдѣлать, и 11-го числа въ девять часовъ вечера пріѣхалъ я въ любезный Кишиневъ. Я даже не въѣхалъ къ себѣ прямо на квартиру, а остановился въ небольшомъ Нѣмецкомъ трактирѣ, противъ строенія, въ которомъ были засѣданія Совѣта. Тотчасъ послалъ я просить къ себѣ полиціймейстера Радича, ему одному объявилъ свою тайну и просилъ, чтобы о назначеніи и пріѣздѣ моемъ никто въ городѣ не зналъ.

На другой день, 12-го числа, въ день моего рожденія, смотрѣлъ я въ окно и видѣлъ, какъ все члены Совѣта одинъ за другимъ пріѣзжали въ него. Когда все были собраны, надѣлъ я мундиръ и закутаный перешедъ улицу, внезапно явился посреди нихъ. Сіе появленіе Французъ могъ бы назвать *coup de théâtre*: изумленіе и досада изобразились на всехъ лицахъ; я объявилъ, что никогда не возвращусь, и они опять меня видятъ! Болѣе всехъ казался смущеннымъ Арсеньевъ; не сядя и не говоря ни слова, подалъ я ему пакетъ. Его распечатали, прочитали и велѣли написать журналъ о допущеніи меня къ должности. Курияка не было; желая показать усердіе и дѣятельность и вѣроятно почитая себя настоящимъ губернаторомъ, также поскакалъ онъ въ Измаилъ; должность же сію сдать председателю гражданскаго суда брадатому Молдавину Башоту, предобрѣйшему старику, который, не смотря ни на кого, одинъ протянулъ ко мнѣ свои объятія. Какъ я ни

за что не воротился бы къ званію члена Совѣта, то и возсѣлъ я на вице-губернаторскомъ мѣстѣ.

Прямо изъ Совѣта поѣхалъ я въ Казенную Экспедицію, гдѣ нашелъ двухъ осиротѣвшихъ совѣтниковъ, Кармазина и Вилима, честныхъ, добрыхъ и свѣдущихъ людей, сподвижниковъ Петрулина, которые съ нимъ вмѣстѣ по желанію его переведены были съ нимъ изъ Херсона. Объявленіемъ, что я долженъ заступить его мѣсто, были они чрезвычайно утѣшены. Не вступая еще въ должность, я попросилъ ихъ дать мнѣ общее понятіе, въ коемъ находится казенная часть; начиная же съ слѣдующаго утра, исправно и ежедневно присутствовалъ въ экспедиціи.

Между людьми гражданскаго вѣдомства, управляющими какою-либо частью, есть слабость находить дурнымъ все, что сдѣлали ихъ предшественники и все, что дѣлаютъ ихъ преемники; про меня читатель этого не скажетъ. Менѣ чѣмъ въ годъ Петрулинъ успѣлъ казенныя дѣла извлечь изъ хаоса, въ которомъ оставилъ ихъ Крупенской; правда, при разстроенномъ здоровьѣ, какъ ретивый конь, онъ уморилъ себя. Мнѣ же очистилъ онъ путь къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ и облегчилъ трудъ, оставивъ хорошее наслѣдство, опытныхъ сотрудниковъ. Всѣмъ онъ казался дикъ: сказывали, что, лишившись любимой жены, онъ началъ чуждаться общества и въ молчаніи все тосковалъ объ ней; можетъ быть, въ упорномъ трудѣ искалъ онъ разсѣянія. Чистая душа его, я надѣюсь, блаженствуетъ теперь въ иномъ мірѣ съ подругой, не опасаясь новой разлуки. Никто даже по заочности не могъ упрекнуть его ни въ чемъ, но вообще его мало понимали и не умѣли цѣнить. Рѣдкій человѣкъ, мало извѣстный и давно забытый, до конца жизни моей останешься ты для меня драгоценнымъ воспоминаніемъ.

Того же дня, 12 числа, переѣхалъ я опять въ сосѣдство къ Авдотѣ Ивановѣ. Всѣ ея окошки были на дворъ; каково ей было видѣть 14-го числа, въ день моихъ именинъ, какъ этотъ дворъ, обыкновенно пустой, покрылся всякаго рода экипажами? Я никого еще не успѣлъ посѣтить, но большая часть жителей, въ томъ числѣ много Молдаванъ, придрались къ случаю, чтобы пріѣхать меня поздравить. Каково было Авдотѣ Ивановѣ узнать, что, для пріема великаго числа гостей, долженъ былъ я открыть парадныя комнаты намѣстника? Ея непріязненные ко мнѣ чувства вѣроятно отъ того не уменьшились.

Возвратился Куригъ, и сутокъ не пробывши въ Измаилѣ, куда пріѣхалъ настоящій губернаторъ. Не позволяя себѣ никакой личности, по дѣламъ службы искалъ онъ со мною ссоры, а я уклонялся отъ нихъ. Напримѣръ, разъ пріѣхалъ онъ въ экспедицію, чтобы свидѣтельствовать казну: я объяснилъ ему, что сіе дѣлается только въ началѣ

мѣсяца, но что впрочемъ, какъ мнѣ самому желательнѣе знать все ли въ исправности, то я согласенъ исполнить его требованіе. Все найдено цѣло и въ порядкѣ, что ему весьма не понравилось. Сперва не могъ смотрѣть я безъ досады на его управленіе, потомъ казалось оно мнѣ забавнымъ; онъ безпрестанно дурачился, съ утра до полуночи мучилъ себя и бѣдный канцелярскій народъ, проводя всѣ вечера въ областномъ правленіи, гдѣ при свѣчкахъ онъ все писалъ, писалъ и заставлялъ переписывать. Такою дѣятельностію думалъ онъ подслужиться графу, дабы попасть на мѣсто Катакази, а вмѣсто того своими нескончаемыми донесеніями, болтливыми посланіями обо всякихъ мелочахъ надобѣлъ ему до чрезвычайности.

Вскорѣ получено было изъ столицы самое печальное извѣстіе. Я провелъ большую часть жизни въ Петербургѣ и съ сокрушеннымъ сердцемъ узналъ о его потопленіи. Не знаю отчего, но тогда же сіе событіе показалось мнѣ предвѣстникомъ другихъ еще несчастнѣйшихъ. Съ другой стороны близость чумы, мрачное, холодное осеннее время, все располагало меня къ ипохондріи. Бывали минуты, въ которыя до того я чувствовалъ себя разстроеннымъ, что съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ.

Со всѣмъ тѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову заняться бездѣльемъ, дабы по возможности разогнать тоску вокругъ меня царствующую въ цѣломъ городѣ. Въ публичномъ саду, уже не по одному имени, для публичныхъ увеселеній выстроена была на улицу большая каменная галлерея или зала съ тремя или четырьмя комнатами вокругъ. Она находилась въ нѣкоторомъ заустѣвни, и мнѣ хотѣлось завести въ ней балы. Я отыскалъ нѣкоего Жозефа, Богъ вѣсть какъ попавшаго къ намъ; изъ бумагъ и атестатовъ его увидѣлъ я, что онъ находился поваромъ и метрдотелемъ сперва у герцога Ангальтъ-Кѣтенъ-Плескаго, а потомъ у принцессы Элизы Бачіюки, сестры Наполеона. Это исполнило меня къ нему благоговѣніемъ, и я предложилъ ему сдѣлаться содержателемъ сихъ баловъ съ условіемъ, что сборъ съ посѣтителей будетъ весь ему принадлежать, но за то отопленіе, освѣщеніе и прочая и прочая, даже нѣкоторыя поправки въ залѣ, должны быть на его счетъ. Онъ на все охотно согласился.

Русское общество, весьма умножившееся, когда я объявилъ ему о своемъ желаніи, первое изъявило согласіе содѣйствовать его исполненію. Отъ генерала Ж. . . . , усердствовавшаго въ семъ дѣлѣ, получилъ я обѣщаніе не слишкомъ строго взыскивать съ молодыхъ офицеровъ за несоблюденіе формы на сихъ вечеринкахъ и сіе обѣщаніе имъ передалъ. Съ его же соизволенія полковникъ Остафьевъ даромъ

далъ намъ свою полковую музыку. Наконецъ, и съ Молдавской стороны пришла неожиданная помощь.

Была одна добрая, сумашедшая старушка, госпожа Богданъ, которая оставила Яссы единственно потому, что у нея былъ тамъ сынъ съ предливной бородой и внукъ съ изряднымъ усомъ, а ей все еще хотѣлось казаться молодою. Она получила нѣкоторое образованіе и какимъ-то непонятнымъ Французскимъ языкомъ описала путешествіе свое въ Италіи. Она была богата и имѣла большой вѣсъ между земляками. Не знаю какъ ей вздумалось свататься за меня; я, разумѣется, не позволилъ себѣ отказать отъ ея руки и просилъ только времени на размышленіе. Этимъ временемъ пользовался я, чтобы заставить ее дѣлать чтò хочу. Я увѣрилъ ее, что на этихъ балахъ будетъ она царицей, а какъ царицѣ нуженъ дворъ, то и просилъ ее, чтобъ она склонила молодыхъ коконъ и коконицъ участвовать въ сихъ увеселеніяхъ; сіе было ей не трудно, ибо имъ самимъ до смерти хотѣлось танцовать. Немногіе однакожь изъ бояръ согласились отпускать женъ и дочерей на сіи вечера; только тѣ, которые искали со мною примиренія и показывали, будто мнѣ изъ уваженія сіе дѣлали. О молодыхъ Молдаванахъ и говорить нечего: имъ бы только поплясать. Во всѣхъ земляхъ, куда проникаетъ Европейское просвѣщеніе, первымъ дѣломъ его бывають танцы, наряды и гастрономія.

Дѣло шло весьма успѣшно: въ первомъ собраніи было до полутора ста человекъ, а въ продолженіи зимы число посѣтителей обоого пола доходило иногда до трехъ сотъ. Будучи озабоченъ дѣлами одной только Клазенной Экспедиціи, было у меня довольно времени, чтобы заниматься такими пустяками, какъ иные называли это. Однакоже все какъ-то смотрѣло веселѣе, бодрѣе по Русской пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Однажды нашель я веселящихся въ нѣкоторой тревогѣ: они почувствовали легкій ударъ землетрясенія, котораго на вѣздѣ, къ сожалѣнію моему, замѣтить я не могъ. Никогда не удалось мнѣ видѣть дѣйствіе сего феномена, не рѣдкаго въ Бессарабіи.

Вотъ какимъ грустнымъ и вмѣстѣ веселымъ образомъ оканчивался для меня 1824-й годъ. Съ неизъяснимымъ чувствомъ непонятнаго страха смотрѣлъ я на приближеніе ужаснаго, для меня столь мучительнаго 1825 года. Опасность для государства въ 1812 году была очевидна, по крайней мѣрѣ можно было, такъ сказать, ее измѣрить; а тутъ что-то мрачное, неугаданное, непостижимое, подымаясь на даль-

немъ горизонтѣ, казалось, грозитъ тебѣ. Описанію сей суровой эпохи моей жизни, если достанетъ силъ, намѣренъ я посвятить слѣдующую часть моихъ Записокъ.

За два дня до Рождества пожаловалъ ко мнѣ г. Курикъ съ видомъ не гнѣвнымъ, однако и не веселымъ. Онъ привезъ мнѣ копію Высочайшаго указа, подписаннаго 1 Декабря, объ утвержденіи меня въ званіи вице-губернатора. Болѣе десяти дней частнымъ образомъ былъ о томъ я увѣдомленъ, но въ Сенатѣ исполненіе указовъ всегда встрѣчаетъ небольшую проволочку. Онъ предложилъ мнѣ по краткости времени и по случаю закрытія присутственныхъ мѣстъ собрать Совѣтъ для приведенія меня къ присягѣ и вслѣдъ затѣмъ согласно постановленіямъ передать мнѣ губернаторскую должность. На первое я тотчасъ согласился, а второе пропустилъ въ молчаніи. Онъ принялъ это за уклоненіе отъ исполненія этой обязанности, съ которой такъ жаль было ему разстаться. Оно дѣйствительно такъ было, но формально отказать я бы не смѣлъ. Нѣсколько времени оно такъ длилось, пока отъ графа не получилъ онъ строгаго замѣчанія и предписанія сдать мнѣ бразды правленія, что было исполнено 5 Января уже 1825 года. Часовое калифатство мое также долженъ я перенести въ слѣдующую часть.

Конецъ шестой части.

ЗАМѢЧАНІЯ

Н А

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

БЕССАРАБІИ.

Писано въ Октябрѣ 1823 года.

Сочиненіе Ф. Ф. Вигеля.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892.

Эти замѣчанія составляютъ приложение къ шестой части Записокъ Ф. Ф. Вигеля.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ БЕССАРАБІИ.

Бессарабская область составлена изъ двухъ частей, совсѣмъ почти между собою различныхъ. Первая изъ нихъ, заключающая въ себѣ цынуты: Хотинскій, Яскій и Оргѣевскій, до послѣдняго трактата съ Турками собственно принадлежала Молдавскому княжеству; другая же половина (Буджакъ, т. е. по-турецки Кливъ именуемая, и также на три цынута: Бендерскій, Аккерманскій и Измаильскій) раздѣленная, была еще недавно занимаема кочующими Татарами и состоитъ изъ необозримыхъ равнинъ и степей, подобныхъ тѣмъ, кои находятся въ сосѣдственной и прилежащей къ ней Херсонской губерніи. Въ первой изъ сихъ частей живутъ почти одни природные Молдаване, другая же населена Русскими, Болгарскими, Польскими и Нѣмецкими колонистами. Земли и селенія въ первыхъ трехъ цынутахъ принадлежатъ почти вообще помѣщикамъ и разнаго рода владѣльцамъ; въ послѣднихъ же все казенное, за исключеніемъ пожалованныхъ земель и хуторовъ митрополіи Кишиневской, Армянскому архіерейскому дому, отведенныхъ для колонистовъ и вновь пожалованныхъ разнымъ лицамъ.

Весьма трудно опредѣлить число жителей сей области, ибо непосредственныя казенныя подати, бирь и даждія, собираются не поголовно, а съ семействъ, и въ казенно-экономическую экспедицію областного правительства доставляется только исчисленіе сихъ послѣднихъ; примѣрно же полагается жителей обоего пола, разныхъ сословій и происхожденій, до 450 тысячъ. Само собою разумѣется, что число Молдаванъ, въ Бессарабіи живущихъ, превышаетъ число жителей каждой изъ другихъ націй, въ ней поселенныхъ. Но если оныя взять въ сложности, т. е. всѣхъ Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Поляковъ, Армянъ, Цыганъ и Евреевъ, то число Молдаванъ едва ли третью долю противъ нихъ составитъ.

Всѣ сіи жители Бессарабіи раздѣлены на слѣдующіе классы: 1) духовенство, 2) дворяне, 3) бояре наши, или личные дворяне, 4) мазылы, что соответствуетъ нашимъ однодворцамъ, 5) рупташи (поповичи), 6) кушцы и мѣщане, которые крѣпостные люди, и 7) Евреи.

Не одни дворяне, но люди всѣхъ состояній и націй, исключая Цыганъ и Евреевъ, могутъ пріобрѣтать въ Бессарабіи земли и пользоваться ими на правахъ помѣщиковъ. Обязанности же царанъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ, обрабатывающихъ сіи земли, къ владѣльцамъ оныхъ узаконеніями весьма ограничены.

Если преимущества дворянъ въ Бессарабіи не столь велики, какъ въ другихъ частяхъ Россійскаго государства, то число ихъ и права на сіе достоинство также весьма маловажны. Только семь или восемь фамилій, и именно: Стурдзы, Бальши, Россеты, Доници, Крупенскіе, Палладіо, Катаржи и Рышканѡ происходятъ отъ Молдавскихъ боярѡ. Всѣ же прочія, коихъ число полагаютъ до восьмидесяти, были слугами боярѡ до послѣдней войны между Россіей и Турціей. Въ сіе время пристали они къ нашей арміи, приняли разныя должности, были комиссіонерами, поставщиками, подрядчиками, шпионами и факторами, разными способами составили себѣ довольно значительныя капиталы, выпросили себѣ чины и, наконецъ, воспользовавшись протезміей или полуторогодовымъ срокомъ, даннымъ для обмѣна или продажи имѣнія въ той землѣ, которую оставить подданные обѣихъ державъ намѣревались, приобрѣли за безцѣнокъ хорошія имѣнія по сю сторону Прута.

Букарестскимъ трактатомъ Бессарабія присоединена была къ Россіи въ несчастномъ, но славномъ 1812 году. Спасая независимость цѣлаго государства, правительству некогда было тогда думать объ устройствѣ вновь приобрѣтеннаго лоскута земли. Важнѣйшія происшествія наполнили три слѣдующіе года, и когда въ 1816 году во всей Европѣ сдѣлался миръ, то вспомнили тогда и о Бессарабіи. Въ сей области между тѣмъ безпорядокъ успѣлъ установиться. Съ начала управлялъ ею осьмидесятилѣтній, едва двигающійся старецъ Стурдза до тѣхъ поръ, пока силы его не оставили. Преемникомъ его былъ генералъ Гартингъ, который усердно принялся за исправленіе неустойчивъ сего края и, имѣя весьма мало къ тому средствъ, успѣлъ однакоже ввести нѣкоторый порядокъ въ судахъ, учредить карантинныя, полицію, госпиталь, острогъ, сдѣлать нѣчто похожее на правленіе. Къ несчастію, подозрѣніе въ корыстолюбіи лишило его довѣренности Государя, а вскорѣ потомъ и мѣста, имъ занимаемаго. Генералъ Бахметевъ, назначенный потомъ намѣстникомъ, долженъ былъ всѣ безпорядки исправить; но сей заслуженный воинъ, честный, добрый, а можетъ быть и умный человекъ, ввѣрился, какъ сказываютъ, недостойнымъ любимцамъ, и надежды на лучшее состояніе сей земли опять исчезли. При семъ намѣстникѣ хотѣли существующему въ Бессарабіи безпорядку дать по крайней мѣрѣ какую-нибудь форму, и сдѣланъ былъ проектъ образованія области. Составленіе проекта поручено было г. Крилицкому, правителю канцеляріи намѣстника, имѣ изъ Подольской губерніи привезенному, человеку умному, но какъ видно не имѣющему довольно способностей и познаній для труда такого рода; къ тому же замѣтить должно, что ему велѣно было сдѣлать оный на срокъ, и времени дано было весьма мало. Недостатки сего образованія вѣроятно замѣчены были самимъ Государемъ, ибо ему угодно было одобрить только оный, но не утвердить, и подвергнуть испытанію. Опытъ показалъ, кажется, еще болѣе его несовершенства.

Къ нравственному злу присоединилось въ концѣ 1819 года еще и физическое: моровая язва появилась въ нѣкоторыхъ цыгутахъ. Два сенатора, Хитровъ и князь Гагаринъ, путешествовали въ сіе время для обозрѣнія сосѣдственныхъ губерній; хотя уже чума между тѣмъ и прекратилась, имъ

вѣдно было заглянуть въ Бессарабію. Молдаване воспользовались симъ случаемъ, чтобы обвинять начальника своего въ злоупотребленіяхъ. Жалобы ихъ могли быть до нѣкоторой степени основательны, но конечно генералъ Бахметевъ былъ безвиннѣе тѣхъ людей, которые изъявили противъ него неудовольствіе. Желанія ихъ исполнились: онъ долженъ былъ удалиться.

Бессарабія поручена была временному правленію генерала Инзова, главнаго попечителя колоній Южнаго края. Долговременная служба, рѣдкая честность его и большая дѣятельность въ маломъ кругу его прежнихъ занятій обратили на него вниманіе Государя. Вскорѣ потомъ вѣрены ему были и три Новороссійскія губерніи. Такое бремя было гораздо выше силъ его. Безпрестанно въ трудахъ, безпрестанно въ заботахъ, не могъ онъ произвести ничего полезнаго; истощая время свое въ разныхъ мелочахъ, входя во всякія подробности, упущалъ онъ изъ виду всѣ важные предметы. Ходъ дѣлъ оставался, беспорядки возрастали, все шло къ совершенному разстройству. Такое положеніе не могло быть продолжительно, перемѣна дѣлалась необходима и, не взирая на самолюбіе, сродное всякому человѣку, увѣряютъ, что генералъ Инзовъ самъ въ томъ сознавался. Назначили новаго намѣстника, а прежній возвратился опять къ мирнымъ своимъ занятіямъ.

Дѣятельность, вовсе неизвѣстная жителямъ здѣшняго края, ознаменовала первые шаги новаго начальства. Подобно электрическому удару поразила она иныхъ, другихъ оживила. Но какое рвеніе ко благу общему, какія усилія ему потребны, чтобы истребить вѣковое зло, чтобы исправить грубые нравы, дать понятіе о чести людямъ, не подозрѣвающимъ ея существованія, чтобы сотворить все тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, однимъ словомъ сдѣлать все возможное добро сей несчастной, хотя изобильной землѣ? Беспорядки въ ней безчисленны. Постараемся означить главнѣйшія и указать потомъ, сколько понятія наши позволяютъ, на способы къ ихъ прекращенію.

О Верховномъ Совѣтѣ.

Слѣдую природному милосердію и здравой политикѣ, Государь всѣмъ народамъ, покореннымъ его оружіемъ, оставляетъ прежніе законы и обычаи, всѣ права и преимущества, коими пользовались они до завоеванія. Намъ казалось, что счастье сдѣлаться подданными великаго и добраго Государя, честь принадлежать къ великому народу, болѣе другихъ въ послѣднемъ столѣтіи прославившемуся, и соединить судьбу свою съ великими судьбами, кажется, Промыслomъ ему предназначенными, безопасность отъ вторженія непріятельскаго подъ защитою Великой Державы (ибо ни одинъ сильный завоеватель съ оружіемъ въ рукахъ не ступалъ на священную землю Русскую, чтобы не понести за то жестокаго наказанія и не лишиться вскорѣ потомъ престола и жизни): все сіе должно бы быть достаточно, чтобы утѣшить ихъ и вознаграждать за перемѣну правительства слабаго и иногда чуждаго *). Но удержимся отъ разсужденій, не входящихъ въ предметъ нашихъ замѣчаній.

*) Жители Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи суть Маймисты и Латыши, владѣютъ же ими Нѣмціи рыцарскія фамиліи. Минская губернія, Волынь и Подолія населены Русскими

Бессарабская область не только, въ сходствіе съ Отзейскими провинціями и губерніями обратно отъ Польши къ Россіи присоединенными, состоитъ на особыхъ правахъ, но подобно Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому, имѣеть какое-то особое политическое существованіе. Она лежитъ между трехъ Имперій, и отъ Австріи и Турціи, равно какъ и отъ Россіи, отдѣляется карантинными и таможенными линиями; но чтò болѣе отличаетъ ее отъ другихъ нашихъ владѣній: она имѣеть собственное свое высшее судилище. Сіе судилище украшено великолѣпнымъ титуломъ Верховнаго Совѣта; оно должно состоять изъ мужей опытѣйшихъ сего края. Самъ намѣстникъ въ немъ предсѣдательствуетъ, первые четыре чиновника области въ немъ засѣдаютъ, приговоры его должны исполняться безпрекословно, не было на него апелляцій и, рѣшая по примѣру парламентовъ прежнихъ Французскихъ провинцій, или лучше сказать, по примѣру Молдавскаго и Валахскаго дивановъ, всѣ дѣла гражданскія, имѣеть онъ предъ сими послѣдними еще преимущество завѣдывать дѣлами распорядительными, исполнительными, казенными и экономическими, также и апелляціонными (гражданскими), уголовными и слѣдственными; однимъ словомъ, соединяетъ въ себѣ власть исполнительную, законодательную и судебную. Но какъ употребляетъ онъ сію власть, какъ оправдываетъ такую высокую довѣренность и изъ какихъ людей состоитъ онъ, увидимъ мы ниже сего.

Для сужденія по дѣламъ гражданскимъ, производящимся на Молдавскомъ языкѣ, назначены Понедѣльникъ, Среда, Четвертокъ и Суббота: въ сіи дни предсѣдателемъ областный дворянства маршалъ, а присутствуютъ пять депутатовъ отъ выборовъ и два члена отъ короны. По Вторникамъ же и Пятницамъ производство дѣлъ по-русски; бывають намѣстникъ, губернаторъ, вице-губернаторъ и оба предсѣдателя: тогда полное собраніе, и занимаются дѣлами исполнительными и казенными. Но какъ всякаго рода дѣла должны поступать въ Совѣтъ, а только два дни въ недѣлю дается для ихъ разсмотрѣнія: то спрашивается какая медленность должна происходить отъ того, и какъ губительна она, особенно для части полицейской, гдѣ малѣйшее промедленіе часто сопряжено съ великимъ вредомъ для пользы общей?

Видя сіи неудобства, казалось непонятнымъ, какъ могъ бывшій намѣстникъ Бахметевъ, подъ наблюденіемъ котораго сочинялся проектъ образованія области и представившій его на Высочайшее утвержденіе, какъ могъ онъ такимъ образомъ дать оковать себѣ руки и лишить себя способовъ дѣйствовать безпрепятственно для пользы службы? Болтливость одного хитраго, хотя и неосторожнаго человѣка (г. Курика), большаго пріятеля г. Криницкому, редактору образованія, пояснила намъ сію задачу, и вотъ исторія учрежденія Совѣта.

Греческаго исповѣданія, а управляются Поляками-Католиками. Финны населяющіе Финляндію не имѣють ничего общаго, ни происхожденія, ни языка со Шведами, которыхъ они не любятъ, но которыхъ законами они управляются. Христіанская Грузія была подъ игомъ Персіанъ-Магометанъ; Польшей до насъ владѣли Саксонцы или Французы, а Молдавіей Греки, по назначенію Турокъ, и первыхъ они еще болѣе ненавидятъ, чѣмъ послѣднихъ.

Генераль Гартингъ, мало свѣдущій въ дѣлахъ до управленія касающихся, и опасаясь отвѣтственности, по самымъ похвальнымъ побужденіямъ, съзывалъ всѣхъ предсѣдателей и совѣтниковъ разныхъ присутствій, чтобы совѣщаться съ ними о дѣлахъ области, узнавать нужды ея и способы къ удовлетворенію, и часто руководствовался ихъ мнѣніями. Сей порядокъ вещей былъ признанъ и одобренъ, и такъ составилось присутствіе подъ названіемъ общаго собранія. Принявъ должность намѣстника, генераль Бахметевъ нашелъ оное затруднительнымъ и неприличнымъ и желалъ перемѣнить при новомъ образованіи. Учрежденіе Верховнаго Совѣта представлено ему было совсѣмъ въ иномъ видѣ; нѣкоторые хитрые Молдаване успѣли его увѣрить, что власть его чрезъ то распространится, что Верховный Совѣтъ будетъ, такъ сказать, находиться при его особѣ и что вліяніе его даже на рѣшенія всѣхъ судовъ будетъ непосредственное. *Властолюбивый, но лекомысленный Бахметевъ* (точные слова Курика) всему повѣрилъ, не подозрѣвая никакой тонкости и, безо всякаго внимательнаго разсмотрѣнія, представилъ проектъ Государю. Ошибку свою замѣтилъ онъ только тогда, какъ съ наступленіемъ 1819 года Совѣтъ воспріялъ свое дѣйствіе; но уже было поздно. Встрѣчая на каждомъ шагу упорство во власти, которую онъ самъ себѣ противопоставилъ, сердился онъ, принималъ строгія мѣры. Ему указывали на точный смыслъ образованія; люди, которые наканунѣ были у ногъ его, приняли видъ защитниковъ правъ народныхъ противъ самовласти; со всѣхъ сторонъ начались жалобы, досады, интриги, вражда *). При семъ случаѣ должно замѣтить, что г. Криницкій, правитель канцеляріи намѣстника и его довѣренная особа, писалъ проектъ образованія. Ему въ умѣ и знаніи дѣлъ отказать нельзя; что же можно подумать о его характерѣ, и какъ не пожалѣть генерала Бахметева, столь несчастливаго въ своемъ выборѣ?

Боже сохрани насъ отъ желанія видѣть въ рукахъ начальниковъ губерній власть неограниченную! Сегодня мы счастливы, сегодня у насъ начальникъ умный, справедливый, просвѣщенный, безкорыстный; но кто можетъ ручаться, что завтра не пришлютъ къ намъ по неспособности къ фронтовой службѣ такого генерала, отъ котораго горько намъ придется, или храбраго и честнаго, но бессмысленнаго рубаку, который, принимая всякое дѣло немного затруднительное за Гордіевъ узелъ, начнетъ рубить его какъ неприятельскія головы? Однакоже въ здѣшней необразованной землѣ видѣтъ Русскаго генерала почти въ опеку у этихъ варваровъ больно для всякаго Русскаго сердца. Чтобы водворить въ семъ краѣ порядокъ, просвѣщеніе, правосудіе, необходимо еще желѣзнымъ жезломъ вооружить на нѣкоторое время руку намѣстника.

Долго сами жители не могли вѣрить важности Совѣта; изъ областнаго правительства хотѣли сначала возвратить указы, имъ въ отсутствіе намѣстника насылаемые; но скоро увидѣли, что онъ Ареопагъ не на шутку.

*) Тогда еще не было двухъ членовъ отъ короны. Намѣстникъ имѣлъ голосъ какъ предсѣдатель; но пять депутатовъ, маршалъ и чиновникъ отъ короны, которые почти всѣ Молдаване, имѣли всегда на своей сторонѣ большинство голосовъ.

Что произошло наконецъ отъ несогласія Бахметева съ Верховнымъ Совѣтомъ? Старался ли онъ доставить какія нибудь выгоды казнѣ, принималъ ли онъ какія нибудь общеплезныя мѣры, всегда встрѣчалъ онъ затрудненія, если не явно, то тайно ему враждующимъ Совѣтомъ противопоставляемыя. Чтобы устранить сіи затрудненія, часто долженъ онъ былъ нарушать правила начертанныя въ образованіи; все замѣчалось, все ставилось ему въ вину; не только посылались на него жалобы, депутаціи отправлялись въ Петербургъ, чтобы у престола донести о его несправедливостяхъ.

Съ своей стороны сей намѣстникъ и преемникъ его употребляли всѣ средства, дабы обезсилить или унижить Совѣтъ *). Генераль Инзовъ дѣйствовалъ однакоже осторожнѣе, или лучше сказать, мало дѣйствовалъ, умѣлъ болѣе владѣть собою, въ чрезвычайныхъ случаяхъ испрашивалъ всегда Высочайшее разрѣшеніе и при новыхъ выборахъ (въ началѣ 1822 года) довольно искусно умѣлъ удалить строптивѣйшихъ изъ членовъ. Такимъ поведеніемъ прикрывъ онъ конечно свою отвѣтственность; но какую пользу чрезъ то доставилъ онъ здѣшнему краю?

Маршалъ и депутаты прежняго выбора намъ мало извѣстны; въ похвалу же теперешняго маршала, Янки Стурдзы, скажемъ только, что онъ во всемъ отличенъ отъ своихъ соотечественниковъ. Его почти нельзя считать Молдаваномъ, ибо онъ никогда не заводилъ тяжбъ, не входилъ ни въ какіе подряды, исправно заплатилъ наслѣдственные долги, а самъ ихъ никогда не дѣлалъ, ни предъ кѣмъ не ползалъ и ни противъ кого не интриговалъ, образъ жизни его и образъ мыслей совсѣмъ Европейскіе; непонятно, какъ онъ былъ выбранъ! Съ его правилами, но съ большею живостію въ умѣ и пылкію въ характерѣ, могъ бы онъ быть весьма полезенъ; къ сожалѣнію, довольствуется онъ тѣмъ, что заслуживаетъ уваженіе и любовь общества своимъ кроткимъ, учтивымъ обхожденіемъ и признательность низкаго состоянія людей своими тайными благодѣяніями.

Переходъ отъ сего почтеннаго человѣка къ другимъ членамъ Совѣта весьма непріятенъ. Четверо изъ нихъ, Катаржи, Доничъ, Руссовъ и Казимиръ, кажется, щеголяютъ другъ передъ другомъ слабоуміемъ и невѣжествомъ; но дурными людьми ихъ назвать нельзя, напротивъ они довольно добродушны, и здѣшніе дворяне могли бы хуже выбрать: есть изъ кого! Только жаль, что изъ сихъ членовъ есть такіе, которые, не разумѣя совсѣмъ дѣла, слишкомъ хорошо разумѣютъ свои личныя выгоды. Достаточно будетъ упомянуть о сихъ господахъ въ массѣ, но пятый депутатъ заслуживаетъ особенное вниманіе: о Прунгулѣ умолчать нельзя.

Человѣкъ сей съ умомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и съ чрезвычайною дѣятельностію. Происхожденіе его неизвѣстно; только знаемъ, что молодость свою провелъ онъ слугою въ домѣ Димитрія Стурдзы; потомъ по растороп-

*) Сіе тѣмъ между прочимъ доказывается, что, для уменьшенія его наружной важности въ глазахъ жителей, самый домъ, для его засѣданій избранный, по тѣснотѣ своей и безобразію едва ли бы приличенъ былъ для помѣщенія нижняго земскаго суда.

ности своей и, выучась грамотѣ, сдѣлался въ семь домѣ писаремъ и наконецъ повѣреннымъ и ходилъ за дѣлами. Въ семь положеніи застала его наша армія, занявшая Молдавію въ 1806 году. Скоро снискалъ онъ покровительство нѣкоторыхъ начальниковъ и свелъ знакомство и дружбу съ комиссіонерами провіантскими; бывъ въ частыхъ съ ними сношеніяхъ, довольно хорошо научился Русскому языку и нѣкоторымъ Русскимъ обычаямъ и сдѣлался наконецъ поставщикомъ на армію. По заключеніи мира, по сю сторону Прута купилъ онъ имѣніе и поселился въ Кишиневѣ; тутъ начинается блестящая эпоха его жизни. Къ природнымъ способностямъ и пріобрѣтенной опытности присоединивъ новыя познанія, мудрено ли ему было сдѣлаться оракуломъ Бессарабіи? Онъ одинъ два трехлѣтія съ ряду былъ выбранъ депутатомъ въ Совѣтъ и сохранить, вѣроятно, сіе званіе до конца жизни, если Совѣтъ не будетъ уничтоженъ. Собственнымъ могуществомъ и посредствомъ сыновей, зятя, родственниковъ, сватовъ и кумовей, которыхъ вслѣдъ за собою вытаскилъ онъ изъ грязи, дѣйствуетъ онъ на все, что въ сей области происходитъ. Что касается до его характера и наружности, то ссылаемся на всѣхъ кто его видѣлъ: есть ли въ мірѣ лицо лучше выражающее подлость, лукавство и вмѣстѣ наглость? А на тѣхъ кто имѣлъ съ нимъ дѣло, не живо ли изображаетъ лицо свойства его душевныя?

Разбирательство апелляціонныхъ гражданскихъ дѣлъ происходитъ здѣсь самымъ страннымъ образомъ. Намѣстникъ и первые четыре чиновника области обыкновенно въ эти дни не присутствуютъ, два члена отъ короны не знаютъ Молдавскаго языка, робкій маршалъ не довѣряетъ своему разсудку, а депутаты, по выслушаніи дѣла, обращаются къ одному изъ своихъ сочленовъ, который беретъ на себя растолковать оное, и произноситъ наконецъ рѣшеніе; всѣ тотчасъ пристають къ его мнѣнію, рѣдко осмѣливаясь возражать. Но кто же сей верховный судья, отъ котораго зависитъ участь и мнѣніе жителей Бессарабіи? Тотъ самый Прункуль, о которомъ мы выше сего упоминали, тотъ самый, который, посредственно или непосредственно участвуя во всѣхъ тяжбахъ, въ одно время истецъ или отвѣтчикъ и судья. Чудовищная власть сего человѣка не сущій ли позоръ?

Въ производствѣ сихъ дѣлъ нѣтъ ни малѣйшаго порядка, ни настольнаго регистра, ни очереди. Если министръ или намѣстникъ предложитъ Совѣту заняться скорѣйшимъ окончаніемъ какого-нибудь дѣла, или корыстолюбіе Прункула возбуждается сильнымъ интересомъ, или неотвязчивость докучливаго и упорнаго просителя заставитъ пожелать скорѣе отъ него отвязаться, въ такихъ случаяхъ только спрашиваютъ дѣло у секретаря, который, порышись дня два (ибо ему съ такими судьями трудно вести порядокъ), выкопаетъ его, потомъ пишетъ докладъ и если дѣло покажется длинно и затруднительно, то оставляетъ его подъ предлогомъ собиранія нѣкоторыхъ нужныхъ справокъ, и оно опять на неопредѣленное время теряется изъ виду, и принимаются за другое дѣло. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но только весьма рѣдко и по самымъ сильнымъ побужденіямъ, совѣщанія сихъ господъ продолжаются до четырехъ часовъ; но обыкновенно собираются въ десять часовъ съ видомъ неудовольствія,

потомъ слушая дѣло съ видомъ скуки и равнодушія, болѣе шести разъ въ часъ каждый зѣвнетъ; когда же пробѣтъ двѣнадцать часовъ, то всѣ взоры поминутно устремляются на стѣнные часы въ присутствіи находящіяся; въ половинѣ перваго являются уже всѣ признаки нетерпѣнія и аппетита, кто встанетъ, сядетъ, и потомъ опять встанетъ; тѣлодвиженіями, взорами показываютъ другіе, что имъ несносно и когда, наконецъ, ударитъ часъ, то все съ шумомъ подымается, восклицая: „домой, домой, пора обѣдать“, хотя бы одну страничку оставалось дослушать изъ начатаго дѣла. Сіе зрѣлище можетъ быть забавно, но не для такого человѣка, который осужденъ его всякій день видѣть. Многіе Молдаване признаются сами, что ихъ самолюбіе страдаетъ, видя судьбу свою зависящую отъ сего каррикатурнаго сената.

Изъ сего всякій легко заключить можетъ, какая остановка должна происходить по тяжбынымъ дѣламъ, при таковомъ расположеніи Совѣта: она превосходитъ всякое описаніе. Теперь находится, говорятъ, въ Совѣтѣ до шести тысячъ дѣлъ нерѣшенныхъ, всякій годъ поступаетъ болѣе двухъ сотъ новыхъ, а рѣшено въ 1822 году, въ которомъ Совѣтъ былъ дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ годовъ, только тринадцать. Если не образъ правленія сей области, ни мода не перемѣнятся, то въ какой ужасной пропорціи будетъ возрастать число неоконченныхъ дѣлъ? Совѣтъ можно теперь сравнить съ плотиной, удерживающей теченіе дѣлъ области; но наконецъ ихъ накопленіе должно плотину сію опрокинуть, и тогда они пойдутъ далеко.

Установить совершенный порядокъ въ дѣлахъ Совѣта и дать имъ поспѣшнѣйшій ходъ, кажется, уже невозможнымъ: даже еслибъ совершилось чудо, умъ его членовъ просвѣтился, и правила ихъ очистились, то и въ такомъ случаѣ весьма трудно бы имъ было исправить всѣ сдѣланныя упущенія. Преобразовать же Совѣтъ будетъ также бесполезно, ибо кѣмъ замѣнить теперешнихъ депутатовъ? Люди хорошихъ фамилій и немного просвѣщеннѣе (коихъ число весьма ограничено) уклоняются отъ службы, а прочіе матадоры Бессарабіи были недавно, какъ выше о томъ сказано, слугами у Молдаванъ, поданныхъ Грековъ, которые въ свою очередь были рабами Турокъ. Итакъ, отъ людей стоявшихъ недавно на послѣдней степени сей рабской гіерархіи можно ли ожидать чувствъ благородныхъ, знанія законовъ и усерднаго исполненія обязанностей? Единственнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ къ прекращенію возрастающихъ отъ того золъ, кажется, уничтоженіе сего не только бесполезнаго, но и вреднаго Совѣта и учрежденіе высшей инстанціи въ столицѣ, чего начало мы и видимъ съ удовольствіемъ въ комитетѣ разбирающемъ дѣла Бальша.

Справедливость требуетъ, чтобы мы, говоря о причинахъ, препятствующихъ успѣшному ходу дѣлъ въ Совѣтѣ, не умолчали и о тѣхъ, кои дѣйствуютъ независимо отъ лѣности и ничтожества его членовъ и даже могутъ имъ служить извиненіемъ. Главнѣйшая изъ нихъ есть недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ. Всего предвидѣть нельзя. Итакъ удивительно ли, что, при составленіи штата Верховнаго Совѣта, не обращено было вниманія на маловажность суммы, для сего предмета назначенной? Не только число служащихъ

въ канцеляріи Совѣта ограничено, но и способностями и знаніями они не могутъ сравниться съ тѣми, кои употреблены въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ области. Объяснить сіе немудрено. Сіе происходитъ отъ того во первыхъ, что награжденія обыкновенно испрашиваются чрезъ начальниковъ, съ коими Совѣтъ былъ всегда въ несогласіи; въ глупой гордости своей не хотѣли члены унижать себя ходатайствомъ за подчиненныхъ, да и сами нѣмѣстники, желая, можетъ быть, лишить ихъ хорошихъ сотрудниковъ, ни мало о томъ не заботились, такъ что еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь въ Совѣтъ могъ получить чинъ, даже за выслугу узаконенныхъ лѣтъ. Къ тому должно прибавить, что депутатамъ не весьма охотно было поощрять Русскихъ въ Бессарабіи служащихъ, ибо они въ нихъ видятъ будущихъ своихъ соперниковъ. Другая причина, отвращающая всякаго служить въ канцеляріи Совѣта, есть обхожденіе Молдаванъ съ подчиненными: по ихъ прежнимъ обычаямъ писцы и самые секретари употреблялись въ домашнюю работу у присутствующихъ и судей; нѣрѣдко можно было видѣть логовета или писца, который, положивъ перо, становился за каретой своего начальника.

О дворянахъ и дворянскихъ выборахъ.

Въ началѣ сихъ замѣчаній сказали мы, что жители Бессарабіи раздѣляются на семь классовъ. Изъ нихъ одно сословіе дворянъ можно здѣсь подраздѣлить на три разряда: 1) Молдавскіе бояре, 2) набогатившіея чины и занимающіе нынѣ мѣста въ правленіи, 3) кліенты предыдущихъ, ихъ стараніями изъ мазыловъ и рупташей уже по присоединеніи Бессарабіи въ дворянскую книгу вписанные. Второй классъ пренебрегаетъ, но покровительствуетъ послѣдній, а первый ихъ обоихъ равно ненавидитъ и презираетъ.

Отъ взаимныхъ ихъ худыхъ расположеній произошли великія бури въ Бессарабіи. Боярамъ больно было видѣть прежнихъ своихъ подавателей трубокъ возсѣдающими съ ними рядомъ и даже судьями своими, и потому они составили свою партію, малочисленную, но сильную богатствомъ и давно пріобрѣтеннымъ уваженіемъ. Мѣстъ по управленію области было много, кѣмъ было ихъ наполнить? Поневоѣ должны были взяться за вчерашнихъ дворянъ. Необходимость заставляла молчать, и вражда таилась и возростала въ сердцахъ, какъ огонь подъ пепломъ. Наконецъ при первыхъ дворянскихъ выборахъ пламя раздора вспыхнуло, и началась междусобная война, еще до нашихъ дней продолжающаяся.

Въ сіе время, какъ обыкновенно бываетъ при великихъ политическихъ переворотахъ, явились на сцену люди, весьма дотогъ неизвѣстные. Первый нихъ, Баланеско Россетъ, историческое лицо новѣйшихъ временъ Бессарабіи, требуетъ, чтобы описанію его посвятить хотя съ полстраницы. Происходя отъ одной изъ первѣйшихъ фамилій Молдавіи, не любилъ онъ, говорятъ, такъ называемыхъ полезныхъ занятій и буйную молодость свою провелъ въ веселіи и удалствѣ. Презрѣніе, оказываемое ему всѣми дальними и близкими родственниками и вообще людьми одного съ нимъ сословія, возмутило гордый

духъ его; онъ поклялся вѣчною ненавистію и мщеніемъ всѣмъ дворянамъ и въ низкомъ классѣ нашелъ довольно развратныхъ людей, чтобы съ ними раздѣлять свои удовольствія. Когда всѣ счастливые мошенники кинулись изъ Молдавіи, чтобы населять и управлять Бессарабіей, то перешелъ онъ Прутъ вслѣдъ за ними ¹⁾. Но тутъ опять встрѣтилъ онъ ненавистныя имена Бальшевъ и Стурдзовъ и долженъ былъ скрываться въ неизвестности до выше-сказаннаго времени. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ онъ болѣе народности (popularité): новымъ дворянамъ лестно было видѣть среди себя знатнаго Молдавана и когда дѣло дошло до выборовъ 1818 года, то былъ онъ какъ съ триумфомъ поднять и чуть не попалъ въ предводители.

Сія эпоха будетъ незабвенна въ лѣтописяхъ здѣшняго края. Обѣ партіи явились въ залѣ митрополитскаго дома, явились со страхомъ, съ надеждой, досадой и желаніемъ мести, приняли благословеніе архипастыря и учинили присягу, а потомъ отведены были въ залу для выборовъ, въ другомъ домѣ приготовленную. Тутъ были явленія забавныя и ужасныя. Начались сильныя пренія, потомъ самыя подлые ругательства, наконецъ дѣло дошло до драки и до кровопролитія. Жизнь камергера Бальша и вице-губернатора Крупенскаго была въ опасности: утверждаютъ, что супруга послѣдняго, видя угрожаемыя дни его изъ ложи (tribune), въ коей находилась, не могла удержаться отъ восклицанія и упала въ обморокъ. Героемъ сего дня былъ натурально Баланеско: высокій его ростъ, широкія плеча, звѣрскій взглядъ, громкій голосъ, страшные усы, длинная сабля при бедрѣ его висящая и званіе спатаря (меченосца), имъ на прокатъ взятое ²⁾, все приводило въ трепетъ робкія сердца его противниковъ и придавало новую смѣлость многочисленнымъ его партизанамъ. Побѣда осталась за ними, дерзнувшіе имъ сопротивляться вышли съ окровавленными носомъ и подбитыми глазами, и по большинству голосовъ, друзья ихъ заняли всѣ мѣста въ области. Сіимъ кончились первые дворянскіе выборы въ Бессарабіи.

Для сохраненія нѣкоторой благопристойности выбранъ въ предводители дворянства старикъ Рышканѣ изъ хорошей фамиліи; въ депутаты же попали, исключая одного, все люди низкаго происхожденія. Изъ нихъ два главные, Прункулъ и Баладеско, соединили силы свои, дабы захватить всю власть въ Совѣтъ и, слѣдственно, всѣ дѣла области, и успѣли въ томъ: первый необыкновенною гибкостью, пронырствомъ и знаніемъ дѣлъ, а послѣдній неслыханною дерзостью. Скоро присталъ къ нимъ Самфираки Рале, человекъ слабоумный и безо всякихъ правилъ, но пылкій и рѣшительный и тѣмъ полезный ихъ видамъ. Тогда сей триумvirатъ всю Бессарабію заставилъ дрожать передъ

¹⁾ Онъ перешелъ черезъ Прутъ со своими Цыганами и Арнаутами почти вооруженною рукою. Въ то время была чума, и онъ не соглашался выдержать карантинъ, пробился съвозъ кордовъ и за то былъ посаженъ тогдашнимъ правителемъ Стурдзовъ въ Измаильскую крѣпость, гдѣ и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сіимъ наказаніемъ былъ онъ избавленъ отъ ссылки.

²⁾ Генералъ Иззовъ, по самымъ неоспоримымъ доказательствамъ его земляковъ, снялъ съ него послѣ чинъ спатаря или полковника, имъ самовольно присвоенной, и оставилъ его по прежнему мелничеромъ, то-есть, по нашему, много-много губернскимъ секретаремъ,

собою. Четвертый депутатъ, Сандулаки Θεοδοσίу, подлець весьма обыкновенный, съ почтениемъ слѣдовалъ издалека за образцами своими и разными плутнями старался имъ угождать. О пятомъ депутатѣ мало извѣстно; но онъ, видно, былъ тѣхъ же свойствъ.

Когда такого рода люди заняли важнѣйшія должности въ области, то легко можно вообразить себѣ, кѣмъ наполнились другія присутственныя мѣста.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о Баланескѣ Россетѣ, чтобы послѣ болѣе о немъ не говорить. Почитатели его видятъ въ немъ какого-то Мирабо, но возможно ли такъ обижать тѣнь великаго человѣка? „Все обо мнѣ сказано, говорилъ онъ, исключая того, чтобы я былъ дуракъ“; а Россета, по справедливости, называютъ всѣ глупцомъ. Если Мирабо по безнравственности своей лишился уваженія согражданъ, то не былъ никогда жестокимъ кровопійцей; а сей варваръ, называя всякую власть тираническою; самъ потчиваетъ ежедневно фалангами несчастныхъ своихъ Цыганъ, угнетаетъ поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ и въ Хотинскомъ раѣ, недавно занимаемомъ Тургами, самихъ Молдавскихъ помѣщиковъ удивляетъ безчеловѣчіемъ и несправедливостію. Неоднократно нападалъ онъ на Русскихъ офицеровъ и всегда оставался побѣдителемъ; въ сихъ случаяхъ не подвергался онъ большой опасности, ибо имѣетъ силу Геркулесову, и кромѣ кулачныхъ боевъ ни на какое другое единоборство не соглашается. Онъ хвастается вездѣ, что билъ Русскихъ офицеровъ, и онъ еще живъ! Противъ двухъ намѣстниковъ воевалъ онъ; но послѣдній успѣлъ удалить его и отъ Совѣта. и отъ областного города, испросивъ на то Высочайшее повелѣніе.

На вторыхъ выборахъ въ концѣ 1821 года соблюдаемо было гораздо болѣе тишины и благопристойности, чѣмъ на первыхъ. Генералъ Инзовъ разсудилъ за благо лично на оныхъ присутствовать и для предупрежденія безпорядковъ придумалъ, подъ предлогомъ какого-то производимаго по дѣламъ ихъ слѣдствія, удалить изъ залы собранія, трехъ мятежныхъ предводителей, Баланеско, Самѣираки и Сандулаки. Они вздумали было сопротивляться, но до того ихъ не допустили. Законно ли поступилъ генералъ Инзовъ, сказать не смѣемъ, но знаемъ, что онъ поступилъ справедливо. Искусный и смѣтливый Прункулъ, видя необходимость уступить силѣ, заблаговременно присталъ къ партіи правительства и всемогущаго тогда Крупенскаго и успѣлъ вторично быть выбранъ депутатомъ въ Совѣтъ. Онъ не сталъ отъ того добросовѣстнѣе, но только на вѣки расстался съ прежними своими сообщниками, которые доселѣ проклинали и поносятъ его.

Когда въ 1818 году проектъ образованія былъ одобренъ, и много открылось новыхъ должностей отъ выборовъ, надобно было озаботиться, чтобъ было кѣмъ ихъ замѣстить. Бывшій тогда намѣстникъ Бахметевъ выдумалъ къ тому очень хорошее средство: онъ приказалъ составить многочисленную дворянскую комиссію и всѣмъ имѣющимъ право на сіе достоинство явиться въ нее съ документами, а приватно поручилъ комиссіи не быть слишкомъ разборчивой и на скорую руку надѣлать побольше дворянъ. Она позволеніемъ симъ умѣла воспользоваться существовала только 24 часа, но времени

не потеряла: вдругъ явилось 260 новыхъ дворянскихъ родовъ. Одинъ предлагалъ своего кучера, и другой соглашался съ условіемъ, чтобы принять его повара; спорить и прекословить было некогда, ибо не дано было времени опомниться. Послѣ того было изъ кого выбирать!

Жалобы и неудовольствія, возникшія противъ такого страннаго и неслыханнаго способа къ приобретению благороднаго званія, заставили впоследствии времени учредить новую комиссію, которой дано гораздо болѣе времени и другія правила въ руководство къ разсмотрѣнію правъ на дворянское достоинство. Симъ распоряженіемъ обязана Бессарабія генералу Инзову. Но какъ этому человѣку судьбой опредѣлено дѣлать все хорошее противозаконнымъ образомъ, то вздумалъ онъ самъ председательствовать въ комиссіи. Слѣдствіемъ трудовъ ея было убавленіе числа Бессарабскихъ дворянъ на цѣлую треть, такъ что 170 фамиліямъ только предоставлено пользоваться симъ правомъ. Теперь занимаются составленіемъ родословной книги, и послѣ отошлется она въ герольдію, которая, не взирая на извѣстную ея снисходительность, едва ли еще не обавитъ половины.

Но тогда, что будемъ мы дѣлать? Теперь нуждаемся въ дворянахъ, а тогда половина мѣсть отъ выборовъ останутся праздыми. Надобно замѣтить, что здѣсь почти столько же особъ дворянскихъ, сколько фамилій, ибо почти все одни только родоначальники. Когда изъ семействъ исключить стариковъ и малолѣтнихъ, не считать тѣхъ, кои по болѣзнямъ или лѣности уклоняются отъ службы, тѣхъ, кои находятся за преступленія подъ судомъ и тѣхъ, кои заслуживаютъ поступками своими быть вскорѣ суду преданы: то мудрено сказать, что представится при будущихъ выборахъ. По области 75 избираемыхъ мѣсть, а на послѣднихъ выборахъ было только 125 избирателей. Можетъ, правительство вынуждено будетъ всѣ должности замѣстить коронными чиновниками по примѣру тѣхъ губерній, гдѣ мало дворянъ. Все къ лучшему!

Объ исполнительной экспедиціи областного правительства и о гражданскомъ губернаторѣ.

Областное правительство состоитъ изъ двухъ экспедицій: исполнительной и казенно-экономической. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ порознь, но нѣкоторыя дѣла подлежатъ общему ихъ сужденію. Первая изъ сихъ экспедицій хорошо названа исполнительной, ибо она только приводитъ въ исполненіе распоряженія намѣстника, совѣта или общаго собранія областного правительства, сама же никакихъ не дѣлаетъ; за то она безвреднѣе всѣхъ другихъ присутствій области и, кажется, не слышать на нее большихъ жалобъ.

Въ сей экспедиціи председательствуетъ гражданскій губернаторъ. Обязанности его и права весьма распространены уставомъ образованія, но власть его обстоятельствами не только ограничена, почти ничтожна. Здѣсь прежде не было губернатора; съ начала гг. Стурдза и Гартингъ управляли всѣми частями, а потомъ намѣстники, имѣя пребываніе свое въ Кишиневѣ, сами входили во всѣ подробности управленія. Молдаване, привыкнувъ видѣть власть въ однихъ рукахъ, смотрятъ на званіе губернатора, какъ на совершенно из-

лишнее. Характеръ же господина Катакази, кротость его, немало къ тому способствовали. Посреди ужасныхъ раздоровъ бывшихъ между намѣстниками и Совѣтомъ, посреди волненій партій, шелъ онъ постоянно непримѣтной труппой своей, мало дѣлалъ добра, ибо не въ силахъ былъ творить его, но за то не участвовалъ ни въ какомъ злѣ. Безъ претензій, безо всякаго вліянія, честный и благородный Катакази жилъ въ уединенномъ кругу своего семейства и нѣсколькихъ земляковъ, образованныхъ Грековъ, загнанныхъ сюда послѣдними происшествіями въ Турціи. Одно обстоятельство подало ему случай доказать все, что онъ въ состояніи сдѣлать. Когда моровая язва показалась въ концѣ 1819 года въ Ясскомъ и Хотинскомъ цынутахъ, то онъ немедленно отправился на мѣсто, и тамъ никто узнать его не могъ, любовь къ человечеству воспламенила его, онъ пренебрегалъ всѣми опасностями, переносилъ холодъ и недостатокъ въ пищѣ, около трехъ мѣсяцевъ жилъ въ землянкахъ, самъ являлся въ зараженные деревни и примѣромъ своимъ ободрялъ и поощрялъ жителей, умѣлъ распорядяться, дѣйствовать, повелѣвать, награждать и наказывать. Наконецъ успѣхъ увѣнчалъ безпримѣрное его усердіе: зараза не проникнула во внутренность области, и черезъ то спасъ онъ, можетъ быть весь Южный край Россіи. По возвращеніи впалъ онъ опять въ прежнее равнодушіе; но надобно сказать къ его чести, что тамъ былъ онъ облеченъ властію, необходимою при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а здѣсь долженъ опять находиться въ принужденномъ бездѣйствіи. Вообще нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ твердаго и рѣшительнаго характера или имѣлъ бы отменные способности; но, живши долго въ Бессарабіи, знаетъ очень хорошо ходъ дѣлъ ея, и потому если когда нибудь учредится для нихъ при Сенатѣ высшая инстанція, то можетъ онъ быть полезнымъ сенаторомъ.

О казенно-экономической экспедиціи и о Брупенскомъ.

Изъ всѣхъ частей по управленію Бессарабской области нѣтъ, можетъ быть, ни въ одной столько безпорядковъ какъ по дѣламъ казеннымъ. Сіе происходитъ, кажется, болѣе всего отъ сохраненія неблагоразумной системы сборовъ, установленныхъ прежними Молдавскими узаконеніями.

Источниками казенныхъ доходовъ въ области, суть слѣдующіе: 1-е семейная подать, называемая *биръ*, со всѣхъ вообще жителей, *даждя* съ мазыловъ и *аваетъ* съ поселянъ, на казенныхъ земляхъ живущихъ: каждый женатый платитъ ежегодно по одному червонцу или по 15-ти левовъ, а холостой взрослый по получервонцу или 7-ми левовъ 20 паръ; 2-е таможенные пошлины, 3-е продажа питей по казеннымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ; 4-е *гоштина* или сборъ съ овецъ, *дѣжда* съ пчелъ и свиней, *вадраритъ*, съ винограднаго вина и *погонаритъ* съ посѣва табаку и, наконецъ, 5-е всѣ поземельныя статьи въ казенныхъ имѣніяхъ.

Изъ вышеписанныхъ податей только первая вносится жителями прямо въ цынутны казначейства, а послѣднія собираются посредствомъ откуповъ,

Въ началѣ каждаго года дѣлаются чрезъ публикаціи вызовы желающимъ принять на себя откупы; люди являются съ достаточными залогами, другъ передъ другомъ набавляютъ цѣны; за тѣмъ, кто болѣе другихъ дастъ, утверждается откупъ, и казенно-экономической экспедиціи ничего болѣе не остается дѣлать, какъ получать исправно по срокамъ деньги. При началѣ года знаетъ уже она, сколько слѣдуетъ ей получить, а въ случаѣ неплатежа приступаетъ къ продажѣ залоговъ или цѣлаго имѣнія откупщика. Кажется, можно ли сыскать средство легче и простѣе? Но опытъ показалъ все неудобства и злоупотребленія, сопряженныя съ симъ порядкомъ, какъ мы ниже сего увидимъ.

Сверхъ того, собирается еще сумма на земскія повинности, отопливаніе и освѣщеніе, содержаніе лазаретовъ, гаубвахтъ, также для почтовыхъ лошадей и станціонныхъ строеній и прочаго. Для сего положено собирать ежегодно по 9-ти левовъ, и суммы на издержки сіи казенная экспедиція отдаетъ также подрядчикамъ подъ залогомъ.

Кто не знаетъ, что въ Молдавіи и Валахіи, подъ названіемъ откупа, разумѣется купленное право законнымъ образомъ грабить и обогащаться? Первый откупщикъ и владѣтель есть владѣтельный князь и господарь, отъ самой Порты подлостями и подарками право сіе получившій; вистіяръ его, вель-логоуетъ, вель-банъ и другіе первые чиновники суть его контрагенты, прочая же челядь субъ-арендаторы или, лучше, воры нижняго разряда. Каждый изъ нихъ есть губка, всасывающая въ себя потъ и кровь народныя, которые изъ нихъ опять высшею властію выжимаются. Около трехсотъ лѣтъ сей порядокъ или беспорядокъ такъ существуетъ.

Человѣкъ, взросшій посреди сихъ дикихъ и вмѣстѣ развратныхъ нравовъ, но рожденный съ умомъ, съ чувствительностію и съ понятіемъ о чести, употребленъ былъ въ дѣлахъ Дивана во время занятія двухъ княжествъ нашими войсками, и часто находился въ обществѣ съ образованнѣйшими изъ нашихъ соотечественниковъ. Пристрастился ко всему Русскому, по заключенію мира онъ съ радостію поселился въ Бессарабіи и обмѣнялъ богатыя помѣстья, имъ за Прутомъ оставленныя. Зная хотя мало, но болѣе другихъ Молдаванъ, Русской языкъ и законы, управлялъ онъ почти съ самаго начала присоединенія области казенною частію, сперва въ должности совѣтника, а послѣднія пять лѣтъ въ званіи вице-губернатора.

Можетъ быть, привычки дурныя, примѣромъ безкорыстія и твердости Русскихъ его начальниковъ не исправленныя, тщеславіе его, по которому платилъ онъ снисхожденіемъ за низкіе поклоны земляковъ своихъ, безпечность сродная всемъ Молдаванамъ, невѣдѣніе ужасной отвѣтственности, которой онъ можетъ подвергнуться (ибо въ отчизнѣ его слово *отчетъ* неизвѣстно), и самонадѣянность его, происходящая отъ увѣренности, что никто лучше его сею частію управлять не можетъ, произвели, наконецъ, всю запутанность и хаосъ, найденные недавно въ казенно-экономической экспедиціи.

Никто еще не оказалъ новымъ подданнымъ болѣе щедроты и милосердія, какъ нашъ Государь Бессарабскимъ жителямъ. Первые годы избавлены они были отъ всѣхъ податей, а нынѣ областныя доходы обращаются на удов-

летвореніе нуждъ самой же области, на жалованье чиновникамъ, наемъ квартиръ для присутственныхъ мѣстъ и прочее. Десятая доля изъ всѣхъ доходовъ отдѣляется на составленіе капитала для казенныхъ строеній, богоугодныхъ заведеній, школъ и прочаго, а остающаяся затѣмъ уже сумма поступаетъ въ государственныя казначейства.

Сіи благодѣтельныя распоряженія существуютъ уже съ 1818 года, а какъ ежегодный доходъ простирается до четырехъ милліоновъ левовъ, то съ тѣхъ поръ такъ называемая десятипроцентная сумма для богоугодныхъ заведеній должна бы возрасти, по крайней мѣрѣ, до двухъ милліоновъ, тѣмъ болѣе, что ничего не заведено, что ничего не построено. Но увы! ея нѣтъ, она вся въ недоимкѣ. Кто бы могъ думать, что при такой умѣренной посемейной подати и при такихъ средствахъ, каковы откупы къ полученію доходовъ, могла быть недоимка? Какъ можно было допустить ее до столь значительнаго накопленія?

Нельзя утаить, чтобы всему не былъ виною вице-губернаторъ Крупенскій; его нельзя извинить даже тѣмъ, что у него не было хорошихъ сотрудниковъ: ибо дѣла, бывъ производимы на Русскомъ языкѣ, онъ могъ бы имѣть достойнѣйшихъ чиновниковъ.

Тутъ есть тайна, которую мы только что подозрѣваемъ; но скоро, можетъ быть, откроется истина нашихъ замѣчаній. Вотъ въ чемъ состоятъ они. Всѣ почти здѣшніе Молдаване суть люди обогатившіеся въ самоскорѣйшемъ времени легкими непростительными средствами; *не насытитса око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ*; сдѣлавъ фортуна, желалось бы имъ увеличить ее. На какія средства? Красть не даютъ или даютъ мало; умножить состояніе хозяйственными заведеніями, улучшеніемъ хлѣбопашества, садоводства, скотоводства, имъ кажется слишкомъ медленно и скучно; завести фабрики или что-нибудь подобное, у нихъ нѣтъ ни смысла, ни терпѣнія. Къ тому же число Русскихъ ежегодно умножается, вездѣ ихъ встрѣчаешь, они толкуютъ о чести, о наукахъ, твердятъ, что надобно довольствоваться жалованьемъ или состояніемъ, которое Богъ послалъ, заводятъ балы, прельщаютъ женъ и дочерей, сыновей заманиваютъ въ службу. То-ли дѣло было за Прутомъ? Такъ ли тамъ наживались? Какъ бы избавиться отъ сихъ ненавистныхъ людей, какъ бы можно дороже сбыть купленные за безцѣнокъ имѣнія п потихоньку перебраться потомъ въ любимую сторонку! Такъ, вѣрно, многіе разсуждаютъ, и откупы представляютъ имъ самыя выгодныя средства къ исполненію ихъ желаній. Надобно знать, какъ они происходятъ. Молдаване у Молдаванъ оцѣниваютъ имѣнія и обыкновенно вдвое или втрое дороже настоящей ихъ цѣны; съ сими залогомъ являются они къ торгамъ, и оные принимаются у нихъ на половину условленной откупной суммы. Напримѣръ, еслибъ у насъ имѣніе стоящее 10 т. рублей оцѣнено было въ сорокъ тысячъ и принято залогомъ по откупу, за который слѣдуетъ заплатить 80 тысячъ, и прибавить къ тому барышъ, который откупщикъ получить: то неужели онъ будетъ такъ простъ, чтобы, получивъ 80 или 85 тысячъ рублей, не предоставилъ правительству владѣть десятитысячнымъ его имѣніемъ? Вотъ какимъ образомъ выросла не-

доимка болѣе нежели на четыре милліона. Тѣхъ, коимъ сужденія наши покажутся неосновательными, спросимъ: какая недоимка была доселѣ строго взыскиваема? Какое гмѣніе по неисправному платежу поступило въ публичную продажу? И если теперь будутъ принимать строгія мѣры, то какую цѣну давать будутъ или кто явится къ покупцѣ? Выходить, что казна по неволѣ купитъ за несоразмѣрную цѣну ненужныя ей имѣнія.

Какимъ образомъ поступитъ нынѣ правительство къ удовлетворенію казны, мы не вѣдаемъ; только полагаемъ навѣрное, что если прижать покрѣпче тѣхъ людей, у коихъ описано даже нужное платье, то изъ кармановъ посыпятся червонцы.

Изъ всего вышеписаннаго мы не выводимъ заключенія, чтобы Крупенскій умышленно участвовалъ въ семь злоупотребленіи; но неосудительна ли его неосторожность въ семь случаевъ? Онъ долженъ былъ знать своихъ земляковъ и не уважать ихъ колѣнопреклоненіями.

Удаленіе его отъ должности сдѣлалось необходимымъ; чѣмъ далѣе продолжалось бы его управленіе, тѣмъ болѣе увеличались бы беспорядки. Но какъ не пожалѣть о томъ, что человекъ сей, имѣя способности, благородное честолюбіе и необыкновенную приверженность къ Русскому правительству, могъ бы при другихъ начальникахъ сдѣлаться чрезвычайно полезенъ для сего края, но избалованный счастіемъ не умѣлъ имъ пользоваться и такъ дурно оканчиваетъ свой каррьеръ? Впрочемъ мудрено сказать, въ чемъ именно состоитъ вина его и какое можно противъ него имѣть подозрѣніе. Онъ былъ богатъ до вступленія въ должность, съ тѣхъ поръ ничего не купилъ и нажилъ большіе долги. Это всѣмъ извѣстно, а между тѣмъ злоупотребленія при немъ были ужасныя, и онъ самъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами экспедиціи, почти безъ всякаго участія совѣтниковъ и другихъ подчиненныхъ. Какъ рѣшить сію задачу? Время все откроетъ; много будетъ труда его преемнику, а еще болѣе тѣмъ, коимъ поручено будетъ его считать. Главное затрудненіе будетъ въ предложенныхъ имъ и генераломъ Инзовымъ одобренныхъ, мудреныхъ распоряженіяхъ на счетъ пріема и выдачи денегъ по разнымъ курсамъ. Какъ за подати, такъ и за повинности принимаемы были сторублевая ассигнаціи во 140 левовъ и другія по той же пропорціи, а выдавались по курсу существующему въ Одессѣ и ежемѣсячно перемѣняющемуся, то-есть отъ 160 до 170 левовъ. Разница отъ того выходящая и выигрышъ долженъ былъ на слѣдующіе годы быть зачтенъ въ пользу жителей, съ коихъ подать собиралась; конечно отъ того будетъ имъ послѣ облегченіе, но покажѣтъ видать они несправедливости и теряютъ довѣренность къ правительству, а для поправки счетовъ представляются чрезвычайныя затрудненія.

Объ уголовномъ судѣ и о Жюдахъ.

Такъ какъ нѣтъ здѣсь ни одного уголовного дѣла, въ которомъ бы Евреи не имѣли болѣе или менѣе участія, и они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ предсѣдателя уголовного суда, то, говоря о семь судѣ, нѣтъ, ка-

жется, приличнѣ мѣста описать вліяніе сего многочисленнаго и вреднаго народа на участь жителей Бессарабіи.

Уголовный судъ заключается въ одномъ предсѣдателѣ его. Занимая нѣсколько комнатъ въ домѣ, нанятомъ для присутствія, въ своемъ кабинетѣ слушаетъ онъ дѣла, по своему усмотрѣнію пишетъ самъ резолюціи, и потомъ остается только совѣтникамъ подписать оныя, а секретарю скрѣпить. Нѣкоторымъ покажется странною такая покорность со стороны сопричастствующихъ и подчиненныхъ; но кто знаетъ властолюбіе г. Курика, долготѣнюю его опытность, свѣдѣнія въ законахъ, а особливо по части криминальной, и робость его совѣтниковъ, для того не будетъ сіе загадкой. Такъ какъ г. Курикъ играетъ и понынѣ большую роль въ области, входилъ во всѣ дѣла, мѣшался во всѣ интриги и именемъ его полна Бессарабія, то простятъ намъ, можетъ быть, если мы долго займемся описаніемъ сего страннаго произведенія природы.

Онъ родился посреди Малороссійскихъ козаковъ. Въ то время (ибо онъ давно уже живетъ на свѣтѣ) Малороссіяне не гордились еще именемъ Русскихъ, а мы еще не признавали ихъ за братій; подъ словомъ Москаль разумѣли они ненавистныхъ людей, а мы называли ихъ презрительнымъ именемъ Хохловъ. Все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, но только не сердце г. Курика: вкоренившаяся вражда его противъ Русскихъ отъ времени еще болѣе умножилась. Долго неблагопріятствующая судьба держала его въ черномъ тѣлѣ, долго пресмыкался онъ въ неизвѣстности, попадалъ подъ начальство къ Русскимъ, раболѣпствовалъ имъ, терзался завистию и злобою, тайно старался вредить имъ, и иногда въ томъ успѣвалъ. Последняя половина его біографіи, имъ самимъ рассказанная, приводитъ въ ужасъ, ибо доказываетъ всю неблагодарность, какую сердце человѣческое вмѣщать въ себя можетъ. Какой-то инстинктъ влечетъ его ко всему низкому, ко всему нечистому, коварному; изъ людей болѣе всего любитъ онъ Жидовъ, изъ животныхъ кошекъ, но болѣе всего не терпитъ онъ Русскихъ, въ которыхъ видитъ сѣверныхъ варваровъ, наводнившихъ прекрасныя полуденныя страны и которыхъ съ радостью прогналъ бы онъ въ ихъ ледяное царство (собственное его выраженіе).

Онъ ужасно самолюбивъ, и малѣйшее противорѣчіе дѣлаетъ изъ него непріятеля; но онъ довольно хитеръ, умѣетъ прикинуться сострадательнымъ къ угнетеннымъ, твердитъ безпрестанно о челоѣколюбіи, неопытныхъ или непроницательныхъ людей легко можетъ обольстить и потому могъ бы сдѣлаться опасенъ; къ счастью, онъ вспыльчивъ и болтунъ преестественный, есть минуты, въ которыя у него ничего удержаться не можетъ.

Какъ могъ онъ съ такимъ характеромъ столько время удержаться? Особливо когда онъ не геній, и натура дала ему ума и способностей въ обрѣзъ? Вопросъ сей разрѣшить не трудно. Ко всякому намѣстнику втирается онъ ужомъ и жабой, всѣми мѣрами старается угодить и когда въ томъ успѣетъ, то пользуется кредитомъ своимъ, устраняетъ противниковъ и въ тоже время придумываетъ средства, какъ бы ввести начальника въ заблужденіе и тѣмъ

погубить его ¹⁾). Когда откроется его измѣна и предательство, то вдругъ переносится онъ въ партію возмутителей и принимаетъ видъ противника несправедливой власти. Бахметевъ не успѣлъ, а Изовъ не умѣлъ выпроводить сего молодца, и его считаютъ вѣчнымъ и непобѣдимымъ.

Говоря о Верховномъ Совѣтѣ, ничего не упомянуто о Курикѣ; надобно было беречь силы для изображенія сего отвратительнаго предмета при описаніи уголовного суда. Въ семь совѣтѣ имѣеть онъ также немалый вѣсъ: когда угрожала ему какая-нибудь напасть, то спасался онъ въ него, какъ въ убѣжище, въ коемъ не могла постигнуть его власть намѣстника и тамъ кривоумствовалъ онъ нѣкогда съ Баланескомъ и Прункуломъ. Сей послѣдній отъ нихъ удачно отдѣлился и теперь еще не въ ладахъ съ Курикомъ; но случаются дѣла, въ коихъ видно между ними согласіе: тогда можно навѣрное поручиться, что начало сихъ дѣлъ предшествовало разрыву сихъ бездѣльниковъ, когда они дѣйствовали еще за одно и дѣлили все пополамъ.

Теперь приступимъ къ важному предмету, къ власти Іудейской, распространенной по Бессарабіи посредствомъ Курика и объяснимъ причины, отъ коихъ сіе произошло. Любовь (если только можно употребить сіе слово, говоря о Курикѣ), любовь воспалила престарѣлое его сердце къ женщинѣ, принадлежащей сей націи. Такая слабость можетъ казаться только смѣшною и даже до нѣкоторой степени извинительною, и мы умолчали бы о сей пакости, еслибъ она не имѣла самыхъ дурныхъ послѣдствій для здѣшней земли.

Когда старый грѣховодникъ предался всесильной страсти, сердца Іудейскія оживились надеждою; въ старой его Жидовкѣ увидѣли они прекрасную Эсеиръ ²⁾), защитницу и подпору Израиля, и тогда, внимая молвѣ о ея могуществѣ, бѣднѣйшіе изъ нихъ тысячами кинулись сюда изъ Польши. Всѣ они прибѣгнули къ Курику, а онъ, будучи тогда въ тѣсной связи въ Молдавскими дворянами, крещеными Жыдами, сблизилъ ихъ и всѣми силами способствовалъ ихъ водворенію; во множествѣ появились тогда и здѣшніе Жиды, дотолѣ скрывавшіеся во мракѣ.

Прежде того занимались они мелочной торговлей и исправляли нѣкоторыя ремесла, но тутъ начали вступать въ подряды и откупа, брать на посесію имѣнія помѣщиковъ и стали грабить и притѣснять жителей. Бѣдные Молдаване, въ теченіи столѣтій попираемые, умѣли сохранить однакоже чувство челоѣческаго достоинства: повинуюсь всѣмъ, не позволяли повелѣвать собою Жыдамъ, которые не смѣли много шумѣть съ послѣднимъ крестьяни-

¹⁾ Два года сряду проводилъ онъ у генерала Бахметева все свободное отъ службы и плутней время и пользовался неограниченной его довѣренностію. Выходя отъ него, бѣжалъ онъ домой, чтобы сочинять Молдаванамъ на него просьбы. Добродушный и простосердечный Бахметевъ не хотѣлъ тому вѣрить до тѣхъ поръ, пока принесли ему въ доказательство черновыя бумаги. Сама природа отличила его цвѣтомъ предателей: у него шерсть рыжая, какъ у Іуды.

²⁾ Законная супруга Курика, горбатая Васта его, живетъ въ заточеніи и умираетъ съ голоду въ Севастополѣ. Проживъ или присвоивъ себѣ приданный ея капиталъ, не хочетъ онъ о ней теперь и слышать.

номъ, а нынѣ вездѣ видимъ бѣдныхъ мужиковъ, стоящихъ предъ Жидомъ съ обнаженной и поникшей головой; судьба опредѣлила имъ испытать и послѣднее сіе униженіе.

Въ другихъ земляхъ, конечно, много есть просвѣщенныхъ Евреевъ, не раздѣляющихъ пороки своихъ соотечественниковъ; но масса сего народа, особливо у насъ, суевѣрна до безумія. Развратить христіанина, довести его до преступленія, помогать ему въ томъ, обворовать его и обвинять его, по ихъ мнѣнію, дѣла пріятныя Иеговъ. И потому всегда видимъ мы ихъ помогающихъ молодежи въ любовныхъ дѣлахъ, хотя бы за бездѣлицу; сребролюбіе, удовольствіе мести и обязанности религіи—все разомъ удовлетворяется. Размноженіе и обогащеніе ихъ въ Бессарабіи настоящая зараза; къ тому же надобно знать, что простые Молдаване едва ли не самый непорочный народъ въ мірѣ; посреди рабства сберегли они необыкновенную чистоту нравовъ; не взирая на худые примѣры, не знаютъ воровства, не любятъ пить, смиренны, но упрямы какъ волы, ими пасомые; вѣрность супруговъ и цѣломудріе дѣвъ почитаются самыми обыкновенными добродѣтелями; обольщенную наказываютъ, но жалѣютъ о ней, а обольстителя преслѣдуютъ до гроба, и не было примѣра, чтобы простой мужикъ продалъ честь жены своей или дочери. Посреди сихъ почтенныхъ поселянъ, да представляютъ себѣ Жидовъ, работающихъ безпрестанно, чтобы развратить ихъ, и да пожалѣютъ о ихъ участи!

Пристрастіе г. Курика не есть секретъ, всѣмъ это извѣстно. Они могутъ злодѣйствовать, не опасаясь наказанія: въ уголовномъ судѣ у нихъ есть вѣрный защитникъ, и онъ же за нихъ въ другихъ присутствіяхъ самый сильный и усердный ходатай. Если Жидъ побьетъ или убьетъ христіанина, то все будетъ скрыто; но горе всякому Русскому или Молдавину, дерзнувшему оскорбить Жиду: онъ раскается въ томъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько случаевъ для подкрѣпленія и доказательства справедливыхъ обвиненій нашихъ.

Генераль Бахметевъ, не умѣвшій ничего Курику отказывать, отдалъ ему мѣсто подлѣ митрополи, назначенное для построенія губернаторскаго дома. Онъ началъ заготовлять матеріалы, какъ вдругъ преосвященный Гавріиль, покойный экзархъ, узнавъ тайно, что домъ имъ предполагаемый долженъ быть отданъ подлѣ синагогу, дабы рядомъ поставить ее съ архіерейскимъ домомъ, и ужаснувшись такого ругательства противъ господствующей вѣры, усердно молясь бывшаго уже тогда намѣстникомъ Инзова отнять мѣсто у Курика, что вслѣдствіе просьбы его и исполнено.

Тотъ же самый митрополитъ, замѣтивъ, что въ воскресные дни во всей Бессарабіи бываетъ большой торгъ (ибо по Субботамъ Евреи, главные торговцы, ничего не продаютъ и не покупаютъ) и чрезъ то храмы христіанскіе пустѣютъ, просилъ у правительства запрещенія торговать по Воскресеньямъ. Мнѣніе его поступило на разсмотрѣніе въ Верховный Совѣтъ, въ которомъ тогда владычествовалъ Курикъ; онъ долго не хотѣлъ согласиться и сдѣлалъ сіе только съ условіемъ, чтобы по Субботамъ и христіанскія лавки были заперты. И безумный Совѣтъ подписалъ такое опредѣленіе!

Недавно пять церквей въ Кишиневѣ и окрестностяхъ были обокрадены; пойманы Жиды въ семь воровствъ, уличены и со всѣмъ тѣмъ оправданы. Желая отомстить христіанамъ, выдумали они, что изъ ихъ школы унесли какую-то утварь. Поймали какого-то несчастнаго и, можетъ быть, безвинно наказали.

Довольно сихъ примѣровъ. Къ дополненію скажемъ: въ іудаизмѣ Курика такъ всѣ увѣрены, что многіе полагають, будто онъ перемѣнилъ вѣру и подвергнулъ себя церемоніи обрѣзанія. Чего добраго!

Неужели небесный гнѣвъ постигъ несчастную Бессарабію? Неужели надъ ней вѣчное проклятіе, и она навсегда осуждена страдать отъ Курика и Жидовъ? Если такъ, то честнымъ людямъ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ скорѣе изъ нея ускакать.

О гражданскомъ судѣ.

Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній по части гражданскихъ законовъ, особливо Молдавскихъ, и потому можемъ судить только поверхностно о недостаткахъ здѣшняго судопроизводства; однакоже не упустимъ означить, сколько извѣстно намъ, всѣ злоупотребленія, проистекающія отъ его несовершенства.

Уставомъ образованія предоставлены здѣшней области, по части гражданской, всѣ законы, всѣ права и обычаи земли Молдавской. Въ сей послѣдней основаніемъ законовѣднія служили: 1-е *Іустиніановъ кодексъ* и всѣ узаконенія Греческихъ императоровъ (но въ нихъ никто не заглядывалъ, а совѣтывались иногда съ извлеченіемъ изъ законовъ, пзвѣстнымъ подъ именемъ *Арменопуло*), 2-е, *Хрисовулы* или господарскія грамоты, и 3-е наконецъ, такъ называемый *Обычаи Пымынтулуй*, то-есть обычаи земли.

Чтобы дать понятіе о семъ обычаѣ, скажемъ, какъ онъ составился. Когда власть господарская сдѣлалась неограниченною и встрѣчала въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствія къ исполненію воли своей во власти законовъ, то случаи сіи названы чрезвычайными, и по нихъ дѣлались особыя рѣшенія. Мало по малу, всякій случай сдѣлался чрезвычайнымъ, и по всякому было опредѣленіе, несогласное съ законами. Изъ сихъ-то опредѣленій Дивана, утвержденныхъ господаремъ, составилось, наконецъ, собраніе нелѣпостей и несправедливостей подъ именемъ Обычи - Пымынтулуй, и сей памятникъ варварства оставленъ какъ благодѣяніе для Бессарабіи. О Кринпцїи!

Любопытно также знать, какъ тяжebныя дѣла разсматриваются въ Молдавскомъ диванѣ. Онъ не имѣетъ постояннаго пребыванія, но когда есть дѣло, интересующее господаря, то созываетъ онъ членовъ его въ тронную свою залу и тамъ, сидя на престолѣ, соблюдаетъ нѣкоторый порядокъ благочивія въ слушаніи дѣлъ. На всѣ же прочія трактаціи зовуть первостатейные бояра къ себѣ въ гости, какъ на вечеринку, слушаютъ дѣла, спорятъ о нихъ и подписываютъ приговоры, кушая дудчецы посреди густаго табачнаго дыма. Бѣдный проситель не знаетъ, гдѣ будутъ рѣшать участь его и бѣгаетъ по городу, высуня языкъ, чтобы узнать о томъ. Архива нѣтъ у нихъ, произ-

водство дѣлъ не сохраняется, всѣ документы возвращаются просителямъ, а остаются только одни опредѣленія въ умноженіе обычаевъ. Такъ точно происходило и здѣсь, когда существовало общее собраніе департаментовъ.

Здѣшніе судьи вздыхаютъ о сихъ прекрасныхъ обыкновеніяхъ; съ умиленіемъ вспоминаютъ они даже объ одномъ ужасномъ и справедливомъ законѣ, предъ коимъ они нѣкогда трепетали и который, къ сожалѣнію, здѣсь болѣе не существуетъ. Этотъ законъ называется *буздуанъ*, то есть, тяжеловѣсная булава господарская; въ минуты гнѣва его сей законъ ударяетъ виновныхъ членовъ Дивана, ломаетъ кости и ребра, а когда попадаетъ въ голову, то дѣйствительно дѣлается уголовнымъ, ибо лишаетъ жизни.

Но мы слишкомъ удалились отъ нашего предмета; поспѣшимъ къ нему возвратиться. Итакъ здѣшній гражданскій судъ руководствуется обычаемъ земли; изъ сего хранилища варварскихъ узаконеній почерпаетъ онъ правила для сужденій своихъ. А какъ нѣтъ ни одного рода дѣла, по коему не было бы двухъ или трехъ опредѣленій, одно другому противорѣчащихъ: то судья всегда властенъ выбирать любые примѣры, примѣнять ихъ къ своимъ видамъ и дѣйствовать по пристрастію сколько ему угодно. Иногда можетъ онъ раскрывать Арменопуло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и именно по частнымъ тяжбамъ съ казною, придерживаться Русскихъ законовъ. Какой хаосъ! Какая путаница! Однимъ словомъ, всѣ законы въ здоровомъ смыслѣ и чистой совѣсти судьи, а гдѣ искать этого между Молдаванами?

Такой необыкновенный человѣкъ нашелся однакоже въ особѣ предсѣдателя гражданскаго суда, старикѣ Башотѣ, мужикѣ отиѣнно честномъ и довольно смышленомъ. Обязанъ будучи разбирать чужія тяжбы, онъ старался никогда своихъ не заводить. Къ сожалѣнію, онъ недавно занимаетъ сіе мѣсто, имѣетъ только одинъ голосъ и безпрестанно въ несогласіи съ своими совѣтниками, желающими въ цѣлости сохранить необузданность Молдавскихъ судей.

Дабы показать, какъ доселѣ дѣйствовалъ гражданскій судъ, приведемъ одинъ или два примѣра, по коимъ можно будетъ судить и о прочихъ его дѣлахъ.

Одинъ помѣщикъ, именно Баланеско Россетъ, основываясь на несправедливости раздѣльнаго акта въ 1726 году между прабабкой его, урожденной Стурдзовой и ея братьями, требовалъ, чтобы отданы были ему нѣкоторыя принадлежавшія сей фамиліи помѣстья въ Бессарабіи. Протекло близъ ста лѣтъ, четыре поколѣнія Россетовъ не оспаривали правъ Стурдзовыхъ; отъ братьевъ раздѣлившихъ имѣніе и сестры ихъ народилось множество Стурдзовъ и Россетовъ, владѣющихъ имѣніями по обѣимъ сторонамъ Прута. Слѣдственно какъ можно было доказать, что здѣшніе Стурдзы здѣшнему Россету должны отдать имѣніе? Особливо когда онъ требовалъ именно отъ которыхъ, не домогаясь получить отъ другихъ, также здѣсь живущихъ и также отъ братьевъ его прабабушки происходящихъ. Гражданскій судъ приговорилъ въ его пользу, и до окончательнаго рѣшенія, во ожиданіи вѣрнѣйшихъ справокъ, предписалъ ввести Баланеско во владѣніе; сіе было во время владычества его въ Совѣтѣ. Послѣ того сіе дѣло вытребовано въ Верховный Совѣтъ и подъ председа-

тельствомъ самаго Инзова единогласно рѣшено, чтобы отнять у Баланеско имѣніе. Ничего нѣтъ справедливѣе, но увы! Не справедливость тогда имѣли въ виду: тутъ дѣйствовало одно желаніе унизить и обобратъ Баланеско. Въ этомъ случаѣ одинъ членъ, г. Куригъ, показалъ свой характеръ. Онъ не согласился ни подписать журналъ противъ Баланеско, ни войти съ особливимъ мнѣніемъ въ пользу его, хотя судимые Стурдзы не хотѣли подавать на него подозрѣнія. Онъ самъ объявилъ, что онъ другъ Баланеско и потому въ семь дѣлъ участвовать не можетъ. Человѣкъ, который въ одномъ дѣлѣ самъ себя объявилъ пристрастнымъ, не можетъ ни въ какомъ другомъ, по мнѣнію нашему, быть судьей.

Мы видѣли несправедливость, отъ коей пострадали Стурдзовы; скажемъ теперь несправедливость, однимъ изъ членовъ сей фамиліи учиненную. Много деревень, которыя были поселены въ Яскомъ, Оргѣвскомъ и Хотинскомъ цынутахъ, отъ притѣсненій и разбоевъ опустѣли, жители ихъ разошлись; наконецъ, они совсѣмъ перестали существовать, и остались только одни урочища, сохранившія ихъ имена. Нѣкоторые изъ бояръ купили послѣ мѣста сія по документамъ; но какъ деревень не находилось, то по выбору брали они любую сосѣдственную деревню, утверждая, что она въ старину тѣмъ именемъ называлась. Изъ того выходили споры, тяжбы, но неправильно отнятыя деревни оставались за новыми владѣльцами, съ тѣмъ, однакоже, что они будутъ возвращены, когда найдутся тѣ деревни, которыя дѣйствительно то имя носятъ. Такимъ образомъ дипломатъ Александръ Стурдза завладѣлъ селеніями Дарабани и Каплювка, принявъ за несуществующую деревню Надабауцы, и г. Крупенскій подъ именемъ Косоуцъ взялъ селеніе Неллипауцы. Первый изъ нихъ устыдился такого насильственного завладѣнія и недавно помирился за значительную сумму съ владѣльцемъ Діаманди, не имѣя въ томъ никакой нужды; но послѣдній и понынѣ еще владѣетъ. Всякому, кто не жила въ Бессарабіи, покажется это неимовѣрнымъ; ошибиться дверьми можно, но принять одну деревню за другую и такими кипроко раззорять сосѣдей? Это дурная шутка!

Медленности въ теченіи дѣлъ гражданскаго суда гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ въ Верховномъ Совѣтѣ; кто съ нимъ въ этомъ сравняться можетъ! Но и тутъ дѣла накаплиются. Если будетъ усердный и ревностный областной прокураторъ, примется сихъ лѣнивыхъ помыкать и будетъ поддерживать правительствомъ, то сія часть можетъ еще нѣсколько поправиться.

Главный источникъ тяжбъ въ области есть Резешское право. Резеши не составляютъ особеннаго класса людей. Они владѣютъ въ одной деревнѣ малыми участками земли въ совокупности съ сосѣдами и родными. Всякой можетъ быть резешемъ, дворянинъ, мазылъ или крестьянинъ, но только сдѣлаться имъ было трудно, ибо сосѣди и родные всегда имѣютъ преимущество въ покупкѣ Резешской земли. Какъ многіе бояра заставляли себѣ уступать кусокъ земли въ Резешскихъ владѣніяхъ и потомъ, получивъ право, присвоивали себѣ остальные участки, то въ отвращеніе такой несправедливости однимъ мудрымъ господаремъ постановлено, чтобы Резешъ не могъ уступать земли

своей и права иначе, какъ челоуѣку равнаго съ нимъ или низшаго состоянія. Но какой законъ здѣсь соблюдается? Названіе ихъ происходитъ отъ Славянскаго слова рѣзать, и подлинно нарѣзывается сихъ участковъ до безконечности; а какъ они всѣ въ протяженіи, то бываетъ, что земля шириною въ два дюйма или менѣе тянется на пять или на шесть верстъ. Всякой изъ Резешей знаетъ, что у него есть такой малой участокъ, называемый пармакъ; помѣщикъ какой нибудь старается выманить у него уступку, и тогда уже не зацѣпляя за сію ленту: лишь дотронешься, пойдутъ процессы, во избѣжаніе которыхъ сосѣди начнутъ за безцѣнокъ участки свои уступать, въ противномъ случаѣ должны войти въ раззорительныя тяжбы. Весьма полезно бы было сдѣлать въ разсужденіи сего новое какое нибудь постановленіе по примѣру Валахіи и прекратить чрезъ то тысячу поводовъ къ злоупотребленіямъ.

О городѣ Кишиневѣ, о полиціи и строеніяхъ его.

Когда къ Россіи присоединили Бессарабію, то не было въ ней ни одного большаго города, въ которомъ пристойнымъ образомъ можно бы было учредить правительство. Центральное мѣстоположеніе Кишинева и мѣстопребываніе въ немъ митрополита Гавріила, который построилъ тутъ довольно обширный архіерейскій домъ и завелъ большой садъ, заставили въ послѣдствіи времени дать сей деревнѣ преимущество предъ малыми городами. Съ того времени постоянно въ немъ жили оба намѣстника, наѣхало множество чиновниковъ, ремесленниковъ всякаго рода; иностранные купцы открыли лавки, наполненныя предметами роскоши; существовавшій тогда тарифъ и сосѣдство съ Турціей и Австріей способствовали умноженію торговли, строенія распространились во всѣ стороны, и число жителей обоого пола увеличилось отъ трехъ до 26-ти тысячъ. Сего мало: Государь пожаловалъ, какъ мы сказали, 10 процентовъ изъ областныхъ доходовъ для строенія казенныхъ зданій и общепользныхъ заведеній. Все благопріятствовало основанію Кишинева. Какъ же не подосадовать или подивиться, когда взглянешь на безпорядокъ его расположенія, на безобразіе его домовъ? Что же препятствовало ему сдѣлаться благоустроеннымъ, богатымъ и красивымъ городомъ?

Выборъ Кишинева не нравился генералу Бахметеву: онъ предпочиталъ ему Бендеры и всегда надѣялся перенести туда областныя присутственныя мѣста. Генералъ Инзовъ занимался исключительно обработываніемъ разведеннаго имъ садика; богатѣйшіе жители думали рано или поздно поселиться въ Яссахъ и заводили только временныя строенія и, наконецъ, изъ десятипроцентной суммы не сдѣлано ни малѣйшаго употребленія, да и лучше сказать, она совсѣмъ не существовала. Къ тому же сей городъ недавно поступилъ въ казенное вѣдомство; доселѣ принадлежалъ онъ Галатскому монастырю, зависящему отъ Святаго Гроба; эпитропы, или мірскіе опекуны монастыря, отъ имени его поднесли владѣніе онаго въ даръ Императору, когда онъ въ 1818 году удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Но какъ онъ прежде того былъ отданъ въ откупъ на двадцать лѣтъ, и срокъ миновался только въ ны-

нѣшнемъ 1823 году, то и не пользовался городъ доселѣ никакими почти доходами.

И такъ Кишиневъ, не взирая на свою обширность, въ правильности и чистотѣ едва ли можетъ равняться съ послѣднимъ нашимъ уѣзднымъ городомъ. Первоначально онъ былъ построенъ въ лощинѣ, на самомъ берегу мѣстами запруженнаго ручья Быкъ, который удостоиваютъ названіемъ рѣки. Сія древняя часть города и донинѣ существуетъ. Въѣзжая въ нее, равно страдаютъ и взоръ, и обоняніе: она вся состоитъ въ излучистыхъ переулкахъ, наполненныхъ Жидами и униженныхъ лачужками, тѣсно другъ къ другу приклеенными. Помои и нечистота стекаются сюда изъ всѣхъ мѣстъ, отсюда упадаютъ въ Быкъ и въ лѣтніе жары такъ заражаютъ воздухъ, что производятъ повальныя лихорадки. Поднявшись немного выше, начинается новый городъ и идетъ отлого вверхъ по горѣ. Улицы и разрывы между домами становятся шире, но неправильность линий и нечистота вездѣ одинаковы. Все сіе оканчивается на высотѣ горы пространнымъ полемъ, на которомъ предполагаются со временемъ соборъ и казенныя зданія. Отсюда видны городъ и окрестности: идѣ возвышаются (числомъ не болѣе пяти или шести) каменные двухэтажные дома, доказывающіе варварскимъ вкусомъ своимъ невѣжество строившаго ихъ архитектора; въ иныхъ мѣстахъ показываются церкви, недавно построенныя, длинныя, узкія, съ высокими остроконечными крышами и имѣющія видъ каменныхъ ящичковъ. Вотъ весь Кишиневъ!

По нерадѣнію ли начальства или по недостатку въ способахъ полиціа до сихъ поръ находится въ весьма жалкомъ состояніи. При ней положено по штату быть 40 десятниковъ. Въ сію должность употребляются обыкновенно Жиды, которые, конечно, весьма способны узнавать, гдѣ скрываются воры и краденныя вещи—*кому, какъ не мистъ вст мисы плутни знать*; но, кажется, лучше бы было употреблять ихъ шпионами, а сею должностію пользуются они только, чтобы грабить и притѣснять жителей. Неопрятность, о которой мы выше сказали, превосходить всякое описаніе; изъ больницъ, изъ боенъ, изъ прачешныхъ, изъ нужныхъ мѣстъ все выливается на улицу; всякій соръ, лоскутья, мертвыя животныя валяются по землѣ и никогда не убираются; нѣтъ фонарей, нѣтъ будокъ, нѣтъ заставъ; не только нѣтъ мостовой, но бугры и ямы на улицахъ не сравниваются, и нигдѣ почти по бокамъ не прорыты канавы для спуска воды. Но одно изъ величайшихъ неудобствъ для пѣшеходцевъ въ Кишиневѣ есть чрезвычайное умноженіе собакъ, которыя днемъ и ночью тысячами бѣгаютъ, воемъ своимъ оглашаютъ городъ и нападаютъ на всѣхъ проходящихъ. Молдаване зажиточные лѣняются и стыдятся ходить пѣшкомъ, а когда изъ народа кто-нибудь искусанъ, то сіе почитается невеликой бѣдой. Если давно здѣсь не было чумы, если всякое лѣто сотни людей не умираютъ отъ гидрофобіи и середь дня не бываетъ разбоевъ, въ грязныхъ ущелияхъ Кишинева, то все сіе должно приписать чуду.

По строительной части учреждена здѣсь особая комиссія, видно на смѣхъ: ибо Куриксъ въ ней предсѣдателемъ. Человѣка этого встрѣчаемъ вездѣ: въ Совѣтѣ, въ судѣ уголовномъ, въ библейскомъ обществѣ, въ строительной

коммисіи, но чаще всего въ острогѣ, куда увлекаетъ его любовь къ ближнимъ; тамъ почитаетъ онъ себя въ семьѣ родной. Кому пришла въ голову странная мысль поручить такому человѣку наблюденіе за устройствомъ и красотой возникающаго города? Какъ можно было ожидать образованнаго вкуса или малѣйшаго понятія о художествахъ отъ стараго крокотворца, которому, вѣроятно, неизвѣстны даже имена ихъ? Прямыхъ дорогъ онъ не терпитъ, и потому, при первомъ взглядѣ на новыя улицы Кишинева, весьма ощутительна склонность его къ кривизнамъ. Съ нимъ возсѣдаетъ другой злодѣй, какой-то Азмидовъ, соединяющій въ себѣ два званія, архитектора и землебра *) области. Никакихъ правилъ въ руководство себѣ они не поставили и даже неизвѣстно, какому они слѣдуютъ плану. Единственное правило ихъ—деньги; если кто вздумаетъ захватить часть улицы и поставить запачканную избу, тотъ дай деньги; если кто захочетъ построить каменный домъ, не выходя изъ линіи, тотъ дай деньги; еслибъ графъ Шереметевъ сошелъ съ ума, поселился въ Кишиневѣ, затѣялъ мраморныя палаты, и Росси нарисовалъ ему фасадъ, то безъ нѣсколькихъ тысячъ левовъ не получилъ бы позволенія строиться. Отъ сей подати увольняются только Жиды: имъ не нужно подавать просьбу въ коммисію и получать планъ, утвержденный подписомъ членовъ ея; они явятся только къ Курику, а онъ на лоскуткѣ бумаги напишетъ имъ позволеніе строиться какъ угодно, хоть поперекъ улицы; сію записку представляютъ они Азмидову, а сей воръ противъ старшаго не осмѣлится сдѣлать возраженій. Мы о томъ утвердительно сказать можемъ, ибо видѣли такія записки.

Одинъ случай ясно покажетъ, какъ поступаютъ здѣсь по строительной части. Двѣ развалившіяся почти и вросшія въ землю хатки стояли внѣ Кишинева, когда еще онъ былъ деревней, и никто не думалъ на владѣніе въ въ немъ домовъ получать документы. Послѣ того мало-по-малу строенія приблизились, и два домика очутились на площади и на землѣ, по плану отведенной какой-то вдовѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду она позволяла жить тутъ двумъ Жидовскимъ семействамъ, но наконецъ продала мѣсто свое каретнику Гофману, а сей послѣдній, желая построить на площади хорошій домъ, предложилъ Жидамъ перебраться, съ тѣмъ однакоже, что онъ щедро заплатитъ имъ за домики (имъ впрочемъ не принадлежатіе), за землю и за разстройство при переездѣ. Жиды поупрямились, всякое предложеніе отвергнули, и Курикъ самъ пріѣзжалъ страшать Гофмана; не убоясь его, рѣшился сей послѣдній прибѣгнуть къ законамъ и представилъ актъ свой на владѣніе въ цынутный судъ, въ которомъ и рѣшено дѣло въ его пользу. Курикъ не постыдился самъ пріѣхать въ судъ браниться съ судьей и до сихъ поръ, кажется, удерживаетъ исполненіе приговора.

Кишиневъ и теперь еще можетъ быть прекраснымъ городомъ и сдѣлаться со временемъ соперникомъ Одессы; но тогда необходимо отнять сію

*) Всѣ его строенія отличаются непрочностію, а о знааніи и вкусѣ уже и говорить нечего; всякій тринадцатилѣтній воспитанникъ Академіи Художествъ имѣетъ право осмѣять его.

часть у Курика и Азмидова; по мнѣнію нашему, это первѣйшее условіе, si ne qua pop: съ этими людьми не быть добру. Если призвать изъ Петербурга искусныхъ архитекторовъ, приступить (когда будутъ деньги) къ строенію казенныхъ зданій, составить новую комиссію, начертать строгія правила для партикулярныхъ строеній и наблюдать за выполненіемъ ихъ, запретить безобразные плетневые заборы*) и не позволять каменныхъ домовъ внутри двора безъ хорошей рѣшетки, избавить на нѣсколько лѣтъ строющихся вновь отъ непріятной обязанности постоя и тѣмъ пріохотить жителей къ строенію, обложить другіе дома приличной суммой для постройки казармъ и тѣмъ избавить отъ постоя весь городъ, однимъ словомъ искусно употреблять снисхождение и строгость: тогда ручаться можно, что нельзя будетъ узнать Кишинева, основателю его будетъ новая честь и слава, а намъ нестыдно будетъ глядѣть на Черновицъ, главный городъ Буковины Австрійской Молдавіи, который недавно заслужилъ честь быть мѣстомъ свиданія двухъ императоровъ. Кишиневъ сей чести еще заслужить бы не могъ.

О исправничествахъ.

Долго рылись мы съ отвращеніемъ въ навозѣ, лежащемъ на высотахъ Бессарабіи, но не спускались еще въ вертепы, называемые цынутные суды и исправничества. Первые вѣроятно мало разнятся отъ прочихъ судебныхъ мѣстъ; о неистовствахъ же исправниществъ кто не знаетъ? Ропотъ народный слишкомъ громокъ, чтобы не слышанъ сталъ всякому.

Въ Молдавіи исправники суть весьма важные люди; достоинствомъ они равняются съ Французскими супрефектами, но власть ихъ выше. Прежде устава образованія они здѣсь играли ту же роль и соединяли въ себѣ исполнительную и судебную власть, и потому донинѣ еще идутъ въ сію должность люди значительнѣйшихъ фамилій. Въ Молдавіи почитается дуракомъ тотъ исправникъ, который въ годъ не получитъ 100 т. левовъ, но сколько ужасныхъ несправедливостей, грабительствъ здѣшнимъ исправникамъ сдѣлать нужно, чтобы доказать умъ свой! Увидимъ какія средства они къ тому употребляютъ.

Первая, но не главнѣйшая вѣтвь исправническихъ доходовъ—Калараша. Въ прежнее время они составляли цѣлыя селенія, не платили податей, а только своекоштно исправляли службу верхомъ и находились при Диванѣ и исправничествахъ для развѣдковъ и посылокъ, по примѣру нашихъ казаковъ. Нынѣ же положенное ихъ число при исправникахъ содержится на счетъ обывателей и относится къ земскимъ повинностямъ. Выборъ и наемъ ихъ долженъ зависѣть отъ самихъ жителей, и каждый изъ Каларашей обходился бы имъ отъ двухъ до трехсотъ левовъ въ годъ; но сіе было бы слишкомъ невыгодно для исправниковъ, и потому не позволяютъ они входить въ это жителямъ, а

*) Оргѣвскій цынутъ, въ которомъ находится Кишиневъ, отмѣнно изобиленъ лѣсомъ, а владѣльцы домовъ спускаются сдѣлать деревянныхъ выкрашенныхъ заборовъ и огораживаютъ плетнемъ, на который накидываютъ хворостъ такой длины, что подлѣ заборовъ ходить нельзя.

сами избираютъ обыкновенно всякихъ бродягъ, наемныхъ слугъ своихъ и даже Цыганъ; на содержаніе каждаго изъ нихъ требуютъ они ежегодно отъ пятисотъ до тысячи левовъ и между тѣмъ половины ихъ не держатъ, а изъ сей половины едва ли треть употребляется на службу: всѣ прочіе у пріятелей ихъ или у нихъ самихъ въ услугахъ безъ платы. Сверхъ того, жители должны еще по произволу исправниковъ доставлять для содержанія Каларашей хлѣбъ, всякіе съѣстные припасы, а для лошадей овесъ и сѣно; лошадей же при Каларашахъ никогда не имѣется: они берутъ первую любую лошадь у крестьянина, садятся на нее, скачутъ для исполненія порученности, уморятъ или надорвутъ лошадь, въ первомъ селеніи ее бросаютъ и берутъ другую.

Великое также зло въ цынутахъ происходитъ отъ Околашей. Они родъ головъ или старостъ волостныхъ, имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько селеній и должны быть избираемы самими обывателями между осѣдлыхъ и почетнѣйшихъ поселянъ. Въмѣсто того, исправники предоставили себѣ право назначать въ сію должность людей по своему выбору, а выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на праздншатающихся, на самыхъ порочныхъ, на лакеевъ не находящихъ себѣ мѣстъ, на писарей за пьянство и воровство выгнанныхъ. Эти люди служатъ имъ агентами и прикащиками, не только не получаютъ никакого жалованья, но еще взносятъ исправникамъ значительныя суммы *) Околаши служатъ въ тоже время повѣренными откупщиковъ, и появленіе ихъ въ деревню почитается настоящимъ бѣдствіемъ. Когда отъ имени сихъ послѣднихъ пріѣзжаютъ они собирать подать съ овецъ, называемую гоштину, то входятъ во всѣ дома, роются вездѣ, осматриваютъ все, не найдется ли забытая и не объявленная хозяиномъ какая нибудь осмушка съ агненка: тогда онъ пропасть, дорого долженъ онъ будетъ заплатить за то. Нѣсколько времени живутъ они такимъ образомъ въ деревнѣ на счетъ жителей, никто въ это время не долженъ отлучаться, и наконецъ всякой, кому приходится заплатить подати десять или двадцать паръ долженъ по леву платить околашу за квитанцію. Сямъ бѣда не кончится, ибо еще пріѣзжаетъ другой повѣренный откупщика ревизовать квитанціи; таже церемонія соблюдается, и другой левъ ему платится. Двойныя посѣщенія сія, отнимающія драгоценное время у поселянъ, продолжаются во всю рабочую пору; весной когда овцы приносятъ плодъ собирается гоштина, десятина лѣтомъ когда пчелы оброются, погонарить когда созрѣетъ табакъ и наконецъ осенью задрарить по собраніи вина. Вообще всѣ сіи мелочныя подати, посредствомъ откупа собираемыя, сущее разореніе для бѣдныхъ крестьянъ; казнь прибыли мало, набогачаются исправники и откупщики, а сіи послѣдніе и не платятъ еще откупной суммы. Не лучше ли бы было уничтожить сіи налоги и замѣнить ихъ набавленіемъ на прямую подать биръ, которая безъ всякихъ притѣсненій доселѣ весьма исправно выплачивается?

Исчислить всѣ способы, находящіеся въ рукахъ исправниковъ для притѣсненія народа и обогащенія себя, нѣтъ возможности. Скажемъ только, что

*) Одинъ пріѣзжій, слыша безпрестанно слова: *Семирашъ*, *Околашъ*, *Каларашъ*, и получивъ истолгованіе оныхъ, замѣтилъ довольно забавно, что по мнѣнію его все это *Ералашъ*.

ни одного изъ сихъ средствъ не упускаютъ они, чтобы имъ не воспользоваться. На предписанія намѣстниковъ и указы правительства не обращали они никакого вниманія, иногда ихъ даже и не читали. Такое пренебреженіе къ власти происходитъ отъ безнаказанности, которою они пользуются, благодаря премудрому образованію, по правиламъ коего никакой дворянинъ въ области, даже преданный суду, отъ должности не удаляется, и потому всегда имѣютъ они способы заставить молчать людей на нихъ жаловавшихся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальники не смотрятъ на сію статью; но что за образованіе, если, не нарушая его, нельзя ничего сдѣлать справедливаго? Къ чему же оно годится?

Общія замѣчанія.

Никто еще изъ одного любопытства не пріѣзжалъ въ Бессарабію, хотя въ ней и представляется зрѣлище, единственное теперь въ мірѣ. Путешественники съ удовольствіемъ посѣщаютъ просвѣщенные государства, другія смѣлѣйшіе ѣздятъ за моря, чтобы видѣть народы дикіе и человѣческой родъ еще въ младенческомъ состояніи; но что можетъ быть любопытнѣе для наблюдательнаго ока, какъ рождающееся общество, въ которомъ видны остатки Восточныхъ обычаевъ и начало Европейской образованности? Сіе можно видѣть теперь въ Кишиневѣ и другихъ маленькихъ городахъ Бессарабіи, такъ точно какъ сіе было съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ въ нашемъ отечествѣ. Сходство между образомъ жизни богатѣйшихъ Молдаванъ и нашихъ предковъ, къ стыду нашему, разительное; и потому Кишиневъ еще болѣе заслуживаетъ вниманія Русскихъ. Названіе бояръ, длинная ихъ одежда, длинныя бороды, высокія шапки, богатые мѣха, коими они покрываются, ихъ невѣжество, грубость, все напоминаетъ древнихъ нашихъ царедворцевъ. Въ домашнемъ быту сходство сіе еще замѣтнѣе: недостатокъ въ самонужнѣйшихъ предметахъ для удобства и пріятности жизни, низкія комнаты, коихъ убранство состоитъ въ широкихъ лавкахъ покрытыхъ коврами; столы отягощенные множествомъ невкусныхъ блюдъ, многочисленная, оборванная и засаленая услуга, между стариками ревность *) и удаленіе женщинъ отъ всякаго участія въ обществѣ, великолѣпные наряды сихъ послѣднихъ, алмазы, жемчуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятность, все какъ было у насъ въ старину. Если бытъ въ судебномъ мѣстѣ, то легко счесть себя въ приказной избѣ; а дѣловыя бумаги, на Молдавскомъ языкѣ съ крючками и подъ титлами писанныя, похожи ни дать ни взять на древніе столбцы Московскаго Архива. Однимъ словомъ, все мысленно переноситъ насъ въ семнадцатое столѣтіе и даетъ болѣе чувствовать всю цѣну просвѣщенія.

Молодые люди обоюго пола принадлежатъ уже къ другому вѣку Россіи, котораго конецъ мы сами видѣли. По мнѣнію ихъ Французскій языкъ, которымъ они очень дурно говорятъ, танцы и нѣсколько пѣсенокъ, мазурокъ и

*) Шестидесятипятилѣтній Башогъ не позволяетъ пятидесятипятилѣтней женѣ своей говорить съ мужчинами.

вальсовъ на гитарѣ или фортепіано, составляютъ совершенство воспитанія. Въ сравненіи съ симъ за ничто почитаются умъ, познанія, честность, добродѣтель. Отъ такого образа мыслей родилась безнравственность, которую по крайней мѣрѣ у насъ никогда и не подозрѣвали. Распутство и жадность къ интересу молодыхъ женщинъ, невѣжество и вѣчная праздность молодыхъ людей, ихъ мерзкія интриги, ихъ подлыя ссоры и драки представляютъ пороки въ столь отвратительномъ видѣ, что онъ теряетъ всю силу примѣра. Весьма жаль, если сему ужасному поколѣнію достанется управлять Бессарабіей. Старики все еще лучше!

Тѣмъ, кои будутъ читать сію записку, странно покажется, если мы, упоминая въ ней часто о древнихъ и новыхъ дворянскихъ родахъ, объявимъ наконецъ, что никогда не было въ Молдавіи дворянъ. Признаемся чистосердечно, что мы были въ заблужденіи и чрезъ то выведемъ изъ него и другихъ. Намъ хотѣлось дознаться, какимъ образомъ приобрѣталось тамъ дворянское достоинство и какія сопряжены съ нимъ были привилегіи; вотъ что мы узнали. Въ Молдавіи, подобно какъ и въ Турціи, коей она подвластна, нѣтъ другихъ отличій кромѣ чиновъ и должностей, нѣтъ никакихъ наследственныхъ достоинствъ, и какъ сынъ верховнаго визиря, простой Турокъ, такъ и сынъ господаря, хотя во время жизни или царствованія отца своего и называется Бей Заде, то есть, княжескій сынъ, но послѣ поступаетъ въ число обыкновенныхъ Грековъ или Молдаванъ. Вообще же жители княжества раздѣляются на два состоянія, *Резеши* или владѣльцы земель, и *Царане*, обрабатывающіе чужія земли и своихъ не имѣющіе. Изъ первыхъ обыкновенно попадаютъ въ члены Дивана и другія должности, но первый бояринъ, равно какъ и послѣдній земледѣлецъ, платитъ бирь. Сыновья бояръ называются бояринашъ, такъ какъ въ Польшѣ сынъ генерала или полковника называется панъ генераловичъ или панъ полковниковичъ; уволенные же отъ должностей именуютъ себя мазылами, что значить на древнемъ языкѣ бывшіе, и сіе названіе *fuimus* сохраняютъ и потомки ихъ. Нѣкоторыя фамиліи не растратили, но еще умножили нажитое предками имѣніе, и въ теченіе вѣковъ члены ихъ занимали первыя мѣста въ княжествѣ; вотъ отъ чего считаютъ они себя знатными и не хотятъ съ другими равняться; другіе же, раздѣля помѣстье свое между дѣтьми, а сіи между внучатами и такъ далѣе, безконечныя подраздѣленія сіи довели потомковъ ихъ до состоянія простыхъ земледѣльцовъ, какъ мы выше сего о Резешахъ сказали.

Нѣсколько времени богатѣйшіе бояре или Резеши умѣли живущихъ на ихъ землѣ Царанъ, разными неправдами, поработить; но благодѣтельный князь Константинъ Моврокордато сіе рабство прекратилъ, состоянія по прежнему сравнялъ и чрезъ то спасъ имя свое отъ забвенія, которому преданы всѣ другіе господа. Съ чего же взялъ г. Криницкій, или лучше сказать сколько взялъ онъ съ получившихъ въ мелкомъ Молдавскомъ княжествѣ мелкіе чины, чтобы въ образованіи своемъ составить длинную табель о сословіяхъ и поставить ихъ выше тѣхъ людей, отъ коихъ отличаются они только безнравственностію и богатымъ одѣяніемъ? Не лучше ли бы было, если непременно дворяне нужны, дать пользоваться симъ званіемъ извѣстѣйшимъ фамиліямъ,

а впрочемъ и тѣмъ, кои въ Русской службѣ получили штабъ-офицерскіе чины, ихъ потомству и тѣмъ, кои впредъ таковыя получить могутъ; въ разсужденіи другихъ же сословіи, сдѣлать по примѣру Россіи, а Резешей приравнять къ однопорцамъ.

Теперь слѣдуетъ затруднительнѣйшій вопросъ: что такое Бессарабское дворянство, когда его не было въ Молдавіи? И кого признавать здѣсь дворяниномъ? Всѣхъ тѣхъ, которые тамъ или у насъ получили чины. Въ Молдавіи чины раздѣляются ровно на четырнадцать классовъ, такъ какъ у насъ; какъ же повестать ихъ съ нашими? Особливо когда были примѣры, что Вель-Догоетъ и Вестіаръ, состоящіе у нихъ въ первомъ классѣ, принимались къ намъ только дѣйствительными статскими совѣтниками, и послѣ того какъ считать здѣсь Шатраря, который въ 14-мъ классѣ и съ кѣмъ равняется сынъ Молдавскаго регистратора, когда сыновья не дослужившихъ даже въ военной службѣ выше капитанскаго чина почитаются у насъ оберъ-офицерскими дѣтьми, а не дворянами? Какъ все это непонятно и какія глупости въ этомъ образованіи! Тамъ сказано между прочимъ, что дворянскій сынъ, хотя бы и не служилъ прежде того, можетъ по достиженіи 22-хъ лѣтняго возраста быть избираемъ къ должности; но опять спросимъ: что такое Бессарабской дворянинъ? Вотъ что изъ того выходитъ: многіе молодые люди, прельстившись военной службой, изъявили желаніе въ нее вступить, подали просьбы, и отъ полковъ свидѣтельства имъ данныя посланы въ герольдію, которая, не понимая что такое Комисъ, Каминаръ или Пахарникъ, сыновей ихъ не могла признать дворянами, и они должны были поступить унтеръ-офицерами и прослуживать узаконенныя лѣта. Старики на такіе примѣры указываютъ дѣтямъ, а они должны согласиться, что гораздо выгоднѣе сидѣть дома, дожидаться выборовъ, получить мѣсто исправника или выше, понабѣить себѣ карманъ, да къ тому за ревностную и усердную службу получить чинъ, котораго бы они пятнадцать лѣтъ не дождались. Отъ того именно нѣтъ ни одного дома, въ которомъ бы не было пяти или шести взрослыхъ оловъ, ведущихъ самую глупую и бесполезную жизнь. Надобно непременно съ точностію опредѣлить, что даетъ Молдавану право на дворянское въ Россіи достоинство, закрыть отъ молодыхъ людей всякую дорогу къ повышенію, кромѣ военной и гражданской службы, и быть гораздо снисходительнѣе къ тѣмъ, которые пожелаютъ себя на оныя употребить.

Болѣе всего нужно опредѣлить обязанности поселянъ къ помѣщикамъ или, какъ приличнѣе сказать, работниковъ къ своимъ хозяевамъ: ибо здѣшніе помѣщики, будучи кромѣ состоянія во всемъ равны поселянамъ, не иначе какъ ихъ хозяевами считаются могутъ. Надъ проектомъ устава о Царанахъ работали два члена Совѣта Курикъ и Прункулъ; легко можно себѣ представить, какъ бѣдныя крестьяне были пожертвованы, хотя при первомъ взглядѣ и покажется инымъ, особливо Русскимъ помѣщикамъ, что обязанности сіи весьма не отяготительны. Надъ подобнымъ же проектомъ много трудился самъ бывшій намѣстникъ Инзовъ; трудъ его былъ напрасенъ; ибо огромная тетрадь, имъ написанная, ничего путнаго въ себѣ не заключаетъ и совѣтъ не соотвѣтствуетъ цѣли своей. Можетъ быть, благія намѣренія новаго намѣстника въ семъ случаѣ увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Мы мало говорили о сихъ жителяхъ низшаго здѣсь состоянія. Ихъ упрекають въ лѣности; но гдѣ тотъ человѣкъ, который бы даромъ и для другаго охотно работалъ? Къ тому же ихъ потребности весьма умѣренны, а теплота климата и плодородіе земли, извѣстно всѣмъ, располагають къ бездѣйствію. Они легковѣрны, какъ дѣти, и владѣльцы не одну силу, но и хитрость употребляютъ, чтобы болѣе и болѣе наложить на нихъ тяжелое ярмо. Глядя на тѣхъ и на другихъ, можно подумать, что видишь два разные народа, побѣдителей и побѣжденныхъ, простодушныхъ дикарей Америки и жестокосердыхъ завоевателей изъ Европейцевъ. Отчего же такая разница? Какъ въ Молдавіи не было ни войска, ни художествъ, ни наукъ, ни промышленности, и единственное средство къ обогащенію и возвышенію были разные подлости и угожденія страстямъ властителей: то всѣ порочные сими способами пользовались, дабы возвыситься, все лучшее осталось на днѣ. Положеніе сихъ людей становилось день ото дня нестерпимѣе, и хотя они самые покорные въ свѣтѣ и взбунтоваться бы не могли, но какъ терпѣніе имѣеть предѣлы, то нельзя исчислить бѣдствій, могущихъ произойти, если бы сіе положеніе еще продолжилось: еще годъ, и Бессарабія обратилась бы въ пустыню; двѣ трети ея жителей, не взирая на гоненія, претерпѣваемыя нынѣ христианами отъ Турокъ, готовы были перебѣжать за Прутъ и Дунай; тамъ нашли бы они другихъ мучителей, но, вѣрно, менѣе жестокихъ, чѣмъ здѣсь. Судьба къ нимъ смягчилась; счастливая перемѣна въ управленіи области, воспослѣдовавшая въ половинѣ сего года, въ сердцахъ ихъ воскресила надежду, которая ихъ, вѣрно, не обманеть.

Сколько есть еще предметовъ достойныхъ вниманія, которые описать бы намъ слѣдовало; напримѣръ, надлежало говорить о здѣшнемъ духовенствѣ, о благотворномъ вліяніи его на дѣла мірскія въ Молдавіи и о устраненіи его отъ оныхъ подъ Русскимъ правительствомъ, о способахъ учредить съ помощію его училища во всей области, которая въ этомъ терпитъ совершенный недостатокъ. Надобно бы упомянуть о преосвященномъ Димитріи, добродѣтельномъ архипастырѣ, котораго, къ сожалѣнію, мы только по слуху знаемъ; о архимандритѣ Иринеѣ, который весь жаръ пылкой души своей и цвѣтущихъ лѣтъ посвятилъ единственно добродѣтели, религіи и образованію юношества; о человѣколюбивомъ протоіерѣ Лончковскомъ, постоянномъ и неутомимомъ защитникѣ простолюдиновъ и утѣшитель ихъ въ горестяхъ. Особенно надлежало бы изобразить то, что всего лучше въ Бессарабіи: прекрасную ея природу; сказать, какъ плодоносная земля ея, бывъ, такъ сказать, поцаралана только, сторицею воздаеть за слабые труды земледѣльца; означить все, что она производитъ и что при лучшемъ управленіи она бы производила; показать, въ какомъ состояніи находятся хлѣбопашество, садоводство, скотоводство и прочее и до какой степени совершенства все сіе доведено быть можетъ; какъ бы легко было правительству при самонаибѣйшихъ попеченіяхъ предупредить несчастія, коимъ сей край бываетъ подверженъ въ неурожайные годы *).

*) По настоящему, здѣсь голоду никакъ быть не можетъ. Жители с'ють единственно для продажи пшеницу и арнаутку, но для собственного употребленія кукурузу или паушой. Мука,

но тогда надобно бы было сдѣлать статистику Бессарабской области. Мы не могли имѣть сего намѣренія, ибо не имѣли ни времени, ни достаточныхъ свѣдѣній, ни довольно способностей для столь обширнаго предпріятія.

Мы не умѣли даже выполнить обѣщаннаго: хотѣли сначала, описывая безпорядокъ, представить и средства къ истребленію его, причину болѣзни и способъ къ ея излѣченію, но вездѣ показали одно безплодное, хотя сильное и усердное желаніе видѣть конецъ бѣдствіямъ, печаливающимъ одну изъ прекраснѣйшихъ нашихъ провинцій.

По мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже въ Бессарабіи поселившихся и знающихъ весьма хорошо настоящее ея положеніе, прежде всего должно, разъ навсегда, устроить судьбу Резешей и Царанъ, а потомъ смѣло приступить къ преобразованію образованія. Народъ приметъ все съ благодарностію, ибо несчастные рады всякой перемѣнѣ; станутъ кричать сотни двѣ самозванцевъ-дворянъ, губителей народныхъ, но какъ можно слушать ихъ лай? Поднять палку—и всѣ замолчать. Сдѣлать преобразование также не весьма трудно: стоитъ только основаніемъ его взять наше учрежденіе о губерніяхъ, область назвать губерніей, а Цынуты уѣздами. Во всѣхъ частяхъ управленія употребляется Русскій языкъ и соблюдается Русскій порядокъ; остается только одна гражданская часть; введеніе въ нее Русскихъ законовъ со всѣмъ ихъ несовершенствомъ было бы благомъ для сей земли и въ тысячу разъ предпочтительнѣе тому сумбуру, который доселѣ царствовалъ. „Мудрые законодатели, говорятъ они, свѣтильники юриспруденціи, образованные въ чужестранныхъ университетахъ, съ Германскимъ хладнокровіемъ разсуждаютъ о благоразумныхъ и осторожныхъ мѣрахъ, кои правительству принять нужно къ постепенному улучшенію всѣхъ отраслей управленія и къ изданію, наконецъ, кодекса, приличнаго народному духу Молдаванъ. Все сіе, конечно, они со временемъ совершить могутъ. Когда мистикъ Стурдза составлялъ дипломатическія фразы, писалъ для графа Каподистріи краснорѣчивыя донесенія о благоденствіи, коимъ наслаждаются новые подданные Россіи, и чрезъ сіе обманывалъ Государя, министра, и, мы хотимъ думать, самого себя: тогда Бессарабія быстрыми шагами шла къ той безднѣ, на краю которой мы теперь ее видимъ. Итакъ время ли теперь дожидаться свободныхъ минутъ и счастливыхъ вдохновеній господина Брунова? (такъ говорятъ сіи старовѣры) Да и къ чему же напрягать всѣ силы ума своего, призывать въ помощь глубокія свои познанія, когда представляются самыя простыя и легкія средства? *А ларчикъ просто отпирился.* Но положимъ (все они же говорятъ), что г. Брунову удастся импровизировать уложеніе. Какая отъ того польза государству, и долго ли намъ будетъ въ каждомъ его углу видѣть особые законы? Теперь Бессарабія въ числѣ лоскутковъ, пришитыхъ къ Россіи на живую нитку; не лучше ли во сто разъ, чтобы она приросла къ ней, вошла въ общій составъ государства и раздѣляла отнынѣ участь прочихъ его жителей? Все къ тому готово: исповѣдуя одну съ нами вѣру, имѣя

вымалываемая изъ сего растенія можетъ безвредно сохраняться двадцать лѣтъ, а при хорошемъ урожаѣ, одно зерно производитъ шестьдесятъ. Но правительство и помѣщики безпечны, и жители умираютъ иногда отъ недостатка въ пищѣ.

произношеніе совершенно сходное съ нашимъ ¹⁾, имѣя въ языкѣ своемъ множество Славянскихъ словъ, ни одинъ народъ такъ скоро обрусѣть не можетъ какъ Молдаване“. Вотъ какъ сіи господа толкуютъ; мы не беремся опровергать ихъ сужденія, а предоставляемъ сіе людямъ, болѣе насъ свѣдущимъ.

На замѣчаніе, какъ трудно будетъ Молдавскимъ судьямъ разбирать дѣла, а судящимся оспаривать права свои на языкѣ, имъ незнакомомъ, они возражаютъ, что тѣмъ лучше и скорѣе Молдаване выучатся по-русски, а пока мѣсть можно съ опредѣленій гражданскаго и цынутныхъ судовъ выдавать тяжущимся переводы на Молдавскомъ языкѣ. Что же касается до затрудненія имѣть изъ Россіи достаточное число хорошихъ и способныхъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей для наполненія имъ мѣсть по области при семъ новомъ порядкѣ вещей, особливо, когда пугаетъ одно ея имя и ее считаютъ въ сосѣдствѣ съ Грузіей: то они полагаютъ, и мы тоже, что этой бѣдѣ помочь легко, лишь бы только отъѣзжающимъ сюда для службы поставлены были въ виду нѣкоторыя выгоды, коими доселѣ здѣсь не пользовались. Всякому, кто рѣшается ѣхать въ Сибирь или Грузію, съ условіемъ прослужить тамъ три года, дается при отъѣздѣ слѣдующій чинъ; хотя Бессарабія и не столько отдалена отъ обѣихъ столицъ и въ ней климатъ умѣренный и здоровый, но сосѣдство съ чумой и вообще невыгодные о ней слухи у многихъ отнимаютъ охоту тутъ поселиться и продолжать службу; да къ тому же люди много зависятъ отъ привычекъ, и Бессарабія менѣе Сибири намъ извѣстна, и такъ, удивительно ли, что и безъ полученія чина скорѣе согласятся туда ѣхать? Въ отвращеніе такового препятствія, кажется, нужно служащихъ здѣсь, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, освободить отъ непремѣнной обязанности выдержать экзаменъ для полученія чиновъ пятаго или осьмаго классовъ; сама справедливость того требуетъ: ибо высочайшій о томъ указъ состоялся въ 1809 году, а Бессарабія присоединена только въ 1812, и долго о семъ постановленіи здѣсь никто и не вѣдалъ. Если Государь окажетъ здѣшнему краю такую милость, то совершеннолѣтніе Молдаване, теперь праздные по неизмѣнно надежды къ повышенію, раздѣляющіе непростительную слабость нашихъ земляковъ и столь же чиновлюбивые, какъ и Русскіе, толпами бросятся служить и учиться нашимъ законамъ и языку; тогда и начальнику легко будетъ лучшаго любого чиновника вызвать сюда изъ Петербурга ²⁾).

Есть люди, которые опасаются всякой общей переменны въ Бессарабіи и находятъ свою пользу въ разстроенномъ ея теперешнемъ положеніи. Они утверждаютъ, что введеніе здѣсь совершенно Русскихъ обычаевъ и законовъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Если наше правительство имѣетъ тайное намѣреніе присоединить нѣкогда къ Россіи Молдавское и Валахское княжества, которыя столько разъ уже нашими войсками были заняты, то должно

¹⁾ Исключая Русской и Сербской, въ одной только Молдавской азбукѣ находятя литеры *ца, еръ, еры*, и произносятся точно такъ, какъ у насъ. Оттого-то Молдаване такъ скоро выучиваются по русски и такъ хорошо на семъ языкѣ выговариваютъ.

²⁾ Сама судьба хочетъ показать, что не бытъ здѣсь добру безъ Русскихъ: какъ нарочно, почти всѣ тѣ, которые здѣсь служатъ, Молдавановъ въ исполнительнои экспедиціи, Тягской въ казенно-экономической, Хотлевъ въ уголовномъ судѣ и многіе другіе отличаются честностію, прилежаніемъ и способностями; или, можетъ быть, они такъ кажутся подлѣ Молдаванъ.

опасаться, по мнѣнію ихъ, чтобы не были мы встрѣчены болѣе какъ непріятели, нежели какъ спасители. Напрасно! Когда до Молдаванъ Запрутскихъ дойдетъ слухъ о спокойствіи и безопасности, которыми пользоваться у насъ будутъ единоземцы ихъ, когда собственность будетъ здѣсь ограждаема законами, то Молдавія, можетъ быть, опустѣетъ; тысячи начнутъ перебѣгать къ намъ и станутъ населять обнаженные пустыни Буджака. Конечно, бояре еще болѣе насъ не полюбятъ и будутъ стараться вредить намъ, но что могутъ они сдѣлать? Въ искусствѣ нашихъ генераловъ, въ храбрости нашихъ солдатъ скорѣе найдемъ мы вѣрнѣйшій залогъ нашихъ будущихъ завоеваній, чѣмъ въ содѣйствіи малодушныхъ и безсильныхъ сосѣдовъ нашихъ, обезпеченныхъ и подавленныхъ Турецкимъ игомъ. Но нѣтъ, у насъ и не думаютъ о завоеваніяхъ; мы, видно, устали отъ побѣдъ! О, еслибъ, потерявъ навсегда прекрасный призракъ славы, и въ самыхъ бѣдствіяхъ великіе народы утѣшающій, могли мы сей дорогой цѣною купить внутреннее наше благосостояніе! Еслибъ оживились у насъ промышленность, торговля, науки и искусства, еслибъ апогѣи невѣжества лишились власти противиться успѣхамъ просвѣщенія, и смѣлыя мысли, безъ коихъ нельзя достигнуть ни до чего высокаго, перестали пугать нашихъ цензоровъ; еслибъ въ судахъ нашихъ вопарилося правосудіе, еслибъ въ отечествѣ нашемъ иностранцы не предпочитались бы во всемъ природнымъ жителямъ, и Русскимъ оружіемъ покоренные народы, за великодушіе своихъ побѣдителей, не осмѣливались болѣе платить имъ явною ненавистью и презрѣніемъ; еслибъ наши офицеры научились уважать гражданскую службу, перенесли бы въ судебныя мѣста благородство, неразлучно сопряженное съ званіемъ военнаго человѣка и тамъ сдѣлались бы столь же непричастны гнусному корыстолюбію, сколько на полѣ битвы были недоступны страху; еслибъ утвердилось наше древнее Православіе и сердечная, истинная набожность заступила мѣсто всѣхъ смѣшныхъ и отвратительныхъ бредней, намъ за святость выдаваемыхъ; еслибъ мы шли, хотя медленными шагами, но шлі къ освобожденію отъ рабства милліоновъ нашихъ соотечественниковъ, и они перестали бы содрогаться отъ ужасной мысли, что сегодня или завтра могутъ сдѣлаться собственностію не только какого-нибудь иностранца, но перваго Армянина или Жіда, довольно богатаго, чтобы купить ихъ свободу, напередъ купивъ себѣ чинъ; еслибъ, еслибъ все сіе исполнилось: тогда могли бы мы не пожалѣть о столь великой потерѣ, и возмужалый Русскій народъ, вступая въ другой возрастъ, нашелъ бы новые пути ко славѣ. Такъ точно молодой человѣкъ, пресыщенный наслажденіями любви, утомленный побѣдами надъ красотою, вступая въ зрѣлыя лѣта и соединяясь брачными узами, въ обязанностяхъ супружества и въ занятіяхъ хозяйственной жизни находитъ новое, неизвѣстное ему блаженство.

Да совершится же хотя часть нашихъ желаній! Да поможетъ Богъ Государю нашему въ благодѣтельныхъ его намѣреніяхъ и да внушитъ ему лучшія средства къ ихъ исполненію! Да возвратятся къ намъ первоначальные прекрасные годы его царствованія, сіе незабвенное время, когда вся земля Русская исполнена была благополучія, веселія, надеждъ! Да сердце его, сокровище Россіи, воспламенится новою любовію къ вѣрному народу, иногда недовольному, но никогда любить его не перестававшему! Да здравствуетъ онъ, хотя бы!